

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

А Г Р А Р Н А Я
И
СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ
❧ Р У С И ❧
XV-XVI вв.

ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ
УЕЗД

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 6

Ответственный редактор

И. И. Смирнов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящей работы — исследование исторических судеб двух основных социальных ячеек средневековой Руси: крестьянской общины — волости и феодальной вотчины.

Одно из положений марксистской исторической науки заключается в том, что феодальные общественные отношения растут на базе дофеодальных в процессе разложения последних. Таким образом, процесс феодализации (становления феодального общества) заключается в себе два ряда тесно связанных и взаимно обусловленных явлений: разложение общины — основной ячейки дофеодального общества, этой, по выражению Маркса, «необходимой фазы развития свободных народов»,¹ и развитие антипода этой общины — феодальной вотчины.

Как показывают исследования советских медиевистов, процесс вытеснения общины вотчиной составляет содержание целого исторического периода, который можно назвать периодом раннего феодализма. Для этого периода характерны свои категории и закономерности, позволяющие отличать период раннего феодализма как от генезиса феодальных отношений, так и от периода развитого феодализма.

Важнейшая из этих закономерностей определяется самим фактом одновременного существования двух принципиально разных социальных организмов — еще сохраняющейся свободной крестьянской общины и уже сложившейся феодальной вотчины.² Если волость является материальным выражением дофеодального общества и его традиций (и важнейшей из них — крестьянской «свободы»), то феодальная вотчина воплощает новые феодальные порядки — в первую очередь крестьянскую зависимость. Борьба между общиной и вотчиной (или, что то же самое, между свободным крестьянином и феодалом) за землю, людей и права — основное содержание аграрной и социальной истории раннего феодализма и главное направление классовой борьбы в этот период. В ходе этой борьбы завершается складывание обоих основных антагонистических классов феодального общества: класса феодалов

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 482.

² А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964, стр. 27.

лов-землевладельцев и класса зависимых от них крестьян. Окончательное торжество феодальных отношений в масштабах всей страны или ее основной части означает конец процесса феодализации и знаменует наступление периода развитого феодализма.

Проблемы периода генезиса феодализма — периода зарождения вотчины — основной ячейки феодального общества — изучены в советской исторической литературе в трудах Б. Д. Грекова и С. В. Юшкова. В этот период, закончившийся приблизительно к XII в., «огромная масса сельского населения... еще продолжает жить свободно под защитой своих общин».³ Появление вотчины привело к разделению общинников на три слоя: 1) свободных крестьян, еще не попавших под власть феодала, 2) крестьян, оказавшихся вместе со своей землей в составе феодальной вотчины, и 3) людей, оторванных от общины и оказавшихся на земле феодала в качестве зависимой (точнее — несвободной) рабочей силы.⁴

Исследование общины и вотчины в XII—XIII вв. проделал И. И. Смирнов, который пришел к выводу, что основным моментом в социальной истории Руси этого времени «являлся процесс роста феодальной земельной собственности за счет экспроприации феодалами общинных крестьянских земель. Обратной стороной этого процесса является рост феодально зависимого населения путем дальнейшего вовлечения в сферу феодальной эксплуатации свободного населения, свободных общинников — смердов».⁵ Крестьянская свободная община сохраняет значение одного из основных социальных институтов — она противостоит вотчине, хотя и отступает под ее натиском.

Внимание И. И. Смирнова привлекали судьбы общины и в следующий период (XIV—XV вв.). Именно этому периоду он посвятил свою последнюю монографию, оставшуюся незаконченной. По его мнению, крестьянская община сохраняется и в этот период в виде черной волости — наследницы верви Русской Правды. При этом материальной основой крестьянской свободы является общинная земельная собственность, противостоящая феодальной (вотчинной).⁶

Противоположную точку зрения на природу черной волости (а следовательно, и на ее роль в историческом процессе) высказал в последнее время Л. В. Черепнин. Согласно его концепции, черные земли — разновидность феодальной собственности: их собственник — великий князь, представляющий феодальное государ-

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I. М., 1952, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 110.

⁵ И. И. Смирнов. Очерки социально-экономической истории Руси XII—XIII вв. М., 1963, стр. 23.

⁶ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 2, стр. 151. — Такого же мнения и Г. Е. Кочин (Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. М.—Л., 1965, стр. 370 и сл.).

ство в целом; эти земли находятся в пользовании у их жителей — крестьян.⁷ Другая разновидность феодального землевладения — боярские и монастырские вотчины. Они растут за счет черных крестьянских земель, но, согласно концепции Л. В. Черепнина, при этом происходит, по сути дела, только переход феодальных земель из одной разновидности в другую.⁸ Слабое место этой концепции — отказ от изучения самого процесса превращения черных земель в феодальную собственность.

Одна из главных причин недостаточной разработки вопроса о судьбах свободного крестьянства в XIV—XVI вв. заключается, как мне кажется, в особенностях источников этого времени. Если социальная и аграрная история Руси XI—XIII вв. изучается в основном по Русской Правде — важнейшему памятнику права, сохранившему в своем тексте прямые указания на существование верви как одного из основных общественных организмов, то в распоряжении исследователя XIV—XVI вв. имеется довольно богатый документальный материал, насчитывающий многие тысячи актов, но отложившийся главным образом в архивах нескольких крупнейших феодалов (монастырей), а потому весьма не адекватно отражающий реальную историческую действительность. Введение в научный оборот этой массы актового материала, начатое С. А. Шумаковым и С. Б. Веселовским и успешно продолжаемое в наши дни И. А. Голубцовым, Л. В. Черепниным и другими, открывает перед исторической наукой новые возможности конкретного исследования основных процессов социальной и аграрной истории XV—XVI вв.

В то же время особенности актового материала, весьма неравномерно распределенного в хронологическом, географическом и социальном отношениях, заставляют поставить вопрос о необходимости изучения комплекса источников по отдельным исторически сложившимся районам. Примером такого изучения является монография А. И. Копанева.⁹ Тщательное исследование источников, связанных с одним из окраинных северных уездов, дало возможность сделать ряд интересных наблюдений и выводов. Важней-

⁷ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, стр. 182—183. — Позицию Л. В. Черепнина в отношении черной воласти разделяет и А. Д. Горский (А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960, стр. 113—161). В своих более ранних работах Л. В. Черепнин ставит вопрос о черных землях иначе. Это крестьянская общинная земля, жители которой ведут борьбу против попыток феодалов (бояр и монастырей) захватить их земли и обратить их самих в феодально зависимое население (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы, ч. II. М., 1951, стр. 232—235, 239—242). См. также комментарий Л. В. Черепнина к первому тому АСВР (стр. 639, 641 и др.).

⁸ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 183.

⁹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М., 1951.

шим мне представляется вывод о крупной роли черного волостного землевладения в аграрной истории XV в. А. И. Копаневу удалось в значительной мере проследить процесс превращения княжества — удела потомков белозерских князей — в обыкновенную крупную вотчину, т. е. чрезвычайно важный для генезиса феодальных отношений процесс превращения государственной территории в частную собственность князя, дробящуюся в руках наследников и постепенно поглощаемую другими феодалами, в первую очередь крупнейшим из них — Кирилловым монастырем. Интересны наблюдения А. И. Копанева и над боярской вотчиной в XVI в.: ему удалось проследить историю постепенного вытеснения старого удельнокняжеского боярства новыми землевладельцами, связанными с централизованным государством. Он отметил также наличие мелкой вотчины на Белоозере (мелкие вотчинники — слуги местных удельных князей).

Оценивая итоги исследования А. И. Копанева, необходимо отметить, что уезд, избранный им для наблюдений, — это территория бывшего удельного княжества, окончательно вошедшего в состав Московского государства только в последние десятилетия XV в. Политическая история Белозерского удела не могла не наложить свой отпечаток и на историю социальных отношений в нем, и, в частности, на историю землевладения и землевладельцев.

Как же развивалась аграрная и социальная история XV и XVI вв. в других условиях — на территории, составлявшей основное ядро складывающегося централизованного государства? Попытка ответа на этот вопрос составляет задачу настоящего исследования. Выбор Переяславского уезда обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, небольшая территория уезда освещена актовым материалом сравнительно хорошо — значительно лучше, чем большинство других уездов Северо-Восточной Руси. Во-вторых, Переяславский уезд не входил в состав удельных княжений, т. е. история феодальной вотчины и черной волости развивалась в нем в несколько других условиях, чем, например, на Белоозере.

Предлагаемая работа состоит из двух частей. Первая из них, охватывающая период приблизительно до середины XVI в., представляет собой попытку изучить анатомию среднерусского уезда: установить основные социальные категории в их взаимосвязях. Задача второй — проследить те же категории в период политического и социального кризиса последних десятилетий XVI в.

Приношу искреннюю благодарность всем товарищам, в тесном общении с которыми рождалась эта книга. С теплотой и благодарностью я вспоминаю ныне покойных Н. В. Устюгова и В. Г. Геймана, моих строгих критиков и верных друзей. Наконец, сама книга посвящена светлой памяти моего учителя, под руководством которого она и была написана.

ВВЕДЕНИЕ

Переяславский уезд в XV в. имел площадь около 8000 км² и занимал в основном территорию бывшего Переяславского княжества, вошедшего в состав земель московского княжеского дома в начале XIV в.¹ Это слабо всхолмленная равнина, служащая водоразделом между бассейнами Клязьмы и Верхней Волги. В XV—XVI вв. она делилась на ряд станов и волостей (как административных единиц).²

Юридически Переяславль рассматривался как часть великого княжения, и обладание им формально было связано с великокняжеским столом. Такая точка зрения на Переяславль выражена в духовных грамотах Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича.³

Исторической особенностью Переяславского уезда является отсутствие на его территории феодальных княжений — уделов. В период вхождения уезда в состав великого княжения Московского отдельные волости передавались иногда в состав Дмитровского удела, выделяемого обычно второму сыну великого князя (Серебож, Бускутово, Рождествено). На территории уезда располагалась также прижитненый удел вдовствующей великой княгини.

Духовные грамоты великих князей Дмитрия Донского, Василия Дмитриевича и Василия Васильевича в общей форме опреде-

¹ В сборе и изучении материалов, связанных с историей Переяславского уезда, большую роль сыграл М. И. Смирнов, перу которого принадлежит также ряд исследований историко-краеведческого характера.

² Значительную трудность представляет неустойчивость терминологии, например, Кинельский, Кистемский и некоторые другие станы в более ранних документах называются также волостями. Однако большинство волостей никогда не называется станами. Вообще, по-видимому, в XV—XVI вв. стан состоял в некоторых случаях из нескольких волостей, в других — не делился на волости. К числу таких станов относится Верхдубенский, в котором не удалось обнаружить черного крестьянского землевладения. Не указывает ли существование волости как административной единицы в XV—XVI вв. на наличие черных земель в ее составе? В то же время следует отметить, что отдельные волости сами делились на станы (Юлка).

³ ДДГ, №№ 12, 20, 21, 22.

ляют объем прав вдовствующих великих княгинь на назначаемые им уделы. Эти права сводятся в основном к двум положениям: 1) в своем уделе великая княгиня имеет полное право управления, суда и дани, т. е. осуществляет функции государственной власти без вмешательства каких-либо представителей великокняжеской администрации; 2) после смерти великой княгини удел возвращается в великое княжение, т. е. великая княгиня не имеет права распоряжаться своим уделом.⁴ Удел великой княгини в XV в., таким образом, — это обособленная часть государственной территории, находящаяся под ее пожизненным управлением. Памятниками этого управления являются жалованные грамоты великих княгинь, сохранившиеся в монастырских архивах, и по содержанию и формуляру аналогичные грамотам великих князей.⁵

Что же представлял собой княгинин удел? Обширная волость Юлка, делившаяся в начале XVI в. на два стана — Большой и Бортный, была расположена в северо-западной части уезда и отделила его от уездов Дмитровского и Кашинского. В 1389—1407 гг. волость входила в удел в. кн. Евдокии Дмитриевны (вдовы Дмитрия Донского), в 1425—1453 гг. — в удел в. кн. Софьи Витовтовны, в 1462—1472 гг. — в Дмитровский удел кн. Юрия Васильевича, в 1504—1533 гг. — в Дмитровский удел кн. Юрия Ивановича.⁶ Согласно развезжей грамоте 1504 г., та часть Юлки, которая непосредственно примыкает к Переяславскому уезду, представляет собой лесистый район с многочисленными деревнями крестьян и бортников.⁷ Примерно такой же характер имела Маринина Слобода, расположенная в южной части уезда в бассейне рек Киржача и Шерны. Она дана была в удел в. кн. Софье Витовтовне в первые годы княжения ее сына (между 1425—1438 гг.).⁸ После смерти Софьи Витовтовны в 1453 г. Слобода перешла под управление в. кн. Марьи Ярославны;⁹ духовная в. кн. Василия Васильевича фиксирует это положение и причисляет к Слободе два стана — Артемьевский и Бортный.¹⁰ С конца 70—начала 80-х годов Слобода перешла в состав основной территории великого княжения.

В этих же волостях существовали и настоящие феодальные вотчины. Несколько деревень в Юлке составляли часть вотчин крупных феодалов Замытских и Заболотских; в Марининой Слободе к числу таких владений относятся села и деревни монастырей Троицкого Махрищского, Успенского Стромьинского, Благовещен-

⁴ Там же, №№ 12, 20, 21, 22, 61.

⁵ АСВР, I, №№ 132, 133, 246, 247 и др.

⁶ ДДГ, №№ 12, 22, 61, 89.

⁷ Там же, № 94.

⁸ АСВР, I, № 132 (1438 г., октябрь; ссылка на пожалования Василия Васильевича).

⁹ Там же, №№ 246 (1453 г., октябрь), 247.

¹⁰ ДДГ, № 616.

ского Киржачского, а также вотчины светских феодалов, например, Тутолминых на Киржаче и Конковых на Шерне.¹¹

Подобным уделом было и Бармазово — волость, расположенная в северо-восточной части уезда, за Переяславским озером. Бармазово было назначено в удел в. кн. Марье Ярославне по духовной грамоте в. кн. Василия Васильевича.¹² В конце 70—начале 80-х годов волость перешла к великому князю. Документы, связанные с Бармазовым, рисуют волость, в общих чертах похожую на Юлку и Маринину Слободу: здесь также упоминаются бортники, волостная организация, мелкое землевладение крестьян.¹³ Ни эти, ни более поздние акты не сохранили каких-либо следов дворцового землевладения на Бармазове.

Таким образом, удел великой княгини — это волость с преимущественно черным крестьянским землевладением; и крестьянское население удела, и находящиеся здесь же отдельные феодальные вотчины подчиняются ее юрисдикции.

От удела, как части государственной территории, принципиально отличается феодальная собственность великих княгинь. Об этой категории владений духовные грамоты великих князей обычно говорят: «А в прикупях и примыслах вольна — кому всхоchet дати, ино тому и дать».¹⁴

На территории уезда к числу «примыслов» в. кн. Софьи Витовновны относятся ее кинельские села: Чечевкино, Слотино «и инии». В своей духовной в. кн. Софья пишет: «А к святей и живоначалной Троице в Сергиев монастырь даю села Кинельские, Чечевкино да Слотино, и инии все свои села Кинельские, оприсно тех всех пустошей, что был к тем моим селом дал волостный пустоши сын мой, великий князь, в те ся пустоши игумен с братьею не вступают, да оприсно и суда, суд княжеский».¹⁵ Следовательно, «села Кинельские», в частности Чечевкино и Слотино, отличаются от «пустошей волостных», хотя при жизни великой княгини в состав ее владений входили и те и другие. Отличие это заключается в том, что только села являются феодальной собственностью владелицы и объектом ее бесконтрольного распоряжения, в то время как «пустоши волостный» завещаны ею быть не могут. Распоряжение этими пустошами — монополия государственной власти в лице великого князя. Чечевкино и Слотино же представляли собой настоящую феодальную вотчину, хозяйство в которой велось силами закабаленных крестьян (серебреники) и несвободных людей (страдники).

В. кн. Марья Ярославна в третьей четверти XV в. также владела в уезде своими куплями, из которых известны села Микит-

¹¹ АСВР, I, №№ 385, 456 и др.; ОГКЭ, IV, №№ 825, 1243 и др.

¹² ДДГ, № 616.

¹³ АСВР, I, №№ 106, 641, 642 и др.

¹⁴ ДДГ, №№ 12, 22, 61.

¹⁵ Там же, № 57.

ское и Лосево с деревнями, данные ею в 70-х годах сыну — кн. Андрею Углицкому.¹⁶ На территории Марининой Слободы ей же, по-видимому, принадлежало село Озерецкое-Сколепово.

Таким образом, собственные села княгинь, их «примыслы» и «прикупы», существенно отличались как в юридическом, так и в социально-экономическом отношениях от назначаемых им пожизненных уделов.

Своеобразную роль на территории Переяславского уезда играло землевладение митрополичьего дома. В состав земель кафедры входили Романовская волость на Киржаче, село Каринское на Печкуре с тянущими к нему деревнями, а также земли митрополичьих монастырей.

Акты митрополичьего дома второй половины XV в. и начала XVI в. свидетельствуют о том, что митрополичьи владения были во многих чертах близки по своему положению к обособленному от великого княжения уделу. По-видимому, в начале XV в., при митрополите Киприане, земли кафедры были уделом в полном смысле слова, государством в государстве, со своими, полностью независимыми от великого князя органами управления.¹⁷ Митрополит, как князь, дает жалованные грамоты своим вассалам,¹⁸ в Романовскую волость он назначает своего волостеля,¹⁹ село Каринское управляется его посельским.²⁰

Во второй половине XV в. митрополичья «волость» в Переяславском уезде постепенно теряет свою прежнюю полную обособленность; великокняжеская власть все больше вмешивается в дела митрополичьих земель, выступая, в частности, арбитром в спорах митрополичьих людей с великокняжескими.²¹ Жалованная грамота великого князя митрополиту Симону (1504 г.)²² завершает этот процесс, приравнивая владения кафедры к обыкновенной феодальной вотчине, пользующейся хоть и широким, но ограниченным иммунитетом, и подчиняющейся в важнейших вопросах власти великокняжеской администрации.

Однако в XV в. митрополичьи владения сохраняли еще некоторые черты независимого удела. Важнейшей из этих черт является структура землевладения. На территории митрополичьего удела можно проследить те же основные категории, что и в удельном княжестве. Это, во-первых, крестьянская волость, т. е. земли, не входящие в хозяйственный комплекс феодального владения, но подчи-

¹⁶ Там же, №№ 70, 72, 82.

¹⁷ Ср.: уставную грамоту в. кн. Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (АСВР, III, № 6) и жалованную грамоту на слободу Караш-Свято-славль в Ростовском уезде (АФЗХ, I, № 1).

¹⁸ АФЗХ, I, №№ 133, 135, 136, 137, 138.

¹⁹ Там же, № 130.

²⁰ Там же, № 117.

²¹ Там же; ср.: № 1.

²² Там же, № 134.

няющиеся «государю» в судебно-административном и податном отношениях (Романовская волость). Во-вторых, это дворцовый домен митрополитов — село, управляемое монастырским посельским и представляющее собой, по-видимому, собственное крупное митрополичье хозяйство (село Каринское). В-третьих, наконец, это феодальная собственность митрополичьих вассалов — духовных (монастырей) и светских (бояр и служилых людей митрополичьего дома).

Входя в состав неотчуждаемых владений митрополичьего дома и так же неотчуждаемых пожизненных владений великих княгинь, уделы на территории уезда имели важную особенность — они не дробились, переходя в другие руки. В этом — характерная черта развития феодального землевладения в Переяславском уезде. В отличие, например, от Белоозера здесь не мог образоваться слой землевладельцев-княжат, в руках которых прежняя государственная территория, дробясь, превращается в обычную феодальную вотчину. Развитие феодального землевладения в Переяславском уезде идет другими путями.

Уже во второй половине XII в. Переяславль — один из крупных городов Ополя; в нем известны собор, монастыри; в XIII в. Переяславль — столица одного из сильнейших уделов Северо-Восточной Руси, город в. кн. Ярослава Всеволодовича и его старших сыновей и внуков. Есть основания думать, что уже в это время на Переяславщине появилось и развивалось крупное феодальное землевладение князей, бояр и монастырей: для этого были налицо все условия. Однако конкретные сведения о феодальном землевладении в Переяславском уезде до XIV в. почти отсутствуют. В XIV в. бывшие дворцовые подклетные села переяславских князей оказались, вероятно, в руках новых государей Переяславля, как это обычно бывало при переходе княжеств к новым владельцам. К числу таких сел, расположенных вблизи самого города, относится, возможно, село Городищи, известное в середине XV в. как великокняжеское село.²³

Фонд дворцовых земель в Переяславле в XIV в. пополнялся куплями московских князей. Так, Иван Калита в своей духовной грамоте (второй) сообщает о покупке трех переяславских сел, из которых одно — на Киржаче.²⁴ Семен Гордый купил в Переяславле по крайней мере два села — Самарское и Романовское на Киржаче; его брат Иван Иванович владел селом Павловским, доставшимся ему неизвестным путем (скорее всего покупкой).²⁵ Следует отметить, что наши сведения о куплях Калитичей в Переяславском уезде, добытые из случайных упоминаний в духовных грамотах, вероятно, далеко не полные.

²³ АСВР, I, № 201; ДДГ, № 61.

²⁴ ДДГ, № 16.

²⁵ Там же, № 4.

В XIV в. на территории уезда существовало крупное землевладение монастырей. Иван Калита «прикупил сельце на Киржачи» именно у «Прокофья игумена».²⁶ Три купленных им села — на Киржаче, Шараповское и Леонтьевское — он дал «святому Олександру себе в поминанье». Под святым Олександром следует, по-видимому, понимать Александров монастырь, находившийся под самым Переяславлем на Александровой горе.²⁷ Тому же монастырю сын Калиты кн. Иван Иванович дал свое село Павловское.²⁸ Этот вклад был подтвержден Дмитрием Донским.²⁹ Судя по более позднему документу, во времена Дмитрия Донского митрополитский Борисоглебский монастырь получило от великого князя жалованную грамоту на свои села Милятино, Добрилово и Никитское.³⁰ Есть предположения, что Горицкий монастырь в середине XIV в. владел землями и имел жалованную грамоту на две пустоши от в. кн. Ивана Ивановича.³¹ Судя по описи монастырского архива, сгоревшего в 1722 г., тот же монастырь получил от Дмитрия Донского жалованную грамоту на свое село Славитино.³² В конце XIV—начале XV в. у этого монастыря были «разные вотчины», на которые им была получена жалованная грамота в. кн. Василия Дмитриевича.³³ На территории уезда с конца XIV в. были расположены и владения некоторых московских монастырей; так, митрополит Алексей завещал основанному им Чудову монастырю село Филипповское на р. Шерне.³⁴

Сведения о боярском землевладении в уезде в XIV в. еще более скудны. Тем не менее можно утверждать, что в это время крупное светское землевладение было довольно значительным.³⁵ Так, у границы с Радонежем в конце XIV в. существовали крупные вотчины Я. Воронина, Я. Зубачева, И. Шарапова; на Молокче — вотчина Петелиных и т. д.

Итак, к началу рассматриваемого периода феодальное землевладение в Переяславском уезде было уже сильно развито; в разных частях уезда существовали княжеские, монастырские и боярские вотчины.

²⁶ Там же, № 16.

²⁷ М. И. Смирнов. Александрова Гора. «Доклады Переяславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб)», вып. VI. Переяславль-Залесский, 1919, стр. 11; В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. III. СПб., 1897, № 1366.

²⁸ ДДГ, № 4.

²⁹ Там же, № 8.

³⁰ АФЭХ, I, № 123.

³¹ Акты, № 1.

³² Там же, № 3.

³³ Там же, № 4.

³⁴ АСВР, III, № 28.

³⁵ Там же, I, №№ 117, 235 (ссылки на пожалования великих князей в XIV в.).

Часть I

Глава I

ЧЕРНАЯ ВОЛОСТЬ

Одним из важнейших документов, отражающих состав землевладения в Переяславском уезде на рубеже XV и XVI вв., является разъезжая грамота М. В. Тучкова и дьяка В. Нефимонова, разъехавших в 1504 г. по слову великого князя земли Переяславского уезда от соседнего Дмитровско-Кашинского удела кн. Юрия Ивановича.¹ Линия разъезда выглядит так:

Левая сторона (Дмитровско-Кашинская)

I. От Радонежского рубежа до р. Дубны и по Дубне

1. Троицкого Сергиева монастыря село Бебяково Инобожской волости. Села и деревни Инобожской волости и Повельского стану.

Села, деревни, починки и лес Пригарины слободки и Гостунской волости.

2—7. Деревни Гостунской волости: деревни Паруново, Малахово, Перемьерского монастыря сельцо Ковырково, деревни Логиново, Кадуркино, Пахомцево.

8—20. Деревни Юлоцкие и бортников Юлоцких Комлево, Плоское Раменье, Лобырево и др. (всего 13 названий).

Болота и перевесья Юлоцкие и бортников Юлоцких.

Правая сторона (Переяславская)

1. Дер. Сарычкино Мишутинского стану.

Села и деревни Мишутина стану и Серебожской и Бускутовской волостей.

Села, деревни, починки и лес Серебожской волости и Красносельских починков.

2—5. Деревни Псковитинова Раменья Закубежской волости: дер. Михайлевка, починок Марков, дер. Федка Рудомойна, дер. Сенки Ярцевского.

6—19. Деревни Псковитинова Раменья Закубежской волости: дер. Zubovo, починок Софоновский, дер. Сысоево и др. (всего 14 названий).

Болота и перевесья Закубежской волости и Атебальские.

II. От р. Дубны до р. Нерли

21—22. Константина Малечкина село Константиновское, дер. Муравкино.

20—21. Алексея Заболотского деревни Берково и Остров (до земли И. Заболотского).

¹ ДДГ, № 94.

23. Юлоцкая дер. Мошино.
- 24—28. Деревни Юлоцкие и бортников Юлоцких Самково, Бортниково и Скоморохово. Монастырек-церковь Воскресенье Христово на Дубровицах. Дер. Зыкапашино.
- 29—30. Деревни Юлоцкие Дмитрово и Кунино.
- 31—35. Деревни Юлоцкие и бортников Юлоцких (всего 5 названий).
- 36—38. И. и Г. Петровых детей Черленого Заболотского село Новое и деревни Ильково и Лаптево.
39. С. Ф. Заболотского Гордеев починок.
- 40—43. Юлоцкие деревни Быково, Келарев починок, Зайцево Большое, Зайцево Меньшее.
44. Починок Плоский Юлоцкой волости.
45. Русина Иванова сына Вешнякова Айгустова дер. Кукаркино.
22. Дер. Псковитинова Раменья Глебково.
- 23—27. Деревни Пневницкого стану Заднее, Залужица и др. (всего 5 названий).
- 28—30. Елкиных детей Бунакова сельцо Михайловское и деревни Данилаково и Жилино.
31. Пневницкого стану дер. Юрново.
32. Елкиных детей Бунакова дер. Строево.
- 33—35. Пневницкого стану деревни Чешково, Радимцево, Гачево.
36. Дер. Слободище, что за Ивашком Ивашковым сыном Булгаковым Елсуфьева.
37. Дер. Колепова Белоглазовская, что за кн. Ю. Елецким.
- 38—39. Пневницкого ж стану деревни Микулкина Григорьева, Дятлово.
40. Пречистого монастыря на Кубри дер. Тупиковский починок.
- 41—43. Деревни Пневницкого стану Буяково, Панцово и Зайцево.
- 44—46. Деревни Замытского стану Губино, Хлепестово, Радково.

III. От р. Нерли до Ростовского рубежа

- 46—48. Деревни Юлоцкие (три деревни).
49. Дер. Опалево Юлоцкая.
50. Дер. Лихарева Юлоцкая.
51. Дер. Нежданцево Бортного стану.
52. Дер. Васильево Большого стану. Лес Жидимерский Юлоцкий.
- 53—56. Юлоцкой волости Большого стану деревни Кузнецово, Кудрино, Желудево, Шалдово.
- 57—60. В. Шумихи Замытского деревни Басенково, Козяево, Лязговка, Иваново.
- 61—67. Деревни Юлоцкие Бортного стану бобровые: Загорье, Паршино, Пирогово и др. (всего 7). Луги и лес Юлоцкие и бортников Юлоцких.
68. Лес села Старобислова боярина Никифорова сына Басенкова Юлоцкой волости. Лес Кашинского уезда, волости Жабны.
47. Сытника И. Житкова дер. Дедерево.
- 48—53. Андрея Замытского село Елпатьевское и деревни Деревяница, Бабкино, Бешенково, Понурово, Нантанкино.
- 54—56. Замытского стану деревни Маншино, Трестино, Старое.
- 57—58. А. Замытского деревни Твердилово и Марково.
- 59—61. Замытского стану деревни Секирка, Волино, Павлеево.
- 62—63. В. Т. Шумихи Замытского сельцо Рождественское и дер. Омелянково.
- 64—66. Замытского стану деревни Заболотейцо тяглая, Скородайка, Бабкино.
67. И. В. Ляцкого сельцо Никольское.
- 68—76. Волнинской волости деревни Высокуша, починок Вепрек и др. «Луги и лес Волнинские волости и Кистемские, княж Александровы княж Даниловы сына Пенкова».
77. Лес Горькой слободки.
78. Лес села Заозерейца и деревень князей П. и В. Охлябининных.

Разъездчики великого князя составили, таким образом, список земель в длинной пограничной полосе по обе стороны от линии разъезда — в станах и волостях Переяславского, Дмитровского и Кашинского уездов.

Земли на территории стана (волости) разъезжая определяет разными терминами. Так, например, перечисляя земли, входящие в состав Пневицкого стана Переяславского уезда, разъезжая пишет: «Пневицкого стану дер. Юрново; дер. Строево Елкиных детей Бунакова; Пневицкого стану деревни: дер. Чешково, дер. Радимцево...; дер. Слободище, что за Ивашком Ивашковым сыном Булгаковым Еласуфьева; дер. Колепова..., что за кн. Ю. Елецким...» (правая сторона, №№ 31—37). Перед нами три категории земель: 1) вотчина Бунаковых: упоминание их деревни прерывает перечень пневицких деревень, и после названия ее межевщики вынуждены снова написать: «Пневицкого стану деревни», чтобы подчеркнуть, что ниже перечисляемые деревни не входят в состав какой-либо феодальной вотчины, а являются просто становыми; 2) деревни Пневицкого стана: становые деревни, не принадлежащие феодалам (№№ 31, 33—35); 3) становые деревни, числящиеся за феодалом (№№ 36, 37): это не вотчина, а какая-то другая форма феодального владения, — по-видимому, поместье.

Таким образом, с точки зрения межевщиков — официальных представителей великого князя — становые и волостные земли в узком смысле слова противопоставляются землям (вотчинам) феодалов. Как видно из текста разъезжей, межевщики, как правило, строго фиксируют принадлежность земель и угодий, перечисляя их названия и имена владельцев — феодалов и волостей (в отдельных случаях, однако, особенно в начале разъезда, грамота содержит только более общие указания на принадлежность земель к территории той или иной волости или стана). Это дает возможность сделать некоторые подсчеты. На левой стороне от линии разъезда феодалам (Р. И. Айгустову, Н. Басенкову, И. П., Г. П. и С. Ф. Заболотским, В. Т. Замытскому, К. Малечкину и монастырям — Троицкому Сергиеву и Перемерскому) принадлежат в общей сложности 13 поселений: 5 сел и селец и 8 деревень. Остальные 55 поселений, названные поименно, принадлежат Инобожской волости, Повельскому стану, Пригаркиной слободке, Гостунской волости, Юлоцкой волости (станам Большому и Бортному), бортникам Юлоцким.

На правой стороне линии разъезда, в Переяславском уезде, феодалы (Бунаковы, сытник Житков, А. и И. Заболотские, А. и В. Замытские, И. В. Ляцкой, князя П. и В. Охлябины и Пречистенский монастырь) владеют 5 селами и селцами и 15 деревнями. Кроме того, две деревни в поместном держании (за феодалами И. И. Булгаковым и кн. Ю. Елецким), упоминаются также леса кн. А. Д. Пенкова. Остальные 56 поселений из числа назван-

ных поименно принадлежат Мишутинскому стану, Серебожской, Бускутовской и Закубежской волостям (Псковитинову Раменью, входящему в состав последней), Пневицкому и Замытскому станам и Волнинской волости. Таким образом, количественно волостные и становые поселения значительно преобладают над феодальными.

Феодальные вотчины нигде не образуют компактного массива. На расстоянии во много десятков километров по обе стороны линии разъезда сплошной полосой тянутся земли, деревни, починок, угодья волостных и становых людей, лишь изредка перебиваемые феодальным селом или селцом и тянувшими к нему поселениями. Как видно, деревня волостного или станового человека — неотъемлемая принадлежность пейзажа среднерусского уезда на рубеже XV—XVI вв., а сам этот человек — существенно важный элемент социальной истории своего времени.

Обычный формуляр жалованной грамоты, определяющий иммунитетные привилегии феодального владения, противопоставляет «людей» грамотчика «волостным людям» и относительно первых содержит два основных положения: «... и тем людем... не надобе моя дань, ни писчая белка, ни ям, ни подвода, ни иная некоторая пошлина» и т. д.; «... ни наместники мои... ни волостели... и их тиуны к тем людем не всылают ни по что, ни судят их... ведает и судит их (грамотчик, — Ю. А.) или кому прикажет». Часто добавляется и третье положение: «... ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят, ни ставленое, ни закосное, ни портное, ни к дворскому, ни к сотскому, ни к становщику не тянут ничем».²

Этот формуляр определяет негативным путем административно-правовое положение тех, у кого нет жалованной грамоты, — основной массы жителей волости. Эти люди «тянут» в дань, в писчую белку, в ям и в «иные пошлины»; наместники, волостели и их тиуны «всылают» к ним и судят их по всем делам; эти люди «кормят коня княжого», косят сено и т. д., и, вообще, «тянут» и к дворскому, и к сотскому, и к становщику. Перед нами — масса людей, не пользующихся никакими привилегиями: ни административными, ни судебными, ни податными. Это просто «христиане великого князя», «люди волостные», как они себя называют в актах.

Один судный список конца XV в. словами «людей великого князя старожильцев», «помнящих» за 50 и 70 лет, так описывает один из уголков Мишутинской волости: «А те селища исстарины великого князя, а жил на том селище Захар Кожевник, а на Федоркове — Федько Толстой, а тянули к Мишутину в Переяс-

² См., например, АСВР, I, №№ 30, 44.

лавский уезд...; земля великого князя Ртищево..., а жил, господине, на том селище на Ртищове христианин великого князя Ивашко Ртищо...; земля великого князя Васискино..., а жил на том селище Василь Пантелеев...; ...великого князя Сарынчиковская починок..., а жил на том селище Семен Сарычка...; ...селище Шуклино..., а жил на том селище Александр Шуклин...; ...земля великого князя селище Гридино..., а жил на нем Гридя Патрикеев».³

Что могли представлять собой эти окруженные полями, лесами и болотами поселения «людей великого князя», «тянущих» к Мишутину, показывает другой акт, относящийся к той же местности. Посельский Троицкого Сергиева монастыря жалуется судье — писцу кн. В. И. Голенину — на самоуправство крестьян Мишутинской волости: «... на той на нашей пустоши на Ртищове поставил деревню Карец, а тому пять лет; а на Шуклине, господине, и на Гридине поставил двор Терешко, тому четыре годы». Знахори, выставленные троицким старцем, «слово в слово», как требуется по Судебнику, подтверждают показания своего «ищей»: «А на Ртищове, господине, поставил деревню Карец, тому пять лет; а на Шуклине ... поставил деревню Терешко, да и селище Гридино пашет, а тому четыре годы».⁴

Таким образом, «поставить двор» это все равно, что «поставить деревню». Отсюда вытекает, что по крайней мере в данном районе «деревня» мыслится как однодворный поселок, соответствующий одному крестьянскому хозяйству. Такими поселками и были, вероятно, деревни Захара Кожевника, Федька Толстого и других «людей великого князя», существовавшие в первой трети XV в. и оставившие после себя память у старожильцев и опустевшие селища.

О деревне-дворе свидетельствуют и другие указания источников. То же судное дело писца кн. В. И. Голенина содержит показания «крестьянина мишутинского» Васька Игнатов, жившего в дер. Сарычкине, на бывшем селище Семена Сарычки: «Поставил, господине, тое деревню отец мой Игнат Кобцов, да жил ... в той деревне отец мой за монастырем 30 лет..., а яз... после отца своего живу в той деревне 10 лет... И мишутинский... дворской ... отказал меня в Мишутинский стан, а тое деревню назвал великого князя».⁵ Таким образом, новая деревня, возникшая примерно в 60-х годах (судебный процесс происходит в начале 1500-х годов) на старом селище, тоже была однодворным поселением — хозяйством сперва монастырского, а затем мишутинского крестьянина. В другом месте и в другое время (60—70-е годы) знахори и старожильцы Бортной волости в Марининой

³ Там же, № 571.

⁴ Там же, № 628.

⁵ Там же.

Слободе (удел в. кн. Марьи Ярославны) удостоверяют на суде съезжих судей, что на спорном с Троицким Махрищским монастырем селище Лаптеве еще за десять лет до Едигеевой рати⁶ «жил ... Ивашко Лапоть, а тянул ... к Ехтову». Противная сторона, монастырский посельский, настаивая на том, что селище относится к монастырскому селу Зеленцину, приводит целый список монастырских крестьян, живших в дер. Феденинской и пахавших спорное селище: «... жил, господине, у нас в той деревне Феденя с детьми..., а после того... Федени жил у нас Еська с детьми..., а после Еськи ... жил у нас в той же деревне Буженина..., а после того ... Буженины жил у нас Гридя Рыкуля... в той же деревне, а после Гридки остались его дети Омельяно да Бориско».⁷

Таким образом, и монастырская деревня близ границ бортных земель в первой половине XV в. соответствует опять-таки одному крестьянскому хозяйству: в ней живет крестьянин с сыновьями (одна семья), и только после смерти отца намечаются как будто два хозяина в лице двух его сыновей. В северо-восточной части уезда, за оз. Переяславским, под «деревней» также понимается одно хозяйство: «... мне, господине, ту деревню Матфеевскую дал хупанской посельской старец Никон», — заявляет троицкий крестьянин Кондратик Кузьмин на самом рубеже XV и XVI вв., прожив в этой деревне 19 лет.⁸

Однако в деревне могут проживать и несколько крестьян-хозяев. Такая возможность отчасти уже раскрыта в цитированном выше акте относительно дер. Феденинской, в которой осталось двое взрослых братьев после смерти отца. Из списка с разъезжей грамоты 70—80-х годов на Орефинский овраг в Кинеле видно, что в одной деревне живут трое взрослых братьев Сухаревых.⁹

Известны случаи, когда в одной деревне живут люди, не связанные, по-видимому, кровным родством. В конце 90-х годов крестьяне Михайловского стана Родион Онфуков и Нестор Дешевкин поставили на земле, спорной с попом Покровского монастырька, избу и клеть и начали хозяйничать — сеять рожь, овес и ярицу. Здесь, по-видимому, момент основания новой деревни не одним хозяином, а двумя: «... да и досталъ нам, господине, тое деревни пожни косити», — заявляют Родион и Нестор судье.¹⁰ В 70—80-х годах крестьяне села Милятина митрополичьего Борисоглебского монастыря жаловались на крестьян великого князя села Ивашова Угла: «... тот, господине, Семенко Злобай да Ивашко поставили себе двор на Алтынове, а тот ... Родюка

⁶ Имеется в виду нашествие Едигея в 1408 г.

⁷ АСВР, I, № 340.

⁸ Там же, № 642.

⁹ Там же, № 422.

¹⁰ Там же, № 582.

поставил себе двор на Дубровке» (т. е. на землях, на которые претендовал монастырь).¹¹

Таким образом, можно установить две разновидности деревень — одного и двух хозяев, живущих в одном дворе. К последней разновидности относится, по-видимому, упоминаемая в одном из недатированных, но ранних актов деревня бортника Гриди, купленная у него двумя лицами — некими Мартином и Левашом.¹² Отмеченные случаи совместного проживания в деревне двух хозяев заставляют поставить вопрос об элементах складничества, точнее — об элементах совместного ведения хозяйства в переяславской деревне XV в. Приведенные выше примеры наводят как будто на положительный ответ на этот вопрос. Проживание в одной деревне связано, по-видимому, с совместным ведением хозяйства; деревня рассматривается как элементарная хозяйственная единица, независимо от того, один в ней крестьянин или двое.

Что же представляет собой эта единица? Основной ее элемент, конечно, пашня, на которой обычно и ставится деревня. Именно так и происходит дело во всех известных случаях. Жить в деревне значит пахать ее землю. Однако пашня могла быть и где-то в другом месте, хотя и вблизи деревни. Так, Терешко Олферов из Мишутинской волости поставил двор-деревню на селище Гридине;¹³ монастырские крестьяне из дер. Феденинской пахут ближнее селище Лаптево;¹⁴ в последние годы XV в. в Бармазовской волости какие-то Медведко и Луня распахали и засеяли землю дер. Панинской, в которой они, по-видимому, не жили.¹⁵ Отсюда как будто вытекает, что хотя «жить» в деревне значит пахать ее, пахать можно и живя в другом месте.

Кроме пашни, в состав деревни входят и сенокосные угодья. В 70-х годах сотник Мишутинской волости Малыга «поорал и покосил» спорное с Троицким Сергиевым монастырем селище Кровопусковское.¹⁶ Очевидно, запустевшее селище включало и пашню, и покос. В 90-х годах крестьяне Аргуновской волости Т. Мамухин и К. Данилков, поселившись на селище Дрочкове, стали косить луг Дудорова Лука, ссылаясь на то, что якобы «тот луг тянет к тому селищу».¹⁷ В эти же годы уже упомянутые

¹¹ АФЗХ, I, № 125. — Есть возможность сузить рамки датировки акта, установленные издателем. Боярин Федор Давыдович, присутствовавший на докладе у великого князя, — это, видимо, Хромой, входивший в состав Боярской думы в 1470/71—1482/83 гг. (ДРВ, XX, стр. 3—5). Суд, таким образом, был не позднее 80-х годов, этому соответствуют и показания знахорей, упоминающих Едигееву рать и «великую меженину» (т. е. неурожай, вызвавшие голод и мор 1410—1420-х годов).

¹² АСВР, I, № 106.

¹³ Там же, № 628.

¹⁴ Там же, № 340.

¹⁵ Там же, № 642.

¹⁶ Там же, № 430.

¹⁷ АФЗХ, I, № 140.

Р. Онфуков и Н. Дешевкин, поставив деревню на спорной земле и начав обрабатывать пашню, считают естественным свое право и на сенокосные угодья той же деревни.¹⁸

Но, по-видимому, деревня не всегда была в достаточной мере обеспечена угодьями. Известен случай найма крестьянами луга, принадлежавшего монастырю. Уже упомянутый Т. Мамухин, живший на селище Дрочкове и претендовавший на луг Дудорова Лука, признался на суде, что «тот луг кашивал, наимуочи у монастыря, а давывал есми ... наиму от него 10 денег». Как видно из того же акта, этот луг часто давался монастырскими властями в наем соседям — волостным людям.¹⁹

Для почти безнадежной попытки определить размер пашни волостной деревни можно использовать только одно прямое указание. Р. Онфуков и Н. Дешевкин, поставившие «избу да клеть» на земле, спорной с попом Григорием, заявляют судье: «Высеяли есмя, господине, тое ржи 15 четвертей, а овса 15 жо четвертей да полчетверти ярицы». Поп Григорий, доказывая свои права на участок, говорит: «Пашу, господине, ту землю яз двадцать лет без лета, а прежде меня ... у тое церкви служили игумены и попы, а ту ... землю пахали. А ту ... рожь и ярь ... сеял яз, высеял есми ... тое ржи 10 четвертей, а овса 15 четвертей, да две четверти ярицы».²⁰ В показаниях сторон важны два факта: 1) крестьянская деревня соответствует поповскому участку при церкви, 2) размер запашки последнего — 10 четвертей в поле. Такие размеры были, очевидно, не случайны, они отражали устойчивую и сложившуюся норму для хозяйства, ведущегося силами одного владельца. Такой же размер могла иметь и волостная крестьянская деревня XV в.²¹

В Мишутинской волости старожильцы рассказывают судье: «А те селища исстарины великого князя, а жил на том Кожевникове Захар Кожевник... а тянули к Мишутину в Переяславский уезд... помним, что то земля исстарины великого князя Переяславского уезда Мишутинской волости».²² Таким образом, волостной человек мог заниматься и ремеслом как вторым источником дохода, оставаясь в то же время членом своей общины.

Насколько прочны были связи волостного человека с его деревней? Старожильцы Мишутинской волости в уже цитированном акте 90-х годов показывают сзорщику великого князя: «... селище Шуклино... а жил на том селище Александр Шуклин, Трофимов отец».²³ Трофим — это один из знахорей, «людей

¹⁸ АСВР, I, № 582.

¹⁹ АФЗХ, I, № 140.

²⁰ АСВР, I, № 582.

²¹ Примерно того же мнения был и Н. А. Рожков (Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 144, 145).

²² АСВР, I, № 571.

²³ Там же. — Сзорщик, — видимо, должностное лицо, посылаемое великим князем для выяснения поземельных споров (ср.: АСВР, II, № 467а). Нельзя

великого князя старожильцев», указывающих сзорику межи и селища, запустевшие в первой половине XV в. Он помнит эти места за 70 лет, по его словам. Стало быть, он не жил и не живет на селище, на котором жил когда-то его отец, хотя и помнит то время, когда на Шуклине еще стояла отцовская деревня. Трофим не воспользовался и открывшейся было возможностью вновь занять пустующее селище. Вместо него это сделал Терешко Олферов.²⁴

Братья Сухаревы в Площевской волости (70-е годы) защищаются от обвинения в посечении монастырского леса: «Которые, господине, люди переже нас в той деревне жили — те, господине, межу ведают». Перед старожильцами, которых называли братья, судья-разъездчик прямо ставит вопрос: «Скажите, вы жили ли есте в той деревне, занеж вы старожильцы?». И старожильцы — Конон Шилов и Ивашка Офонасов — отвечают: «Еще, господине, отец мой в той деревне жил».²⁵ Возможно, что этим «отцом» был Степан Шилов, известный как послух в одном из местных актов 20-х годов.²⁶ Во всяком случае, налицо факт перехода деревни от одного владельца к другому. При этом возможно, что первый владелец получил эту деревню от отца. Важно здесь и прямое указание на старожильцев как на прежних жильцов деревни. Это прямо подводит к ст. 151 Судебника 1589 г. (пространная редакция): старожильцы — те, «хто знает межу или преж сего ту землю паживал и живал».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что связь жильца с деревней, как бы длительна она ни была, не являлась все же слишком прочной. Каким-то образом деревни переходят от одних владельцев к другим, причем первые владельцы или их дети в известных случаях остаются жить где-то, видимо, неподалеку, во всяком случае в пределах волости. Не имея обязательных наследственных связей со своей деревней, волостной человек, по-видимому, имел такие связи с волостью. Длительная и прочная связь волостного человека с волостью наглядно проявляется в институте «людей добрых» старожильцев, помнящих за много десятков лет и хорошо известных в литературе. В переяславских актах встречаются старожильцы, помнящие за 50 лет и более: во второй половине XV в., например, помнящие Едигееву рать и великий мор²⁷ (т. е. эпидемии 1410—1420-х годов).

Видна и наследственная связь с волостью. Выше уже приводились примеры Трофима Шуклина в Мишутинской волости и помещевских старожильцев, помнящих своих отцов. В начале второй

ввиду этого согласиться с расшифровкой термина в указателе к АСВР, II (стр. 688): «досмотрщик провозимого товара».

²⁴ АСВР, I, № 628.

²⁵ Там же, № 422.

²⁶ Там же, № 45.

²⁷ АФЭХ, I, № 125; АСВР, I, № 340 и др.

половины XV в. в том же Площеве известны братья Деясил и Измайло — «мужи»-плошевичи на отводах с Троицким Сергиевым монастырем.²⁸ Спустя полвека, в 1517/18 г., в очередном отводе с монастырскими землями участвует Куземка Тимофеев сын Деясилов — «великого князя христианин Плошевского села».²⁹ Таким образом, семья Деясила прослеживается в волости из поколения в поколение.

В известных по актам случаях социальное и юридическое лицо волостного человека определялось прежде всего именно его связью с волостью, принадлежностью к волости, а не владением той или иной деревней. Со страниц актов встают поименно перечисляемые «бармазовцы», «христиане» мишутинские, аргуновские и др. Уже известно, что в тех случаях, которые удастся проследить по актам, эти «люди» и «христиане» являются жильцами отдельных деревень, живут в них по многу лет, а иногда, может быть, и передают их по наследству. Тем не менее официально — перед лицом внешнего мира в виде соседа-монастыря или судьи-сзорщика великого князя — они все именуют себя не иначе, как «волостными людьми великого князя» такой-то волости.

Отношения с волостью имели, таким образом, определяющее значение для волостного человека. Какой же характер носили эти отношения? На вопрос судьи Бурца Скрипицына: «Почему вы на той земле избу да клеть поставили, и землю пашете, и пожни косите?», Р. Онфюков и Н. Дешевкин отвечают: «Дали нам, господине, ту землю становичи Михайловского стану, и грамоту нам ... на ту землю дали. А та ... земля становая, Михайловского стану».³⁰ «Дал нам, господине, селище Дрочково Аргуновские волости староста Митька Бердяи и все христиане», — заявляет на суде дворецкого кн. П. В. Шестунова Т. Мамухин.³¹ Сотник Малыга, «пооравший и покосивший» селище Кровопускское, оправдывает свои действия: «... то... селище Кровопускское — земля великого князя волостная Мишутинская».³² Бармазовский сотник Окул назвал дер. Подбережскую «волостною деревней Бармазовскою», чем помешал разъездчику отвести ту деревню Троицкому Сергиеву монастырю.³³

Волость сохраняет, по-видимому, общий контроль над своими землями, которые мыслятся как какое-то единое целое. Именно об этом, как мне кажется, свидетельствует институт волостных «мужей» на разъездах-разводах (как и сама процедура разъездов). Этот институт необходимо отличать от института старожильцев — частных лиц, экспертов-знахорей на судебных про-

²⁸ АСВР, I, №№ 328, 422.

²⁹ АСБВ, № 512.

³⁰ АСВР, I, № 582.

³¹ АФЗХ, I, № 140.

³² АСВР, I, № 340.

³³ Там же. № 641.

цессах. В отличие от них волостные «мужи» на разъездах являются лицами, представляющими волость в целом. В 60-х годах на отводе «земли великого князя Пloщевской Щербовского поля» от земель Троицкого Сергиева монастыря присутствуют «все плошевичи», из которых четверо перечислены поименно;³⁴ в 70—80-х годах на разъезде Бармазовской волости — коллегия «князя великого людех бармазовцев» из 8 человек;³⁵ в это же примерно время десятский гавинский и «мужи» разводят землю «за всю волость Гавинскую».³⁶

Таким образом, на территории волости в маленьких деревнях по одному и по двое живут мелкие, непривилегированные «волостные люди великого князя» — аллодисты, относящиеся к волости, как часть к целому. Аллод волостного человека — результат распада древней общинной собственности на землю и в то же время — последний остаток этой собственности. Являясь собственностью владельца, который может им распоряжаться по усмотрению, аллод вместе с тем не перестает быть частью волостной общинной территории, с которой он тесно связан как своим происхождением, так и в хозяйственном отношении (совместное пользование угодьями). Владелец аллода — член волостной общины, принадлежностью к которой и определяется его право на владение землей и пользование угодьями на территории волости.

Однако на территории волости как административной и податной единицы есть и другие элементы, частично сливающиеся с волоощанами, частично противостоящие им. В конце XV в. истопник Антон Гладкой бил челом великому князю, «сказывая», «что деи из Троицкого села из Бебякова крестьяне пашут... великого князя земли наездом... а нет деи на тех пустошах двора, ни кола». Великий князь внял челобитью: «...пожаловал есми истопника своего... в Мишутинской волости своими пустошми Кожевниковым да Федорковым... поставит себе на тех пустошх двор» (ноябрь 1491 г.). Антон и поставил себе «деревню» «на Кожевникове да на озими на Федоркове избу да клеть» и начал пахать «к тому же» Васисино.³⁷ Так на запустевших селищах, где когда-то жили Захар Кожевник и Федько Толстой, появилась деревня слуги великого князя, получившего на эти земли великокняжескую грамоту. По своим размерам — изба да клеть на одной пустоши, пашня дополнительно на другой — деревня Антона не отличалась от соседних крестьянских деревень. Грамота великого князя не только предоставила слуге землю на территории волости, но и отчасти ввела его в круг волостных лю-

³⁴ Там же, № 328.

³⁵ Там же, № 380. — Грамота датируется 1478—1484 гг. или вскоре после этого: разъезд сделан немного времени спустя после перехода Бармазова в руки великого князя.

³⁶ АСВР, I, № 544.

³⁷ Там же, №№ 571, 628.

дей — «стоятелей» за волостную «великого князя» землю: обращаясь к «дворскому и всем хрестьяном» Мишутинской волости, великий князь пишет, «что деи из Троицкого села из Бебякова хрестьяне пашут мои земли великого князя наездом ... и вы б все за те мои земли с Гладким стояли».³⁸

Поселение дворцового истопника на волостной земле, частично связавшее его с волостью, находит аналогию и в других волостях. В начале 1500-х годов на Бармазове «Окулко сотник назвал ... ту деревню Подбережскую волостною ж деревней Бармазовскою, а сказывал ..., что на той деревне на Подбережской жил слуга бронной Василь Родивонов, да и писан деи тот Василь в книгах в Степановых Бородатого». Справка в книгах не подтвердила слов сотника: «Ино та земля в книгах не писана».³⁹ Тем не менее заявление сотника Окула имеет важное значение. Оно свидетельствует о том, что деревня, в которой живет слуга бронный, не выходит из состава волостных земель. Оставаясь в составе волости, эта земля находится на особом учете и под особым контролем дворцовых властей — пишется в книги. Упоминание о дьяке Степане Бородатом показывает, что слуга бронный на земле — давняя практика, восходящая к тем временам, когда Бармазовом владела великая княгиня Марья Ярославна (60—80-е годы). О еще более раннем поселении княжого слуги на земле говорит старик Малах Бараш — старожилец Ивашова Угла, помнящий «от Едигеевой рати»: «... а опосле Алтына на том селище на Алтынове жил князя великого слуга Исак, а тянул к Ивашову Углу».⁴⁰ Земля Исака в начале XV в., как и земли слуг в конце этого века, тянет к волости или к селу наравне с крестьянскими деревнями.

Живя рядом с волостными людьми, слуга великого князя, однако, не смешивается с ними; так, в начале первого десятилетия XVI в. конюхи великого князя Павел Ворона и Афанасий Губа на разъезде Бармазовской волости названы отдельно от бармазовцев,⁴¹ хотя, кажется, жили в этом же месте: эти же лица, еще не названные конюхами, участвуют в разъезде 80-х годов.⁴²

Не исключена возможность, что слуга-землевладелец не появляется в волости со стороны, из Дворца, а вырастает в самой волости, превращаясь из крестьянина в слугу — дворцового чело- века. Может быть, такую карьеру сделал в митрополичьей волости Борис Дмитриев сын Косагов. В писцовой книге 1491/92 г. Бориско Косагов упоминается в числе рядовых жителей деревень, тянущих к селу Каринскому.⁴³ Через 18 лет в одном из местных

³⁸ Там же, № 571.

³⁹ Там же, № 641.

⁴⁰ АФЭХ, I, № 125.

⁴¹ АСВР, I, № 642.

⁴² Там же, № 544.

⁴³ АФЭХ, I, № 22.

актов он назван в качестве послуха позади детей боярских, но впереди всех крестьян, и полным именем: «Борис Дмитриев сын Косагов».⁴⁴ Еще через 8 лет он известен как тиун митрополичий во Владимирском уезде.⁴⁵ Наконец, еще через пару лет, снова в Переяславском уезде, он назван уже совершенно отдельно от крестьян, между двумя феодалами — Внуковым и Баскаковым.⁴⁶ В последний раз он упомянут в 1522 г. даже впереди митрополичьего дворцового дьяка.⁴⁷

В первой четверти XV в. на отводе троицкой купли в районе оз. Сомина в числе владений соседей упоминаются огород и грани Якова Головы.⁴⁸ Его сын Фома известен в двух актах более позднего времени: в 30—40-х годах он послух в одной из местных сделок Троицкого Сергиева монастыря,⁴⁹ в конце 70—начале 80-х годов на разъезде Бармазовской волости он отнесен наряду со становщиком туровским, никитским и коведяевским к «людям великого князя», бывшим с разъездчиком И. Харламовым, т. е. явно отделен от «князя великого людей бармазовцев», бывших на разводе.⁵⁰ Между тем земли Якова Головы находились, по-видимому, на территории Бармазовской волости, как об этом свидетельствует сопоставление топонимических данных.⁵¹ В лице Головиных вырисовывается тип землевладельца, наследственно живущего на волостной земле, но стоящего особняком от

⁴⁴ Там же, № 131.

⁴⁵ Там же, № 183.

⁴⁶ Там же, № 132.

⁴⁷ Там же, № 119. — Возможна эволюция и в обратном направлении: митрополичий крестьянин Истомка Карпов сын Ховралева в Переяславском уезде (АФЭХ, I, № 132) был, вероятно, сыном Карпа Ховралева, тиуна великого князя в соседней с Переяславом московской волости Воре (АСБР, I, № 557) и в Горетове стану (там же, II, №№ 370, 405).

⁴⁸ АСБР, I, №№ 18 («От Головы от Якова по огород, да по грани»), 19 («От Якова от Головы по огород, да по Головины грани»), 20 («Рекою Черною вверх, да по Яковли грани, да по Яковль по Головин огород»).

⁴⁹ Там же, № 83.

⁵⁰ Там же, № 330.

⁵¹ В первой четверти XV в. Троицкий Сергиев монастырь купил землю Молитвинскую с деревнями и починками, вошедшую в состав Хупанской вотчины монастыря (АСБР, I, №№ 18—20). В отводной части купчей грамоты перечислены названия соседних с куплей владений и урочищ. Сохранились разъездные грамоты Хупанской вотчины от Бармазовской волости, датированные последней четвертью XV в. (там же, №№ 330, 515). Многие географические названия совпадают: Дубровка, Круглое, Подвезное (Вязовый враг), Соколец, Угловасец, Филисово селище (Филин покос), Яново (Янеское). Отсюда можно сделать заключение, что места, соседние с троицкой куплей первой четверти XV в. и упомянутые в купчей (в том числе и «огород» и «грани» Я. Головы), расположены на территории Бармазовской волости. В одном случае это можно доказать: в конце линии отвода троицкой земли Молитвинской в начале XV в. назван Филин покос; в разъездной грамоте И. Харламова 70—80-х годов упомянуты грани, отделяющие «великого князя землю Бармазовскую Филисовское селище» от троицких владений — селища Круглого до Вязового врага (оба последних названия известны из купчих на землю Молитвинскую).

волостных людей, рядом с должностными людьми великого князя.

В 60-х годах Иван Харламов судил усольцев в их тяжбе с Троицким Сергиевым монастырем и докладывал суд свой великому князю.⁵² В 70—80-х годах он — разъездчик Бармазовской волости по грамоте «государя своего великого князя».⁵³ В 1500-х годах на новом разъезде Бармазовской волости присутствуют двое сыновей И. Харламова — Филипп и Владимир, названные отдельно от волостных людей.⁵⁴ Не является ли такая длительная и потомственная связь с одной и той же местностью свидетельством в пользу того, что Харламовы — местные землевладельцы и в то же время должностные лица великого князя?

На территории волости встречаются и более крупные владения, чем поселения слуг великого князя, похожие на деревни волостных людей. Во второй четверти XV в. некий Матвей Лукин дал в Троицкий Сергиев монастырь «пустошь на Бармазове, что была Иванова Ильина, а к той пустоши тянут селища: первое Федорцево, и со всем лесом, что к тому селищу тянет; другое Карпцево . . . , третье Сепацино (правильнее: Семцино, — Ю. А.), а четвертое Стрелково».⁵⁵ Это владение по своей структуре сильно отличается от обычных волостных 1—2 селищ в руках одного владельца: к пустоши как к владельческому центру тянут 4 селища с угодьями.

Как могло образоваться такое владение на территории волости? Один документ 60—70-х годов отчасти отвечает на такой вопрос. Некий Андрон, живший где-то неподалеку от Бармазова, а может быть, и на самом Бармазове, в 60—70-х годах самовольно распоряжается целой полудюжиной пустующих селищ: «... иные, господине, земли дает в закуп, а иную продал, а иные в наимы», — жалуется судье на этого Андрона Останя дворский. Судебное разбирательство Никиты Беклемишева подтвердило слова Остани. Выяснилось, что сыну своему Андрон дал 3 селища, селище шурина своего дал в закуп в 2 рублях, а землю Лахово продал дяку Андрею Ярлыку.⁵⁶ Земли, которыми распоряжается Андрон, — типичные крестьянские участки, соответствующие одной деревне каждый. Они запустели (их косят, но на них не живут; ничего не известно об их хозяевах) и в результате этого попали в руки ловкого и бесцеремонного соседа. Кто бы ни был Андрон — слуга ли великого князя, как считают С. Б. Веселовский и Б. Д. Греков, обратившие внимание на этот случай,⁵⁷

⁵² АСВР, I, № 20.

⁵³ Там же, № 330.

⁵⁴ Там же, № 642.

⁵⁵ Там же, № 162.

⁵⁶ Там же, № 326.

⁵⁷ Там же (комментарии к акту); Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 523, 524, прим. 24.

или нет⁵⁸ — его деятельность очень интересна. Таким путем — путем осваивания лежащих «впусте» селищ, — может быть, и сколачивались мелкие вотчины типа владения Матвея Лукина. Очень характерно при этом, что сколачивание вотчины сопровождается отчуждением волостных тяглых земель посторонним волости лицом, вроде дьяка А. Ярлыка.

Территория волости, таким образом, достаточно насыщена элементами, имеющими с волостью мало общего. Слуга великого князя живет в волости, владеет маленькой деревней, не отличающейся от крестьянской, тянет к волости и «стоит» с волостными людьми, но за его спиной уже не «становичи» и не «люди добрые волостные», а великий князь, дающий ему землю и следящий за ней. Житель волости, тем или иным путем овладевший несколькими деревенскими участками, тоже имеет физиономию, не очень похожую на лицо каких-нибудь Онфукова и Дешевкина, вдвоем пашущих одну деревню. По существу, это мелкий вотчинник на территории волости, связанный с нею только формально. Развиваясь внутри волости, мелкая вотчина вносила в волость чуждую и опасную для нее струю.

Говоря о волости как о поземельной (территориальной) организации, мы уже видели важную и характерную функцию «волостных мужей — людей добрых», представлявших интересы волости на разъезде ее земель. «Мужи волостные» («все христиане») — высший орган волостного самоуправления. Именно они («становичи Михайловского стану»), по словам Р. Онфукова и Н. Дешевкина, предоставляли им землю и «грамоту ... на ту землю дали». «А перед тобою грамоты не положим, а положим, господине, ту грамоту на Москве перед великим князем», — заявили Онфуков и Дешевкин судье Бурцу Скрипицыну, местному сыну боярскому, вотчиннику Верхдубенского стана. Грамоты они «на Москве» не положили и процесс проиграли.⁵⁹ Возможно, что у них и не было грамоты, тем не менее ссылка на становичей, которые могут, по-видимому, дать такую грамоту, сохраняет все свое значение. В параллель с этим документом можно поставить современный ему акт, в котором заявление Т. Мамухина от своего имени и от имени своего товарища: «а дал нам, господине, селище Дрочково Аргуновские волости староста Митька и все христиане...» — не вызывает у судьбы ни малейшего сомнения: разбирательство идет только о том, тянет ли к этому селищу оспариваемый монастырскими крестьянами дуг.⁶⁰ «Волостные христиане»

⁵⁸ Ссылка Андрона на грамоту, которую он положит только перед великим князем, недостаточна для причисления его к слугам (вопреки мнению Б. Д. Грекова). Р. Онфуков и Н. Дешевкин в Михайловском стану тоже ссылались на грамоту, которую положат перед великим князем, а были несомненно крестьянами.

⁵⁹ АСВР, I, № 582.

⁶⁰ АФЗХ, I, № 140.

спорят со старцами Благовещенского Киржачского монастыря о Собачниковской пустоши;⁶¹ они судятся с П. М. Плещеевым о лугах «у св. Покрова на Дубне».⁶²

Однако деятельность «волостных мужей» («всех христиан») не ограничивается выдачей грамот и присутствием на разъездах. Старец Герасим, посельский Троицкого Сергиева монастыря, жалуется в 1511/12 г. судьям великого князя В. А. Плещееву и Ф. С. Слизневу-Упину: «А те, господине, волостные христиане гавинские, Ивашко Семенов сын, да Широкои Прокофьев сын, да Дмитр Иванов сын, и все христиане Гавинской волости ту землю, на которой стоите, перелезши через межу, да лес... монастырская у Свечинской деревни пашенной посекали сильно, да и починок поставили на монастырской земле, да и пожни... монастырские косят сильно по трети год...».⁶³ Перед нами — факт серьезного посягательства волости («всех христиан») на феодальную собственность соседа — монастыря. «Все христиане» — это не только миролюбивый институт, ищущий у великого князя защиты от притеснений соседа — феодала, но и боевая организация, способная решать спорные вопросы на месте, своими силами.

В большинстве известных по актам случаев волостная организация возглавляется должностным лицом — старостой или сотским. В 60-х или 70-х годах съезжие судьи — от великого князя В. М. Обухов, а от в. кн. Марьи Ярославны Олферий Едигей — разбирали спор посельского Троицкого Махрищского монастыря с представителем Бортной волости Давыдкой Шеболдой о селище Лаптевском, которое, по словам посельского старца, истари пашется монастырскими крестьянами, жителями дер. Феденинской.⁶⁴ Но на вопрос судей: «Почему ты зовешь ту землю великие княгини, а си сказывают — за только лет ту землю лаптевскую пашут?» — Давыдка Шеболда отвечает: «Те, господине, вси пахали ту землю, — у нас наимывали Лаптевскую, у нашего старосты у Ивана; а после старосты ... тот Гридка (монастырский крестьянин, — Ю. А.) наимывал то селище Лаптевское у меня, у Давыдка, три годы, яз ... у того Гридки имал наем, а клал есми, господине, всей братье на столец, с того селища с Лаптевского ... Тот, господине, Гридка умерл, год минул Рождество Христово; а на се ... лето Гридкины дети учали пахати то селище без наиму, и мы ... им и не замолчали». В подтверждение своих показаний Давыдко ссылается на Юрку Горбунова и Овсяника Окулова: «... перед теми, господине, у меня ... тот Гридка Рыкуля наимо-

⁶¹ АСВР, I, № 617.

⁶² ОГКЭ, IV, № 944.

⁶³ АСВВ, № 458.

⁶⁴ Это интересный и редкий случай съезжего, «сместного» суда. При этом любопытно, что оба судьи — местные вотчинники. Участие местных вотчинников в судебных делах в качестве судей великого князя — важная черта местной администрации средневековой Руси.

вал то селище Лаптево, и наем есми, господине, клал на столец всей братье перед теми же». Однако, «став на суде», Юрка и Овсяник категорически отвергли показания Давыдки и приняли сторону монастырских властей: «Сидим, господине, на розмете своею братьею дватцать лет, а наима ... нам наш староста Ивашко с того селища Лаптева и тот Давыдко не кладывали; а Гридка ... у Давыдка перед нами того селища Лаптева не наимовал, а земля ... монастырская». Знахори и старожильцы обеих сторон поддерживали соответственно своих ищей и выразили готовность «лезть на поле биться». На докладе великий князь решил дело в пользу монастыря, причем роковую роль сыграли предательские показания Горбунова и Окулова: на них и ссылается великий князь при решении дела.⁶⁵

Для нас, однако, важен не исход дела и не фактическая история селища Лаптева, а те черты организации Бортной волости, которые вскрылись на процессе. В волости есть староста; он может давать волостную землю в наем посторонним людям, кладя деньги за наем «всей братье» на столец; он, по-видимому, человек местный, коренной: в числе «судных мужей» упомянут «Колпак Ивашков сын Старостин»; должность его может оставаться несколько лет вакантной; волостной кассой-стольцом ведают разметчики.

Элементы волостной организации освещаются в других актах гораздо более скупое. Волостной староста встречается в Аргуновской волости. Он (и «все христиане») является адресатом грамоты великого князя: «Что в Аргунове на Воинове деревенька Троицкого Сергиева монастыря, и вы 6 тое деревеньки в тяглы не тянули ни в которую».⁶⁶ В 90-х годах староста Аргуновской волости Митька Бердяй и «все христиане» дали Т. Мамухину и К. Данилку селище Дрочково.⁶⁷ Из грамоты 1514 г. узнаем, что власти Троицкого Сергиева монастыря жалуются на «аргуновских христиан» — «на старосту на Васка, да на Лукьяника на Сафронова сына, да сына его Фильку, да на Васка на Федотова сына, да на Калинку на Осташова сына», — «что деи у них вступаются в их землю Воиновского монастыря, да с тое деи земли их жита, ржи и яри, сvezли: 30 копен ржи да 20 копен овса, да на тои деи их земли и избу поставили сильно, а называют деи ту землю — великого князя землею к Оргуновскому селу». Когда же старец Михайло с тремя воиновскими крестьянами приехал «к тому старосте к Васку да его товарищем с изветом», то «староста с товарищи» старца и его крестьян «били и грабили», причем старец насчитал грабежу на 2 руб. с четвертью.⁶⁸ В данном случае ста-

⁶⁵ АСВР, I, № 340.

⁶⁶ Там же, № 332.

⁶⁷ АФЗХ, I, № 140.

⁶⁸ АСБВ, № 469. — Грамота князя Андрея Ивановича от 9 сентября 1514 г. Д. М. Поливанову с приказанием проивести развезд.

роста — активный защитник интересов волости и сам волостной крестьянин.

В Бармазовской и Мишутинской волостях старосты неизвестны, но встречаются сотские (сотники). В конце XV в. бармазовским сотником был Степан Сергеев сын Басиха. Это старинный местный житель: уже в грамоте конца 70—начала 80-х годов он упомянут в числе волостных людей бармазовцев на разводе.⁶⁹ «Отдал, господине, тот Басиха половину того селища Дьяковского Бармазовские земли великого князя ... тому Кондратику (крестьянину Троицкого Сергиева монастыря, — Ю. А.) ... А нам ... тот Басиха в половину того селища ... вступатися не велит»,⁷⁰ жалуются на Басиху, уже переставшего быть сотским, волостные люди. Новый сотник, Окул, напротив, энергично защищает интересы волости: он выступил против самоуправства старого сотника Басихи, он отстоял для волости дер. Панинскую и чуть было не закрепил за волостью дер. Подбережскую, спорную с Троицким Сергиевым монастырем. Он же вместе с крестьянами должен доправить на Медведке и Луне убыток, причиненный волости их самовольством.⁷¹ О сотнике мишутинском есть только одно упоминание 70-х годов. Оно связано с сотником Малыгой, «пооравшим и покосившим» селище Кровопусковское. Выступая в этом случае, по-видимому, прежде всего как частное лицо, Малыга, тем не менее, говорит и об интересах волости: «Извечивали есмя им (монастырским властям, — Ю. А.) ини, господине, изветов не рядят. А нынече ... про наш извет и келарь по нас жо послал пристава». ⁷² Нет никакого сомнения в том, что Малыга-сотник — один из волостных мишутинских крестьян.

В Гавинской и Заборской волостях известны десятские. В конце XV в. (вероятнее всего, вскоре после 1478 г.) развод земли Гавинской с землей Троицкого Сергиева монастыря (бывшей вотчиной Копниных) был произведен десятским гавинским Дмитроком Ивановым сыном с двумя крестьянами «и за всю волость Гавинскую» с доклада гавинскому волостелю князю Семену Александровичу, и «поговоря межи себя» с приказчиком троицкой вотчины и троицкими крестьянами.⁷³ В начале 1500-х годов «межу указывали великого князя земле Заборские волости с монастырскою землею с Троицкою Копнинского села великого князя крестьяне: заборской десяткой Ермола Дмитриев сын» и еще 5 человек.⁷⁴ В 1500/01 г. на разъезде земель Т. П. Замытского и Троицкого

⁶⁹ АСВР, I, № 330.

⁷⁰ Там же, № 642.

⁷¹ Там же, №№ 642, 641.

⁷² Там же, № 430.

⁷³ Там же, № 544.

⁷⁴ Там же, № 643.

Сергиева монастыря был Сенька Пальцов, десятский становой, вероятно, Замытского стана.⁷⁵

Старосты, сотские и десятские — органы волости, главная функция которых — контроль над волостными землями. Другая их функция — устроение тягла.

Кроме функций, связанных с землей и повинностями, перед волостной организацией стоит еще одна важная задача — участие в суде. Статья 33 Судебника 1497 г., отражая, видимо, сложившуюся с давних времен практику,⁷⁶ требует присутствия на наместничьем и волостелином суде дворового, старосты и «лутчих людей». В нашем распоряжении 9 судебных дел, касающихся волостных земель Переяславского уезда (не считая дел, связанных с митрополичьей волостью). Все эти дела относятся к последней трети XV в. Каков же состав судебной коллегии на этих судах?

В 60—70-х годах Никита Васильевич (по мнению С. Б. Веселовского, Беклемишев) судил суд о тяглых землях в Кистемском стану. На суде были 4 «мужа», из них один — «в дворового место».⁷⁷

На съезде на суде судей великого князя и в. кн. Марьи Ярославны о землях бортной волости было 10 «мужей», в том числе двое — местные феодалы (братья Серко и Ярец Конковы),⁷⁸ один, по-видимому, — должностное лицо великой княгини (слободской), остальные семь, — вероятно, волостные люди (в том числе сын старосты и брат или родственник одного из знахорей).⁷⁹

Мишутинского сотника Малыгу с келарем Саввою Троицкого монастыря судил Иван Васильевич (по мнению С. Б. Веселовского, окольный Ощера Сорокоумов-Глебов). На суде присутствовал дьяк великого князя С. В. Бородатый и Филипп Григорьев сын Наумов — близкий ко двору человек, отец дьяка Кобяка.⁸⁰ Никаких «мужей», «лутчих людей» на суде нет, вероятно, потому, что он происходил не на межах, а в Москве или во всяком случае в городе.

На суде сзорщика П. Трусова между крестьянами Мишутинской волости и истопником Антоном, с одной стороны, и властями Троицкого Сергиева монастыря — с другой, присутствуют 17 «мужей», в том числе дворовый. По-видимому, это все «добрые люди» «мишутинцы».⁸¹

На суде Бурца Скрипицына между покровским попом Григорием и крестьянами Михайловского стана Р. Онфуковым и

⁷⁵ Там же, № 632.

⁷⁶ См.: Белозерская уставная грамота, ст. 19. «Памятники русского права», вып. 3, М., 1955, стр. 173.

⁷⁷ АСВР, I, № 326.

⁷⁸ Ср.: АСВР, I, № 456 — духовная М. В. Конкова; ОГКЭ, IV, №№ 972, 973, 975 и др. — о вотчинах Конковых.

⁷⁹ АСВР, I, № 340.

⁸⁰ Там же, № 430.

⁸¹ Там же, № 571.

Н. Дешевкиным присутствуют 8 «мужей» и двое отдельно названных детей боярских.⁸²

У писца князя В. И. Голенина на суде о мишутинских землях было три человека, ни в одном из которых нельзя видеть волошанина, хотя бы и «лутчего».⁸³ Один из этих людей Максим Горин — местный вотчинник.⁸⁴

На суде судьи великого князя Ф. Б. Мансурова между крестьянами митрополичьего Борисоглебского монастыря и села (или волости) Ивашов Угол присутствуют трое «мужей», по-видимому, крестьян.⁸⁵

На суде дворецкого князя П. В. Шестунова между аргуновскими крестьянами и Антоњево-Покровским митрополичьим монастырем — двое «мужей», возможно, волошан.⁸⁶

На суде В. А. Плещеева и Ф. С. Слизнава-Упина между властями Троицкого Сергиева монастыря и крестьянами Гавинской волости было 9 «людей добрых», по-видимому, волошан.⁸⁷

Как видно из приведенного перечня, состав судебной коллегии весьма различен. Волостные мужи присутствуют на суде не во всех случаях; иногда наряду с ними в суде участвуют местные феодалы — дети боярские. Количество судебных мужей также весьма различно — оно колеблется от 2—4 до 17. На этот счет не существует, видимо, какой-либо общей нормы.

При всей пестроте приведенных выше случаев из них можно сделать два вывода: во-первых, институт «волостных мужей» был важным элементом суда о землях; во-вторых, этот элемент существовал рядом с другими элементами феодально-вотчинного и приказного характера. Во всех перечисленных выше случаях органы волости — «мужи волостные» или «становичи», старосты, сотские, десятские и разметчики выступают представителями основной массы волостных людей — «христиан великого князя».

Наряду с этими органами на территории волости действуют власти, назначенные великим князем и охраняющие интересы Дворца. В административно-судебном отношении волость подчинена волостелю. Однако не видно, чтобы волостель распоряжался землею волости. В земельных актах он упоминается только один раз: это волостель гавинский, князь Семен Александрович, с разрешения которого был сделан разъезд Гавинской волости с владениями Троицкого Сергиева монастыря.⁸⁸ Кормленщик, назначаемый на ограниченный срок, волостель, естественно, чужд поземель-

⁸² Там же, № 582.

⁸³ Там же, № 628.

⁸⁴ См.: ОГКЭ, IV, № 847. — «Приказный» характер суда отметил С. Б. Веселовский в комментариях к акту № 628.

⁸⁵ АФЗХ, I, № 125.

⁸⁶ Там же, № 140.

⁸⁷ АСБВ, № 458.

⁸⁸ АСВР, I, № 544.

ных интересов волости, представляя собой главным образом судебную инстанцию.

Совершенно другую роль играет в волости дворский. Дворский Михайловского стана в 90-х годах М. Онцыфоров — «человек добрый», волостной. Так его назвал истец поп Григорий, так его назвал и судья.⁸⁹ Осташ Тиманов, «старый дворский» в Мишутинской волости 90-х годов, назван вторым из шести знахорей — людей великого князя старожильцов. Стоя на суде рядом с Трофимом Александровым, сыном бывшего жильца одной из запустевших волостных деревень, Осташ полностью присоединяется к его показаниям: «А мы, господине, яз, Трофимко, да яз, Осташ ... помним за семьдесят лет ...».⁹⁰ Как старожилец, дворский очень похож на волостных должностных лиц — старосту и сотника. Он «стоит» за тяглые и великого князя земли. Уведомляя «дворского и всех христиан» Мишутинской волости о пожаловании истопника Антона Гладкого деревней в волости, великий князь возлагает на них ответственность за тяглые земли: «... и вы б все за те мои земли с Гладким стояли».⁹¹ Дворский Степанко Куначин энергично взялся за свои обязанности: он отказал в волость монастырского крестьянина Кобцова с его деревней на спорной с монастырем земле. «Да и десятин, господине, мне дворской на монастырь не велел пахати, и яз ... от тех мест и не пашу десятин», — заявил Кобцов на суде.⁹² «Старый дворский» Останя в Кистемском стану в 60—70-х годах тоже деятельно «стоял» за тяглые земли великого князя. Несмотря на то что «дворское» уже 4 года было не за ним, а за Митей, Останя проявил живой интерес к земельной тяжбе некоего Андрона с попом Сидором и разоблачил перед судьей Андрона, самовольно распоряжавшегося тяглой землей. В результате Андрон и его родичи «земель великого князя дворскому Остане отступились».⁹³

Наконец, еще в одном аспекте функции дворского близки к функциям волостных должностных людей. Во второй четверти XV в. в. кн. Василий Васильевич обратился с грамотой в Аргуново к «дворскому и всем волостным людям»: «... и вы на ... люди монастырских разметов не мечите ...».⁹⁴ На эту грамоту очень похожа другая 60—80-х годов, только место дворского во второй грамоте занимает староста аргуновский.⁹⁵

Таким образом, дворский в волости Переяславского уезда — местный волостной человек, функции которого как представителя княжеской власти так тесно переплетены с функциями старосты

⁸⁹ Там же, № 582.

⁹⁰ Там же, № 571.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, № 628.

⁹³ Там же, № 326.

⁹⁴ Там же, № 156.

⁹⁵ Там же, № 332.

и сотского — представителей волости, что временами их трудно разграничить. Между дворским, с одной стороны, и старостой и сотским — с другой, сохраняется, однако, основное принципиальное различие. Староста и сотский — власти, стоящие над «черными людьми» княжеских духовных и договорных грамот и «волостными христианами» наших актов. Дворский — власть, стоящая над слугами великого князя на земле, защищающая особые интересы князя в волости. Общей тенденцией исторического развития было, по-видимому, расширение сферы этих интересов и соответственно сферы деятельности дворского. Б. Д. Греков, комментируя действия «старого дворского» Остани, справедливо отметил «большую осведомленность дворского не только в делах двора, но и в том, что делалось за двором в деревнях».⁹⁶ Само тесное слияние функций дворского и волостных должностных лиц свидетельствует о том, как глубоко и остро — в лице дворского — проникли в волость интересы и влияние великого князя, его дворцовой администрации и его хозяйства. Классическая формула княжеских духовных и докончаний: «а которые слуги потягли к дворьскому, а черные люди к сотником ...» — в переяславской волости XV в. уже не совсем соответствовала действительному положению дел.

Степень подчинения волости Дворцу была, по-видимому, различной в разных волостях. В Аргуновской волости дворский действует наряду со старостой; в Мишутинской — с сотником, но в этой волости в конце XV в. видна большая и активная роль дворского, не ограничивающаяся наблюдением за землями слуг; на Бармазове такую же роль играет сотник; дворского там в конце века не видно, но разводы бармазовских земель делаются не иначе, как по слову великого князя, и лицами, назначенными великим князем. В отличие от Бармазовской волости в Гавинской волости разъезд делает «за всю волость» десятский, но с доклада волостелю; инициатива развода здесь, по-видимому, принадлежит волостным людям. В Ивашовом Углу в 60—70-х годах распоряжается посельский великого князя; может быть, Ивашов Угол ближе других переяславских волостей подошел по типу к кинельским селам в. кн. Софьи Витовтовны, в которых живут «христиане серебренники» и страдники.⁹⁷ Дворецкий великого князя судит суд о землях Аргуновской волости и держит в поле зрения Бармазовскую. Представление о том, что волости Переяславского уезда подчинялись Дворцу в разной степени, кажется вполне естественным. Однако состояние материала не позволяет сгруппировать волости по степени их окняжения: для этой попытки наши сведения слишком отрывочны и случайны.

Одним из главных путей утраты волостью ее земель,

⁹⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 524, прим.

⁹⁷ Этому соответствует давнее проникновение в Ивашов Угол дворового княжого элемента.

а волощанами — их свободы, являются великокняжеские пожалования феодалам. В средневековой Руси, как и в других феодальных государствах, верховная власть в лице государя присваивает себе право распоряжения землями крестьянских общин и реализует это право, раздавая общинную землю своим вассалам и слугам. Именно так, вероятно, образовалось большинство феодальных владений, церковных и светских, и на землях Переяславского уезда. Однако к XV в. процесс формирования основных кадров московского вассалитета уже закончился,⁹⁸ и в это время пожалования черных земель чрезвычайно редки. За все многолетнее правление Ивана III неизвестно ни одного такого пожалования.

Второй путь перехода волостной территории в руки феодалов — захват ими пустующих крестьянских аллодов. На суде 90-х годов крестьяне-старожильцы Мишутинской волости так рассказывают о судьбе селищ по р. Вели, спорных с Троицким Сергиевым монастырем: «...жили на тех селищах хрестьяне за великим князем, а те деревни запустели от ратных людеи и от разбоев, а от тех мест на тех селищах люди не живали. А после того учали пахати наездом за пусто монастырские, а не ведаем, почему».⁹⁹ Эту же версию истории селищ крестьяне повторили через 7 лет — на суде писца кн. В. И. Голенина: «...пахали те земли на монастырь от булгаковщины,¹⁰⁰ а тому лет с шестьдесят».¹⁰¹ Запустение волостных селищ и их захват монастырем крестьяне ставят в прямую зависимость от феодальной войны 30—40-х годов. На первом из указанных процессов монастырская сторона не нашла, что ответить мишутинским крестьянам. Посельский старец Маркел откровенно признался: «...крепостей, господине, у нас на те земли нет никаких, не ведаем, хто будет те селища дал монастырю». Его знахори — монастырские бебяковские крестьяне — ограничились констатацией факта: «...пахали, господине, те селища отцы наши от игумена от Никона, а после отцов своих пашем те селища мы сорок лет» (что в общих чертах совпадает и с показаниями мишутинских старожильцев). На втором суде, первых лет XVI в., троцкий старец Гаврило Напольский представил список с данной грамоты Василия Борисовича (вероятно, радонежского боярина Копнина) на спорные селища (времен игумена Саввы — 1428—1432 гг.). Крестьяне Мишутинской волости, однако, решительно отвергли этот документ: «А тот, господине,

⁹⁸ Ср.: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947, стр. 84—86.

⁹⁹ АСВР, I, № 571.

¹⁰⁰ Видимо, имеются в виду убоицы 30—40-х годов; ср.: «булга» — тревога, «булгачить» — тревожить (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893, табл. 193). Такого же мнения придерживаются издатели АСВР (I, стр. 741).

¹⁰¹ АСВР, I, № 628.

список живой, и писаны в том списке земли волостные великого князя». ¹⁰² Ни список с таинственной грамоты, ни показания монастырских старожильцев не опровергают основного факта в истории селищ накануне их освоения монастырем — их запустения. Именно это запустение привело, по-видимому, к тому, что селища оказались в пользовании монастырских крестьян.

Похожую картину в другой части уезда рисует судное дело 70—80-х годов: крестьянин великого князя Малах Баращ (с Ивашова Угла) помнит «от Едигеевой рати», «что те селища Алтыново и Дубровка — земли великого князя, а пахал ... то селище Алтыновское суконник Алтын из города ис Переяславля, а опосле Алтына на том селище на Алтынове жил князя великого слуга Исак, а тянул к Ивашову Углу». Четыре других старожильца, помнящих «от великого мору», ни Алтына, ни Исака уже не помнят и могут только в общей форме подтвердить, «что те селища ... земли великого князя, а тянули к Ивашову Углу, а лежат пусты». Противная сторона — крестьяне села Милятина митрополичьего Борисоглебского монастыря — утверждает, что спорные земли «пахали, господине, отцы наши, живучи в том монастырском селе на Милятине, а опосле ... отцов наших ... мы пашем, живучи на Милятине ж лет с сорок». «Сорок лет» для акта 70—80-х годов — это 30—40-е годы. «Отцы», следовательно, могли пахать с 10—20-х годов — как раз примерно от «великого мору», после которого неизвестны ни Исак, ни Алтын, а «земли великого князя» «лежат пусты». ¹⁰³

¹⁰² Там же. — Происхождение списка, действительно, вызывает сомнения. Списки с данной грамоты Василия Борисовича известны в двух вариантах: в копиях книг (там же, № 61) и в упомянутом акте. В своих существенных чертах оба варианта вполне аналогичны, но в акте № 628 нет имен послухов и писца, добавлена фамилия дьяка. Сама грамота не сохранилась. Странными представляются следующие обстоятельства: 1) за 7 лет до появления списка на процессе монастырский посельский — лицо, как правило, хорошо осведомленное, — ничего не знал о существовании каких-либо крепостей на спорные селища; 2) в приписке к списку говорится о суде келаря Логина с мишутинскими крестьянами о спорных землях, решенном в пользу монастыря: об этом суде тоже ничего не знают ни монастырский посельский, ни монастырские крестьяне; 3) список, представленный старцем Гаврилой, написан и заверен дьяком Кобяком, по-видимому, совсем недавно, специально для этого процесса; однако Кобяк уже успел «утерять» подлинную грамоту, как он объяснил это судье. Подлинник грамоты, действительно, не сохранился. Но соответствовал ли он известным нам спискам? По свидетельству А. Горского, в кормовой книге монастыря 1593 г. есть запись: «Село Бебяково, а к селу сел и деревень 10 ... а дали то село Борис да Василен» (А. Горский. Историческое описание Свято-Троицкие-Сергиевы лавры, ч. II. М., 1890, стр. 50). Данная на село Бебяково не дошла ни в подлиннике, ни в списке. Права монастыря на это село, насколько известно, никто не оспаривал. Не исключена возможность, что троицкие власти или дьяк Кобяк подделали данную на Бебяково, вписав в нее спорные селища вместо названия села, после чего грамота была уничтожена, а списки с нее вошли в копиях книг.

¹⁰³ АФЭХ, I, № 125.

Таким образом, и здесь, по-видимому, — факт освоения монастырскими людьми волостной земли, запустевшей во времена Едигеевой рати или «великого мору». Нечто похожее — и в Бортной волости. «Яз, господине, ... помню до Едигеевой рати за десять лет, тут ... жил на том селище Ивашко Лапоть, а тянул ... к Ехтову», — дает свои показания старейшей из знахорей — пономарь Окиш. Его более молодые товарищи Лаптя уже не помнят, они только знают «кое то земля великой княгини бортная». Монастырская сторона утверждает, что спорное селище — уже, по-видимому, пустое — попало в руки монастыря вместе с дер. Феденинской в 30-х годах по вкладу боярина Лыкова. Двое монастырских крестьян заявляют, что они жили в этой деревне еще при боярине 10 лет и пахали это селище. Если они говорят правду, то селище распахивалось уже с 20-х годов, т. е. как раз с годов «великой межины». Таким образом, уже к этому времени селище запустело и исчез его жилец Ивашко Лапоть, давший ему имя.¹⁰⁴

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что фактический захват запустевших волостных земель крестьянами соседних феодальных вотчин был частым явлением, особенно в первой половине века, богатой социальными и стихийными бедствиями. При этом для истории волостных земель важно не то, что во время этих бедствий исчезали жильцы однодворных деревенок, а то, что волость не могла сохранить эти запустевшие деревеньки за собой. Это объясняется, вероятно, сильным запустением самой волости во времена феодальной войны 30—40-х годов. Проходя по переяславским волостям с их негустым и нечастым населением, каждая крупная «рать» или «меженина» оставляла за собой широкую полосу обезлюдевшей земли, которую не могли освоить уцелевшие волошчане. Запустевшие земли, преимущественно на окраинах волости, становятся легкой добычей того, кто был экономически сильнее и быстрее оправлялся от кризиса, — а таким является феодал, в первую очередь крупный монастырь, с его богатой казной, широким иммунитетом и религиозно-нравственным авторитетом, благодаря которым он меньше страдает во время какой-нибудь очередной «булгаковщины».

Однако еще большее значение для судьбы волости имела непрерывная работа сил, разлагавших ее изнутри и давивших на нее снаружи. Еще при игумене Никоне (1392—1427 гг.) Троицкий Сергиев монастырь приобрел за крупную сумму у некоего Дубровы Раменьева большой кусок земли на границе с Бармазовской волостью.¹⁰⁵ Так троицкая вотчина придвинулась вплотную к землям Бармазовской волости, и соседи ее теперь живут на волостной земле. Не прошло и двух десятков лет, как акт зафиксировал переход в руки монастыря владения одного из этих

¹⁰⁴ АСВР, I, № 340.

¹⁰⁵ Там же, №№ 18, 19, 20.

новых соседей. Иван Пента (упоминаемый в качестве соседа во всех трех вариантах купчей Дубровы Раменьева) продал троицкому чернецу два селища с лесом — Поддыбскую и Черньцу, «куда его топор ходил, куда его коса ходила».¹⁰⁶ Судя по цене сделки (100 алтын) и по характеру упоминания о селищах, это запустевшие деревни волостных людей каким-то образом оказавшиеся в руках Пенты, который их не пахал, а использовал в качестве угодий.

Примерно к этому же времени относится вклад в Троицкий Сергиев монастырь некоего Матвея Лукина: «пустошь на Бармазове» и четыре селища с лесом, тянущие к этой пустоши.¹⁰⁷ Матвей Лукин приводился выше в качестве примера волостного владельца некрестьянского типа — владельца по крайней мере нескольких деревень. Сейчас важно отметить, что этот владелец появляется перед нами именно в момент отчуждения им своих земель в пользу монастыря-феодала. Именно такие элементы, в социально-экономическом отношении уже отошедшие от волости (хотя и сохранившие, может быть, юридическую связь с нею), и являются в первую очередь движущими силами ее разложения.

Из документа первого десятилетия XVI в. известно, что дер. Подбережская, на которую претендует сотник Бармазовской волости Окул, говоря, что в ней жил «слуга бронной» В. Родивонов, в действительности еще в 60—70-х годах дана в Троицкий Сергиев монастырь переяславским протопопом Семеном.¹⁰⁸ Как могла оказаться в руках протопопа волостная деревня? Вероятно, тоже путем отчуждения волостным жителем, может быть, тем же «слугой бронным», воспользовавшимся тем, что «та земля» за ним «в книгах» Степана Бородатого «не писана».

В середине 70-х годов келарь Троицкого Сергиева монастыря Савва тягался с мишутинским сотником Малыгой о земле селища Кровопусковского. Келарь предъявил судье купчую у А. Савватьева на спорную землю, «где то селище именем писано». Действительно, в этой купчей, относящейся, по-видимому, к 50-м годам, селище Кровопусковское названо вместе с двумя другими, тянущими к земле Савватьевской — вотчине продавца. Но в этой купчей есть приписка: Андрейка Савватьев, написавший купчую «своею рукою», впоследствии бил челом великому князю, «рекши: купил у него Логин (келарь Троицкого монастыря, — Ю. А.) ту землю сильно за ... приставом великого князя». Хотя Савватьев «на келаря в том не довел ничем» и проиграл дело, это обращение к суду после совершения сделки представляет интерес.¹⁰⁹ Ввиду того что история покупки земли у Савватьева вообще довольно темная, не исключена возможность, что селище Кровопусковское,

¹⁰⁶ Там же, № 143.

¹⁰⁷ Там же, № 162.

¹⁰⁸ Там же, № 641.

¹⁰⁹ Там же, № 430.

на которое претендует волость, — волостная земля, попавшая в купчую вследствие каких-то злоупотреблений монастырских властей или самого Савватыева.

Приведенные примеры позволяют установить еще один путь утраты волостью ее земель. Этот путь — отчуждение земель, принадлежавших волости, на сторону, не волостным людям, причем особенно тяжелые последствия для волости должно было иметь отчуждение в пользу привилегированного и сильного владельца — феодала, в первую очередь монастыря: земля или угодья, попав в руки феодала, превращаются в его неприкосновенную собственность и полностью теряют связи с волостью.

К последним десятилетиям XV в. — первым годам XVI в. относится большинство земельных тяжб между волостью и соседями-феодалами. Апеллируя к авторитету великого князя, волость пытается вернуть некоторые земли, захваченные ранее феодалами. Но обращение волости к защите великого князя неизбежно приводит к усилению контроля дворцовой администрации над волостными землями и людьми и к росту землевладения княжих слуг-министерялов на территории волости. Великий князь стремится сохранить под своим непосредственным контролем и черные земли, и их население.

История черной волости XV в. — один из этапов процесса перехода от дофеодалных отношений к феодальным. Волость Переяславского уезда представляет собой в изучаемое время сложный организм, в котором элементы собственно волостные, т. е. крестьянские, переплетаются с элементами инородными в лице княжих слуг, а также с такими элементами, которые, будучи волостными по своему происхождению, стремятся выйти из состава волости. Эти разнородные элементы объединяются до известной степени сходными социально-экономическими условиями (мелкое хозяйство) и отсутствием привилегий (в широком смысле «черные» люди в отличие от феодалов). Судьба волости определяется соотношением этих элементов. Усиленное проникновение на территорию волости княжих слуг ведет в перспективе к превращению ее в княжое дворцовое хозяйство — частную собственность государя-феодала; отчуждение волостных земель на сторону и захват земель и угодий соседями-феодалами грозит полным исчезновением волости. Социальные потрясения первой половины XV в. привели к ослаблению волости и к сокращению ее территории; эти потрясения обострили и ускорили процесс феодализации волостной земли. Во второй половине века, в условиях относительной политической и экономической стабилизации, волость упорно борется за свои земли и угодья с соседями-феодалами и в то же время, по-видимому, в возрастающей степени подпадает

под влияние Дворца. Сужение функций волостной администрации, частичное сращивание ее с дворцовой и раздача волостных земель княжим слугам — нарастающие признаки превращения черной волости в дворцовую; но, несмотря на это, ко времени образования централизованного государства в Северо-Восточной Руси волость — даже в одном из центральных и издавна феодализируемых уездов — сохранила еще значительный удельный вес.

Черные волостные земли и их население входят в состав феодального государства. Развитие феодальных отношений в стране бросает свою тень и на те земли, которые еще не попали непосредственно в руки феодалов. В политической и социальной организации феодальной Руси XV в. черные люди занимают низшую ступеньку непосредственных производителей; они ограничены в правах и испытывают в полной мере феодальное «разноправие». Земельная собственность волостных крестьян — непривилегированная, ограниченная собственность нефеодального характера (т. е. не связанная с политическим господством над непосредственными производителями), эта собственность — перерождающаяся в условиях феодального государства прежняя дофеодальная собственность свободных общинников. Сохранение остатков прежних дофеодальных отношений определяет качественное отличие волости XV — начала XVI в. от соседней феодальной вотчины.

В этих условиях борьба волости за свои земли, людей и права носила, по существу, антифеодальный характер и была одним из главных направлений классовой борьбы в средневековой Руси. Подвергаясь давлению феодалов извне и изнутри, волость XV — начала XVI в. отнюдь не была пассивной свидетельницей расхвата своих земель. Волостные органы — старосты, сотские и «все христиане» — появляются на страницах актов прежде всего как борцы за интересы волости против соседей-феодалов. Эта борьба протекает в течение жизни многих поколений и в широком диапазоне форм и средств — от апелляции к суду великого князя до самовольного вторжения в феодальную собственность с применением насилия («боя и грабежа») против представителей феодальной администрации. В условиях конца XV — начала XVI в. волость, таким образом, достаточно жизнеспособная организация, ведущая активную борьбу против феодала.

Большинство упоминаний актов о черной волости и ее землях относится к северо-восточной (волости Бармазовская, Гавинская и др.) и южной (волости Аргуновская, Бортная и др.) частям уезда. В северо-западной части уезда известна крестьянская община Мишутина стана. Разъезжая грамота 1504 г. называет многочисленные поселения волостных и становых людей по дмитровскому и кашинскому рубежу, т. е. на северо-западе, севере и северо-востоке. Меньше всего волостных земель к концу XV в. сохранилось, по-видимому, в западных станах — Кинельском (где упоминается одна Площевская волость) и Верхдубенском (где

довольно многочисленный актовъй материал не называет ни одной волостной общины).

По-видимому, темп феодализации — скорость превращения волостных земель в феодальную собственность, а волостных людей в зависимое население феодальной вотчины — был неодинаковым в разных частях уезда. Отсюда вытекает как разница в социально-экономическом облике переяславских станов и волостей, так и различие в их дальнейших судьбах.

Глава II

СВЕТСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ВОТЧИНА И ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ

Светские вотчинники появляются на страницах актов в момент сделки с монастырем как контрагенты и послухи, при разъезде монастырских земель — как «мужи на разъезде», на суде о монастырских землях — как «люди добрые» — знахори и как «судные мужи». Документы, отражающие сделки вотчинников между собой — купчие, меновные, духовные грамоты, сохранились лишь в тех случаях, когда они были связаны с владениями, позднее попавшими в руки монастыря.

Вотчины основного фондообразователя — Троицкого Сергиева монастыря — были расположены в XV в. главным образом в западной части уезда (станы Кинель и Верхдубенье), поэтому основная масса известий о светских вотчинниках относится также к этому району, а о землевладельцах в других частях уезда наши сведения очень незначительны.

Основной момент в характеристике феодального владения — наличие феодально эксплуатируемого населения, труд которого составляет хозяйственную основу вотчины.

Некоторые документы Троицкого архива позволяют проследить самый процесс складывания феодальной вотчины. К таким документам относятся купчая и духовная некоего Патрикея Строева, жившего в Верхдубенском стану в самом начале XV в. По купчей Патрикей приобретает у Парфения Сваткова за 15 руб. село Игнатьевское с тремя селищами¹ — то самое село, которым он позднее распоряжается в духовной. К моменту смерти Патрикея долг за село еще не выплачен, и его душеприказчик, брат Константин (Костен), в приписке на обороте духовной сообщает, что «заплатил долг Парфенью дал ... три рубли, досталь земново серебра».²

К какому типу владельцев принадлежит автор духовной? То или иное решение этого вопроса имеет принципиальное значение

¹ АСВР, I, № 10.

² Там же, № 11.

для интерпретации и использования содержания документа. Это решение осложняется наличием двух, казалось бы, противоположных тенденций, заключенных в самом тексте духовной и связанной с ней купчей.

С одной стороны, купля Строева и объект его предсмертной заботы — село Игнатьевское с тремя селениями — является, по видимому, владением феодального типа. В пользу этого говорит прежде всего сама характеристика владения, состоящего из владельческого центра — села с тянувшими к нему поселениями (хотя бы и пустыми в данное время) зависимых крестьян или «людей». Этому соответствуют и некоторые другие черты духовной: «отец душевный» завещателя — сам игумен Троицкого монастыря; из четырех послухов один — Иван Беклемишев, — судя по фамилии, несомненный феодал, выходец из знатного рода Беклемишевых.

С другой стороны, обращает на себя внимание незначительность того имущества, которое автор духовной оставляет своим наследникам. О земле известно только, что на ней «сеяти ныне рожь» наследникам завещателя «по половинам». Хлеб, уже посеянный, идет наследникам «по жеребьям». О поселениях же ничего не говорится — ни о селе, ни о деревнях.³ Однако было бы опасным, исходя только из этого, прийти к выводу, что речь идет о трехпольной деревне с ее озимым клином, подлежащим севу, с яровым полем и старой озимью, ждущими уборки урожая (в такой деревне крестьянского типа без каких-либо тянувших к ней поселений собственно и делить нечего — достаточно отдать самые общие традиционные распоряжения в духе постоянной практики обычного права). Вотчина П. Строева могла достаться его детям в совместное владение (что нередко практиковалось в XV—начале XVI в.);⁴ в этом случае завещатель также не делит свое имущество.

Стадо П. Строева невелико. «Жеребчик ворон и кобыла карая» подлежат продаже для уплаты долга, а остальные делятся следующим образом: двое «сыновеи болших» получают в совместную собственность «кобылку гнедую лонскую», и первый из них, кроме того, «кобылку гнедую, да корова пестрая большая, да вол бурой, да другой черныи». «Кобылка саврасая [с] жеребятем, да кобылка голуба, да две коровы, черная да бурая, да вол редр» должны составить благосостояние вдовы завещателя с малыми детьми.⁵

Подобные распоряжения рисуют образ мелкого владельца, знающего свое богатство — свой скот — во всех деталях, со всеми приметами и заботливо разделяющего между наследниками всех этих «кобыл гнедых» и «коров черных», называя их чуть не по-

³ Там же.

⁴ Об этом говорят, например, довольно частые разделы имущества, находившегося прежде в совместном владении.

⁵ АСВР, I, № 11.

именно и тщательно взвешивая все их качества. Такое знание своего скота доступно только мелкому вотчиннику, непосредственно ведущему свое хозяйство. В духовной нет никаких упоминаний о «людех» завещателя. Косвенно это свидетельствует о небольшом масштабе владения Строева.

Наиболее интересным, хотя в то же время и наиболее трудным для анализа, разделом духовной является тот, в котором говорится о денежных обязательствах. Духовная начинается с перечисления долговых обязательств: «Взяти ми на Пануте рубль, на полтину косити ему искос, на полтину взяти два борана. Взяти ми на брате на Панутине на Онисиме полтину, на то взяти искос. Взяти ми у Ермака у Огофонова полтину да две овчины. Взяти ми у Фоки да у Пантелеика полтину да овчину. Взяти ми в Охотине на Устинке полтину да боров. Взяти ми на Якуше на попове зяте на Офанасове семь гривен. А дати ми Фегносту два рубли. Дати ми Вассияну Ондронову полтину. Дати ми Костену брату четыре рубли. Дати ми на Москву ... Климю четыре гривны».⁶ Кто такие должники Строева? Ответ на этот вопрос в значительной степени предопределяет социальную характеристику самого автора духовной.

На мой взгляд, текст документа дает право сделать одно из двух предположений. Должниками Строева являются зависимые от него крестьяне, живущие в его вотчине. В таком случае Строев представляется уже не таким мелким владельцем. Однако этому противоречат как общий характер духовной, рисующей Строева именно как мелкого владельца, так и структура акта: известные нам духовные всегда перечисляют поселения, принадлежащие завещателю; «серебро изделное» в таких духовных не смешивается с долгами и кредитом завещателя. Поэтому, не отвергая в принципе первую возможность, более осторожным было бы предположить, что должники — это крестьяне, живущие не обязательно в вотчине Строева. Духовная показывает процесс «посеребрения» этих крестьян — втягивание их в хозяйство вотчинника посредством выдачи ссуды. Если это предположение может быть принято, то перед нами открывается механизм сколачивания мелкой вотчины. Конструкция долговых обязательств, осложненная отработкой процентов,⁷ говорит об элементах личной зависимости должника от кредитора. Нарастание этих элементов может в перспективе привести должников внутрь ограды вотчины Строева.

⁶ Там же.

⁷ Л. В. Черепнин считает, что в духовной Строева речь идет о выплате долга натурой (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 240—241). Однако, по-видимому, это не так. «На полтину взяти два борана» — это явно процент. В середине XV в. баран оценивался в 10 денег (АСВР, I, № 260), следовательно, два барана как раз и составляют обычный процент «на пять шестой». Такого же мнения И. И. Смирнов (И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 3, стр. 161).

Этому соответствует потеря крестьянами своих деревень, продаваемых или отдаваемых за долг кредитуру. Трудность анализа акта не позволяет утверждать, что это произошло уже в настоящее время. Но подобная тенденция представляется в достаточной мере реальной. Во всяком случае сфера хозяйственных интересов Строева расширяется за пределы его «земли» и его стада — расширяется за счет «искосов», «боранов» и «полтин», связывающих его с крестьянами. Именно эти связи, т. е. привлечение труда «посеребренных» крестьян, и являются, по-видимому, хозяйственной основой вотчины Строева, мелкого владельца, идущего по пути превращения в феодала.

Долговые обязательства самого Строева носят принципиально иной характер. Кредиторами Строева являются, во-первых, его родня в лице брата Костена (4 руб.), во-вторых, монастырские люди. Около трети долга — платежи за купленную землю ее бывшему владельцу. Эти три статьи покрывают почти весь долг Строева, остаются только четыре гривны (4% долга) какому-то Климу на Москве. Значительный интерес представляют имущественные связи Патрикея с Троицким монастырем. Двум представителям этого монастыря — Феогносту, «игумнову сыну» (в котором можно видеть зависимого от игумена человека, предка позднейших «детенышей») и старцу Вассиану — он должен в общей сложности 2½ руб.; старцу Вассиану, кроме того, еще две овчины.⁸ С этими фактами можно сопоставить и участие игумена Никона в составлении духовной, и завещание монастырю недавно сделанной значительной по размерам купли. Однако роль монастырского кредита не следует преувеличивать. В ряду долговых обязательств он стоит на третьем месте, составляя около ¼ всех долгов.

Другим примером мелкой вотчины может служить владение игумена Никиты Камчатого и его потомков. В конце XIV в. Никита Камчатый поставил на своей земле церковь Воскресения и сам служил в ней.⁹ Для Никиты и его сына Алексея Носа характерна активная приобретательская деятельность. Эта деятельность отразилась в документах, о которых говорит на суде в конце XV в. сын Алексея Ивашко: «...у меня на ту мою землю дедину и вотчину были грамоты духовные и купчие деда моего и отца моего, да холоп их, господине, пократчи да попортил у них печяти... Одного, господине, дьяка Катавасыны руки, который писал духовную отца моего, тое господине, руки грамот добуду з десять».¹⁰

Если даже Ивашко и преувеличил число грамот, которые он может «добыть», суть дела остается ясной. Перед нами — настоящая вотчина, образованная и расширенная рядом сделок-купель, переходящая по духовной от отца к сыну и с холопом в качестве

⁸ АСВР, I, № 11.

⁹ Ср.: С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 64—65.

¹⁰ АСВР, I, № 521.

бытовой фигуры. «Люди добрые суседи» (Иван Офанасьев, Тит Напольский, Астафий Хахилев, Василий Афанасьев сын Галина, Степан Гаврилов), на которых ссылается Ивашко, — в своем большинстве известные по актам феодалы-вотчинники. Вотчина Камчатых-Носовых — также, видимо, феодальное владение. За счет каких земель растет эта вотчина? На судебном процессе выясняется, что вотчинная церковь Камчатых-Носовых была религиозным центром небольшой округи. Из поколения в поколение соседи Камчатых-Носовых — мелкие владельцы и крестьяне — приходили в церковь «душою» и делали мелкие вклады земель и движимым имуществом. О размерах этих вкладов и о характере вкладчиков говорит на суде сам Ивашко Носов: «Давали, господине, отцы их игумену или попу, — кои будет игумен или поп силен, много всхочет пахати, и отцы их ... по четверти или по две дадут в поле вспахати, чего сами не возмогут попахати; а к церкви ... земли не придаывали». Значит, уж очень «не сильны» были отцы истцов, раз они не могли попахать лишнюю четверть-другую в поле. Потомки «вкладчиков» Я. Бессоньев и Ф. Ларин вполне подтверждают такой вывод: «Придавали, господине, отцы наши земли безымянные».¹¹ Конечно, небольшие кусочки озимого или ярового клнна могут не иметь своих названий.

В показании И. Носова особо подчеркивается, что эти «вклады» давались не церкви, а только попу, и носили временный характер. Такие вклады являются, надо полагать, одним из моментов втягивания земель экономически маломоощных соседей — мелких владельцев или крестьян — в орбиту владения более крупного — нарождающейся феодальной вотчины. «Купчие грамоты», т. е. окончательное отчуждение этих земель, следующий этап этого же процесса. В 80-х годах XV в. вотчина Воскресенская, принадлежавшая уже боярину Г. В. Заболотскому, состояла из сельца с церковью, трех деревень и пустоши.¹²

В руках Заболотского бывшая наследственная вотчина Камчатых увеличилась: боярская администрация продолжала практику округления владения путем мелких сделок с соседями.¹³ Во времена же Алексея Носа к сельцу тянуло едва ли больше 1—2 деревень. Отсюда вытекает, что Камчатым и его потомками приобретались каждый раз небольшие участки, может быть, части крестьянских участков, вроде тех одной-двух четвертей, которые «придавались» прихожанами-соседями попам на пашню.¹⁴

¹¹ Там же.

¹² Там же, № 455.

¹³ Там же, № 288 (купля дер. Скворцовой у ее «вотчича» — мелкого землевладельца или крестьянина).

¹⁴ В судьбах вотчины Никиты Камчатого существенную роль сыграло, по-видимому, ее расположение на границе или на территории Пловцевской волости.

В истории носовской вотчины как бы реализуются тенденции, заложенные в деятельности Патрикея Строева, втягивавшего в свое хозяйство соседей-крестьян. «Купли» игумена Никиты и его сына отражают следующий этап в развитии мелкой вотчины — этап, на котором не только труд крестьян, но и их земли попадают в орбиту соседа-вотчинника. Церковь-монастырек, относящаяся к могущественной, авторитетной и привилегированной корпорации, могла в ряде случаев стать первичной клеточкой, завязью феодальной вотчины.

Попытку сколотить мелкую вотчину путем приобретения небольших участков можно наблюдать и на примере уже упомянутого в первой главе Андрона, жившего в середине XV в. где-то недалеко от Кистмы. Андрон распоряжается «землями князя великого — иные ... земли дает в закуп, а иную продал, а иные в наимы».¹⁵ Хотя попытка Андрона оказалась неудачной, — он и его родичи вынуждены были «отступиться» от захваченных земель перед судом великого князя — значение ее нельзя недооценивать. Несмотря на бедность источников, известны случаи, когда люди, живущие на территории волости, распоряжаются двумя или несколькими запустевшими крестьянскими участками (Матвей Лукин на Бармазове).¹⁶

История складывания мелкой вотчины не исчерпывается, однако, только ростом территории и хозяйственной силы владения. Около 1450 г. некий Андрей Афанасьев купил в митрополичьем уделе, в Романовской волости, у Андрея Никитина и Григория Мелешкина «землю Васильевскую Голямова да и Заречскую землю».¹⁷ Судя по тому, что покупатель «дал на ней» всего два рубля и что в купчей не упомянуто ни о каких других поселениях, надо полагать, что это была обыкновенная деревня, а ее бывшие владельцы — крестьяне. О социальном положении самого Андрея говорит то, что сын его — поп, а внук — мелкий землевладелец, тщетно пытавшийся вернуть проданную дедом вотчину от митрополичьих крестьян, поселившихся в ней.¹⁸ Андрей Афанасьев получил на свое владение жалованную грамоту государя этих мест, митрополита Ионы, с полным феодальным иммунитетом.¹⁹ Так маленькая деревня стала юридически иммунитетным феодальным владением. Постригшись затем в Троицкий Махрищский монастырь, Андрей продал свою вотчину за ту же цену в митрополичий удел.²⁰

Если история Голямовской вотчины интерпретирована правильно, то перед нами существенный момент в истории склады-

¹⁵ АСВР, I, № 326.

¹⁶ Там же, № 162.

¹⁷ АФЗХ, I, № 128.

¹⁸ Там же, № 129.

¹⁹ Там же, № 133 (25 мая 1450 г.).

²⁰ Там же, № 127.

вания мелкой вотчины. Она превращается в собственно феодальное владение не только по существу, но и по форме. Государственная власть (в данном случае в лице митрополита) выдачей жалованной грамоты санкционирует образование нового феодального владения и придает юридическую форму уже существующему социально-экономическому факту. Мелкая вотчина становится привилегированным владением. Таким образом, рост за счет экспроприации мелких производителей, прежде всего крестьян, постепенное увеличение владения путем ряда мелких сделок и, наконец, получение юридического статуса феодала — такова основная линия развития мелкой вотчины.

Сохранившийся актовъй материал показывает в ее истории и другую тенденцию — тенденцию отрицательную. Наиболее ясно эту тенденцию можно проследить на примере уже известных владельцев сельца Воскресенского (Алексеевского). Социальная карьера семьи Никиты Камчатого преломилась на его внуке Ивашке. По словам последнего, он «после отца своего Алексея бил челом Григорию Васильевичу служить, и з своею вотчиною, с тем сельцом с Олексеевским». Григорий Васильевич Заболотский «тое ... сельцо Олексеевское взял за себя», а Носову «дал тут жеребеи земли у церкви с попом по половинам».²¹ Так мелкий вотчинник превратился в боярского холопа — послужильца, держателя в боярской вотчине (на своей же бывшей земле) половины жеребья церковной земли — участка среднего крестьянского типа. После многих лет «службы» Ивашко вышел на волю, но уже без вотчины, а только «с тем ... жеребеем церковным». Круг замкнулся: мелкий вотчинник, вчерашний холоп, оказался примерно в том же положении, в котором был его дед перед началом своей приобретательской карьеры.

Таков путь, пройденный мелкой вотчиной за три поколения ее владельцев. Этот путь представляется характерным. Мелкая вотчина, выросшая за счет крестьянских аллодов, сама превращается в источник роста для крупной боярской вотчины, поглощающей и ее, и ее владельца.

Но боярский двор не всегда безусловно отсекает всякую социальную перспективу; и здесь перед нами — третий существенный момент в природе мелкой вотчины. Отпущенный своим боярином, Ивашко Носов играет в социальном смысле двоякую роль. С одной стороны, его «жеребеи церковнии с попом по половинам» — продукт распада прежней вотчины его отца и деда, как и сам Ивашко — «изгой», выражаясь давно забытым языком кн. Всеволода Мстиславича. Но, с другой стороны, он еще и вотнич церкви, и тот же «жеребеи церковнии» может стать снова завязью новой мелкой вотчины. Духовные грамоты XV в. пестрят именами холопов, отпускаемых на волю. Нет сомнения, что для

²¹ АСВР, I, № 521.

большинства из них выход на волю означал возвращение в прежнее дохолопское, крестьянское состояние. Это касается отпускаемых завещателями людей деловых и страдников. И. Носов и подобные ему бывшие вотчинники, оказавшись на воле, стоят перед другой перспективой. Для них отпуск на волю означает возможность снова стать мелкими вотчинниками — возможностью, которая в благоприятных обстоятельствах имеет шансы быть реализованной. Актовый материал показывает, что в рядах боярских послужильцев встречаются люди и более крупные, чем Носов. Такими послужильцами оказались, например, Воронины — внуки и правнуки довольно богатых переяславских феодалов. В случае отпуска на волю перед ними, вероятнее всего, та же карьера мелкого вотчинника.

Таким образом, одна из важных черт в истории мелкой вотчины — это пополнение рядов мелких вотчинников за счет отпускаемых на волю боярских холопов — послужильцев.

Особая разновидность мелкой вотчины — землевладение мелких княжих слуг. Как мы видели на примере Антона Гладкого, мелкое землевладение княжих слуг возникает и развивается с санкции князя-государя на территории черной волости. Мелкие участки княжих слуг-министерялов на волостных землях были подведомственны дворцовой администрации (в лице дворского) и находились на особом учете.

Некоторые сведения о землях мелких слуг начала XVI в. содержатся в сошной с письма В. Г. Морозова и З. А. Сатина 1519 г. Холоп великой княгини Митя Лаптев держит дер. Спаскую, в которой, кроме господского двора, — двор «человека» его и крестьянский двор. Сокольник Курман с сыновьями держат три деревни, с двумя владельческими дворами и одним крестьянским. Сокольник Енин с детьми держат сельцо Воронино с восемью крестьянскими дворами.²² Мы видим, таким образом, диапазон размеров поместья слуги от одного крестьянского или холопского двора до настоящего феодального владения.

Социальная эволюция княжого слуги на земле шла, по-видимому, именно в сторону превращения верхнего слоя этих слуг, слуг-министерялов типа псарей и сокольников, в настоящих феодалов-помещиков, сливающихся в социально-экономическом отношении со старинными феодалами типа детей боярских. Для иллюстрации можно, например, указать, что в последней четверти XVI в. выходец из старинного рода Баскаковых — потомственный переяславский вотчинник средней руки — оказывается конным псарем, владельцем поместья с окладом в 150 четвертей рядом со своей же родовой вотчиной.²³

Мелкая вотчина и ее владельцы не раз привлекали внимание историков русского средневековья. Наиболее развернутая харак-

²² АФЭХ, ч. I, № 23.

²³ ОГКЭ, IV, № 1478.

теристика этого социального явления принадлежит перу С. Б. Веселовского, который уделил мелкой вотчине значительное место в своих монографиях и впервые ввел в научный оборот большое количество связанного с ней актового материала.²⁴ С. Б. Веселовский видит «в массе мелких вотчинников людей различных социальных категорий и самых различных профессий».²⁵ Однако самый значительный контингент в составе мелких вотчинников сбразуют измельчавшие и обедневшие потомки феодалов («бояр в широком значении этого слова») — «отбросы боярства, класса служилых привилегированных землевладельцев», которые до того опустились, что уж «не в состоянии нести ратную службу у князей, как слуги вольные».²⁶ Именно эта категория мелких вотчинников находится в центре внимания С. Б. Веселовского. Вторую, менее значительную категорию составляют холопы, отпущенные на волю с землей — часто те же бывшие мелкие вотчинники.²⁷ С. Б. Веселовский не отрицает также возможности появления мелких вотчинников из великокняжеских крестьян, но, согласно его концепции, это бывает «в виде исключения».²⁸

Свое внимание С. Б. Веселовский сосредоточивает на взаимоотношениях мелкого вотчинника с княжеской властью и крупным феодалом, в частности монастырем. По его наблюдениям, мелкая вотчина часто является питательной средой для крупного феодального землевладения: мелкие вотчинники в поисках покровительства «сильных людей» отдаются в холопство с землей князю, боярину или поступают в монастырские слуги.²⁹

Однако другая сторона истории мелкой вотчины — ее взаимоотношения с волостными крестьянами — ускользает из поля зрения исследователя, что является непосредственным следствием общей концепции С. Б. Веселовского, игнорировавшего черную волость. Отсюда вытекает и то, что С. Б. Веселовский не различает в составе мелких вотчинников две социальные категории, имеющие различную природу и различное значение: мелкое крестьянское владение, вырастающее на почве разлагающейся волости и проявляющее тенденцию перерасти в феодальную собственность, и мелкое феодальное владение — осколок раздробившейся крупной вотчины. В истории мелкой вотчины как социального явления наибольшее значение имеет первая из указанных категорий. Мелкой вотчиной в настоящем смысле слова является именно собствен-

²⁴ С. Б. Веселовский. 1) Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 56—68; 2) Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 203—216.

²⁵ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 208.

²⁶ Там же, стр. 206.

²⁷ Там же, стр. 207.

²⁸ Там же, стр. 208.

²⁹ Там же, стр. 205.

ность разбогатевшего волостного крестьянина, а также княжого слуги, посаженного на волостную землю.

Два пути возникновения мелкой вотчины на территории волости отражают две формы феодализации этой последней. Внутреннее разложение волости в силу причин социально-экономического характера, приводящих к ослаблению и распаду общинных связей, ведет к образованию мелкой вотчины общинника-аллодиста. Появление на волостной земле деревни, условного владения мелкого княжого слуги, отражает процесс феодализации «сверху» — процесс «окняжения» волости, т. е. освоение ее территории князем как собственником. Несмотря на различие судеб княжого слуги, сидящего на земле, и свободного вотчинника, создающего свое владение путем мелких купель и мелких захватов, их социальная роль тождественна. Особенность мелкой вотчины — участие владельца в производительном труде наряду с эксплуатацией крестьянина и холопа. По отношению к волостным крестьянам мелкий вотчинник выступает в качестве эксплуататора, присваивающего труд и имущество крестьян. Именно это качество мелкого вотчинника определяет в конечном счете социальную природу и роль его и его владения в истории аграрных отношений.

В истории мелкой вотчины большую роль играет запустение крестьянских земель и вообще ослабление контроля над землями со стороны волости. Появление и распространение мелкой вотчины — симптом распада волостных общинных связей. Наш актовый материал сохранил только слабые следы этого социального явления, которое, возникшая повсеместно и повседневно, делало свое дело, способствуя распространению и развитию феодальных отношений.

Иное положение занимает мелкая вотчина и ее владелец по отношению к классу феодалов. В тех случаях, когда в результате приобретательской деятельности вотчинника ему удастся создать владение более или менее значительных размеров и получить юридический статус феодала, т. е. порвать последние связи с волостью, история мелкой вотчины, как таковой, кончается, и дальнейшая судьба владения и владельца должна рассматриваться уже под другим углом зрения — в связи с историей класса феодалов. Превращение в настоящих феодалов было, по-видимому, особенно характерным для княжих слуг конца изучаемого периода. Во многих случаях, однако, мелкому вотчиннику не удавалось сохранить независимость своего владения и личную свободу. В таких случаях перед ним открывается перспектива коммendaции, т. е. вступления в ту или иную степень зависимости от более крупного феодального организма, а созданная им вотчина вливается в фонд боярских или монастырских земель. Таким образом, мелкий вотчинник превращается или в феодала, или — вместе со своим владением — в питательную среду для феодала. В обоих случаях, однако, роль его деятельности в аграрной истории остается в существенных

чертах неизменной. Эта роль — превращение нефеодальной, крестьянской, волостной собственности в собственность феодальную. Мелкая вотчина может рассматриваться как одна из форм и один из факторов феодализации. Это заставляет считать ее важным социальным явлением в истории русского феодализма, хотя и очень слабо отраженным в отрывочных упоминаниях уцелевшего актового материала.

Определяющим признаком феодальной вотчины является наличие населенных земель и угодий, тянущих к владельческому центру — селу или сельцу. При этом размеры феодальных вотчин, как и социальный ранг их владельцев, были очень различными. М. В. Конков, живший в Кинельском стане и умерший до 1478 г., мог распорядиться в своей духовной всего тремя поселениями: дер. Полосинской и пустошами Павловской и Дурносоповской.³⁰ Князь И. Ю. Патрикеев, боярин Ивана III, завещал двум своим сыновьям и вдове более 40 сел и селец с тянущими к ним деревнями в 12 уездах; он же назвал поименно более 160 глав семей своих «людей», оговорив при этом, что не все его люди «писаны в сей душевной грамоте».³¹ В первом случае перед нами владение, едва ли превышающее по своим размерам мелкую вотчину Никиты Камчатого, с которой его внук бил челом в службу боярину Заболотскому. Во втором — громадная вотчина, которая при компактном расположении могла бы составить целый уезд. Таков диапазон размеров феодальных владений XV в.

Однако, по-видимому, большинство переяславских феодалов владело вотчинами среднего типа — селом или сельцом с несколькими тянущими к нему деревнями. Именно к владельцам такого типа (называемым в дальнейшем средними вотчинниками) принадлежит основная масса феодалов, упоминаемых в сохранившемся актовом материале. Вотчинниками этого типа были Афанасьевы, Баскаковы, Воронины, Зубачевы, Зубовы, Клобуковы, Кроткие, Напольские, Петелины, Редриковы, Рябинины, Сватковы, Свежины-Солонины, Скрипицыны, Фаустовы, Шараповы и др.

Актальный материал сообщает некоторые сведения об этих вотчинниках. Имя Баскаковых впервые упоминается в первой половине XV в., когда Иван и Данило Баскаковы были послухами при духовной на кинельское село Скнятиново.³² В последние десятилетия XV—начале XVI в. в актах известны имена, вероятно, следующего поколения Баскаковых: это Иванов сын Василий Пешок,³³ Никитины дети Иван, Никула и Федор,³⁴ Семеновы

³⁰ АСВР, I, № 456.

³¹ ДДГ, № 86.

³² АСВР, I, № 228.

³³ Там же, № 466.

³⁴ Там же, №№ 466, 597.

дети Гавриловича Иван и Никита Шарап.³⁵ Таким образом, в это время существует несколько линий Баскаковых. При этом необходимо отметить два существенных обстоятельства: в троицких актах Баскаковы упоминаются только как послухи или мужи на разъезде и только в актах, связанных с Кинелем. Отсюда можно сделать два предположения: во-первых, Баскаковы не давали земель в монастырь, во-вторых, их вотчины были расположены на территории Кинельского стана (материал XVI в. подтверждает этот вывод).

Зубовы и Петелины — также кинельские вотчинники. В первой половине XV в. некая Мария, по-видимому, Петелина завещала внуку Михаилу довольно крупную вотчину в Кинеле, в том числе село Скнятиново.³⁶ В этой же духовной указан и развод землям Михаила с братом Андреем, владельцем села Ивановского. Документы второй половины XV в. позволяют установить, что этот Андрей — Зубов.³⁷ Таким образом, Зубовы — ближайшие родичи Петелиных, одна из ветвей их рода. Скнятиновская вотчина Петелиных существовала уже во времена Ивана Калиты, как свидетельствует жалованная грамота 1450 г. Ивану Петелину.³⁸ О масштабах этой вотчины в первой половине XV в. можно судить по тому, что в составе ее упоминаются три села с деревнями (Новое, Скнятиновское и Ратковщина), деревня в Московском уезде и двор в Переяславле. В числе имущества названо 27 имен «людей» (холопов) с семьями и одиночек.³⁹ В середине XV в. И. Петелин продал Скнятиново П. И. Морозову за 60 руб.⁴⁰ и около этого же времени село Новое каким-то путем оказалось во владении Алферия Едигея.⁴¹ К 60-м годам XV в. оба села попали к Троицкому Сергиеву монастырю⁴² и переяславские вотчины Петелиных прекратили свое существование.⁴³ В отличие

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, № 228.

³⁷ Сохранился список с разъезжей грамоты Ивана Петрова и Кузьмы Андреева на их земли (АСБР, I, № 477). Анализ топонимки списка показывает, что линия разъезда соответствовала отводу села Ивановского в духовной № 228: в обоих случаях линия идет от Кожухова врага к Совью болоту и дальше к дороге. Далее можно установить, что Кузьма Андреев — это Зубов: своим отцом он называет сначала Андрея, а потом Арсения Зубова (вероятно, иноческое имя Андрея). Более поздние документы Андрея Зубова уже не знают.

³⁸ АСБР, I, № 236.

³⁹ Там же, № 228.

⁴⁰ Там же, № 241.

⁴¹ Там же, № 347.

⁴² Там же, № 346. — Жалованная грамота, тарханная и несудимая, 1467 г. на село Скнятиново с деревнями. По-видимому, около этого же времени монастырь выменял у Алферия Едигея село Новленское (там же, № 347).

⁴³ В первой половине XVI в. Петелины известны как землевладельцы Московского уезда. В росписи сошных окладов 1540-х годов упоминаются поместья и вотчины Петелиных в Шеренском стану Московского уезда (АСБР, № 899).

от них село Ивановское сохранило своих родовых владельцев. Во второй половине XV и начале XVI в. Зубовы неизменно упоминаются как соседи села Скнятинова, участники разъездов его земель. Так, разъезжая 1478—1482 гг. доводит линию разъезда до «Кузьмины межи и Захаринской межи».⁴⁴ Кузьма и Захарий — это Зубовы: Андреев сын Кузьма и его дети Акинф и Михайло — мужи на разъезде в том же акте; Захарий Зубов известен как данный пристав великого князя на село Скнятиново,⁴⁵ а трое его детей — Феодосий Губа, Микита Миклаш и Семен — местные землевладельцы, соседи села Скнятинова.⁴⁶

В 60-х годах XV в. в одном из кинельских актов названы в качестве послухов двое Топорковых — Григорий Клобук и Семен Семенов.⁴⁷ Их земли были расположены также в этом районе; в начале XVI в. дети Григория Клобука владеют селами на Молокче: Семен Сотница — селом Андреевским,⁴⁸ Федор — селом Усовым.⁴⁹

Кроткие — кинельские вотчинники, соседи Зубовых и Петелиных. В 60-х годах XV в. земли Даниила Кроткого граничат с селом Новленским, принадлежавшим прежде Петелиным.⁵⁰ В этом же месте находились земли Кротких и полвека спустя — в 1517/18 г. на разъезде сельца Нового-Едигеевского упомянуты земли Федора Кроткого.⁵¹ В конце XV в. Данилов сын Семен — служилый человек, судья великого князя в соседней митрополичьей волости (1498 г.).⁵²

Первое упоминание о Редриковых относится к началу XV в., когда Михаил Елизарович Редриков был послухом при покупке Троицким монастырем села Зубачева-Юрьевского на границе Верхдубенского стана с Радонежем.⁵³ В 20—30-х годах XV в. известны две сделки Редриковых с Троицким монастырем: в Верхдубенском стану Кузьма Редриков продал землю Сенинскую за 8 руб. (цена 2—3 крестьянских участков);⁵⁴ по духовной его брата Александра монастырь получил пустошь Косинскую.⁵⁵ Во второй половине XV—начале XVI в. вотчинами владеют следующие поколения Редриковых. Это Кузьмин сын Семен,⁵⁶ Васильевы дети Андрей и Семен (сын боярский), Михайлов сын

⁴⁴ АСВР, I, № 466.

⁴⁵ Там же, № 360.

⁴⁶ Там же, № 597.

⁴⁷ Там же, № 347.

⁴⁸ АСБВ, № 485.

⁴⁹ ОГКЭ, IV, № 821.

⁵⁰ АСВР, I, № 347.

⁵¹ АСБВ, № 512.

⁵² АФЭХ, I, № 117.

⁵³ АСВР, I, № 15.

⁵⁴ Там же, № 60.

⁵⁵ Там же, № 154.

⁵⁶ Там же, № 522.

Дмитрий и сын последнего Гридя.⁵⁷ В это время известны сделки Редриковых как с соседями, так и между собой. Так, С. К. Редриков купил (примерно в 60-х годах в XV в.) у соседей, местных вотчинников Вельяминовых, часть их родовой вотчины — землю Демино и пустошь Елагино.⁵⁸ В 1511/12 г. С. В. Редриков купил у своих «братничей», Вериговых детей, полдеревни Стоски за 6 руб.⁵⁹ Таким образом, Редриковы тоже сохраняли свои земли на протяжении всего XV в., почти не вступая в сделки с соседом-монастырем.

Остальные фамилии вотчинников XV в., известные по монастырским актам, упоминаются в них по 1—2 раз за весь рассматриваемый период. Подобные упоминания ценны только как свидетельство наличия земель этих вотчинников в XV в.

Если о вотчинниках, мало или совсем не вступавших в сделки с монастырем, сохранились только отрывочные сведения, то гораздо подробнее освещена в троицком архиве история Ворониных — феодальной семьи начала XV в., лишившейся в пользу монастыря всех своих земель. Пятеро сыновей Якова Воронина — Иван Хлам, Григорий Слабень, Василий Плясец, Кузьма и Андрей Кривой — живут в начале века в Кинельском стану по рекам Торгоше и Вондоге, где, рядом с землями Троицкого монастыря, расположены их села и деревни.

Весьма интересен путь, по которому пошла старшая линия Ворониных в лице Ивана Ивановича Воронина-Хламова и его сыновей. «Тот Иван... дался в холопи при отце при своем до мору княгине Офросинье, а держал от нее волость Куней», — сообщает об этом Иване Хламове «память о роде» Ворониных.⁶⁰ Таким образом, перед нами факт добровольного похолопывания феодала, его превращение в княжеского министеряла в соседнем уделе. Уничтожение Дмитровского удела на рубеже первой и второй третей XV в. оказало решающее влияние на судьбу детей Воронина-Хламова. В маленьком дворе княгини Евпраксии, — в сущности, обыкновенной частновладельческой вотчине — для них уже не нашлось места. Из пяти сыновей И. Хламова трое — боярские холопы, четвертый «вскормлен» местным вотчинником и стал в «попех», пятый «вскормлен» в Троицком Сергиевом монастыре и стал монастырским дьяком. Такое «вскармливание» в чужом дворе есть не что иное, как холопское, несвободное (или во всяком случае сильно зависимое) состояние.

Таков путь, пройденный старшей линией Ворониных. При оценке значимости этого пути важно отметить, что похолопывание И. И. Хламова не было вызвано исключительными обстоятельствами: «память о роде» подчеркивает, что холопство его началось

⁵⁷ Там же, №№ 577, 582.

⁵⁸ Там же, № 522.

⁵⁹ ОГКЭ, IV, № 993.

⁶⁰ АСВР, I, № 391.

именно «до мору». Надо думать поэтому, что и само холопство-коммендация не было исключительным явлением, а представляло собою скорее нередкий вариант жизненной практики. Наличие в первой половине XV в. многих удельных дворов, готовых принять «храбрых и смысленых мужей» и предоставить им возможность служебной карьеры, делает коммендацию важным социальным явлением. В перспективе это явление приводит либо к образованию в рамках удела слоя зависимых держателей — феодалов, либо, в случае крушения удела, — к пополнению «вскормленных» в чужих дворах боярских и монастырских слуг.

Судьба других линий рода Ворониных сложилась иначе. Брат И. И. Воронина-Хламова, Алексей Бобоша, постригся в Троицкий Сергиев монастырь и дал в него свою вотчину — село Шатровское и три пустоши.⁶¹ Можно предполагать, что вотчина Бобоши запустела в мор 20-х годов и что это обусловило пострижение владыка. В стенах монастыря Бобоша сделал большую карьеру, став келарем — первым лицом после игумена. Как показывают троицкие акты, такая карьера отнюдь не исключение. Для феодала XV в., потерпевшего жизненное крушение, двери монастыря широко открыты: пополняя своими запустевшими вотчинами монастырский земельный фонд, такие феодалы играют крупную роль в монастырском соборе.

Потомство младшего сына Якова Воронина, Андрея Кривого, погибло в мор 20-х годов, «а вотчины их подостались монастырю при игумене при Никоне».⁶² Та же участь, по-видимому, постигла и земли других сыновей Я. Воронина. Однако есть основание полагать, что какие-то потомки Я. Воронина выжили в мор и сохранили свои земли: в актах конца XV в. фигурируют Ф. И. и Ю. В. Воронины; первый из них — землевладелец примерно в районе старых воронинских вотчин,⁶³ а второй — должностное лицо великого князя, разъездчик старой воронинской вотчины села Дерюзина от великокняжеских земель.⁶⁴

История Ворониных — это история распада и гибели почти всех ветвей феодально-вотчинного рода, теряющего свои земли в пользу монастыря или боярина. Акты показывают процесс гибели феодальной вотчины под воздействием внешних причин, что говорит о недостаточной устойчивости такой вотчины в условиях первой половины XV в. В этих условиях рядовой в служебном и имущественном отношениях феодал легко выбивается из колеи и превращается в исходный материал для формирования целого ряда социальных типов — от зависимого держателя княжой волости до «изгоя» и от «вскормленного» монастырского слуги до келаря крупнейшего монастыря. Общим во

⁶¹ Там же, № 53.

⁶² Там же, № 391.

⁶³ Там же, № 559.

⁶⁴ Там же, № 560.

всех этих модификациях вчерашнего феодала-землевладельца является усиление его зависимости от более крупных и сильных феодальных организмов — князя, боярина и монастыря. Судьба Ворониных — это судьба рядовых вотчинников в далеко не редких для их времени обстоятельствах. По справедливому замечанию С. Б. Веселовского, «те же бедствия разорили в первой четверти XV в. множество землевладельцев».⁶⁵ Следует добавить только, что моры и «меженины», опустошавшие более или менее обширные районы, а также «рати», близкие к этим бедствиям по характеру воздействия, были частыми явлениями не только в первой четверти XV в., но и вплоть до 60—70-х годов. Надо думать поэтому, что тенденции, проявившиеся в судьбе Ворониных, в той или иной форме и степени характерны для многих других современных им и однотипных с ними феодалов — владельцев вотчин среднего размера.

Похожие черты можно увидеть и в истории Копниных. В. Б. Копнин — боярин радонежского князя Андрея Владимировича. Ему принадлежат вотчины на р. Нерли, в Мишутине стану и в Радонеже. Во второй четверти XV в. В. Б. Копнин дал перед смертью несколько запустошенных вотчин в Троицкий Сергиев монастырь.⁶⁶ Его вдова М. А. Копнина еще в течение 30 лет владела нерльской и радонежской вотчинами, которые после ее смерти перешли к Троицкому Сергиеву монастырю.⁶⁷ Какие-то Копнины, возможно их потомки, упоминаются на рубеже XV—XVI вв. как рядовые местные вотчинники.⁶⁸

В первой половине XV в. Троицкий Сергиев монастырь приобрел вотчины Зубачевых⁶⁹ и Шараповых.⁷⁰ Судя по тому, что эти фамилии больше нигде не упоминаются, они исчезли из состава землевладельцев. Необходимо отметить, что если Зубачевы продали свое владение, в котором, кроме села Юрьевского, было 6 жилых деревень, за крупную сумму (45—55 руб.), то А. Шарапов дал свою запустевшую вотчину (село Шараповское и 9 пустошей) даром.

Актовый материал XV в. показывает две тенденции в судьбах средних вотчинников — соседей Троицкого Сергиева монастыря: одни из них теряют свои земли, уступая их на тех или иных началах крупному феодалу — монастырю; другие — на протяжении жизни многих поколений участвуют в монастырских сделках только в качестве свидетелей. Какая же из этих тенденций пре-

⁶⁵ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 168.

⁶⁶ АСВР, I, № 193.

⁶⁷ Там же, № 457.

⁶⁸ Борис Иванов сын Копнин женат в 1505/06 г. на Марии Стоговой — дочери и сестре небогатых кинельских землевладельцев (АСВР, III, № 471).

⁶⁹ АСВР, I, № 15, 16.

⁷⁰ Там же, № 81.

обладает? Из сотни вотчинных фамилий, упоминаемых в актах XV в., примерно половина известна и в XVI в. в качестве местных землевладельцев.⁷¹ Для этой группы вотчинников характерно отсутствие каких-либо значительных отчуждений земель в пользу монастыря. Сделки между соседями-вотчинниками приводят, как правило, не к уничтожению вотчины, а к естественному движению земли в руках представителей одного и того же слоя класса феодалов. Монастырские акты свидетельствуют, что отчуждение вотчин в пользу монастырей в XV в. было далеко не таким распространенным явлением, как это обычно принято считать.⁷²

Примеры упадка и гибели средневотчинных фамилий относятся в основном к первой половине XV в. В большинстве случаев причиной утраты земли такими вотчинниками было запустение владений — следствие социальных потрясений и стихийных бедствий того времени. В последние десятилетия XV в. подобные явления прекратились, прекратились и вклады в монастыри.

Наряду с большим числом вотчин среднего размера, принадлежавших детям боярским, в уезде в XV в. были и крупные боярские вотчины, насчитывавшие по многу десятков крестьянских дворов. Такого типа вотчины принадлежали Заболотским, Замытским, Зворыкиным, Плещеевым, Патрикеевым, Чулковым и другим представителям высшего слоя феодалов — боярства. Возникновение большинства боярских вотчин в Переяславском уезде можно поставить в связь с формированием ядра московского великокняжеского боярства. По авторитетному мнению С. Б. Веселовского, это формирование относится к XIV в.⁷³

В ряде случаев на этимологии фамильных прозвищ отразилась топонимика владений. Так, одна из линий боярского рода Всеволожей получила прозвище Заболотских. Вотчины представителей этой линии прослеживаются в источниках конца XV — начала XVI в. в районе Заболотья, за р. Дубной, тянутся на восток и заходят в Пневицкий стан. Согласно родословцам, первым носителем фамильного прозвища Заболотских был Василий, шестой сын Ивана Меньшого Александровича. Этот Иван Меньшой — младший сын родоначальника, смоленского князя Александра Всеволодовича. Его старшие братья — воеводы в Передовом полку на Дону (1380 г.).⁷⁴ Отсюда приблизительное время деятельности Василия Заболотского — конец XIV — начало XV в. Это подтвер-

⁷¹ При этом надо, конечно, учитывать неполноту монастырских архивов.

⁷² Из 100 вотчинных фамилий XV в., прослеживаемых по актам Троицкого монастыря и являющихся в большинстве своем его соседями, сделки с монастырем на землю отмечены у 24.

⁷³ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 85.

⁷⁴ ВОИДР, стр. 95.

ждается тем, что один из его сыновей, Никита, убит в бою на Белеве (1437 г.),⁷⁵ а младший сын Григорий известен как деятель второй трети XV в.⁷⁶ Именно ко времени Василия Заболотского, т. е. не позднее рубежа XIV—XV вв., относится, вероятно, складывание Заболотской вотчины.

Другой пример. На рубеже Переяславского уезда с Тверским княжеством, в Замытье, в источниках известны обширные вотчины Замытских. Прозвище Замытский впервые получает в родословце Иван Владимирович, сын Владимира Ивановича, внук Ивана Акинфовича (род Ратши).⁷⁷ Иван Акинфович был активным участником событий начала XIV в., в частности битвы под Переяславом.⁷⁸ Внук его жил, вероятно, в последней трети XIV в., как и его двоюродные братья Андреевичи — Свибло, Челядня, Остей и др.⁷⁹ Видимо, и Замытская вотчина возникла не позднее конца XIV в. При отсутствии прямых указаний источников следует полагать, что вотчины этого времени образовывались путем пожалования великим князем части территории уезда (стана, волости). Летописи и родословные предания сохранили смутные свидетельства о таких пожалованиях.⁸⁰ Таким же путем возникла в более позднее время, во второй четверти XVI в., вотчина князей Глинских в Кинельском стану Переяславского уезда — на месте бывшей Площевской волости.⁸¹

Таким образом, появление ряда крупных боярских вотчин относится к XIV в. Именно в этот период происходила, видимо, интенсивная раздача переяславских волостных земель феодалам — вассалам великого князя: создавая себе социальную опору в лице бояр и вольных слуг, князья московского дома жалуют им в вотчину значительные земельные массивы. Однако княжеское пожалование — только исходный момент в становлении боярской вотчины. Вся ее дальнейшая история определяется взаимоотношениями с местными социальными элементами, окружающими боярскую вотчину со всех сторон. Эти элементы — черная волость, мелкая вотчина, среднефеодалное владение и монастырь.

Один из аспектов истории боярской вотчины — коммендация мелкого вотчинника крупному феодалу (Ивашко Носов).⁸² Коммендация — один из существенно важных путей роста крупного фео-

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ ДРВ, XX, стр. 2, 3.

⁷⁷ ВОИДР, стр. 102, 105.

⁷⁸ ПСРЛ, т. VIII, стр. 184; т. X, стр. 175; т. XXV, стр. 393.

⁷⁹ ВОИДР, стр. 102. — Эти Андреевичи — бояре великих князей Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича.

⁸⁰ См.: С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 193 и др.

⁸¹ Судя по межевой книге Троицких вотчин, эта вотчина уже существовала в 1557—1559 гг. (см.: МК-254, №№ 204, 220 и др.).

⁸² АСВР, I, № 521.

дального землевладения и увеличения социальной мощи боярина-землевладельца. В основе ее лежит стремление мелкого владельца обеспечить свое существование ценой ограничения своей свободы; в поисках этого обеспечения он обращается к наиболее сильным и устойчивым феодальным организациям. К их числу в XV в. наряду с княжим двором и монастырем относится также и двор крупного боярина. Для крупного феодала коммендация означает дальнейшее расширение власти и влияния: принимая в «холопство» («службу») мелких вотчинников, боярин становится собственником их вотчин; вчерашние независимые владельцы вливаются в состав боярского двора в качестве послужильцев — военных или хозяйственных слуг, а если это крестьяне — увеличивают число непосредственных производителей.

Некоторые моменты истории боярской вотчины позволяют проследить духовные грамоты А. М. и П. М. Плещеевых. А. М. Плещеев распоряжается землями в 4 уездах: Переяславском, Ростовском, Дмитровском и Московском. В Переяславском уезде ему принадлежат (с тянущими к ним землями) село Елизаровское, приданое жены завещателя Елены; полсела Веськи, прикуп завещателя; селыца Твердилово и Лихаревское; в Рождественской волости (части исторического Переяславского уезда, числившейся в момент составления духовной в соседнем Дмитровском уезде) — село Богородское; дер. Коряково, купля завещателя, и несколько более мелких купель; селище Перепечино, купля по жалованью великого князя. Способы приобретения земель каждый раз указываются в духовной; надо полагать поэтому, что селыца Богородское и селыца Лихарево и Твердилово, о которых эти указания отсутствуют, представляют собой наследство, полученное завещателем от отца, боярина Михаила Борисовича. В Ростовском уезде А. М. Плещееву принадлежит селыца Примково, купленное по жалованью великого князя у князя Дмитрия Ростовского Примкова, и несколько мелких прикупов; в Московском уезде — купля дер. Хороброво.⁸³

Вотчина А. М. Плещеева состоит из ряда феодальных комплексов разного масштаба, но по преимуществу крупных, расположенных в нескольких уездах. Обращает на себя внимание большой удельный вес новых приобретений: из 6 более или менее крупных владений, которыми распоряжается А. М. Плещеев, только два достались ему от отца (село Богородское и селыца Лихаревское и Твердилово, рассматриваемые в духовной как одно владение). Купли А. М. Плещеева частью расширяют и округляют отцовские владения, частью составляют основы новых вотчин. Особый интерес представляет купля селища Перепечина «по жалованью великого князя». Согласно наблюдениям С. Б. Веселовского, подобная формулировка означает куплю земли

⁸³ Там же, № 562 (1491 г.).

у князя.⁸⁴ В данном случае, по-видимому, речь идет о купле запустевшей черной земли, может быть, выморочного участка, которым распорядился великий князь.

С духовной А. М. Плещеева можно сопоставить духовную его младшего брата Петра, умершего на 20 лет позднее. П. М. Плещеев имеет земли также в 4 уездах. К его владениям относятся в Переяславском уезде село Выпуково на р. Кунье в западной части уезда, «благословение» отца, с прикупам у родичей: невестки (жены брата Григория), брата Андрея, племянника Михаила Андреевича; село Буташево на р. Рокше в восточной части уезда, купля у мачехи; в Московском уезде — село Нахабино в Горетове стану, купля у «братаничей» — детей Григория Михайловича; село Герасимовское там же, купля у Ивана Жохова, округленная прикупам; в Верейском уезде село Андреевское Львовское, вымененное у дьяка Кобелева; селцо Юрчаково Беклешевское, купля у брата Тимофея; дер. Васильевское Синего, купля; в Звенигородском уезде деревни Шилово и Философово, пожалованье князя Юрия Ивановича; дер. Гузеево, купля с прикупам.⁸⁵

В вотчине П. М. Плещеева видны те же основные черты, что у его брата: наличие владений, крупных и средних, в разных уездах; большой удельный вес новых приобретений; округление и расширение старых владений и основание новых. В Переяславском уезде следует выделить крупный комплекс села Выпукова и отметить, что вотчины П. М. Плещеева концентрируются в тех же двух районах, что и вотчины его брата: в западной части уезда по берегам р. Куньи и в восточной части уезда в бассейне р. Нерли.

Из духовной П. М. Плещеева выясняется также, что на р. Кунье были владения и третьего Михайловича — Григория. Материалы XVI в. показывают, что здесь же была вотчина и четвертого брата — Тимофея Юрло, причем крупный феодальный комплекс — село Дерябино.⁸⁶

Суммируя эти данные, можно прийти к вероятному предположению, что один из центров старинной вотчины М. Б. Плещеева⁸⁷ был расположен по берегам р. Куньи — в смежных частях Верхдубенского стана и Рождественской волости. Именно этим объясняется позднейшая концентрация вотчин его сыновей в этом

⁸⁴ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 75, 79—80.

⁸⁵ ОГКЭ, IV, № 944 (1510 г.).

⁸⁶ В жалованной грамоте 1534 г. Троицкому Сергиеву монастырю на село Дерябино оно названо селом «Ивановским Юрлова» (АСБВ, № 734). Ср.: «А у Тимофея у Юрла дети. Иван Большой да ... да Иван Кудреватый, все бездетны» (ВОЙДР, стр. 99). После бездетного Ивана село было, видимо, взято «на государя».

⁸⁷ Его вклад в Троицкий Сергиев монастырь — пустошь Волочаниновская в Верхдубенском стану (АСБВ, I, № 370).

районе.⁸⁸ Другой центр переяславских владений М. Б. Плещеева находился, вероятно, в восточной части уезда, по рекам Шахе и Тошме, где в конце XV—начале XVI в. известны вотчины Андрея и Петра Михайловичей.

Среди новых приобретений первое место занимают купли. При этом, если А. М. Плещеев покупает земли у посторонних лиц разного социального положения — от бывшего удельного князя до попа, — то контрагентами П. М. Плещеева часто являются его родичи. В этом последнем обстоятельстве отразилось действие института родового выкупа, права примущественной покупки у родичей. Это еще раз показывает недостаточность «теории родового распада» для объяснения развития феодального вотчинного землевладения, свидетельствуя о наличии в рамках «фамильного права» противоположных тенденций, распада и концентрации, в значительной степени уравнивающих друг друга.

Большой интерес представляет конкретное рассмотрение судеб вотчин А. М. и П. М. Плещеевых на рубеже XV и XVI вв. Отдельные новые вотчины — самостоятельные феодальные комплексы — возникают, как правило, путем приобретений у крупных владельцев. Таково, например, село Примково в Ростовском уезде, купленное А. М. Плещеевым по жалованию великого князя у кн. Дмитрия Примкова, — очевидно, родовое гнездо этих ростовских князей. Таково и село Андреевское Львовское в Верейском уезде, вымененное П. М. Плещеевым у государева дьяка. Это же можно сказать и о селе Елизаровском в Переяславском уезде, доставшемся А. М. Плещееву в качестве приданого его жены. Все это — крупные владения, перешедшие лишь из рук одних крупных феодалов в руки других.

Расширение же этих владений осуществляется путем ряда сравнительно небольших, а часто даже мелких купель у соседей. Так, в районе села Елизаровского духовная А. М. Плещеева называет три купли: у местных вотчинников Лихаревых — полсела, у Аврама и Семена Сарыевских — «село земли» и селище. Село Примково в Ростовском уезде округлено куплями деревни и двух наволоков у троицкого попа и его «братьи»; прикуп небольшой,

⁸⁸ Село Богородское — на высоком холме, господствующем над местностью, над левым берегом Куньи, недалеко от впадения ее в Дубну. Поемные луга, пожни села, названия которых сохранились частично до наших дней, спускались вниз по холму к самой реке. Ниже села и кругом него располагались деревни; часть названий их осталась в топонимике как названия урочищ. За Богородским недалеко от него стояла дер. Коряково, позднее сельцо. С холма села Богородского хорошо виден возвышенный правый берег р. Куньи, на котором на самом высоком месте выше по реке стоит село Выпуково. В радиусе 3—4 км это село было окружено деревнями, тянувшимися выше и ниже по реке, названия деревень частично сохранились. Смежно с Выпуковым, в 4—5 км от него и от берега Куньи, находилось село Дерябино с его многочисленными деревнями; село и деревни исчезли во время «литовского разорения» (вероятно, в начале XVII в.).

невелик и масштаб продавцов; их следует отнести к категории мелких вотчинников. Дер. Коряково, купленная у Ф. Ф. Родионова в Рождественской волости, округлена лугами на р. Куньеме — куплей у брата бывшего владельца деревни. О Родионовых больше ничего неизвестно; судя по этому, а также тому, что деревня принадлежала одному брату, а луга к ней — другому, можно предположить, что эти Родионовы — владельцы мелкого масштаба. Интересно отметить, что в состав этой новой Плещеевской вотчины включены починок Сауловский, «где сел Гридя сын Дьяков», и дер. Новая, «где сели Вагановы дети» — новые поселения, основанные зависимыми от Плещеевых крестьянами или «людьми».

Особенно интересны методы расширения вотчины села Богородского. Селище Перепечино куплено «по жалованью великого князя». Но эта купля — только предпосылка для настоящего расширения феодального комплекса. Основной этап этого расширения — основание новых деревень на купленной земле: «...а посадил есми на том селище пять деревень». Этот факт, как мне кажется, имеет большое значение, показывая социальную природу процесса роста боярской вотчины. В конечном счете этот процесс определяется не переходом земель от одного феодала к другому, а общим ростом феодального землевладения путем эксплуатации труда привлекаемых в вотчину зависимых крестьян или сажаемых на пашню людей феодала, создающих новые хозяйственные единицы — деревни, тянущие к феодальному владельческому центру — селу. Этому вполне соответствуют данные о другой куньемской вотчине — селе Выпукове. К селу Выпукову тянуло в 1510 г. 18 поселений, из них о 10 говорится как о новых приобретениях (7 деревень и 3 починок). Из 8 старых поселений — 5 деревень и 3 починок. И в новой, и в старой частях этого села наблюдается интенсивное хозяйственное освоение земли путем роста починок. Основание новых починок увеличило число хозяйственных единиц села Выпукова в полтора раза.⁸⁹

Расширяя свою территорию, вотчина вступает в борьбу с крестьянской волостью: о таком конфликте говорит, например, духовная П. М. Плещеева (1510 г.).⁹⁰ Это явление вполне закономерно. Волостные крестьянские земли служили резервом роста для крупной вотчины не в меньшей степени, чем для средней и мелкой.

Земледельческое население вотчины, состоящее из феодально зависимых и несвободных людей, составляет основу ее хозяйственной мощи и определяет возможности дальнейшего расширения.

⁸⁹ По-иному оценивает состояние вотчины П. М. Плещеева С. Б. Веселовский: он видит в ней «яркий пример дробления в семейном разделе огромного земельного богатства крупнейшего представителя старого московского боярства» (С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 82—83).

⁹⁰ «А что мой луг Выпукова села на Дубне ..., а пожаловал меня тем лугом отец мой ... и нынеча те луги в суде великого князя хрестьяны с волостными ...» (ОГКЭ, IV, № 944).

Реализацией этих возможностей следует считать и починок в Твердилковской вотчине — новое поселение, еще не получившее названия, врезавшееся между вотчинами соседей — братьев Култашевых. Купля у этих братьев — Полковский лес и пожни на Сотье — окружает твердиловские владения.⁹¹

Как видно на примерах А. М. и П. М. Плещеевых и Г. В. Заболотского, возможность роста крупной боярской вотчины определяется политическим, экономическим и социальным могуществом феодала. Боярин, играющий видную роль на службе своего государя — великого князя, получает земли из его рук или покупает их по государеву жалованью. Экономическая сила крупного боярина, богатство его казны, питаемое в первую очередь трудом подвластного земледельческого населения, позволяет широко практиковать покупку новых земель, как населенных, так и ненаселенных, подлежащих еще хозяйственному освоению.

Социальное значение боярина как крупного феодала дает возможность привлекать во владельческую орбиту крупной вотчины новые кадры феодально зависимого населения — от вчерашнего мелкого вотчинника до крестьянина. В свою очередь эта возможность располагать кадрами крестьян и «людей» играет главную роль в освоении новых земель, приобретаемых феодалом.

Питательную среду для роста боярского землевладения составляют более слабые в социальном отношении организмы, в окружении и на фоне которых развивается боярская вотчина в XV в.: средние феодалы, мелкие вотчинники, продукты распада крестьянской волости. Составляемая из владений разного происхождения и масштаба, боярская вотчина представляла собой довольно пеструю картину. Личные и владельческие права ее многочисленного населения были так же различны, как различно было происхождение составных частей этого населения. Над массой непосредственных производителей — крестьян и холопов-страдников — возвышается группа слуг высшего ранга — министриалов, потенциальных землевладельцев.

Интересный вопрос связан с «людьми» кн. И. Ю. Патрикеева Козодавлевыми. В духовной князя назван Митуй Андреев сын Козодавлев, передаваемый кн. Авдотье с женой и детьми. В этой же духовной в числе сел, завещаемых сыну кн. Василию, названо

⁹¹ Похожую картину можно наблюдать и в звенигородских владениях П. М. Плещеева. Он купил у душеприказчиков П. Товаркова дер. Гузеевскую и два починок. Эта купля стала центром новой боярской вотчины. К дер. Гузеевской потянуло в руках П. М. Плещеева пожалованье кн. Юрия Ивановича — две деревни и луг; к этой же земле был присоединен «лужек Микифоровский», купленный у братьев Новинского монастыря. Особо следует отметить, что П. М. Плещеев «посадил ново по лесе на Гузеевской же земле два починочка». Таким образом, Гузеевская вотчина сложилась из разных приобретений; эта вотчина, как сумма хозяйственных единиц, растет за счет основания новых поселений. Труд зависимых крестьян или «людей», расчищающих лес, и здесь является решающим моментом в расширении феодальной вотчины.

Козодавлево, «у Москвы на Клязьме». С этими указаниями духовной можно сопоставить меновную грамоту, по которой в декабре 1499 г. (т. е. через несколько месяцев после опалы кн. Патрикеевых в феврале того же года) дворецкий великого князя кн. П. В. Шестунов выменял у Козодавлевых (Константинова сына Ивана или Яковля и его детей) их вотчину — село Новое Козодавле на р. Клязьме в Быкове стану Московского уезда.⁹² Хотя вопрос о взаимоотношении Козодавлевых этого акта с персонажами духовной кн. И. Ю. Патрикеева остается неясным, связь между ними представляется несомненной, равно как и связь между селом Козодавлевым патрикеевской духовной и вотчиной Ивана (Якова) Козодавля и его детей.

Изучаемые материалы не дают основания говорить об упадке боярской вотчины в XV—начале XVI в., на что есть указания в литературе.⁹³ Не говорят они и о задолженности бояр, являющейся, по мнению большинства исследователей, бичом служилого светского землевладения и показателем его несостоятельности.⁹⁴ Крупнейший переяславский вотчинник А. М. Плещеев имеет, судя по его духовной, долги на общую сумму 16 руб., в то же время ему должны разные лица более 100 руб. (не считая «серебра» на людях и крестьянах на сумму в 120 руб.). При этом надо отметить, что как должники, так и кредиторы А. М. Плещеева — светские люди, вотчинники такого же типа, как он сам, а также его собственные родичи.⁹⁵ Ни в какие денежные и вообще имущественные сделки с монастырем (главным кредитором светской вотчины, по мнению, укоренившемуся в литературе) этот боярин не вступает. Такие же черты имеет и духовная П. М. Плещеева. Он — землевладелец и деятель несколько меньшего масштаба, чем его старший брат, размах его денежных операций значительно уже: сумма его долгов — около 4 руб., ему должны разные лица 16 руб.⁹⁶ Из более поздних документов выясняется, однако, что П. М. Плещеев сделал крупный долг (200 руб.), не отраженный в его духовной.⁹⁷ Кредитором П. М. Плещеева является родич его жены кн. Иван Оболенский-Стригин, такой же крупный вотчинник, как и он сам. Подобные факты заставляют более осторожно относиться к распространенной теории об экономическом кризисе светской вотчины.⁹⁸

⁹² АСВР, I, № 624.

⁹³ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 50—55 и др.

⁹⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. II, М., 1954, стр. 53—62; С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1897, стр. 76 и сл.

⁹⁵ АСВР, I, № 562.

⁹⁶ ОГКЭ, IV, № 944.

⁹⁷ Там же, № 994.

⁹⁸ Одним из основоположников этой теории был С. В. Рождественский, который в качестве одного из примеров «густой сети долговых обязательств»,

Роспуск боярских дворов и конфискация боярских вотчин, которые были нередким явлением в последние десятилетия XV в., коснулись и Переяславского уезда. Опала князей Патрикеевых повлекла за собой конфискацию их земель, поступивших в распо-

путывающих, по его мнению, «каждого вотчинника», привел духовную Д. Г. Плещеева середины XVI в. (С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., стр. 79—80). Действительно, на первый взгляд Д. Г. Плещеев имеет очень неблагоприятный платежный баланс: сумма его денежных долгов — 179 руб., а ему должны всего 4 руб. Однако этот документ заслуживает более подробного рассмотрения. Конструкция долговых обязательств Д. Г. Плещеева такова: из 23 его кредиторов два монастыря (Угрешский и Иосифов Волоколамский), которым он должен в общей сложности 10 руб.; вместе с рублем, предназначенным нищим, это составляет менее 6% долговых обязательств. Из 168 руб. остального долга 78 руб., т. е. около половины, — долги родичам, таким же вотчинникам, как сам завещатель; почти все остальное, 75 руб., — долги двум лицам, видимо, ростовщикам, по совместным кабалам с другими должниками. Таким образом, в хозяйстве Д. Г. Плещеева монастырский кредит не играет никакой роли. Однако долговые обязательства Д. Г. Плещеева должны рассматриваться не изолированно, а в контексте его духовной, в которой он распоряжается всем своим имуществом. Согласно духовной, недвижимостью Д. Г. Плещеева состоит из трех феодальных комплексов. Сельцо Сезенево с деревнями отдается в Иосифов Волоколамский монастырь; треть родового села Бели — жене завещателя; сельцо Ильмово в Бежецком уезде завещатель держит в закладе от Застолбских; за эту вотчину душеприказчики должны взять с Захария Ивановича Плещеева 210 руб. и платить долги завещателя, «а вотчина Захарье Ивановичю».

Д. Г. Плещеев назначает к продаже своих лошадей (видимо, боевых), из его доходов кое-что идет братьям, а остальное — в продажу. Далее следуют распоряжения о крупных денежных вкладах в монастыри Троицкий Сергиев (100 руб.) и Иосифов Волоколамский (30 руб.), причем выясняется, что 44 руб., принадлежащих завещателю, находятся у его брата Григория, — очевидно, его должника. 50 руб., рабочий скот, утварь, хлеб (стоячий, земляной и в житницах, «что у долгу останется»), т. е. все хозяйство, завещается жене Марье. 20 руб. следуют матери завещателя, кроме его долга ей же.

Представляют интерес распоряжения Д. Г. Плещеева о феодально зависимом населении его вотчины. Полные, докладные и кабальные холопы отпускаются на волю, «кто в чем ходил платье», но без лошадей («а лошадей им не давати»), т. е. без орудий производства. О крестьянах делается следующее характерное заявление: «А что у меня ржи в займах на крестьянх и на моих людех, и тое ржи не имати из займов ни на ком; а которых хлеб сеян у крестьян исполу, и тот хлеб делити пополам, как уговор с ними был» (АФЭХ, II, № 274).

Мне кажется, что ознакомление с духовной Д. Г. Плещеева дает основное понятие прийти совсем к другим выводам, чем те, которые сделал С. В. Рождественский. Д. Г. Плещеев — крупный кредитор, залогоприниматель. Наличных денег у него почти столько же, сколько долгов. Продажа боевых лошадей (цена боевой лошади не менее 3 руб. за голову) и оружия значительно увеличивает его актив. Принятый Д. Г. Плещеевым вклад и распоряжения о судьбе заложенного села подтверждают основной вывод из анализа его долговых обязательств: кредиторами служили бы вотчинников в первую очередь являются служилые же вотчинники. Д. Г. Плещеев, отпуская на волю своих холопов, сохраняет полностью основное землевладельческое население — крестьян, контроль над ними и плоды их труда; половникам ничего не прощается. Вотчина бездетного Д. Г. Плещеева частично переходит в руки монастыря, но сама по себе она далека от какого-либо хозяйственного кризиса.

ряжение великого князя, а потом известных как поместья. Наряду с этим и в первые десятилетия XVI в. можно наблюдать образование новых крупных вотчин в результате великокняжеских пожалований. В Кинельском стану, например, так образовались вотчины князей Глинских.

Крупное вотчинное землевладение бояр остается к концу XV в. одним из важнейших факторов аграрной истории, оказывающим существенное влияние на развитие социально-экономических отношений и, в частности, на дальнейшее расширение феодального землевладения.

При всей сложности и многообразии конкретных явлений в истории феодальной светской вотчины XV—начала XVI в. можно наметить некоторые основные выводы, подводящие итоги проделанным наблюдениям.

Основной процесс аграрной истории Переяславского уезда XV в. — дальнейшее развитие феодального землевладения и, в частности, землевладения светских феодалов. Главное направление этого развития заключается в расширении феодальной земельной собственности за счет крестьянских волостных земель. Такое расширение идет разными путями. И появление мелкой вотчины, этого микрофеодального организма на теле волости, и скупка соседом-боярином или его приказчиком крестьянских участков, и хозяйничанье боярских людей в лесных и луговых угодьях — все это отдельные звенья, отдельные стороны наступления феодалов на волость. В этом наступлении моменты экономического характера сочетаются с активной аграрной политикой феодального государства, заинтересованного в расширении служилого феодального землевладения.

Основной элемент этого землевладения — феодальная вотчина, как таковая, проявляет в конечном счете достаточную устойчивость и жизнеспособность. То увеличиваясь, то уменьшаясь в своих размерах, меняя свой состав в результате сделок купли-продажи, заклада и т. д., меняя иногда и своих владельцев, вотчины переяславских феодалов продолжают существовать на протяжении жизни многих поколений, составляя основу социального положения своих хозяев. Эти хозяева, служилые феодалы разных рангов, имеют решающее значение в политической жизни складывающегося централизованного государства, чему соответствует и возрастание роли их земель в аграрной истории среднерусского уезда.

Глава III

МОНАСТЫРСКИЕ ЗЕМЛИ

Одной из разновидностей феодального землевладения является монастырская вотчина. При изучении ее истории исследователь находится в сравнительно благоприятном положении — подавляющая часть сохранившегося актового материала вышла из стен монастырских архивов и непосредственно отражает историю монастырского землевладения. В первую очередь это относится к таким крупнейшим монастырям, как Троицкий Сергиев. Это обстоятельство дает возможность изучить историю монастырской вотчины более детально, чем владения других феодалов.

Однако даже актовый материал Троицкого монастыря при всей своей относительной полноте отнюдь не является источником, позволяющим проследить все этапы развития монастырской вотчины и ответить на все вопросы, связанные с ее историей. Ряд существенных моментов истории монастырского землевладения лежит вне поля зрения сохранившихся актов. В первую очередь это относится к начальному этапу возникновения монастырского землевладения. Это заставляет прибегать к привлечению такого нарративного источника, как агиография. По отношению к Троицкому Сергиеву монастырю подобным источником является «Житие Сергия Радонежского», составленное в начале XV в. Епифанием Премудрым. Привлечение такого источника ставит задачу выявления реальных черт социально-экономической действительности, дошедших до нас в отнюдь не реалистической передаче традиционного по форме «Жития».

Автор «Жития Сергия Радонежского» следующим образом живописует строительство одного из переяславских монастырей во второй половине XIV в.: «...бяху убо множество человек поспешествующи на дело, иноци ж и белци ови келиа зиждущи, инии же инаа потребнаа монастырю; овогда ж и князи и боляре приходяаху к нему, сребро доволно подааху на строение монастыря».¹

¹ Житие Сергия Радонежского. Изд. Общества любителей древней письменности, 1885, стр. 111.

В этом описании можно видеть до некоторой степени обобщенный образ создания монастыря XIV в. В идиллической картине, нарисованной Епифанием Премудрым, обращают на себя внимание два основных и достаточно реальных элемента. Во-первых, это «множество человек», «поспешствующих на дело» и создающих своим трудом кельи и «инаа потребнаа». Во-вторых, это «князи и бояре», подающие «сребро доволно» на строение монастыря. Это «сребро» служит, очевидно, для привлечения в той или иной форме «множества человек», т. е. для обеспечения вновь создаваемого монастыря необходимой рабочей силой. С точки зрения взаимодействия двух указанных элементов («сребра доволна» и «множества человек») представляет большой интерес история создания Троицкого Сергиева монастыря, рассказанная в том же «Житии».

По изложению Епифания Премудрого, история Троицкого Сергиева монастыря при жизни его основателя прошла два этапа. Первый этап — это «пустынное житие», устроившее Стефана, брата Сергия, и заставившее его покинуть вновь созданную им церковь и уйти в Москву. Этот этап (тянувшийся, по «Житию», лет пятнадцать) характерен прежде всего отсутствием каких-либо поселений вблизи монастыря. Автор «Жития» неоднократно подчеркивает это и объясняет этим нередкие голодовки, посещавшие монастырь.² Таким образом, без «множества человек», «поспешствующих» на монастырское «дело», т. е. без крестьян, привлекаемых в той или иной форме к работе на «братию», монастырь практически не может существовать. В этом — объективный смысл мрачной картины «пустынничества», нарисованной Епифанием Премудрым.

Новейший исследователь истории основания Троицкого монастыря И. И. Бурейченко пришел к выводу, что монастырь с самого начала находился в районе интенсивной крестьянской колонизации 30—50-х годов XIV в.³ и что в Троицком монастыре можно видеть с самого начала его организации землевладельческую феодальную корпорацию.⁴ Во всяком случае история монастыря, как такового, т. е. как определенного социального организма, начинается именно с установления его связей с окрестным крестьянским населением, чему, по изложению Епифания, соответствует второй этап

² Там же, стр. 41 («...житие скрытно, житие жестко, отсюда теснота, отсюда недостатки, ни имущим ни откуда ни ястия, ни пития, ни прочих еже на потребу, не бе бо окрест пустыни той близ тогда ни сел, ни дворов, ни людей, живущих в них, ни поуті людского ни откуда же»). Примерно так же характеризуются окрестности монастыря и на стр. 64, 79, 82—83.

³ И. И. Бурейченко. К истории основания Троице-Сергиева монастыря. «Сообщения Загорского музея-заповедника», вып. III, Загорск, 1960, стр. 18—22.

⁴ Там же, стр. 36.

существования монастыря — «искажение пустыни».⁵ Именно к этому времени относятся первые сведения об отношениях между монастырской братией и окрестным крестьянским населением.⁶

Из описания одной из голодовок, когда «во всем монастыри бысть оскудение всех брашен», выясняется, что некий старец Даниил «зело хотел» выстроить сени перед своей кельею и ожидал «древodelи от села».⁷ Этот старец имел, очевидно, возможность расплатиться за работу даже в голодное время. Не исключена возможность, что для уплаты древodelам предназначался хлеб: именно так расплатился старец с игуменом, выполнившим для него эту работу. От такого старца, расплачивающегося с «древodelом от села» хлебом в голодный год, только один шаг до Патрикея Строева, которому крестьяне косят искос за рост с полтин.

Во всяком случае факт привлечения окрестного населения к работе на монастырских старцев имеет большое значение. Надо полагать, что старец Даниил, ждущий «древodelов от села», не был исключением в составе монастырской братии. Автор «Жития» говорит об этом эпизоде вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся. Видимо, привлечение «древodelов» и вообще окрестных «христиан», создающих «потребнаа» монастырю, было обычным явлением уже на самом раннем этапе. Более того, прекращение «скудости» и голодовок и начало «изобилования потребных» в монастыре в «Житии» логически связывается с «искажением пустыни» в результате крестьянской колонизации, с появлением вокруг монастыря многочисленных «сел», «починков» и «дворов», населенных «христианами», «орачами» и «сиротами». Из этих-то «сел» и приносят в монастырь «многообразнаа и многоразличнаа потребнаа, им же несть числа».⁸ К этому времени в составе братии уже появились «нарочитые и славные» старцы вроде смоленского архимандрита Симона, который «и имение принес с собою, и предаста то игумену на строение монастырю».⁹ Это «имение» и способствовало вовлечению соседних орачей и древodelов в экономическую орбиту монастыря.

Религиозно-нравственные мотивы придают особую окраску экономическим отношениям монастыря с соседними крестьянскими общинами и усиливают влияние монастыря на жизнь этих общин.¹⁰

⁵ «Начяше приходити христиане и обходити сквозе вся лесы оны и возлюбша жити ту; и множество людий всхотевше, начаша с обополы места того садитися, и начаша сеца лесы оны» (Житие Сергия Радонежского, стр. 83).

⁶ «Житие» так описывает одного из крестьян, приходивших на поклон к игумену Сергию: «Человек христианин, поселянин, чином орачь, земледельць, живый на селе своем, орын плугом своим и от своего труда питаеся...» (Житие Сергия Радонежского, стр. 94).

⁷ Житие Сергия Радонежского, стр. 85.

⁸ Там же, стр. 83.

⁹ Там же, стр. 77.

¹⁰ Игумен Сергий выступает арбитром в споре «сироты» с «лихонмцем» (Житие Сергия Радонежского, стр. 138—139). Рассказ Епифания о споре

По мере увеличения экономической мощи и религиозного авторитета монастыря отношения его с крестьянским населением все более приобретают феодальный характер.¹¹

Таким образом, накопление в руках монастыря «сребра доволна» и «имения многа», с одной стороны, и наличие экономических и социально слабой крестьянской стихии, частично втягиваемой в хозяйственную орбиту монастыря, — с другой, — таковы две основные предпосылки для превращения монастыря в феодала-вотчинника.

Одним из первых районов, в котором появились вотчины Троицкого монастыря, был Верхдубенский стан. Уже жалованная грамота в. кн. Василия Васильевича игумену Никону¹² называет в числе переяславских владений монастыря два верхдубенских села: Зубачевское и Семеновское. Это свидетельствует о том, что к моменту выдачи жалованной грамоты монастырь имел в Верхдубенье не отдельные земельные участки, а уже сложившиеся комплексы феодальных владений — вотчины.

Село Зубачевское было приобретено Никоном у наследников Я. Зубачева за 45 руб. (или 55 руб.).¹³ Зубачевская вотчина лежала по обоим берегам Торгоши, в ее верховьях, и позднее входила частично в состав Кинельского стана.¹⁴ В руки монастыря попало довольно крупное владение, состоявшее из владельческого села с церковью св. Юрия и тянувших к нему деревень, которых в купчих перечислено шесть — пять в радонежской, одна в переяславской половине вотчины. По данным документов XVI в. С. Б. Веселовский определил размер владения в 3000 десятин.¹⁵ Этот подсчет неточен — в основу положены размеры владения в том виде, в каком оно существовало уже в составе монастырских земель, т. е. с учетом приращений, сделанных после купли у Зубачевых. По свидетельству отводной на переяславскую половину села, Зубачево граничило с одной стороны с землями Ворониных в Кинеле, вскоре приобретенными монастырем, с другой — с пустошью Столпцевской в Верхдубенском стану, также вскоре попавшей в руки монастыря. Таким образом, приобретение Зубачевской вотчины положило начало созданию массива монастырских земель на левом берегу Торгоши.

«лихонмца» с «сиротой» имеет, однако, еще большее значение для характеристики той крестьянской массы, которая окружала монастырь. Как видно, в крестьянских общинах шел процесс разложения, выделения богатой верхушки, посягающей на имущество более слабых членов общины.

¹¹ Братия уже предлагает Сергию «изженить» одного из таких «орачей» (явившегося на поклон к игумену, но не узнавшего его): «Аки бездельна и бесчестна, понеж невежда бе и поселянин» (Житие Сергия Радонежского, стр. 96). В составе такой братии было уже, вероятно, немало «славных и нарочитых мужей» с «имением» и «сребром доволным».

¹² АСВР, I, № 47.

¹³ Там же, №№ 15, 16, 17.

¹⁴ ПКМГ, I, стр. 814, 821.

¹⁵ АСВР, I, прим. к № 17 (стр. 592).

О ранней истории села Семеновского и о способе его приобретения монастырем нет прямых данных. Вероятно, это село возникло на земле, доставшейся монастырю по духовной грамоте Патрикея Строева (село Игнатьевское).¹⁶

Во времена игумена Зиновия (1432—1445 гг.) упоминается впервые монастырское село Сватково. В сентябре 1439 г. игумен получает на это село жалованную грамоту тарханную, льготную и несудимую.¹⁷ Сам факт выдачи такой грамоты свидетельствует о том, что данное поселение приобрело черты самостоятельного феодального владения — отдельной административной единицы в составе монастырской вотчины. Село возникло на землях, приобретенных у Ивана Сватка и его сына Парфения. Игумен Никон получил от Ивана Сватка три пустоши — Столпцевскую, Микитинскую и Ивакинскую. Вклад свой Сватко сделал за долг: «Что есми был виноват своему господину игумену Никону десятью рубли». Пустоши даны «с лесом, што к ним потягло». В 30-х годах Парфений Сватков продал монастырю дер. Борисовскую с двумя пустошами за 6 руб.¹⁸

Жалованные грамоты второй половины XV в. называют все те же верхдубенские села монастыря — Сватково и Семеновское.¹⁹ Отсюда можно сделать вывод, что в основном троицкие вотчины в Верхдубенье сложились к концу 30-х годов.

В истории складывания ядра верхдубенских вотчин решающую роль сыграла монастырская казна. Село Зубачево было куплено за крупную сумму, вотчины Сватковых приобретены в два приема в общей сложности за 16 руб., с приобретением села Семеновского дело обстоит несколько сложнее, но и здесь, по-видимому, сыграло роль монастырское серебро.

Весьма любопытен способ, примененный монастырем для получения пустошей Ивана Сватка. По форме соответствующий документ — данная грамота («а лучитца ми смерть, и им поминати мою душу»), создающая видимость добровольного вклада земли владельцем; с другой стороны, тот же документ содержит элементы отступной грамоты («что есми был виноват»).²⁰ Фактически же налицо денежная ссуда, приведшая должника к потере земли — нечто вроде закладной заемной кабалы более позднего времени. Монастырская казна, таким образом, используется в данном случае для кредитования соседа — разоряющегося вотчинника средней руки — с конечной целью приобретения его земли.

Важнейшим мероприятием монастыря после приобретения ядра вотчин является их хозяйственное освоение и расширение. Пустоши, полученные у Строева и Сватковых, как свидетельствуют

¹⁶ Там же, № 11.

¹⁷ Там же, № 139.

¹⁸ Там же, № 227.

¹⁹ Там же, № 310.

²⁰ Там же, № 12.

упомянутые выше жалованные грамоты, уже в 20—30-х годах были заселены и обрабатывались (села с «тутошними старожилами»). Процесс хозяйственного освоения земель села Сваткова продолжался и в 40-х годах — об этом говорит большая льгота для пришлых людей в жалованной грамоте 1439 г.²¹

Акты XV в. сохраняют сведения об отдельных приобретениях, делавшихся монастырем для округления его владений. Уже на раннем этапе складывания троицкой вотчины некто Григорий чернец Константинов сын Верхдубенского дал игумену Савве свою вотчину — дер. Душищево, расположенную в северо-восточной части стана.²² При том же игумене чернец Венедикт покупает у Кузьмы Редрикова землю Сенинскую.²³ Эта земля больше нигде не упоминается. Судя по цене сделки (8 руб.), в руки монастыря попало небольшое владение — часть редриковских вотчин, занимавших северо-восточный угол стана.

В 40-х годах келарь Авраамий покупает у Курюка Шубина за 10 руб. землю Косяковскую.²⁴ По сведениям С. Б. Веселовского, эта земля находится между р. Куньей и дер. Игнатьевской,²⁵ т. е. соприкасается с землями, приобретенными Никоном у Строева. Покупка сделана, вероятно, для округления вотчины села Семеновского. Елизар Косяк Солонинин — местный вотчинник, известный как послух в актах времен игумена Никона.²⁶ Вполне вероятно предположение С. Б. Веселовского, что именно его земля перешла к монастырю из рук Шубина.

Наиболее крупной сделкой монастыря в Верхдубенье после 30-х годов является купля келаря Логина у Андрейки Савватыева.²⁷ За 15 руб. монастырь приобрел вотчину Андрейки — землю Савватыевскую с тремя селищами (около 90 четвертей пашни в поле по описанию конца XVI в.).²⁸

Кроме купли у Савватыева, монастырь в 60—70-х годах получил еще два владения: пустошь Волочаниновскую с двумя селищами — вклад троицкого чернеца Мисаила,²⁹ знаменитого боярина М. Б. Плещеева, владевшего большой вотчиной в Верхдубенье, и пустошь Зарецкую Мельничие, купленную посельским села Семеновского у Матвея Гаврилова сына Уполовникова.³⁰ Последнее владение было расположено на р. Кунье и было приобретено за небольшую цену — 40 алтын без гривны. Вклад Плещеева и

²¹ Там же, № 139.

²² Там же, № 59.

²³ Там же, № 60.

²⁴ Там же, № 189.

²⁵ Там же, прим. к № 187 (стр. 605).

²⁶ Там же, №№ 10, 19.

²⁷ Там же, № 259.

²⁸ ПКМГ, I, стр. 822.

²⁹ АСВР, I, № 370.

³⁰ Там же, № 427.

купля у Уполовникова — последние известные по актам приобретения монастыря в Верхдубенье в XV в.

Таким образом, актовый материал свидетельствует, что верхдубенские вотчины монастыря складывались и развивались в первую очередь за счет купель монастыря у средних и мелких землевладельцев. Сделка с крупным землевладельцем известна только одна. В основном же монастырь приобретает владения среднего и малого размера, по большей части запустевшие. В руках монастыря эти участки превращаются в населенные земли, из которых складываются крупные феодальные вотчины — села монастыря.

Вклады — добровольные по форме пожертвования в монастырь — играют в истории верхдубенских вотчин явно второстепенную роль; известно всего три вклада (из 10 сделок, совершенных монастырем). Решающая роль монастырской казны в приобретении верхдубенских земель сохраняется на протяжении всего рассматриваемого периода. По данным актового материала, на покупку земли за весь период было израсходовано около 90 руб., из них 61½ руб. израсходованы не позднее 40-х годов на приобретение основного ядра верхдубенских вотчин.

Необходимо отметить, что, приобретая землю у местных землевладельцев, монастырь вступает в конфликт с крестьянами соседней волости, которые в отдельных случаях претендуют на те же земли, считая их своими. Тут выступает та подпочва, на которой растет все здание феодальной вотчины.

История Троицкой вотчины в Кинеле начинается с приобретения игуменом Никоном отдельных участков земли разных размеров у разных владельцев. От в. кн. Василия Дмитриевича Никон получает на эти земли две дошедшие до нас жалованные грамоты: на пустошь Воронинскую и на несколько пустошей во главе с Фаустовым. Первая из них дана на владение, попавшее в руки монастыря, по-видимому, от одного из представителей семьи Ворониных, владевших крупными вотчинами в западной части Кинельского стана.³¹ Фаустово с пустошами куплено игуменом у некоего Александра Еры Дмитриевича.³² Возможно, что в жалованной грамоте великого князя и перечисляются те пустоши, которые по купчей Никона тянули к Фаустову.³³ Это можно утверждать по крайней мере в отношении пустоши Буйково (или, может быть, Бунково), расположенной рядом с Фаустовым.³⁴ Обе жалованные грамоты, а также сами акты о приобретении земли свидетельствуют о запущенности владений, попадающих в руки монастыря. Ни та, ни другая жалованные грамоты не говорят ничего о старожильцах; в центре внимания обеих грамот ожидающиеся пришельцы: кто «сядет» и «учнет жити» на пустошах.

³¹ Там же, № 34.

³² Там же, № 33.

³³ Там же, № 35.

³⁴ Там же, №№ 32, 33, 35.

Для истории кинельских вотчин монастыря представляет значительный интерес жалованная грамота в. кн. Василия Васильевича игумену Никону, датированная 2 июня 1425 г. Грамота дана сразу по вокняжении нового великого князя и «по отца своего грамоте». Таким образом, она отражает положение, сложившееся к концу княжения Василия Дмитриевича. В составе сел в Кинельском стану грамота перечисляет Беклемишево, Вяхореву деревню, Назарьевскую деревню, пустошь Фаустовскую, Воронинскую, Бунково, Олферьево.³⁵ Из этого перечня можно сделать два основных вывода: перечислены земли, лежащие по обе стороны р. Торгоши, не названо ни одного села в собственном смысле слова — как центра феодальной вотчины. Перечисляются отдельные разрозненные земли разного размера, значения и хозяйственного состояния. Это свидетельствует о том, что к 1425 г. Троицкая вотчина в Кинеле еще не успела сложиться. Монастырь быстро приобретал земли у различных владельцев разными способами, но еще не успел наладить их хозяйственную эксплуатацию — поставить село, заселить пустоши. Таким образом, наши акты застают Троицкую вотчину в Кинеле на самом раннем этапе ее зарождения.

В ближайшие 15—20 лет после 1425 г. положение значительно меняется. Именно в это время в Кинеле появляются села монастыря — центры его вотчин: Глинково, Дерюзино, Шарапово, Скнятиново с тянущими к ним деревнями. За исключением Скнятинова, все они попали в руки монастыря не позднее 40-х годов XV в.

Село Глинково было расположено на р. Торгоше, на границе Переяславского уезда с Радонежем. Согласно документу начала XVI в. — отрывку из писцовой книги кн. В. И. Голенина, часть села (третье поле) находилась на левом берегу Торгоши, в Радонеже. Деревни, тянувшие к этому селу, располагались также частично в Радонеже.³⁶ В качестве монастырского села — центра вотчины — Глинково впервые упоминается в 60-х годах в жалованной грамоте игумену Вассиану.³⁷ Эта жалованная грамота, льготная и несудимая, дана на радонежские села монастыря, в числе которых названа половина села Глинкова.

О происхождении Глинкова есть две гипотезы. Согласно первой из них, принадлежащей иеромонаху Арсению, библиотекарю Троицкой лавры, село поставлено монастырем на земле, приобретенной Никоном у Еры Дмитриевича ранее 1425 г. (пустошь Фаустово).³⁸ С. Б. Веселовский выдвинул другую гипотезу — Глинково поставлено на земле, попавшей в руки монастыря позднее 1425 г. от некоего Ильи Молока, мелкого слуги в. кн. Василия Васильевича, купившего у местного землевладельца Фрола

³⁵ Там же, № 44.

³⁶ Там же, № 649.

³⁷ Там же, № 309.

³⁸ Там же, № 33 (помета рукой Арсения).

Сушати́на два пустынных участка земли, в том числе и Глинково.³⁹ Первое предположение кажется более вероятным. У Еры Дмитриевича игумен Никон приобрел владение значительных размеров (цена 20 руб.), расположенное по обоим берегам Торгоши и включавшее, кроме центрального поселения — пустоши Фаустово, — и другие тянущие к нему пустоши. Здесь и была возможность поставить монастырское село и основать новую вотчину. То, что известно о Глинкове в более позднее время, согласуется с характеристикой пустоши в купчей грамоте Никона: и то, и другое владения расположены по обоим берегам Торгоши. Этому не противоречит предположение С. Б. Веселовского, что само село могло быть поставлено именно на земле, купленной Ильей Молоком и позднее доставшейся монастырю. Во всяком случае в основу территории Глинковской вотчины легли земли, купленные у Еры Дмитриевича.

Кроме пустошей, приобретённых в составе Фаустовского владения, в комплекс земель, тянувших к селу Глинкову, были включены и другие деревни. Так, еще до 1425 г. монастырь покупает у Григория Никитина дер. Назарьевскую со Скрипицыном, которая граничила с землями пустоши Фаустово.⁴⁰ В XVI в. сельцо Назарьево на Торгоше тянуло к Глинкову.⁴¹ В момент покупки монастырем дер. Назарьевская была небольшим владением, оцененным в 7 руб. В состав Глинковской вотчины были включены также некоторые земли Ворониных, в частности Воронино-Пятницыно, упоминаемое в описании конца XVI в.⁴² Возможно, что это — Пьяницыно, попавшее в руки монастыря ранее 1425 г. (упомянуто в жалаванной грамоте в. кн. Василия Дмитриевича).⁴³

Во второй половине XV в. территориальный рост Глинковской вотчины прекратился. Это объясняется тем, что Глинково лежало посреди монастырских земель и не имело возможностей для дальнейшего расширения. Таким образом, территория села Глинкова складывалась по частям, путем присоединения к ядру вотчины отдельных участков земли, приобретаемых у разных владельцев. Важным моментом в истории вотчины является ее заселение и хозяйственное освоение, имевшее место, по-видимому, после 1425 г.

Другой крупной вотчиной монастыря в западной части Кинеля было село Дерюзино-Михайловское. Эта вотчина включила основную часть земель Ворониных — детей и внуков Я. Воронина. Поэтому история складывания этого владения неотделима от истории распада бывшей Воронинской вотчины. Земли Ворониных начали попадать по кускам в руки монастыря еще до 1425 г. Выше уже упоминалась пустошь Воронинская, неизвестным путем

³⁹ Там же, № 51 (прим. С. Б. Веселовского, стр. 595).

⁴⁰ Там же, № 32.

⁴¹ ПКМГ, I, стр. 810.

⁴² Там же.

⁴³ АСВР, I, № 35.

доставшаяся Никону, получившему на нее жалованную грамоту в. кн. Василия Дмитриевича.⁴⁴ Ранее 1425 г. монастырь получил также две пустоши, данные ему Василием Плясом, третьим сыном Я. Воронина, по душе сыновей, умерших в мор (согласно родословной Ворониных).⁴⁵ Это пустоши Алферьевская Водомеровых и Ершовская, первая из которых упомянута в жалованной грамоте 1425 г.⁴⁶ Однако основная масса воронинских земель перешла в руки монастыря уже после 1425 г., по-видимому, в связи с большим мором 1427 г. К этому времени старший из сыновей Я. Воронина, Иван Хлам, владел землей у оз. Тарбеевского и на Вондоге. Его сыну Алексею Бобоше принадлежало село Шатровское; второй сын Якова, Григорий Слабень, владел селом Слабневским за Вондогой; третий сын, Василий Плясец, имел село Михайловское у озера на Вондоге. Земли младших Яковлевичей, Кузьмы и Андрея Кривого, были расположены чересполосно с владениями других Ворониных по обоим берегам Вондоги и на Торгоше.

В самые последние годы игуменства Никона монастырь приобретает основную часть земель Василия Пляса и Кузьмы Ворониных. Первый из них, давший ранее в монастырь две пустоши, дает теперь еще «землю Михайловскую» у озера с двумя участками — Ивана Белого и Ярцева.⁴⁷ Эта земля расположена непосредственно у села — центра владений Василия и у церкви св. Михаила (в позднейших актах не встречается) и граничит с владениями соседей, по-видимому, Голтыевых. Из духовной грамоты Василия видно, что его село Гулановское на озере заложено в 30 руб. детям некоего Алексея Федоровича.⁴⁸ Автор духовной завещает это село игумену Никону с братьею при условии выкупа земли у заимодавца. Село на озере с церковью св. Михаила — это несомненно будущее монастырское Дерюзино-Михайловское. Вместо церкви св. Михаила во второй половине XV в. и позднее упоминается монастырек св. Николая,⁴⁹ а в конце XVI в. — церковь того же названия.⁵⁰

Кузьма Воронин продает в монастырь за 2 руб. свою пустошь Романовскую на р. Торгоше, граничащую с Фаустовским владением и, по-видимому, с землями Андрея Кривого, младшего из Ворониных.⁵¹ Подобно своему брату, Кузьма по духовной отказывает монастырю «землю свою отчину» и так же, как брат, возлагает на монастырь уплату долга — 10 руб. некоему Митрофану Трепареву.⁵²

⁴⁴ Там же, № 34.

⁴⁵ Там же, № 391.

⁴⁶ Там же, № 44.

⁴⁷ Там же, № 37.

⁴⁸ Там же, № 38.

⁴⁹ Там же, №№ 353, 354.

⁵⁰ ПКМГ, I, стр. 811.

⁵¹ АСВР, I, № 45.

⁵² Там же, № 46.

Почти одновременно, но, по-видимому, после смерти Никона в монастырь попадает вотчина Алексея Бобоши: село Шатровское с тремя пустошами и хлебом «в земле».⁵³ В руках монастыря это село получило название Бобошино и вошло в комплекс владений, тянувших к селу Дерюзину-Михайловскому.⁵⁴

Время и обстоятельства приобретения монастырем вотчины Григория Слабня неизвестны. В составе монастырских владений дер. Слабнево тянет к селу Дерюзину и упоминается впервые в конце XV в.⁵⁵ Земля старшего из Ворониных, Ивана Хлама, попала в монастырь, по-видимому, в 30—40-х годах, когда в состав монастырской вотчины вошли земли в районе оз. Тарбеевского.⁵⁶ Владения Андрея Кривого были приобретены монастырем из рук соседей — Голтяевых, которые дали игумену Савве «село свое Андреевское Воронино у озера».⁵⁷ По-видимому, это и есть вотчина Андрея, проданная или заложенная им Голтяевым.

Последним крупным приобретением монастыря в этом районе было село Тарбеевское, полученное у вдовы и племянника Андрея Федоровича Голтяева, павшего под Суздалем 7 июля 1445 г. Это село дано в монастырь, по-видимому, по духовной Андрея и при условии уплаты долга (10 руб.) Марье Федоровой.⁵⁸ В составе монастырских земель Тарбеево в XVI в. было деревней, тянувшей к селу Дерюзину.⁵⁹

Таким образом, за 15—20 лет монастырь стал собственником земельного массива по обоим берегам Вондоги, занимавшего почти весь запад Кинельского стана. Эти земли и составили Дерюзинскую вотчину монастыря. Большинство их попало в руки монастыря путем вкладов по данным и духовным грамотам. Монастырь в основном приобретал безлюдные пустоши, обремененные долгами. Для того чтобы рассчитаться с долгами своих вкладчиков, монастырь израсходовал не менее 50 руб. Из более крупных владений только село Шатровское (Бобошино) перешло в монастырь без всяких денежных обязательств. Монастырь, по-видимому, охотно шел на такие условия, какие ставились в данных и духовных грамотах, не жалея денег для приобретения пустых земель: в руках монастыря запустевшие селища быстро превращались в деревни.

Во второй половине XV в. рост Дерюзинской вотчины почти не заметен. За эти годы зафиксировано только одно приобретение, причем небольших размеров. В. кн. Иван Васильевич по челобитью игумена Спиридония (1467—1474 гг.) променял ему пу-

⁵³ Там же, № 53.

⁵⁴ ПКМГ, I, стр. 811.

⁵⁵ АСВР, I, № 560.

⁵⁶ Там же, № 177.

⁵⁷ Там же, № 56.

⁵⁸ Там же, № 177.

⁵⁹ ПКМГ, I, стр. 812.

стошь Становище, лежавшую посреди монастырских земель, взяв вместо нее два луга в соседней московской волости Воре.⁶⁰ С. Б. Веселовский считает, что Становище играло роль административного центра стана — на нем жил становщик.⁶¹ В руках монастыря это была небольшая деревня, тянувшая к селу Дерюзину.⁶² В составе монастырских владений вотчина села Дерюзино первоначально носила, возможно, другое название. Во второй половине XV в. в двух актах упомянуты земли Воронинского села.⁶³ Эти акты — разъездные грамоты — трактуют о землях, известных впоследствии в составе Дерюзинской вотчины. В частности, в обеих грамотах упоминается селище Карповское. По-видимому, это то селище, которое в конце XVI в. было деревней, тянувшей к селу Дерюзину (Карповка на Карповке).⁶⁴

Если это так, то есть возможность точно определить восточную границу Дерюзинской вотчины в последней четверти XV в. Материалом для этого служат разъездные грамоты с землей соседей троицких владений Бурцевых и с землей великого князя (с 1497 г.) Тимофеевской. Первые две разъездные совершенно тождественны по географической номенклатуре — вплоть до приметных деревьев и кустов, хотя одна из них относится к 70-м, другая — к 90-м годам.⁶⁵ Линия развода ведется с севера на юг — от слободской дороги до Корниловского врага, где начинаются владения кн. Бориса Васильевича Волоцкого — земля Шелковская села Тимофеевского. Слободская дорога (в № 551, возможно, ошибочно «земля») — это, вероятно, дорога в Маринину Слободу, пересекавшая Кинельский стан. За 20 лет, таким образом, восточная граница Дерюзинского (или Воронинского) владения не изменилась даже в деталях.

Продолжением этой линии развода является линия, проведенная в конце 90-х годов (вероятно, вскоре после 1497 г., когда земля Тимофеевская перешла в руки великого князя от его волоцких племянников) «по великого князя приказу» Вельяминовым, Ворониным и Баландиным. Эта линия начинается от Корниловского врага и идет в общем направлении на север до земель Зворыкиных, — вероятно, села Буженинова на границе Верхдубенского стана, пересекая дорогу из села Тимофеевского в Чечевкину слободку. Слева от этой линии лежат земли Дерюзинской вотчины Троицкого монастыря: Ереминская, Бобошинская, Слабневская и Чечевкинская; справа — земли великого князя: Шелковская, Першинская, Тарбеевская, Савинская и Тимофеевская.⁶⁶

⁶⁰ АСВР, I, № 355.

⁶¹ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв., стр. 18.

⁶² ПКМГ, I, стр. 812.

⁶³ АСВР, I, №№ 407, 551.

⁶⁴ ПКМГ, I, стр. 812.

⁶⁵ АСВР, I, №№ 407, 551.

⁶⁶ Там же, № 560 (датировка АСВР — около 1490—1505 гг.).

Судя по последней разъезжей, вотчина Дерюзинская на севере смыкалась с монастырскими же землями, тянувшими в XVI в. к селу Зубачеву (Чечевкина слободка).⁶⁷ Троицкие владения, таким образом, образовывали сплошной массив от верховьев Торгоши до среднего течения Вондоги.

Шараповская вотчина монастыря в юго-западном углу Кинельского стана сложилась в основном за счет двух вкладов. При игумене Зиновии Андрей Шарапов дал в монастырь свое село Шараповское с девятью пустошами.⁶⁸ Шараповы-вотчинники были связаны с монастырем: в нескольких актах упоминается старец Венедикт Шарапов (может быть, это брат Андрея Вениамин — послух при его данной грамоте). Через 30 лет, около 1478 г., монастырь принял другой вклад, по-видимому, по духовной грамоте боярина и дворецкого Григория Васильевича Заболотского. В руки монастыря попало село Воскресенское с тремя деревнями и пустошью. 19 апреля 1478 г. игумен Авраамий уже получил жалованную грамоту великого князя на новое троицкое владение.⁶⁹ В составе монастырской вотчины бывшие земли Заболотского тянули к селу Шарапову.⁷⁰ Шараповская вотчина граничила с землями великокняжеской волости Площевской. Сохранились два документа 70—80-х годов, свидетельствующих о столкновениях на межах между волостными крестьянами и монастырскими людьми.⁷¹

В числе деревень, тянувших к Шарапову в конце XVI в., известна дер. Шильцы.⁷² Возможно, это та деревня, жители которой известны с самого начала XV в. В купчей келаря Саввы у Кузьмы Воронина на пустошь Романовскую на Торгоше (1425—1427 гг.) в числе послухов назван Степан Шилов.⁷³ Послухами при сделках обычно бывали люди, чьи земли располагались неподалеку от объекта сделки. Через 50—60 лет, в конце 70—начале 80-х годов, примерно в этом же районе встречается Конон Шилов — старожилец Площевской волости на разъезде земель этой волости с Шараповской вотчиной монастыря. На вопрос разъездчика Дмитрия Лазарева он отвечает: «Еще, господине, отец мои в тои деревне жил...».⁷⁴ Возможно, что этот отец и есть Степан Шилов. Так как деревни обычно носили имена владельцев, можно предположить, что в руки Троицкого монастыря позднее попала именно та деревня, в которой жили Конон Шилов и его отец и которая в конце XVI в. и на карте XIX в. носила название Шильцы.

Шараповское владение граничило также с землями мелких вотчинников: Афанасьевых-Галиных, Напольских, Вантеевых и др.

⁶⁷ ПКМГ, I, стр. 814.

⁶⁸ АСВР, I, № 81.

⁶⁹ Там же, № 455.

⁷⁰ ПКМГ, I, стр. 812—813.

⁷¹ АСВР, I, №№ 328, 421.

⁷² ПКМГ, I, стр. 813.

⁷³ АСВР, I, № 45.

⁷⁴ Там же, № 422.

Земли этих владельцев по частям переходили в руки монастыря. В 70-х годах Василий Афанасьев продал монастырю часть Афанасьевской земли. Его племянники Федько Семенов и Иван Иванов добились у великого князя разрешения выкупить эту землю.⁷⁵ Однако удержать ее в своих руках им не удалось: вскоре после этого они продали свою вотчину тому же игумену за 8 руб.⁷⁶ Те же Федько и Ивашко пытались спасти Афанасьевскую вотчину от распада — они купили у своего дяди Василья его треть села.⁷⁷ Но этот участок тоже был продан монастырю. Попытки мелких вотчинников спасти свою землю не увенчались успехом: она постепенно ускользала из их рук.

Напольские, соседи Афанасьевых, имели с монастырем личные связи: известны представители этой семьи в качестве монастырских старцев. Части земель Напольских попадали в руки монастыря, может быть, посредством вкладов при пострижении. Однако до самого конца рассматриваемого периода владение Напольских не исчезло; об этом свидетельствует разъезжая грамота 1504 г. на землю Тимохи Степанова сына Титова Напольского.⁷⁸

В середине XV в. монастырь получает крупный вклад по духовной в. кн. Софьи Витовтовны — ее село Чечевкино в северной части стана (тянуло позднее к селу Зубачеву). Из двух сел, завещанных монастырю,⁷⁹ он получил только Чечевкино. Село Слотино по неизвестным причинам оказалось в руках Бурцевых, о чем свидетельствуют разъезжие второй половины XV в.⁸⁰ Тем не менее по духовной Софьи Витовтовны монастырь получил владение значительных размеров. Смыкаясь на северо-западе с Зубачевым, а на юге — с Дерюзиным, оно завершило создание комплекса монастырских вотчин, занимавших почти всю западную часть Кинельского стана.

Крупнейшим приобретением монастыря во второй половине XV в. было село Скнятиново на Молокче, в восточной части стана. Родовая вотчина Петелиных, это село было после 1450 г. куплено у И. Петелина Петром Игнатьевичем Морозовым за 60 руб.,⁸¹ а из рук последнего ранее 1467 г.⁸² досталось монастырю. В одном из родословцев о П. И. Морозове сказано, что он долго был иноком Троицкого монастыря.⁸³ Вероятно, покупка Скнятинова бездетным Морозовым незадолго до его смерти была связана с его отношениями с монастырем; Скнятиново могло быть вкладом Морозова при пострижении.

⁷⁵ Там же, № 423.

⁷⁶ Там же, № 395.

⁷⁷ Там же, № 426.

⁷⁸ Там же, № 656.

⁷⁹ ДДГ, № 57; АСВР, I, № 244.

⁸⁰ АСВР, I, №№ 407, 551.

⁸¹ Там же, № 241.

⁸² Там же, № 348.

⁸³ ВОИДР, стр. 180.

В ближайшие годы после приобретения Скнятинова, до 1474 г., в руки монастыря попало соседнее село Новленское, промененное, видимо, Алферием Едигеем, которому тоже принадлежала часть бывшей вотчины Петелиных.⁸⁴ Новая монастырская вотчина была расположена близ дороги из Москвы в Маринину Слободу. Ранее 1474 г. монастырь получает от великого князя грамоту, освобождавшую новые троицкие земли от постоя и выдачи кормов и подвод проезжающим. В приставы дается местный вотчинник — сосед монастыря Захарий Зубов.⁸⁵ Скнятиново — последнее крупное приобретение монастыря в XV в. В Кинеле, как и в соседнем Верхдубенье, рост троицкой вотчины с 70-х годов прекращается.

К числу наиболее ранних владений монастыря относится его вотчина в северо-восточной части Переяславского уезда в Кистемском стану. В отличие от владений в Кинеле и в Верхдубенье, носивших земледельческий характер, кистемские вотчины монастыря имеют прежде всего промысловое значение. Первый документ, из которого известно о существовании троицкого соляного промысла в переяславском Усолье, — это жалованная грамота в. кн. Василия Дмитриевича игумену Никону. Основным объектом пожалования в этой грамоте являются 4 варницы, освобождаемые от подчинения местной администрации: «... игуменовых людей Никоновых не судят, ни пошлин у них никоторых не емлют, ни поборов не берут с тех с 4 варниц». Самым интересным является то, что грамота отличает две старых варницы монастыря от двух новых, «што ему дал Иван Дмитриевич» (по мнению С. Б. Веселовского, боярин Всеволож).⁸⁶ Таким образом, монастырь имел варницы в Усолье уже в самом начале XV в. Его промысловое хозяйство удвоилось в 1415—1425 гг. за счет вклада Ивана Дмитриевича.

Кроме несудимости для своих людей, монастырские промыслы в первой четверти XV в. пользуются и другими привилегиями. По недошедшей до нас грамоте в. кн. Василия Дмитриевича монастырь имел право варить соль «и лете, и зиме», а местная администрация не должна была «вступаться» в монастырские варницы. Эта привилегия подтверждена жалованной грамотой в. кн. Василия Васильевича.⁸⁷ Следующая грамота того же великого князя, данная игумену Зиновию, разъясняет, что значит «вступаться»: по этой грамоте усольские власти «пошлин не берут, поборов не емлют, ни явленного с водоливов».⁸⁸ Следовательно, монастырские промыслы освобождаются от особой пошлины — явленного — при солеварении.

При игумене Зиновии (1432—1445 гг.) монастырь расширяет свое промысловое хозяйство. Вероятно, в начале 30-х годов он по-

⁸⁴ АСВР, I, №№ 346, 347.

⁸⁵ Там же, № 360.

⁸⁶ Там же, № 31 (1415—1425 гг.).

⁸⁷ Там же, № 48.

⁸⁸ Там же, № 101.

лучает от в. кн. Василия еще один колодец и варницу; при этом троицкому хозяйству дается новая льгота: усольцам, местным жителям, запрещается копать колодцы близко к монастырским, вероятно, чтобы не перехватывать рассол.⁸⁹ Монастырский промысел ставится в особо благоприятные условия. При этом же игумене некая Антонида Лазарева дает по душе мужа и родственников свою долю в складническом промысловом хозяйстве: половину колодца, варницу и двор с полянами, пожнями и кладищами для дров.⁹⁰ У какого-то Еремея Халахина монастырь покупает «двор с огородом у Соли».⁹¹ Таким образом, за эти 13 лет монастырь получил по крайней мере полтора колодца, две варницы и два двора.

Дальнейший рост привилегированного монастырского промысла был, видимо, нежелателен для великокняжеской власти, может быть, потому, что, расширяя свое хозяйство, монастырский промысел мог стать конкурентом великокняжеского. Жалованная грамота в. кн. Василия Васильевича игумену Мартиниану освобождает монастырских людей на промыслах от дани и яма «впрок», но запрещает дальнейшее расширение промыслового хозяйства: «А от сех мест моих людей великого князя тяглых в те дворы не принимают ни дворов иных туто не промышляют».⁹² Эта фраза раскрывает отчасти источник привлечения рабочей силы на промыслы: пользуясь широкими привилегиями, троицкие власти переманивали к себе во дворы местных усольских жителей. Вероятно, запретительными мерами этой грамоты объясняется то, что дальнейший рост троицкого соляного промысла в кистемском Усолье не замечен. Вплоть до XVII в. монастырю принадлежат все те же 4 варницы.⁹³ Приобретения игумена Зиновия не были, таким образом, освоены монастырем.

Из жалованной грамоты в. кн. Ивана Васильевича известно, что до 80-х годов монастырские промыслы платили оброк за дань по 1 руб. в год с варницы и по 10 пудов соли за варю.⁹⁴ Оброк, отменяемый этой грамотой, был введен, вероятно, в третьей четверти XV в.

Из одной из жалованных грамот времен игумена Зиновия известно о существовании монастырского рыбного промысла в этом районе. Жалованная грамота этому промыслу дает крупную привилегию: ловить рыбу любым способом на озерах Переяславском и Соминном и в реках. Местной администрации запрещается «вступаться» в деятельность монастырских ловцов и заставлять их ловить «на себя» и «на великого князя».⁹⁵

⁸⁹ Там же, № 109.

⁹⁰ Там же, № 91.

⁹¹ Там же, № 83.

⁹² Там же, № 199.

⁹³ М. И. Смирнов. Соль. Переяславская. Владимир, 1915, стр. 15.

⁹⁴ АСВР, I, № 491.

⁹⁵ Там же, № 92.

Земледельческие вотчины монастыря в Кистье были тесно связаны с его промысловым хозяйством. Признаком этого служит внимание, уделяемое троицкими властями приобретению лесных угодий: почти все документы о кистемских вотчинах упоминают о лесе. Лес играет важнейшую роль в солеваренном промысле.

Основное ядро троицких вотчин в районе Усолья возникло в первой четверти XV в. на Хупани — местности на правом берегу р. Вексы и Сомина озера. В этом лесистом и болотистом районе, кроме троицких земель, находились вотчины других монастырей и деревни волостных людей — бармазовских и усольских.⁹⁶

Зарождение Хупанской вотчины монастыря было положено вкладом детей некоего Ивана Федоровича (по предположению С. Б. Веселовского — Кошкина), пожертвовавших монастырю в первой четверти XV в. Мосищевские пустоши с лесом на Хупани горе.⁹⁷ Наиболее ранний вклад сделан, видимо, до 1415 г., когда монастырь получил уже жалованную грамоту на свое новое, еще пустое владение.⁹⁸

В следующей жалованной грамоте, не позднее 1425 г., упоминается уже деревенька на Хупани горе;⁹⁹ грамота в. кн. Василия Васильевича игумену Зиновию, кроме деревни, называет еще и починок;¹⁰⁰ последняя из известных нам жалованных грамот — в. кн. Ивана Васильевича игумену Вассиану (до 1466 г.) — говорит уже о селе Мясищевском с деревнями¹⁰¹ — сложившейся феодальной вотчине. Как видно, деятельность монастыря по освоению пустошей и округлению своих владений за счет соседей проходила вполне успешно.

О некоторых владениях монастыря известно только по косвенным указаниям источников. Так, в частности, из документа середины XV в. выясняется, что в состав владений монастыря в районе Хупани входило село Князьское Ивановское Крюково (по мнению С. Б. Веселовского, бывшее село И. Крюкова-Фоминского).¹⁰² Можно предполагать, что это село было получено монастырем по духовной И. Крюкова одновременно с новоторжским селом Медной.¹⁰³

Первым известным крупным приобретением монастыря после вклада детей Ивана Федоровича была купля земли Молитвинской с лесом, пустошами и починками, сделанная, по-видимому, в последние годы игуменства Никона. Три варианта купчей грамоты отражают борьбу между покупателем и продавцом по поводу условий сделки. Первые два варианта — не вошедшие в силу

⁹⁶ Там же, №№ 106, 143, 162, 330.

⁹⁷ Там же, №№ 30, 31.

⁹⁸ Там же, № 30.

⁹⁹ Там же, № 31.

¹⁰⁰ Там же, № 101.

¹⁰¹ Там же, № 322.

¹⁰² Там же, № 201.

¹⁰³ Там же, № 57.

проекты соглашения, составленные монастырской стороной. Третья грамота написана самим продавцом, удостоверена его печатью и является окончательной редакцией документа. Продавцу — Денисию Дуброве Раменеву — удалось выторговать лишние 5 руб., которые он, однако, тут же отдал монастырю «на поминоки родителям». В первых двух грамотах в числе послухов названы 8 человек, из которых ни один не известен как местный землевладелец. В третьей грамоте такой человек есть — это Яков Карпов Сокольников, который присутствует и на отводе («тот же Яков»). Кроме него, на отводе присутствуют еще 9 мелких местных землевладельцев, связанных с волостью: их земли находятся на волостной территории.¹⁰⁴ Не исключена возможность, что Дуброва Раменев частично распоряжался волостными угодьями — лесом. Во всяком случае волостные люди соседней Усольской волости позднее претендовали на Молитвинские леса, считая их своими.¹⁰⁵

Значительным приобретением монастыря в 30—40-х годах была пустошь Есипле, данная Анной Ягреневой и ее сыном Иваном «с селищи и лесом и пожнями».¹⁰⁶ Ягреневы были, по-видимому, довольно богатыми местными вотчинниками; село Ягренево — центр их вотчины — принадлежало позднее переяславскому Никитскому монастырю.¹⁰⁷

В этот же примерно период, в 30—40-е годы, монастырь приобретает участки земли в соседней Бармазовской волости. У Ивана Пенты, соседа дер. Молитвинской, чернец Авраамий покупает для монастыря два селища с лесом — Поддыбское и Черньцу.¹⁰⁸ Матвей Лукин дает в монастырь «пустошь на Бармазове, что была Иванова Ильина» и 4 селища «со всем лесом».¹⁰⁹ Так в руки монастыря попадает запустевший кусок волостной земли. На земле, данной Матвеем, была поставлена дер. Матфеевская, упоминаемая в актах второй половины XV в. К этому же времени относится сделка Троицкого монастыря с Успенским Стромынским, в результате которой в его руки попала пустошь Касьяновская на Хупани.¹¹⁰

К последующим двум десятилетиям (конец 40—конец 60-х годов) относятся вклады Денисья Климентьева (дер. Кабановская с тремя селищами),¹¹¹ трех братьев Александровых детей (три пустоши)¹¹² и переяславского протопопа Семена (дер. Подбережская на Хупани, на территории Бармазовской волости).¹¹³ Кроме

¹⁰⁴ АСВР, I, №№ 18, 19, 20.

¹⁰⁵ Там же, № 20 (след судного дела 60-х годов.).

¹⁰⁶ Там же, № 92.

¹⁰⁷ ОГКЭ, IV, № 1489.

¹⁰⁸ АСВР, I, № 143.

¹⁰⁹ Там же, № 162.

¹¹⁰ Там же, № 173.

¹¹¹ Там же, № 206.

¹¹² Там же, № 343.

¹¹³ Там же, № 641.

того, монастырь в конце 40—начале 50-х годов получает от великого князя пустоши Криюшинские к югу от Хупани в обмен на свое село Князьское, тоже пустошь.¹¹⁴

В 40-х годах возникает вотчина монастыря на северо-запад от Хупани, на левом берегу Нерли. В 1447—1449 гг. бывший боярин радонежского князя Андрея Владимировича, В. Б. Копнин, постригшийся в монастырь под именем Варсонофия, дал в монастырь сельца Микулинское и Мериново «з деревнями, и с пустошми, и з бортьми, и с луги, и что к тем селом и деревням потягло, по р. Нерль», а также половину еза и рыбной ловли на Нерли.¹¹⁵ Другим рубежом нового монастырского владения была р. Сержа. Таким образом, в руки монастыря попала левобережная половина земледельческо-промысловой вотчины Копниных на Нерли.

В момент передачи монастырю ее левой половины вся Нерльская вотчина Копниных находилась в запущенном состоянии. Об этом свидетельствуют жалованные грамоты, полученные монастырем на его новое владение, а М. А. Копниной — на правобережную часть вотчины. Грамота Троицкому монастырю свидетельствует, что население вотчины частично «разбрелось по иным местом» и приманивает его обратно широкими льготами — освобождением от основных государственных повинностей на 7 лет. Такие же льготы на десятилетний срок получают «люди из иных княжений».¹¹⁶ Еще красноречивее говорит о запустении вотчины жалованная грамота Марье Андреевне Копниной, данная 29 июня 1449 г.: «Что их пустоши в Переяславском уезде у Соли в пути — Глухово, Измалково, Свечино и что к ним потягло истарины, а лежат деи пусты за 10 лет и лесом поросли...».¹¹⁷ Таким образом, вотчина запустела в 30-х годах. Причина запустения связана, вероятно, с событиями этого времени: район Переяславля был театром военных действий в борьбе кн. Юрия Галицкого и его племянника за великокняжеский стол. Копнинская вотчина должна была при этом тяжело страдать — через нее пролегла дорога на Переяславль от Калязина, имевшая стратегическое значение.¹¹⁸

В руках монастыря село Микульское (по церкви св. Николая) получило название Копнино. Нет данных, позволяющих проследить процесс хозяйственного освоения монастырем его Нерльской вотчины. Возможно, что с округлением этой вотчины связано приобретение у Александровых детей трех пустошей, упомянутых выше (так считал С. Б. Веселовский). Большое значение имел, по-видимому, Копнинский лес, несколько раз упоминаемый в актах последней четверти XV в. С самого конца XV в. (или начала

¹¹⁴ Там же, № 201.

¹¹⁵ Там же, № 193.

¹¹⁶ Там же, № 195.

¹¹⁷ Там же, № 224.

¹¹⁸ Там же, № 512.

XVI в.) сохранились две разводные грамоты, согласно которым село Копнинское граничило с владениями Т. П. Замытского и с Заборской волостью.¹¹⁹

В 70-х годах монастырь приобрел и вторую, правобережную, половину вотчины Копниных. По духовной грамоте М. А. Копниной, «явленной» митрополиту Геронтию 17 сентября 1478 г., монастырь получил три деревни, починок и пустошь. Однако фактически уступка этих земель монастырю состоялась еще раньше, при жизни владелицы, которая выговорила себе право «в ... деревнях жити до своего живота».¹²⁰ Это последнее известное приобретение монастыря в XV в.

Актальный материал на протяжении нескольких десятков лет рисует процесс складывания и роста крупной феодальной собственности — монастырской вотчины — как в западной, так и в восточной частях уезда. Если в начале XV в. владения Троицкого Сергиева монастыря состояли из разрозненных запустевших кусков земли, то к 80-м годам в руках монастыря не менее 8 крупных феодальных комплексов — сел с тянущими к ним деревнями, а также обширные лесные и рыбные угодья и развитый соляной промысел.

Наблюдения над историей Троицкой вотчины можно дополнить ознакомлением с сохранившимися материалами других монастырей. Основа земельных богатств Чудова монастыря заложена митрополитом Алексеем, завещавшим монастырю огромную вотчину — 11 сел в разных уездах. Одно из этих сел — Филипповское — расположено в южной части Переяславского уезда, на р. Шерне.¹²¹ В 1380-х годах монастырские власти выменяли у великого князя село Ермолинское на р. Вашке, отдав взамен свое село Шубачевское.¹²² Таким образом, к концу XIV в. Чудов монастырь владел в Переяславском уезде двумя крупными вотчинами. Из жалованной грамоты 1436 г. становится известным о наличии монастырской вотчины и в южной части уезда, в Марининой Слободе, — уделе в. кн. Софьи Витовтовны, здесь монастырю принадлежало село Давыдовское.¹²³

Немногочисленная коллекция чудовских актов позволяет отметить в истории вотчины этого монастыря те же черты, что и в истории троицких вотчин: округление владений за счет сделок с соседями и борьба с соседней волостью. Так, в 50-х годах XV в.

¹¹⁹ Там же, №№ 632, 643.

¹²⁰ Там же, № 457.

¹²¹ АСВР, III, № 28.

¹²² Там же, № 29. — В АСВР, III ошибочно указано, что село Ермолинское находится в районе г. Боровска (см. прим. к акту № 29). В действительности же село Ермолинское данного акта тождественно с селом Ермолинским в Конюшском стану Переяславского уезда, описанным в 1543 г. И. Ф. Хидыриковым с товарищи (см.: С. А. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. I. М., 1902, стр. 131—132).

¹²³ АСВР, III, № 34.

некий старец Герман Окооров дал в монастырь два участка земли по р. Вашке — свою куплю у Адама Демеха.¹²⁴ В составе монастырской вотчины эти земли (Новинка и Афанасовская пустошь) потянули, очевидно, к селу Ермолинскому. Источники начала XV в. сохранили сведения о конфликте между монастырскими властями села Филипповского и местными жителями, по-видимому, крестьянами. Спор шел о деревнях и лугах Городецких, оказавшихся в монастырском отводе. Тем самым и владельцы этих участков также оказались под властью монастыря: они вынуждены были «слушати» архимандрита и отказаться от права распоряжения своими землями под угрозой изгнания с них.¹²⁵

Объектом конфликтов монастыря с соседями служили не только земли, но и угодья. В середине XV в. архимандрит Феофан жаловался судье великого князя М. Ф. Сабурову, что Вашута и другие «вступаются ... в озеро монастырское, да в речку в Вашку», ловят рыбу без доклада монастырским властям. Из ответа Вашуты судье выясняется, что он и его товарищи ловили рыбу на озере и в речке, так как монастырские власти не препятствовали им в этом.¹²⁶ По-видимому, местные жители — крестьяне или очень мелкие вотчинники (вместе с Вашутой перед судом его сын Васко, Лучка кузнец, Василий Олексин и его «человек» Тимоня) с давних времен пользовались угодьями по р. Вашке. Создание здесь крупной монастырской собственности положило конец местному обычаю. Немонастырские («опричные») люди вступаются и в монастырские рыбные ловли села Филипповского по р. Шерне, вызывая жалобу архимандрита в кн. Василию Васильевичу.¹²⁷

Изучение землевладения Горицкого Успенского монастыря весьма затруднено утратой почти всего монастырского архива, погибшего в 1722 г. Основными источниками для ознакомления с историей горицких вотчин являются описи монастырского архива 1687 и 1701—1702 гг. и синодики монастыря. Опись монастырского архива 1687 г. была проделана архимандритом Данилова монастыря Варфоломеем по указу патриарха Иоакима. Относительно каждого документа в описи указывается: 1) тип документа (жалованная, купчая и т. д.), 2) лицо, давшее документ, 3) объект владения; часто указывается также дата документа и состояние его. Наибольший интерес представляют известия о документах XV—начала XVI в.¹²⁸ Опись 1701—1702 гг. была сде-

¹²⁴ Там же, № 39.

¹²⁵ Там же, №№ 31, 32.

¹²⁶ Там же, № 35.

¹²⁷ Там же, № 41.

¹²⁸ Эти известия использованы М. И. Смирновым при составлении указателя рукописных и изданных документов Переславль-Залесского края (см. Акты).

лана по царскому указу стольником Коробьиним и хранится в фонде Монастырского приказа. Текст описи опубликован С. Д. Шереметевым.¹²⁹ Содержание обеих описей в существенных чертах совпадает, но опись Коробьина не указывает названия владений. Монастырские синодики дошли в списках XVII в. Наибольшее значение имеют синодики собрания Н. П. Лихачева.¹³⁰ Сопоставление данных описей монастырского архива и синодиков дает возможность проследить некоторые черты ранней истории вотчин Горицкого монастыря.

Самые ранние известия о монастырских землях датируются концом XIV—началом XV в. К этому времени относится, в частности, жалованная грамота в. кн. Василия Дмитриевича «на монастырские их вотчины на разные села и деревни о дани и о пошлинах».¹³¹ К этим селам монастыря относятся, по-видимому, Весьское вблизи монастыря и Родионовское в позднейшем Новосельском стану южнее Переяславля. В XIV в. эти села входили в состав вотчины боярина Ф. А. Свибла, затем попали в руки в. кн. Василия Дмитриевича (вероятно, в связи с опалой Свибла). По своей первой духовной великий князь завещает эти села своей вдове — в. кн. Софье Витовтовне.¹³² Во второй и третьей духовных, составленных в конце жизни в. кн. Василия Дмитриевича,¹³³ села Весьское и Родионовское не упоминаются: вероятно, ко времени составления духовных эти села были уже даны монастырю. В монастырском архиве хранилась жалованная грамота в. кн. Василия Дмитриевича на эти села «к наместнику и тиуну несудимая».¹³⁴ Согласно синодику, село Весьское было дано в мона-

¹²⁹ С. Д. Шереметев. Два упраздненных монастыря над Переяславским озером. М., 1902, стр. 11—28.

¹³⁰ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря. М., 1902.

¹³¹ Опись, лл. 5 об.—6; Акты, № 4. — По мнению М. И. Смирнова, наиболее ранней грамотой монастырского архива являлась правая грамота в. кн. Ивана Ивановича на пустоши Бартенево и Климово (Опись, л. 7 об.; Акты, № 1), приписываемая этим исследователем в. кн. Ивану Красному (1353—1359 гг.). Более вероятно, однако, что «великий князь» правой грамоты — это Иван Молодой, сын великого князя Ивана Васильевича, выдавший много правых грамот по судным делам 80-х годов XV в., (ум. в 1490 г.). Вызывает сомнение также датировка грамоты в. кн. Дмитрия Ивановича на село Славитино, приписываемой М. И. Смирновым Дмитрию Донскому (Опись, 5 об.; Акты, № 3). Не исключена возможность, что грамота выдана от лица Дмитрия, внука в. кн. Ивана Васильевича, носившего титул великого князя в 1498—1502 гг. В пользу последнего предположения говорит: 1) упоминание села Славитина, перешедшего в руки монастыря, видимо, только в XV в., 2) упоминание тамги и подвод, более свойственное грамотам XV в.

¹³² ДДГ, № 20.

¹³³ Там же, №№ 21, 22.

¹³⁴ Опись, л. 7. — В Описи указано, что на грамоте «году не написано». М. И. Смирнов почему-то датирует грамоту «1400 г. марта 20» (Акты, № 5).

стырь Федором Андреевичем.¹³⁵ По гораздо более достоверным данным духовной в. кн. Василия Дмитриевича, село Вельское перешло от своего прежнего владельца, Федора Андреевича Свибла, не в монастырь, а к великому князю. Тем не менее запись в синодике представляет известный интерес: она отражает связь села Вельского с личностью Федора Андреевича, село Вельское было дано в монастырь по его душе.

К числу ранних приобретений монастыря относится также село Соломидино (позднее — в Новосельском стану). Согласно монастырскому архиву, это село было дано в монастырь Андреем Романовичем.¹³⁶ Этот Андрей Романович, — вероятно, Остеев, давший в Горицкий монастырь также и село Тетеринское в Костромском уезде.¹³⁷ В синодике содержится и другая версия приобретения села Соломидина: оно было дано вместе с селом Вельским Федором Андреевичем.¹³⁸ При расхождении показания двух наших источников предпочтение следует отдать, мне кажется, описи монастырского архива, как источнику более достоверному и документальному.¹³⁹ Во всяком случае село Соломидино — боярская вотчина, перешедшая в руки монастыря от своих прежних владельцев.

В начале XV в. монастырь приобрел также село Славитино (в восточной части Переяславского уезда на р. Шахе) по вкладу некоего Дионисия.¹⁴⁰ К числу приобретений монастыря, сделан-

¹³⁵ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11.

¹³⁶ Опись, л. 7 об. («Данная грамота Андрея Романовича на село Соломидино, году в ней не написано»). Ср: С. Д. Шереметев. Два упраздненных монастыря над Переяславским озером, стр. 23.

¹³⁷ «Октября 1. Дал Андрей Романович Остеев по деде своем Александре и по бабе своей Марии и по отце своем Романи и по матери своей Вассе» (А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11). По родословцам Александр Остей — брат Федора Свибла, Михаила Челядни, Ивана Бутурли. Время его деятельности определяется примерно княжением Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.). Вкладчик монастыря — внук его Андрей Жулеба, живший, вероятно, в середине—третьей четверти XV в. Однако родословцам неизвестен Роман Александрович Остеев; отец Андрея Жулебы назван Тимофеем (ВОИДР, стр. 102, 169). Такое расхождение свидетельств синодика и родословцев может объясняться наличием двух имен у отца Андрея Жулебы, что практиковалось в XV в. (ср. два имени у в. кн. Василия Ивановича и др.).

¹³⁸ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11.

¹³⁹ Не исключена возможность, что прав М. И. Смирнов, пытающийся примирить оба известия: «Соломидино поступило в монастырь по частям, что бывало в то время очень часто» (М. И. Смирнов. Феодальные владения переяславских и иногородних монастырей в Переславль-Залесском уезде XIV—XVII ст. «Труды Переславль-Залесского историко-художественного и краеведческого музея», вып. 12, Переславль-Залесский, 1929, стр. 96).

¹⁴⁰ Жалованная грамота на это село дана митрополитом Фотием в 1420 г. (АСВР, III, № 94).

ных не позднее первой трети XV в., относятся земли в Марининой Слободе, составившие комплекс села Козецкого. В 1432/33 г. монастырь получил жалованную грамоту в. кн. Софьи Витовтовны на пустошь Ильдоменскую Козу.¹⁴¹ Эта грамота была подтверждена в 1453 г.¹⁴² Однако в жалованной грамоте 1450 г. уже фигурирует «село Козецкое».¹⁴³ В дальнейшем, в 1497—1512 гг., монастырь променял (видимо, по частям) это село светским вотчинникам — Челяднину и Слизовым-Ташлыковым.¹⁴⁴

Не позднее начала 30-х годов XV в. в руки монастыря попадает и село Чашничи на р. Трубеже: в феврале 1434 г. монастырь получил на это село жалованную грамоту в. кн. Василия Дмитриевича «о льготе данных денег».¹⁴⁵ В архиве монастыря хранилась на село Чашничи и данная грамота Анны Семеновы — жены Тимофеевича.¹⁴⁶ Синодик подтверждает и расширяет это известие: «... дала Анна Семенова жена Тимофеевича да с своими детьми с Константином да с Ильбей».¹⁴⁷

К середине XV в. монастырь владел также селом Дубневым в Кистемском стану (северо-восточная часть уезда). В монастырском синодике есть запись о том, что это село дал в 1448 г. М. Д. Челяднин.¹⁴⁸ 20 марта 1449 г. монастырь получил на это село жалованную грамоту в. кн. Василия Васильевича «о дани и подводах».¹⁴⁹

К первой половине XV в. следует отнести приобретение монастырем села Перцева на р. Воргуше (Мурмаже). В монастырском архиве хранилась данная грамота Ивана Дмитриевича на село Мурмаж.¹⁵⁰ Как свидетельствует запись в синодике, Иван Дмитриевич дал в монастырь село Перцево (на р. Мурмаже или Воргуше) «по Евдокеину слову Даниловой жены».¹⁵¹ Надо согласиться, вероятно, с М. И. Смирновым, который находит, что в обоих известиях речь идет об одном и том же селе, более точно

¹⁴¹ Опись, л. 7. — М. И. Смирнов ошибочно датирует эту грамоту 1440 г. (Акты, № 30).

¹⁴² Опись, л. 7; Акты, № 38.

¹⁴³ Опись, л. 7 об.; Акты, № 36.

¹⁴⁴ Акты, №№ 79, 105.

¹⁴⁵ Опись, л. 6 об.; Акты, № 23.

¹⁴⁶ Опись, л. 9.

¹⁴⁷ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 12.

¹⁴⁸ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11. — Имя и отчество вкладчика, видимо, в синодике перепутаны. Судя по родословцам, в это время жил Федор Михайлович Челяднин, третий сын Михаила Андреевича Челядни (ВОИДР, стр. 104, 171); вероятно, он и был вкладчиком монастыря.

¹⁴⁹ Опись, л. 6; Акты, № 34 (по ошибке датирована 1448-м годом).

¹⁵⁰ Опись, л. 8.

¹⁵¹ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11.

названном в синодике.¹⁵² Он же высказал правдоподобное предположение, что Иван Дмитриевич — это боярин Всеволож. Если это так, то приобретение села Перцева монастырем состоялось уже в первой трети XV в.

Вкладчиком Горицкого монастыря был и брат Ивана Дмитриевича — Федор Дмитриевич Турик. В синодике сохранилась запись: «Село Новое да Мордвиново дал Федор Дмитриевич Всеволож Турик да Княжеское Чернецкое».¹⁵³ Село Чернецкое-Княжеское на р. Киржаче в Кодяеве стану упоминается в монастырских документах XVI—XVII вв.¹⁵⁴ Местонахождение сел Нового и Мордвинова установить не удастся.

Таким образом, за первую половину XV в. Горицкий монастырь приобрел в разных станах Переяславского уезда не менее 8—10 сел и стал весьма крупным землевладельцем. Особенностью истории Горицкой вотчины по сравнению с Троицкой является, по-видимому, большой удельный вес боярских вкладов. Однако значение этого факта не следует преувеличивать. Необходимо иметь в виду, что сведения о вотчинах Троицкого Сергиева монастыря гораздо полнее и разностороннее и позволяют проследить такие явления, которые не попадают в поле зрения сохранившихся источников по истории Горицкого монастыря. Синодик, который является одним из основных таких источников, фиксирует только вклады, и, по-видимому, в основном крупные. Опись монастырского архива при всей своей ценности не может заменить такого важнейшего источника, как подлинные акты и копияные книги. Поэтому наши сведения о горицких вотчинах не полны, вследствие чего и картина их создания страдает односторонностью и схематичностью в значительной большей мере, чем картина истории вотчин Троицкого Сергиева монастыря.

Тем не менее изучение материалов, связанных с историей горицких вотчин, позволяет сделать довольно важное наблюдение относительно хронологических этапов роста монастырского землевладения. В первой трети XV в. монастырь приобрел села Славитино, Весьское, Родионовское, Перцево, Чернецкое-Княжеское и, возможно, Соломидино. Во второй трети века — села Козецкое, Чашницы и Дубнево. Ни опись монастырского архива, ни синодики ничего не сообщают о росте монастырских вотчин в последние десятилетия XV в. В 1501 г. монастырь получил село Тяпково по вкладу некоего Василия Федоровича;¹⁵⁵ это небольшое,

¹⁵² М. И. Смирнов. Феодальные владения переяславских и иногородних монастырей в Переяславль-Залесском уезде XIV—XVII ст., стр. 80—81.

¹⁵³ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11.

¹⁵⁴ М. И. Смирнов. Феодальные владения переяславских и иногородних монастырей в Переяславль-Залесском уезде XIV—XVII ст., стр. 111.

¹⁵⁵ Акты, № 83.

вероятно, владение,¹⁵⁶ было, видимо, единственным приобретением монастыря за несколько десятков лет.

Киржачский Благовещенский монастырь в первой половине XV в. владел вотчинами в Марининой Слободы. В жалованных грамотах этого времени в составе монастырских вотчин названы деревни Желдыбино, Селиванкова Гора, Ефремовская; по словам этих грамот, монастырь имел «и иные» вотчины.¹⁵⁷ В середине XV в. в составе владений монастыря впервые упомянута дер. Микулинская Тутолмина, приобретенная, вероятно, у ближайших соседей монастыря — местных вотчинников Тутолминых.¹⁵⁸ По свидетельству жалованной грамоты в. кн. Марьи Ярославны, в третьей четверти века монастырские «села и деревни» расположены в обоих станах Марининой Слободы — Артемьевском и Бортном.¹⁵⁹ В XVI в. все перечисленные выше деревни фигурируют как центры феодальных вотчин — «сельцы», а слобода Тутолмина названа «селом».¹⁶⁰ По-видимому, в XV—начале XVI в. происходил процесс округления и расширения этих владений. Особенностью вотчины Киржачского монастыря является то, что она была расположена в самой гуще волостных черных земель. Эти земли и являлись, видимо, основным резервом для роста монастырских владений.

Первые сведения о вотчинах Махрицкого Троицкого монастыря относятся к 30-м годам XV в., когда этот монастырь получил вклад боярина Лыкова — село Зеленцыно с деревнями.¹⁶¹ В третьей четверти века упоминается монастырское село Малиновское.¹⁶² Около 1471 г. монастырь покупает село Негловское, на которое в феврале 1471 г. получает жалованную грамоту в. кн. Марьи Ярославны.¹⁶³ В 1506 г. несудимая жалованная грамота в. кн. Василия Ивановича на владения Махрицкого монастыря называет два монастырских села — Зеленцыно и Неглово.¹⁶⁴ Это свидетельствует о том, что в последней четверти XV в. крупных приобретений монастырь не сделал. Таким образом, монастырская вотчина сложилась в основном к 70-м годам XV в. Как и земли Киржачского монастыря, вотчины Махрицкого монастыря окружены деревнями волостных людей той же Марининой Слободы и Кодяевского стана.

¹⁵⁶ В дальнейшем деревня, тянувшая к селу Нилы (М. И. Смирнов. Феодальные владения переяславских и ингородских монастырей в Переяславль-Залесском уезде XIV—XVII ст., стр. 99).

¹⁵⁷ АСБР, I, №№ 132, 133.

¹⁵⁸ Там же, № 247.

¹⁵⁹ Там же, № 327.

¹⁶⁰ ОГКЭ, IV, № 1555 (стр. 557); АСБВ, № 1241.

¹⁶¹ АСБР, I, №№ 110, 112.

¹⁶² Там же, № 402.

¹⁶³ Там же, № 399.

¹⁶⁴ ОГКЭ, IV, № 1386.

Округление монастырских вотчин шло в известной мере за счет земель и угодий этих людей, что вызывало столкновения монастыря с ними.¹⁶⁵

Рост монастырского феодального землевладения — одна из наиболее заметных черт аграрной истории Переяславского уезда XV в. История землевладения такого монастыря, как Троицкий Сергиев, возникшего на нефеодальной земле и не имевшего первоначально земель с зависимым населением, представляет особый интерес. Первый этап хозяйственной истории такого монастыря — втягивание труда и продуктов труда окрестного крестьянского населения в хозяйственную орбиту монастыря. Труд окрестного населения наряду со вкладами феодалов составляет первичную основу дальнейшего роста экономического могущества монастыря. Сущность второго этапа — складывание основного ядра монастырской феодальной вотчины путем приобретения земель и угодий у разных владельцев. Запустевшее в мор боярское село, деревня разорившегося мелкого вотчинника, пустошь волостного человека, участок волостного леса — все это служит в руках монастырской администрации материалом, из которого создается новый феодальный комплекс — монастырское село с системой тянувших к нему феодально зависимых поселений. Появление на месте разрозненных участков, принадлежавших по преимуществу средним и мелким владельцам, крупного привилегированного феодального землевладения — таков важнейший итог истории монастырской вотчины XV в.

В истории складывания Троицкой вотчины крупное значение имеет экономическая мощь монастыря: в большинстве троицких сделок на землю монастырская казна играет решающую роль; вклады занимают второе место; земельные пожалования великих князей очень редки. В руки монастыря попадают главным образом земли мелких и средних землевладельцев. Эти земли покупаются, достаются путем предоставления кредита, принимаются по вкладам; известны случаи прямого давления на мелкого вотчинника с целью получения его земли. Земли бояр и крупных вотчинников попадают в руки монастыря сравнительно редко и преимущественно путем вкладов. При этом следует отметить, что в большинстве случаев такие земли (крупные вотчины) достаются монастырю в запущенном виде, когда они не представляют особой ценности для владельца, не могущего их эффективно использовать.

Одним из важнейших источников роста монастырской вотчины являются волостные земли. Они приобретаются монастырем самыми различными способами: по вкладам, куплям и т. д.

¹⁶⁵ АСВР, I, №№ 340, 402.

Далеко не последнее место в истории приобретения волостных земель занимает прямой захват их монастырскими властями. Приобретение монастырем волостных земель и включение их в комплекс привилегированных владений, тянущих к тому или иному монастырскому селу, означает разрыв их с волостью, «обояривание». Волостные угодья, попадающие в руки монастыря, ограждаются стеной иммунитетных привилегий крупного феодала.

Существенную роль в истории монастырской вотчины сыграл религиозно-нравственный авторитет монастыря — одного из главных оплотов феодальной церкви. Именно этот авторитет сообщил монастырю черты феодала особого рода — духовного феодала и способствовал притоку в монастырь движимого и недвижимого имущества и рабочей силы.

Характерной чертой истории монастырского землевладения является приостановка роста монастырских вотчин в период с 70—80 годов XV в. до начала XVI в. Подобное явление для Кирилло-Белозерского монастыря отмечено А. И. Копаневым.¹⁶⁶ На этот же факт указывает и С. Б. Веселовский, связывая его с запретительными мерами правительства.¹⁶⁷ Действительно, правительство Ивана III относилось отрицательно к крупному церковному землевладению. Вполне вероятно, что с 80-х годов правительство принимает меры, направленные против роста этого землевладения (а в дальнейшем, в начале 1500-х годов, ставит впервые вопрос о секуляризации монастырских земель). Однако, для того, чтобы запретительные меры правительства были эффективны, необходимы соответствующие социально-экономические и политические условия. В конце XV в. такие условия, по-видимому, существовали.

Основной питательной средой для роста, например, Троицкой вотчины в первой половине XV в. являлись земли волостных людей и запустевшие феодальные вотчины. Большое количество пустующих земель в первой половине XV в. объясняется главным образом социальными потрясениями и стихийными бедствиями этого времени (феодальные войны, татарские «рати», моры и «меженины»). Ослабление волости и разорение мелких и средних феодалов весьма облегчают монастырю приобретение их земель. Именно в это время складываются почти все известные вотчины Троицкого и других монастырей. В последние десятилетия XV в. Северо-Восточная Русь вступает в период относительной политической и экономической стабилизации. Ценность земли и интенсивность ее использования возрастают. Феодалы

¹⁶⁶ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 86—88.

¹⁶⁷ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 90.

крепко держатся за землю; вклады в монастырь прекращаются. Волость ставится под усиливающийся контроль великокняжеской администрации, волостные люди заселяют пустоши и препятствуют дальнейшей монастырской экспансии. В этих условиях политика великокняжеского правительства, направленная на ограничение церковного землевладения, могла иметь (и, очевидно, имела) значительный успех. Именно тогда в верхних слоях русского общества впервые широко ставится вопрос о церковных имуществах. Отражая назревшие социально-экономические и идеологические противоречия, как классовые, так и внутриклассовые, сама постановка такого вопроса не могла не сказаться на приостановке роста монастырского землевладения.

Глава IV

НАСЕЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ВОТЧИНЫ

Проблема состава населения в феодальной вотчине — одна из важнейших в медиевистике и по существу своему не может быть решена на каком-либо локальном материале. Приводимые ниже наблюдения имеют целью отметить некоторые конкретные моменты, связанные с этой проблемой и прослеживаемые на материалах Переяславского уезда.

Один из переяславских актов начала XV в. проливает некоторый свет на процесс образования феодально-зависимого населения вотчины. Этот акт — судное дело некоего Парши «и его друзей» (всего семь лиц) против Чудова монастыря. На суде в кн. Василия Дмитриевича истцы заявляют: «...отъял, господине, архимандрит Яким у нас деревни и луги городецкий по старую дорогу, к селу к Филипповскому, а те ... деревни и луги — наша купля и отчина; а ныне нас метает вон, а не велит нам земель своих продавати никому». Монастырская сторона — чернец Дионисий — утверждает, что спорная земля — «извечная» монастырская и находится «в давном отводе», «а тем (истцам, — Ю. А.) ни отчина, ни купля». Великий князь, установив из ответа истцов, что спорная земля входит в «давний отвод», решил дело в пользу монастыря — присудил спорные земли к монастырскому селу Филипповскому «по давному отводу». Свой приговор великий князь сопроводил общим постановлением: «А тех земель церковных, что в том отводе в церковном св. Михаила, не велел продавати, ни купити никому; а кто имет [продавати или купити], или архимандрита не [слушати], тех велел великий князь архимандриту Михайловскому вон метати».¹ Таково вкратце содержание документа. Анализ этого содержания представляет известные трудности, которые определяются как чрезвычайной лапидарностью документа, так и его дефектным состоянием в настоящее время.

Наибольшее значение для нашей темы имеют два вопроса: 1) кто такие Парша и его «друзья»? 2) каков характер их прав на

¹ АСВР, III, № 31.

землю? Несмотря на то что в документе социальная принадлежность Парши и его товарищей никак не обозначена, есть основание считать их мелкими непривилегированными землевладельцами, т. е. фактически (если не юридически) крестьянами. При этом надо иметь в виду, что эти крестьяне ведут процесс от своего имени, ни разу не апеллируя к волости — «добрым людям», «миру» и т. п. В их показаниях подчеркивается частновладельческий характер их прав на землю: «отчина», «купля». Перед нами скорее всего владельцы отдельных деревень, каким-то образом эмансипировавшиеся от волости.² Городецкие земли, о которых идет речь, были, возможно, как-то связаны с Городецким бором, входившим в массив черных земель южной части Переяславского уезда.³ Что это за земли? Истцы утверждают, что спорные земли — их «отчина и купля». Монастырская сторона отрицает это. Однако центр тяжести всего судебного дела не в этом, а в определении того, лежит ли спорная земля в монастырском отводе. Для того чтобы решить спор, великому князю вовсе и не нужно знать, отчина ли истцов спорная земля. Ему нужно только знать, «в том ли отводе в давном» находятся эти отчины и купли. Наибольший интерес представляют начало и конец акта, тесно между собой связанные. Конкретная причина жалобы Парши и его друзей двоякая: это, во-первых, «метание вон» из отчины, во-вторых, запрещение продажи, т. е. распоряжения землей. Итоговая сентенция великого князя логически связывает оба эти момента: «метание вон» рассматривается как санкция за нарушение запрещения продажи.⁴

Трудно переоценить объективное значение этого постановления. Оно с предельной ясностью определяет фактическое положение Парши и его друзей (как и других лиц, владеющих отчинами в монастырском отводе). Это положение — феодальная поземельная зависимость при сохранении ограниченной личной свободы. Парша и его друзья могут оставаться на своих отчинах и куплях (откуда у них эти земли, совершенно неважно), но лишены права распоряжаться ими и обязаны «слушати» (по

² Из рассмотренного акта Л. В. Черепнин сделал совершенно правильный вывод что «монастыри стремились завладеть земельной собственностью мелких вотчинников, лишив их права распоряжения ею» (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 209). Однако в отличие от Черепнина не вижу оснований считать истцов данного акта «слугами» Чудова монастыря. Более естественно, на мой взгляд, предположить, что эти «отчины» («мелкие вотчинники») — обыкновенные непривилегированные землевладельцы, т. е. крестьяне.

³ В 40-х годах XVI в. погост на бору Городецком в числе других черных земель был пожалован Киржачскому Благовещенскому монастырю (ОГКЭ, IV, № 1555).

⁴ В этом особенность данного акта. В отличие от многочисленных судебных дел о земле, хорошо известных особенно в последние десятилетия XV в., рассматриваемый акт говорит не только о землях, но и устанавливает статус живущего на них населения.

вполне вероятной конъектуре Д. М. Мейчика) архимандрита, который в противном случае может их согнать с земли. Так на смену обычному праву крестьян продавать и менять свои наследственные участки пришло новое право — право феодала распоряжаться всей землей своей вотчины. Санкционированное феодальным государством, это новое феодальное право поднимается над обычным крестьянским правом и как бы подминает его под себя, превращая вчерашних аллодистов в условных зависимых держателей своей же бывшей земли.

Нет никаких оснований считать, что рассмотренный документ является уникальным по своему характеру. Напротив, естественно думать, что его последняя клаузула — вовсе не новелла, а только констатация всем хорошо известного и в реальной действительности XIV—XV вв. непрерывно повторяющегося факта превращения крестьянской земли в землю феодала, а самих крестьян — в феодально зависимых держателей. В этом и значение документа: он приоткрывает занавес над историей образования всех других многочисленных феодальных вотчин, монастырских и светских, и над судьбой огромного множества Парш и их друзей, отчичей и дедичей своих деревень, оказавшихся в феодальном отводе.⁵ Таким образом, в лице Парши и его друзей перед нами первый и основной элемент крестьянского населения феодальной вотчины — «тутошние люди», превращенные в феодально зависимых крестьян; они ниоткуда не «перезваны», ниоткуда не пришли, они живут на своей земле — отчине, вошедшей теперь в состав феодальной земельной собственности.⁶

Однако, получив в свои руки населенную землю, феодал не ограничивается эксплуатацией наличного крестьянского населения. В центре его внимания — увеличение феодально зависимого населения вотчины путем привлечения на ее земли новых тяглов. Именно поэтому вопрос о «людях пришлых» занимает такое важное место в жалованных грамотах — документах, определяющих правовое положение феодальной вотчины в области тягла, суда и администрации. В некоторых случаях жалованные грамоты говорят только о людях пришлых, не упоминая о старожилах.⁷ Напротив, старожильцы никогда не упоминаются в грамотах самостоятельно, а появляются только как противовес людям пришлым.

⁵ В 1425 г. жители «офеодаленных» деревень снова начали тяжбу против Чудова монастыря. На этот раз истцами были Василь Мартинов с сыном и Федос с братом. И снова государственная власть (в лице митрополита Фотия — регента при малолетнем в. кн. Василии Васильевиче) решила дело в пользу монастыря, сославшись на предыдущий приговор (АСВР, III, № 32).

⁶ Как справедливо отметил Б. Д. Греков, «смердов не лишают земли, а передают вместе с землей» (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 511). Но эта передача с землей на практике означала утрату владельческих прав на землю.

⁷ АСВР, I, №№ 30, 34, 35, 399.

Как правило, старожильцы либо вовсе не освобождаются от основных государственных повинностей, либо освобождаются от них на меньшие сроки, чем люди пришлые.⁸ В то же время жалованные грамоты подчеркивают, что по истечении льготного срока все крестьянское население вотчины — и старожильцы, и пришлые — «тянут в дань» на равных основаниях. Жалованные грамоты не делают каких-либо различий между старожильцами и пришлыми и в области суда и управления: те и другие в равной мере подсудны и подведомственны вотчиннику и его аппарату. Отсюда можно сделать два вывода: во-первых, различие между старожильцами и пришлыми прослеживается только в области тягла; во-вторых, это различие носит временный и относительный характер. Что же ждет пришлого человека в феодальной вотчине?

На процессе начала 1500-х годов крестьянин Васько Кобцов дал следующие показания о дер. Сарычкиной, спорной между Мишутинской волостью и Троицким Сергиевым монастырем: «Яз, господине, в той деревне в Сарычкине жил за монастырем, а поставил... тое деревню отец мой Игнат Кобцов, да жил... в той деревне отец мой за монастырем тритцать лет, и десятины ... на монастырь в селе Бебякове пахал, а яз ... после отца своего живу в той деревне десять лет...».⁹ Земли дер. Сарычкиной когда-то входили в состав черной волости, но около середины XV в. были тем или иным путем приобретены феодалами.¹⁰ Судя по показаниям Васьки, отец его, Игнат Кобцов, был в свое время человеком пришлым. На освоенной монастырем бывшей волостной пустоши он поставил деревню и «жил» в ней, т. е. пахал ее пашню, косил пожни и нес феодальные повинности в пользу монастыря (пахал десятины в селе Бебякове) десятки лет. После смерти Игната держателем деревни стал на тех же началах его сын. И Игнат на протяжении большей части своей крестьянской деятельности в монастырском селе, и тем более его сын — наследник — несомненно рассматривались и правительством, и феодалом как старожильцы — полноправные крестьяне, несущие всю тяжесть государственных и владельческих платежей и повинностей.

Таким образом, если Парша и его други на землях Чудова монастыря могут рассматриваться как исконные «тутошние люди», коренные местные землевладельцы, оказавшиеся под прессом феодальной вотчины, то в лице отца и сына Кобцовых

⁸ Причина податной льготы пришлым совершенно понятна: для того чтобы обзавестись хозяйством требовалось известное время, особенно если надо было ставить новую деревню. На сроки и размеры податной льготы для пришлых влияли также политические и фискальные интересы князя — стремление привлечь на земли своего княжества тяглецов из соседнего.

⁹ АСВР, I, № 628.

¹⁰ Там же, № 571.

перед нами другое явление в рамках того же старожильства: на их примере видно как ряды старожильцев пополняются за счет пришлых людей. Если в первом случае крестьяне живут на своей земле и вместе с ней попадают под власть феодала, то во втором случае пришлый крестьянин получает землю из рук феодала: «Мне, господине, ту деревню Матфеевскую дал хупанской посельской старец Никон и яз ... из тое Матфеевские деревни и пожни кошу, и лес секу двадцать лет без лета...», — говорит на процессе начала 1500-х годов троицкий крестьянин Кондратик Кузьмин.¹¹ Дер. Матфеевская была поставлена, вероятно, на земле, приобретенной Троицким Сергиевым монастырем у жителя Бармазовской волости Матвея Лукина.¹² Вклад Лукина был сделан не позднее середины XV в. и состоял из заброшенных участков — пустоши и селищ. Если показания К. Кузьмина точны, то в 80-х годах он получил от посельского уже деревню (а не пустошь); значит до него деревня была уже поставлена каким-то другим пришлым человеком — хупанским подобием Игната Кобцова.

Возможно, что появление пришлого человека в деревне феодала иногда оформлялось договором — прообразом позднейшей порядной записи, хорошо изученной в литературе. Примером такой записи может служить грамота Репеховых и Мериновых с обязательством не отчуждать земли митрополичьих дер. Сколепова и починка Мирохова. «Сели есмя ... на земле ... на государеве Данила митрополита всеа Руси ... А нам тое деревни и починка не окняжити, ни обоярити, ни омонастырщити, ни променити, ни закабалить, ни иною некоторою хитростию ... не отстаивать, занеж то изстари земля ... митрополита всеа Руси».¹³ Основа грамоты, таким образом, — обязательство неотчуждения господской земли.

На суде 60—70-х годов XV в. крестьяне села Милятина митрополичьего Борисоглебского монастыря Палка, Максимко и Илейка говорят о землях селищ Алтынова и Дубровки: «Пахали их ... отци наши, живучи в том монастырском селе на Милятине,

¹¹ Там же, № 642.

¹² Там же, № 162.

¹³ АФЭХ, I, № 122 (1526/27 г.). — Эта запись немного похожа на записи С. В. и Ф. Д. Фоминых, содержащие обязательство не отчуждать пожалованные им митрополичьи земли (там же, №№ 120, 121). Однако запись Репеховых и Мериновых отличается от записей Фоминых двумя существенными чертами. Во-первых, Фоминым земля «жалуется», а Репеховы и Мериновы на нее «сажаются». Во-вторых, у Фоминых почти нет послухов: в акте № 120 вообще нет, а в акте № 121 один из двух послухов митрополичий казначей, а другой — митрополичий боярин. У Репеховых и Мериновых 15 послухов, и все, судя по именам, крестьяне. По-видимому, крестьянская община на землях феодалов берет новых пришлецов на поруки. Эти формальные отличия документов вполне отвечают реальному различию отраженных в них отношений: Фомины — митрополичьи бояре, Репеховы и Мериновы — митрополичьи крестьяне.

а опосле ... отцов наших те земли ... мы пашем, живучи на Миялятине ж...». ¹⁴ Таким образом, в селе Миялятине можно наблюдать наследственное владение — наследственную связь крестьян с одним и тем же участком. Такая же наследственная связь прослеживается и на примере Кобцовых: деревня переходит от отца к сыну. Можно отметить случаи, когда крестьяне живут на одном участке десятки лет. Крестьяне митрополичьей деревни Васильевской Голямовской Микитка Савкин, Андрейка Зиновов, Власко Тихонов, Гридька Ивашков сын Перхурова показывают в конце XV в.: «Мы ... в тои деревне живем за митрополиты уже тому тридцать лет». ¹⁵ Уже упомянутый троицкий крестьянин Кондратик Кузьмин живет в деревне, данной ему хупанским посельским, «двадцать лет без лета». ¹⁶ Значительный интерес представляют показания Федениных детей — Юрени и Перхура, живших в 20—30-х годах в одной из деревень Махрищского монастыря: «Мы, господине, жили в тои деревне Феденине при Олехсандре при Володимировиче десять лет, да опять ... то село Зеленцыно дал Александр и с тою деревнею Феденинскою ... к Троице по сыну, и мы ... жили за монастырем пять лет...». ¹⁷ Следовательно, переход села из рук одного феодала в руки другого не отразился на судьбе крестьянского держания: на участке (отцовском) продолжают жить его прежние феодально зависимые хозяева.

Таким образом, в составе крестьянского населения вотчины можно наблюдать слой старинных наследственных или многолетних держателей одних и тех же участков, остающихся на «своей» земле даже тогда, когда она меняет господина.

Во всех ли, однако, случаях крестьянское держание носило столь длительный и прочный характер? Интересный материал по этому вопросу мы находим в одном из судебных дел 60-х годов. По материалам процесса между Махрищским монастырем и Бортной волостью о селище Лаптеве можно проследить последовательную смену крестьян в одной из деревень Махрищского монастыря. Вот эти крестьяне: 1) Феденя с детьми Юрени и Перхуром, живут в общей сложности не менее 15 лет, деревня позднее сохраняет имя Федени; 2) Еска с сыном Палкою — 5 лет; 3) Максим Воробьев — 4 года; 4) Буженина — 2 года; 5) Гридя Рыкуля — 10 лет, сыновья его живут второй год. ¹⁸

Таким образом, в течение около 40 лет (примерный срок активной деятельности одного поколения) феодальная деревня

¹⁴ АФЗХ, I, № 125.

¹⁵ Там же, № 129. — В описании 1491/92 г. в дер. Васильковой показаны во дворах Власко, Гридка, Фомка, Микитка (там же, № 23). Таким образом, Андрейка Зиновов пришел за несколько лет до процесса на место Фомки.

¹⁶ АСВР, I, № 642.

¹⁷ Там же, № 340.

¹⁸ Там же.

меняла своих владельцев-держателей не менее 5 раз. Здесь можно наблюдать различные сроки и различное происхождение держания. Если от Федени и от Гриди Рыкули деревня переходит соответственно к их сыновьям, то три других держателя уходят из нее очень быстро. Можно так же отметить, что Феденины дети Юрени и Перхур, хотя и прожили в отцовской деревне 15 лет, затем все же ушли из нее. Это говорит о том, что даже длительные и наследственные связи крестьянина с его участком не превращались в связи обязательные.

Но мог ли он уйти из феодальной вотчины? Непосредственный случай «выхода» крестьянина из вотчины известен только один: Васька Кобцова, по его словам, мишутинский дворский «отказал» из вотчины в волость. Кобцов дает свои показания на процессе начала 1500-х годов. Предметом судебного разбирательства и объектом претензий Троицкого Сергиева монастыря являются земли, в частности земля дер. Сарычкиной, в которой жил Кобцов: «Да отняли, господине, у нас деревню старую Сарычкино ... А отказался ... от нас с тою деревнею Васко в Мишутинской стан...».¹⁹ По-видимому, монастырские власти считают незаконным не сам факт выхода из вотчины Кобцова, старинного потомственного монастырского крестьянина, а только распоряжение им его земель: он ведь не просто «вышел» в волость, а «отказался» в нее вместе со своим участком — монастырской собственностью. Создается впечатление, что уход самого Васьки с его участка и из вотчины не вызвал бы протеста монастырских властей.²⁰

Такая постановка вопроса заставляет вспомнить старинную формулу в кн. Василия Дмитриевича в правой грамоте Чудову монастырю, запрещавшую крестьянам распоряжаться землями в монастырском отводе и вводившую санкцию — с земли «вон метати». Изгнание крестьянина из феодальной вотчины рассматривается как наказание (оно и было наказанием, и очень тяжелым: крестьянин терял свою землю, единственный источник существования). Логически отсюда вытекает возможность (юридическая) и для крестьянина порвать связи с феодальной вотчиной: ценой потери участка и, как свидетельствует Судебник 1497 г., уплаты пожилого.²¹

¹⁹ Там же, № 628.

²⁰ Ср.: И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 2, стр. 161. — О переходе крестьян из вотчины в вотчину косвенно свидетельствует такой факт. В составе вотчины Зубачевых (село Юрьевское) в самом начале XV в. известна дер. Водомерово (АСВР, I, № 15). Через несколько лет пустошь Олферьевская Водомеровых упоминается среди земель В. Я. Воронина (там же, № 36). Не исключена возможность, что Водомеровы жили последовательно в обеих указанных вотчинах.

²¹ На основе анализа показаний жителей деревни Феденинской в вотчине Махрищского монастыря И. И. Смирнов пришел к вполне вероятному предположению, что эти жители приходили в вотчину из волости и уходили из

Что эта норма Судебника не была пустым звуком, а имела реальное значение, показывает относительно поздний акт — договорная грамота Ш. Баскакова с властями Махрищского монастыря о селъцах Полосине и Глинкове (1531/32 г.): «А которой хрестьянин выидет вон по своей воле, и мне, Шарапу, и моим детем на том хрестиянине подворного и всяких своих пошлин не имати, то ужо имати монастырю». Таким образом, 30 лет спустя после появления Судебника выход крестьян из вотчины считается вполне нормальным явлением. Любопытно, что тот же документ признает реальной и другую возможность: «А мне, Шарапу, и моим детем из селъца из Полосина и из дер. Глинкова хрестиянина никакова без монастырского ведома вон не выслати сильно».²² Значит вотчинник вообще имел полную возможность «выслати» крестьянина из деревни («вон метати» по чудовской правой грамоте начала XV в.), но в данном случае его произвол ограничен условностью владения, т. е. интересами другого феодала, к которому должна перейти вотчина.

Так как потеря участка была экономически весьма невыгодной для крестьянина, то, вероятно, случаи выхода крестьян из вотчины были на практике не очень распространены. Этим и объясняется наличие крестьян-старожильцев, связанных со своей деревней в феодальной вотчине многие десятки лет, нередко из поколения в поколение. Совсем другую перспективу для крестьянина создавал переход из вотчины в волость со своим участком. Крестьянин оставался на своей земле, но переставал отбывать владельческие повинности в пользу феодала: «Да и десятин, господине, мне дворской на монастырь не велел пахати; и из ... от тех мест и не пашу десятин»,²³ — так Васylko Кобцов изображает последствия своего перехода в волость. Таким образом, выход из вотчины в волость означал (при условии сохранения земли крестьянином) реальное улучшение его экономического и юридического положения.²⁴ Повиновение власти феодала и отбывание владельческих повинностей — вот что отличало вотчинного крестьянина от его собрата на черных землях.

Приведенные материалы свидетельствуют, мне кажется, о том, что в Переяславском уезде XV в. фактически существует право и возможность крестьянского перехода, причем это право осуществляют и те крестьяне, которые сидят на своих участках по многу десятков лет, а иногда и наследственно. При отчуждении вотчины крестьянин может остаться на своем участке (перейдя, таким образом, под власть нового владельца, как это случилось

вотчины в волость (И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 3, стр. 137—140).

²² ОГКЭ, IV № 973.

²³ АСВР, I № 628.

²⁴ Такого же мнения И. И. Смирнов (И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 2, стр. 161).

с Феденей и его детьми на земле боярина Лыкова, подаренной Махрищскому монастырю). Но это не влияет на его право в дальнейшем уйти из этой вотчины. В условиях XV в. едва ли можно говорить об отчуждении крестьян вместе с землей, даже если речь идет о старожильцах.²⁵

Таким образом, материалы XV в. не дают возможности проследить сколько-нибудь существенную разницу между «тутошним» человеком — аллодистом, превратившимся в зависимого держателя в результате захвата его земли феодалом, и человеком пришлым, посаженным на землю самим феодалом: и тот, и другой зависимые держатели в феодальной вотчине, подведомственные феодалу тяглицы, имеющие право и возможность «выхода». Однако наряду с ними в феодальной вотчине живут и такие люди, чья свобода ограничена в значительно более сильной степени.

Митрополит Алексей, завещая в 70-х годах XIV в. свои села (в том числе и Филипповское в Переяславском уезде) Чудову монастырю, писал в духовной: «А все те села даю с серебром, и с половники, и с третники, и с животиною».²⁶ Таким образом, митрополит передает новым владельцам не только землю, но и какие-то категории сельского населения. Половники и третники, сидевшие в селах митрополита, т. е. в вотчине бояр Бяконтов, выходцем из которых был Алексей, — это, по-видимому, отнюдь не знакомые нам старожильцы, могущие уйти из вотчины своего

²⁵ В новейшей литературе такую точку зрения высказал И. И. Смирнов (И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 2, стр. 159—161). Другое мнение высказал Л. В. Черепнин: «Старожильцы, как старинные жильцы феодальных имений, хозяйственно крепко связанные со своими наделами, отчуждаются вместе с землей». В подтверждение этого тезиса Л. В. Черепнин приводит пять случаев отчуждения крестьян с землей. Но, во-первых, как признает и сам Л. В. Черепнин, отчуждаются не только старожильцы, но и вновь посаженные на землю крестьяне, таким образом, сам факт старожильства здесь не играет существенной роли. Что, однако, еще более важно, во всех пяти случаях, приводимых Л. В. Черепниным, речь идет не о сделках между частными лицами, а о княжеских пожалованиях в монастыри. По-видимому, во всех случаях монастырям жалуются черные волостные земли, которыми князь распоряжается как глава верховной власти, а не как частный собственник. Не могут свидетельствовать об отчуждении старожильцев с землей и последние два случая, на которые ссылается Л. В. Черепнин. В обоих случаях вотчина отчуждается без упоминания о ее жителях. Но вскоре после этого отчуждения новый владелец получает на свое владение жалованную грамоту, говорящую о «людях», живущих в вотчине. Из этих примеров (их можно привести много) вытекает несомненный и бесспорный факт, что крестьянин не уходит из «своей» деревни при переходе ее к другому феодалу, но не вытекает, что он юридически не может этого сделать. Поэтому основной тезис Л. В. Черепнина: «Когда отчуждаются населенные пункты... вместе с ними... продаются, передаются „по душе“ и т. д. в первую очередь — старожильцы», остается, на мой взгляд, не доказанным (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 216—217).

²⁶ АСВР, III, № 28.

господина. Зависимость этих половников и третников настолько велика, что владелец сел может ими распоряжаться так же, как «серебром» и животиной. И. И. Смирнов в результате изучения духовной митрополита Алексея пришел к следующим выводам: во-первых, половники и третники—это та самая «челядь», о которой митрополит говорит в следующей фразе («А моя челядь в селах, а на них серебрецо...»); во-вторых, сильная степень зависимости этой «челяди» объясняется их долгом господину.²⁷ Зависимость такого половника может быть прекращена только с погашением ссуды: «И не похотят служить, и хто куды похочет, и тем воля, отдав серебрецо; а хто рост дает, тем воля же».²⁸ С выплатой «серебреца» прекращается как «служба», т. е. отработка процентов, так и денежная выплата их («рост»). Но вместе с тем прекращается и связь половников с выделенными им участками, с которых они «страждут» и «дают рост»: они идут «хто куды похочет». Таким образом, духовная митрополита Алексея показывает в составе сельского населения особую группу неполноправных людей, характеризующуюся сильной степенью зависимости, долговым происхождением этой зависимости и сравнительно слабой связью со своими участками: в облике такого половника на первом плане его связи с господином-заимодавцем, а связь с участком носит вторичный и подчиненный характер. При переходе вотчины из рук в руки «серебро» переходит к новым владельцам; к ним же переходят и закабаленные этим «серебром» половники.

В середине XV в. в. кн. Софья Витовтовна, завещая свои села церквам и монастырям (в том числе Троицкому Сергиеву монастырю переяславские села Чечевкино и Слотино), передает их «с хлебом со всем, и с животиною, да с половиною изделного серебра, что на людех, а половину изделного серебра велела есмь христианом серебряником отдавати, оприсно и страдников, страдники пойдут на слободу». Говоря о селах, завещаемых на таких же условиях сыну, великому князю, Софья Витовтовна далее пишет: «А о всем положила есмь на своем господине, на великом князи, о том серебре, приказала есмь ему то учинити по обыску: кто будет от тех изделников охудел, а и половины того изделного серебра заплатити не взможет, а сын мои ... тому велит отдати за мою душу все изделное серебро; а который будет изделный серебряник изможен в животе, а не охудел, взможет заплатити и все серебро, и на том сын мои ... велит все изделное серебро взяти...».²⁹

Духовная Софьи Витовтовны и терминологически, и по существу близка к духовной митрополита Алексея. Население сел

²⁷ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 3, стр. 155, 156.

²⁸ АСВР, III, № 28.

²⁹ ДДГ, № 57.

Софьи Витовтовны состоит, очевидно, из трех категорий зависимых людей — полноправных тяглецов-старожильцев, серебряников и страдников. О первой категории завещатель не имеет нужды говорить: их положение достаточно ясно — они остаются на своих участках, продолжая исполнять феодальные повинности, пока не «откажутся» из вотчины. В противоположность им страдники «пойдут на свободу», т. е. приобретая «свободу», тем самым полностью теряют свою связь с землей. Новому владельцу предоставляется или выгнать их из вотчины, или удержать их в ней на каких-то новых началах. Промежуточное положение между этими двумя крайними категориями занимают серебряники. Подобно половникам и третникам митрополита Алексея, они вместе с лежащим на них «серебром» переходят к новым владельцам, которым они теперь будут «служить» и «давать рост». Софья Витовтовна говорит об этих людях значительно более подробно, чем митрополит. Из ее духовной выясняется, во-первых, что серебряники ведут самостоятельное хозяйство (и могут быть «охудевшими» и «изможными»), и, во-вторых, что эти серебряники — издельщики, т. е. отрабатывают личным трудом проценты с взятой ими ссуды. Наблюдения над духовной Софьи Витовтовны привели И. И. Смирнова к справедливому, как мне представляется, выводу, что «изделное серебро» превращает крестьянина, во-первых, в «серебренника», во-вторых, в «изделника».³⁰ Серебро в боярской вотчине XV в. — мощное средство привлечения крестьян на землю и одновременно средство усиления их зависимости. В лице серебренника перед нами крестьянин, потерявший большую долю личной свободы, лишенный возможности порвать связь с господином-заимодавцем и несущий в пользу этого господина наиболее тяжелые повинности.

Таким образом, «крестьяне» жалованных грамот XV в. — это сельские жители с разной степенью зависимости от феодала, от полноправных старожильцев до закабаленных серебряников, связанные общностью основной социально-экономической характеристики — непосредственные производители, живущие в вотчине и подвластные вотчинной администрации.

Судя по актовому материалу, крестьяне в феодальной вотчине жили как в деревнях, так и в селах. Что представляет собой феодально зависимая деревня XV в.? Актовый материал свидетельствует, что в феодальной вотчине, как и в черной волости, под деревней зачастую понималось одно крестьянское хозяйство. Таковы именно были упомянутые выше деревни Сарычкина в троицком селе Бебякове, Матфеевская в троицком селе Хупани, Феденинская на землях Махрищского монастыря. Наряду с этим, однако, известны случаи, когда в деревне жили двое и больше

³⁰ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 3, стр. 161.

крестьян. Уже в первой половине XV в. в той же дер. Феденинской после смерти отца жили и вели хозяйство двое его взрослых сыновей.³¹ Описания конца XV—начала XVI в. позволяют наглядно представить число дворов в переяславской феодальной деревне этого времени.

В 1491/92 г. к митрополичьему селу Каринскому тянуло 11 деревень с 32 дворами. Основная масса деревень имела 1—2 двора. В митрополичьей Романовской волости по тому же описанию была 41 деревня со 131 двором. 26 романовских деревень имели не более трех дворов каждая. Деревни с числом дворов в 6 и более можно рассматривать как исключение: в обоих митрополичьих владениях их было всего 5, менее 10% общего числа поселений. У митрополичьего боярина Фомина, по описанию 1491/92 г., к селам Степурину и Лыкову тянули 4 деревни: 2 двудворные, 2 однодворные. У того же боярина числилось 5 починков «без пашни», т. е. не положенных в сохи. В этих починках всего 7 дворов: в 2 по два, в 3 по одному (но в одном из однодворных починков двое крестьян).³² Починки боярина Фомина не тянут тягла, вероятно, потому, что на них живут на льготе люди пришлые, не успевшие еще завершить создание полноценного хозяйственного комплекса — деревни. В связи с этим особенно интересно наличие двудворных починков: с самого начала починков имеет двух хозяев. Не свидетельствует ли это о новых явлениях в хозяйственной жизни феодальной деревни на рубеже XV—XVI вв.?

По письму 1519 г. В. Г. Морозова и З. А. Сатина, митрополичий Борисоглебский «над озером» монастырь имел всего 2 однодворных деревни и один починков без пашни с двумя дворами (основная масса феодально зависимого населения была сосредоточена в селе и на посаде). Никольский монастырь на Бачевке имел село и 20 деревень с 92 дворами, но в сохранившейся части описания названы только 6 деревень: одна с двумя, остальные — с одним двором каждая. Покровский монастырь имел в Аргуновской волости 6 деревень с 12 дворами: в одной 5 дворов, в двух по 2, в трех по одному. Помещики братья Заяловы владели селцом Калининым с 3 деревнями. Крестьянские дворы отмечены в 2 деревнях: в одной 3, в другой 7. К селу Коведяеву, находившемуся в поместье за Климом Зелейником, тянуло 7 деревень: одна с 12, одна с 5, одна с 3, три с 2 и одна с 1 двором. «В споре» у того же Клим с Малморою двудворная дер. Высокое. В вотчине И. А. Старкова к селу Александровскому тянуло 7 крестьянских деревень: одна с 5, одна с 4, две с 3, две с 2, одна с 1 двором; к селу Соколову, принадлежавшему

³¹ АСВР, I, № 340 («А после Гридки остались его дети Омельяно да Бориско, а ту же землю пашут»).

³² АФЭХ, I, № 22.

вдове и сыну В. А. Старкова, — 2 деревни с крестьянами, по 2 крестьянских двора в каждой.³³

Таким образом, и в 1519 г. количественно преобладают одно-, дву- и трехдворные деревни, хотя встречаются поселки и значительно более крупные. В целом можно считать, что, хотя феодально зависимая деревня была несколько крупнее черной волоостной, существенной разницы между ними с точки зрения их размеров не было.

Судя по описанию 1519 г., одной из характерных черт феодально зависимой деревни является усложнение ее состава: появление в деревне холопных, а в мелких вотчинах — и господских дворов. Такие деревни, как и многодворные деревни в крупных вотчинах, уже не могли быть элементарными хозяйственными единицами, а представляли собой более или менее сложную совокупность держаний. В этом — принципиальное отличие владельческой деревни начала XVI в. от черной.

Особенностью феодальной вотчины является то, что более или менее значительная часть крестьянского населения живет не на деревенских участках, а в селе. По описанию 1491/92 г., в митрополичьей Каринской вотчине в селе Каринском 43 крестьянских двора, что составляет 57.2% всех крестьянских дворов в вотчине. В вотчине боярина Фомина-Юрьева в селах сосредоточено 48% крестьянского населения (12 дворов из 25). В Никитском стану описание показывает 2 села Борисоглебского митрополичьего монастыря: Никитское (11 дворов) и Добрилово (16 дворов), к которым, судя по описанию, деревни не тянут.³⁴ Из описания 1519 г. известно, что к селу Милятину (11 дворов), принадлежавшему тому же монастырю в Конюцком стану, деревни также не тянут и значительное число зависимого от монастыря населения сосредоточено на посаде города Переяславля (18 дворов с 20 людьми, занимающимися ремеслом). По описанию 1519 г., в селе Горки Покровского Мирзина монастыря показано 42 двора. К селу тянут 2 однодворных деревни, двухдворный починок и 4 пустых селища. Таким образом, в селе Горки было сосредоточено свыше 90% крестьянского населения вотчины. В поместье Клима Зелейника в селе Коведяеве 42 крестьянских двора, из которых в самом селе 19 (47%). Из 41 крестьянского двора вотчины И. Старкова 21 (более 50%) в селе Александровском. Еще больший процент крестьянских дворов в селе Соколове — вотчине В. Старкова: 17 против 4 в деревнях, т. е. свыше 80%. Большая часть крестьянского населения вотчины сосредоточена в селах также и во владениях братьев Чулковых.³⁵

³³ Там же, № 23.

³⁴ Там же, № 22.

³⁵ Там же, № 23. — В итоговой записи о вотчинах Чулковых сказано: «И всех деревень к обема селом 50, а дворов в них и в деревнях 58, а лю-

Судя по приведенным данным, село в Переяславском уезде в начале XVI в. — это крупное феодальное поселение со значительным количеством крестьянских дворов.³⁶ В некоторых владениях большая часть феодально зависимых крестьян живет именно в центре вотчины — в селе.

Что представлял собой крестьянский двор в феодальном селе? В некоторых актах содержатся только косвенные ответы на этот вопрос. В селе Мячкове кн. П. И. Шуйского крестьянские дворы показаны с пашней «и с огороды, и с хмельники, и с огуменники».³⁷ В селе Богородском вотчинник кн. И. В. Оболенский-Щербатый «двор и землю и луги» Иванка Проскурницына «дал попу».³⁸ Если судить по этим единичным сведениям, крестьянский двор в селе — это комплекс жилых и хозяйственных построек с пашней и угодьями. Крестьянин и в селе сохраняет орудия и средства производства, является «хозяином» выделенного ему участка. Однако он живет и работает в селе бок о бок с боярским холопом и под непосредственным наблюдением господина и его приказчика.

Крестьяне в боярской вотчине XV—начала XVI в. сохраняют в качестве реликтов черты, роднящие их с жителями соседней черной волости. Они присутствуют в качестве «мужей» на разъездах и отводах. Так, при продаже и отводе села Юрьевского (конец XIV—начало XV в.) присутствуют 9 лиц.³⁹ Двое из них — местные вотчинники, братья Тормосовы, известные своими давними связями с покупателем — Троицким Сергиевым монастырем.⁴⁰ Третий послух — княжой ключник, очевидно, управляющий близлежащими землями радонежского князя. Другие послухи гораздо интереснее: их имена этимологически связаны с названиями близлежащих деревень. Так, Лука Язвцов, — вероятно, житель дер. Язвцовой, расположенной на р. Кунье и входившей (судя по акту начала XVI в.) в состав вотчины Плещеевых.⁴¹ Имя Михайлы Исакова точно так же связывается с названием «земли Исаковской», известной в начале XVI в. как «земля великого князя».⁴² Не исключена возможность,

дей 58 человек». В сохранившемся отрывке описания 1519 г. показано 8 деревень: 5 к селу Бакину А. А. Чулкова, 3 к селу Бунакову И. А. Чулкова. Дворов всего показано 54, из них: в Бакине 1 господский, 8 людских, 23 крестьянских; в деревнях к селу 4 людских, 5 крестьянских; в Бунакове 4 людских, 4 крестьянских; в деревнях к селу 5 крестьянских (там же). Таким образом, в обеих половинах вотчины из 37 крестьянских дворов 27, т. е. 72% находились в селах.

³⁶ Так же представляет себе село Северо-Восточной Руси и Б. Д. Греков (Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 508—509).

³⁷ ОГКЭ, IV, № 983.

³⁸ Там же, № 950.

³⁹ АСВР, I, №№ 15, 16, 17.

⁴⁰ Житие Сергия Радонежского, стр. 34.

⁴¹ ОГКЭ, IV, № 944.

⁴² Там же, № 947.

что Матюк Кожевников связан с дер. Кожевниковой (в Мишутинской волости), в которой в начале XV в. жил Захар Кожевник.⁴³ Наиболее интересно то, что два послуха — Гаврила Плишкин и его брат Леон, — по всей вероятности, жители соответствующих деревень (Плищево и Левонково), тянувших к селу Юрьевскому и продаваемых теперь монастырю.⁴⁴ Подобный случай не исключение. В эти же примерно годы у данной грамоты Ивана Сватка в Троицкий Сергиев монастырь в числе трех послухов назван некий Мардар.⁴⁵ Кто это такой? Ответ на этот вопрос помогает найти более поздний акт, связанный с землями Сватковых. Согласно этому акту, троцкий келарь Авраамий купил у П. И. Сваткова в числе других владений также и пустошь Мандаровскую.⁴⁶ Кажется вполне вероятным предположение, что название этой пустоши связано с именем послуха Мардара. Если так, то Мардар — скорее всего зависимый крестьянин Сватковых, владелец деревни, входящей в состав их вотчины.

Таким образом, зависимые крестьяне могут выступать в качестве свидетелей при сделках, заключаемых их господами. В этих сделках они участвуют, естественно, только как частные лица и поодиночке.

Значительно больший интерес представляют случаи, когда вотчинные крестьяне выступают коллективно. В 60—70-х годах на отводе земель троцкого села Вяхоревского от Площевской волости были со стороны волости 4 поименно названных «площевских мужа», представлявших свою общину («и все плошевичи»). С монастырской стороны тоже «мужи»: трое названных поименно — Федор Бухалов и двое братьев Мякинницыных — «и все вяхоревичи».⁴⁷ Лет за 30 до этих событий тот же Федор Бухалов — послух при данной грамоте Андрея Шарапова в Троицкий монастырь.⁴⁸ В 70—80-х годах монастырские «мужи» в этом районе снова фигурируют на двух отводах.⁴⁹ В одном из этих двух случаев в числе монастырских «мужей» тот же Влас Мякинницын, который уже был назван в составе «мужей» на разводе 60—70-х годов. На разводах 90-х годов XV в. вотчинные крестьяне в Кинеле присутствуют в качестве «мужей» наряду с детьми боярскими, местными землевладельцами-феодалами. При разъезде троцкого села Воронина с землями Бурцевых у дер. Слотиной — пять светских феодалов, один представитель монастырских властей и четверо крестьян: двое «бобошинских».

⁴³ Ср.: АСВР, I, № 571.

⁴⁴ Там же, № 15 (Плищево и Левонково названы рядом друг с другом).

⁴⁵ Там же, № 12.

⁴⁶ Там же, № 227.

⁴⁷ Там же, № 328.

⁴⁸ Там же, № 81.

⁴⁹ Там же, №№ 421, 422.

(из дер. Бобошино Троицкого монастыря) и двое «слотинских».⁵⁰ На разъезде Чернеческой земли Троицкого монастыря с землями Ф. И. Воронина — 7 «мужей»: 3 детей боярских и 4 крестьян, в том числе один с земли Чернеческой.⁵¹ Нечто похожее и в Хупанской вотчине Троицкого монастыря. На разводе 70—80-х годов встречаются «мужи» волостные бармазовские и «от Сергиева монастыря», возглавляемые посельским.⁵² В 80—90-х годах троицкие крестьяне Ивашко Логинов и Мосейко Карцов вместе с приказчиком участвуют в разводе земель троицкой дер. Свечиной (на Нерли, бывшая вотчина Копниных) с землями Гавинской волости. Контрагенты их — гавинские «мужи» во главе с десятским.⁵³ Троицкие крестьяне присутствуют, видимо, и на разъезде 1500/01 г. с землями Т. П. Замытского на Нерли.⁵⁴

Крестьяне митрополичьих владений также присутствуют на разъездах. Около 1509 г. 5 старожильцев, на которых «ся положил» Климентий Тутолмин, развели «с иконою» земли митрополичьей Романовской волости и вотчины Тутолмина. При этом акте присутствовали как представитель вотчинной администрации — волостель романовский (митрополичий), так и романовские «христиане» в составе семи человек во главе со старостой, а со стороны Тутолминых — двое феодалов и двое крестьян.⁵⁵ Подобная же картина — на разъезде 1519 г. земель той же Романовской митрополичьей волости и Киржачского монастыря. Здесь, кроме феодалов и должностных лиц вотчинной администрации, трое митрополичьих, трое монастырских крестьян.⁵⁶ Митрополичьи крестьяне выступают, видимо в качестве послухов, может быть, также поручителей при обязательствах пришлых людей не «освоить» землю, на которую они сели.⁵⁷ В тех случаях, когда при разводе земель стоят с одной стороны волостные «мужи», а по другую сторону «мужи» — вотчинные крестьяне, смутно проглядывают некоторые черты крестьянского «мира» — общины, действующей на территории вотчины под руководством вотчинных властей.

Однако вотчинные крестьяне присутствуют на разъездах далеко не всегда. При разъезде земель Троицкого монастыря села Скнятинова с вотчиной И. Михайлова в 70—80-х годах присут-

⁵⁰ Там же, № 551.

⁵¹ Там же, № 559.

⁵² Там же, № 330. — Датировку, принятую издателями (1462—1484), можно сузить, ограничив ее нижний предел 1478 г. — пострижением в. кн. Марьи Ярославны, после чего ее земли, в частности Бармазово, могли перейти по ее «списку» к великому князю. Хупанские люди, представлявшие монастырскую сторону, почему-то названы в акте «людьми великого князя с Хупани».

⁵³ АСВР, I, № 544.

⁵⁴ Там же, № 632.

⁵⁵ АФЭХ, I, № 130. — Климентий Тутолмин и его родственник Семен Васильев названы в акте почему-то князьями.

⁵⁶ АФЭХ, I, № 132.

⁵⁷ Там же, № 122.

ствуют только вотчинники — феодалы Зубовы и Баскаковы.⁵⁸ Такое же явление наблюдается при разъезде земли Дубровы в том же Кинельском стану, при разъезде земель Редриковых там же, при разъезде земель села Скнятинова от земель вотчинников Зубовых.⁵⁹ Во всех этих актах крестьян на разъезде нет. Особенно заметно неравноправие волостных и вотчинных крестьян на разъезде земель троицкого села Копнина на Нерли с землями Заборской волости: писцу кн. В. И. Голенину «межу указывают» только волостные крестьяне, которых возглавляет десятский. Монастырские крестьяне в акте не упоминаются вовсе.⁶⁰

Участию вотчинных крестьян в разъездах соответствует и их участие в судебных процессах в качестве тяжущихся сторон или судных мужей. В 60—70-х годах трое крестьян села Милятина митрополичьего Борисоглебского монастыря вели от своего имени тяжбу о двух селищах с великокняжескими крестьянами Ивашова Угла и выиграли этот процесс.⁶¹ Такую же победу одержали на суде в 90-е годы четыре крестьянина митрополичьей дер. Голямовской, судившиеся с внуком бывшего вотчинника этой деревни.⁶² Однако подобные случаи чрезвычайно редки, они представляют собой скорее исключение. В подавляющем же большинстве случаев процесс о вотчинных землях ведет вотчинная администрация в лице посельского или приказчика. Правда, и в этих случаях вотчинные крестьяне играют иногда активную роль, выступая вместе с посельским и под его руководством. Таков процесс крестьян митрополичьего села Каринского против вотчинников Струниных. Крестьяне выступают как тяжущаяся сторона, но во главе их стоит посельский.⁶³ Подобно этому и троицкий крестьянин Кондратик Кузьмин — житель дер. Матфеевской в Хупанской вотчине — является ответчиком в судном деле с крестьянами Бармазовской волости. Однако за спиной Кондратика стоит монастырский посельский старец Савелий, именно он и является главным действующим лицом процесса, Кондратик же играет явно подчиненную роль.⁶⁴

В большинстве случаев на таких процессах вотчинным крестьянам отводится пассивная роль знахорей — экспертов. Характер этой роли замечен, например, в судном деле о мишутинских пустошах, распахиваемых троицкими крестьянами. Процесс ведет монастырская администрация — старец Маркел, а вотчинные крестьяне — только знахори, хотя и их отцы, и они пахали земли, являющиеся предметом судебного разбирательства.⁶⁵ Точно так же

⁵⁸ АСВР, I, № 466.

⁵⁹ Там же, №№ 482, 577, 597.

⁶⁰ Там же, № 643.

⁶¹ АФЭХ, I, № 125.

⁶² Там же, № 129.

⁶³ Там же, № 117.

⁶⁴ АСВР, I, № 642.

⁶⁵ Там же, № 571.

и старец Павел — посельский Махрищского монастыря в селе Зеленцыне — тягался о селище Лаптеве с Бортной волостью от своего (т. е. монастырского) имени, а не от имени монастырских крестьян, которые этим селищем фактически владели: эти крестьяне даже не присутствуют на процессе.⁶⁶

Эти наблюдения дают, мне кажется, право прийти к выводу, что крестьянская организация на вотчинных землях была вообще значительно слабее таковой на землях волостных. Ее принципиальное отличие от последней — подчинение вотчинной администрации и резкое сужение компетенции (отсутствие права распоряжаться землей). Даже в тех случаях, когда в крупных вотчинах сохранялось или создавалось самими феодалами некоторое подобие крестьянской общины, эта община являлась явно второстепенным органом управления: все сколько-нибудь важные вопросы, связанные с вотчинными землями, решал сам феодал или его аппарат. Это положение вполне соответствует формулам жалованных грамот: все жалованные грамоты, определяющие положение феодальной вотчины в области суда и управления, устанавливают, что всех людей, живущих в вотчине, «ведает и судит» сам феодал и его приказчик «во всем». Исключение делается только для уголовных дел. Изъятие населения вотчины из общего порядка суда и управления и полное подчинение этого населения власти вотчинника — такова важнейшая черта жалованных грамот.

О содержании владельческих повинностей в XV в. нет почти никаких данных. Тем более ценны показания В. Кобцова: он говорит о барщине, издавна практиковавшейся на землях Бебяковской вотчины Троицкого Сергиева монастыря: «Жил, господине, в той деревне отец мой за монастырем тритцать лет, и десятины... на монастырь в селе Бебякове пахал, а яз ... после отца своего живу в той деревне десять лет, да пахал есми ... десятины на монастырь в себе Бебякове восемь лет».⁶⁷ Таким образом, барщина в селе Бебякове в форме десятинной пашни возникла никак не позже 60-х годов XV в. (Кобцов дает свои показания в самом начале XVI в.). О такой же десятинной пашне на вотчинника говорит и несколько более поздний документ (1531/32 г.), относящийся к хозяйству Баскаковых в Кинельском стану: «А хрестияном полосинским и глинковским сего лета на меня на Шарапа и на мое дети пашня пахати десятины, как на меня прежде сего пахали».⁶⁸

Феодальное село не мыслится без «сельских полей». В первом десятилетии XVI в. дети Ивана Скрипицына, деля село Титовское в Верхдубенском стану, говорят не только о деревнях с их полями,

⁶⁶ Там же, № 340.

⁶⁷ Там же, № 628.

⁶⁸ ОГКЭ, IV, № 973. — Глинково и Полосино — сельца, продаваемые (уступаемые за долг) Шарাপом Баскаковым Троицкому Махрищскому монастырю.

но и о сельских «полосах».⁶⁹ Подобно этому делят свою вотчину и Племянниковы: на каждую долю приходится по полтора сельских поля (40-е годы XVI в.).⁷⁰ О «пашенной земле сельской» (в селе Богородском) говорит и деловая грамота И. Г. Собакина и Д. А. Бутурлина.⁷¹ Сельская пашня обрабатывалась, вероятно, трудом вотчинных крестьян (серебреников) и несвободных людей вотчинника. Однако непосредственные интересы феодала-хозяина не замыкались в сельской околице. Из духовной грамоты А. Ярлыка — великокняжеского, а затем митрополичьего дьяка и, наконец, инока Симонова монастыря — выясняется, что он имел хозяйство и в деревнях: «А што в тех деревнях моя рожь старая складена на поли и нынешняя, которая была в земли, и ярь, а то дал есми на Симаново архимандриту Афанасью...»⁷² (речь идет о 3 деревнях и починке в Яузском Мытище Московского уезда).

О распространении барщины может, как мне кажется, косвенно свидетельствовать и наличие многолюдных сел, т. е. сосредоточение значительной части крестьянского населения вотчины вокруг господского двора под непосредственным наблюдением феодала и его приказчика. Напротив, существование малодворных поселков, разбросанных на большом расстоянии от вотчинного центра, говорит если не об отсутствии барщины, то во всяком случае об уменьшении ее удельного веса в пользу оброка в системе крестьянских повинностей и об относительно большей хозяйственной самостоятельности крестьян.

Основным источником для суждения о составе государственных повинностей — тягла — феодальных вотчин Переяславского уезда служат жалованные грамоты. Наиболее общими чертами жалованных грамот в отношении тягла являются установление податной особности вотчины («не тянути с волостными») и освобождение от мелких хозяйственных повинностей в пользу князя и его администрации. Обе эти черты встречаются во всех без исключения известных жалованных грамотах. Логически они тесно связаны между собой и вытекают из самой природы феодальной вотчины как владения, не подведомственного ни общинным органам волости, ни низшему (волостному) звену княжой администрации.

Вторую группу повинностей, освобождение от которых содержится во многих (но не во всех) жалованных грамотах, составляют повинности, так или иначе связанные с торговыми сделками, они могут быть названы условно «торговыми пошлинами»: мыт, тамга, восмничее, весчее; к ним иногда присоединяется пятно.

⁶⁹ ОГКЭ, IV, № 946 («А Бурец себе любил в селе полосы»).

⁷⁰ АСБВ, № 871.

⁷¹ Там же, № 873. — В публикации С. А. Шумакова (ОГКЭ, IV, № 950) межи опущены.

⁷² АСБР, II, № 361.

Освобождение от этих пошлин облегчает торговые операции населения вотчины, хозяйственные связи между вотчинами, принадлежащими одному владельцу, а так же хозяйственную деятельность вотчины вообще. В то же время освобождение от этих пошлин означает изъятие жителей феодальной вотчины из-под власти определенных должностных лиц княжеского местного административного аппарата, предназначенных для сбора торговых пошлин. О существовании подобных должностных лиц и о характере их деятельности говорит, например, грамота «с прочетом» 1462—1466 гг., адресованная переяславским таможенникам Мартыну Черному и Гриде Ильину, которые откупили тамгу у «благовещенских попов». Из этой грамоты выясняется, что таможенники не только «берут» тамгу и «все пошлины» (видимо, торговые), но еще и «по селом» посылают «поборов брати».⁷³ Освобождение феодальной вотчины от людей, подобных таможенникам, — откупщиков, ездящих по селам и собирающих поборы, логически дополняет податную особенность и неподведомственность вотчины местной княжой администрации. Таким образом, вторая группа податных льгот способствует особенности феодальной вотчины, выделению ее из общей массы земель нефеодалных и ставит феодальное владение в привилегированное положение.

Наибольшее значение для феодального государства имеет третья группа повинностей: дань, ям, подвода, городовое дело и посоха. Дань — основной прямой налог — важнейшая государственная повинность, освобождение от которой встречается реже всего. Жалованные грамоты только допускают льготу, т. е. временную отсрочку в платеже дани, почти всегда только для «пришлых» людей или для «разошедшихся по иным местом» старожильцев. Сама такая постановка вопроса о дани в жалованных грамотах заставляет предполагать, что в принципе все трудящееся население должно было платить дань. Действительно, жалованные грамоты обычно указывают, что по истечении льготных лет население вотчины потянет в дань «по силе, своею братею», т. е. особенно от волостных людей и их разрубов и разметов.⁷⁴ Сказанное о дани вполне относится к таким повинностям, как ям и подвода, которые в жалованных грамотах обычно соединяются с данью, образуя группу основных государственных повинностей. С данью также обычно связана писчая белка — плата княжим писцам или данщикам. Освобождение от писчей белки практически означает, таким образом, освобождение от княжеских описаний, проводимых с фискальной целью.

⁷³ Там же, № 311.

⁷⁴ Прямые указания на размер дани с переяславских вотчин отсутствуют. Известны случаи взимания дани в виде оброка (с промысловых хозяйств): троичские варницы у Соли платили за дань по 1 руб. в год (АСВР, I, № 491), ремесленная слобода Борисоглебского монастыря на Переяславском посаде — 15 алтын в год (АФЗХ, I, № 23).

О положении вотчинных крестьян в отношении этих важнейших повинностей позволяет судить, например, жалованная грамота 1435 г. некоему Михаилу Яковлевичу на его переяславские владения: «А коли придет моя дань и те сироты дают мою дань по силе, опроче становых людей..., а коли придет ям, они тот ям дадут городу, опроче становщиков».⁷⁵ Таким образом, основные государственные повинности вотчина Михаила Яковлевича платила непосредственно «городу», т. е. наместнику, минуя низшие звенья административного и фискального аппарата, связанные с черными непривилегированными людьми.

Упоминание о городовом деле встречается в жалованных грамотах весьма редко (в отличие от дани, о которой грамоты говорят постоянно). О чем говорит это умолчание? Мне кажется, оно свидетельствует о том, что освобождение от этой важной военной повинности, как правило, не давалось. Из грамоты 1479 г., например, становится известным, что боярские и монастырские люди секут лес к городовому делу в г. Переяславле.⁷⁶ Следовательно, население боярских и монастырских вотчин отбывает городовую повинность. В более позднее время (30-е годы XVI в.) есть прямые указания на нормы городского дела для крестьян такого крупного и привилегированного вотчинника, как Троицкий Сергиев монастырь. Однако и городовое дело отбывается вотчинными крестьянами особно от волостных людей.⁷⁷ Посошная служба, т. е. прямая воинская повинность, ни разу не упоминается в жалованных грамотах. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что население феодальной вотчины не было освобождено от этой повинности, составлявшей основу военной мощи феодального государства.⁷⁸

Какое реальное значение для крестьянского населения феодальной вотчины имеет ее податной иммунитет? Отсутствие цифровых данных не дает возможности точно определить, насколько тягло вотчинных крестьян было легче, чем тягло волостных. Но если учесть, что от важнейших государственных повинностей и платежей население феодальной вотчины, как правило, не освобождает-

⁷⁵ АСВР, I, № 117.

⁷⁶ Там же, № 469.

⁷⁷ ОГКЭ, IV, № 1389. — Однако здесь уже намечается новая практика: делать городовое дело «великое» с другими сохами вместе.

⁷⁸ В подтверждение этого можно сослаться на известную грамоту в. кн. Василия Васильевича игумену Троицкого Сергиева монастыря Васснану относительно монастырских крестьян Углицкого уезда (АСВР, I, № 265). Эта грамота обычно комментируется как доказательство раннего ограничения свободы крестьянского выхода. Мне кажется, основной интерес грамоты в том, что она прямо говорит о «службе» монастырских крестьян великому князю на «Берегу», т. е. на наиболее угрожаемой южной окраине государства. Борьба с уклонением от этой службы — вот в чем основной смысл грамоты. Интересно отметить, что тот же игумен Васснан незадолго до этого (10 марта 1455 г.) получил на углицкие владения монастыря жалованную грамоту с широким иммунитетом, включая освобождение на 10 лет от основных повинностей — дани, яма и подводы (там же, № 254).

лось, то есть основание высказать предположение, что реальное экономическое преимущество вотчинного крестьянина перед волостным в отношении тягла не могло быть особенно значительным. Основное отличие вотчинного крестьянина от волошанина не в общем размере тягла, а в порядке его отбывания. Здесь, как и в области суда и управления, вотчинный крестьянин видит над собой только одну власть — власть вотчинной феодальной администрации, стоящей между ним и великим князем. Объективное значение жалованных грамот заключается в том, что в отношении тягла, как и в других областях жизни феодальной вотчины, они поддерживают особность феодального владения, отделяя его население от окружающей черной крестьянской массы. Особый порядок взимания тягла приводит на практике к усилению власти феодала над населением его вотчины.

«Люди» — вторая крупная категория населения вотчины. В отличие от крестьян «люди» — это несвободное население, которым феодал распоряжается по своему усмотрению, отпуская на волю или передавая наследникам.⁷⁹ Документы нередко позволяют различить отдельные категории несвободных. Так, духовная грамота М. А. Копниной говорит о «слугах» и «страдниках».⁸⁰ Духовные грамоты кн. И. Ю. Патрикеева, А. М. и П. М. Плещеевых называют имена большого количества холопов, среди которых на фоне многочисленных «людей» без всяких дополнительных обозначений выделяются имена ключников, а также лиц, связанных с военным делом и охотой.⁸¹ Деление «людей» на «слуг» или «приказных», с одной стороны, и «страдных» или «деловых» — с другой, видим и в некоторых актах, не относящихся к Переяславскому уезду.⁸² Таким образом, существовали два основных слоя

⁷⁹ АСВР, I, №№ 457, 562; ОКГЭ, IV, №№ 944, 948; АСВВ, № 468; ДДГ, № 86.

⁸⁰ АСВР, I, № 457 («А что мои люди, слуги и страдники...»).

⁸¹ ДДГ, № 86; АСВР, I, № 562; ОКГЭ, IV, № 944.

⁸² В духовной в. кн. Семена Гордого впервые встречается термин «деловые люди», противопоставляемый тиунам, посельским, ключникам и старостам (ДДГ, № 3). В духовной кн. Михаила Андреевича место «деловых людей» занимают «страдные люди» (там же, № 80). Духовная И. И. Салтыка-Травина различает «слуг» и «людей страдных» (АСВР, I, № 501). Духовная В. Б. Морозова-Тучка перечисляет «холопов» отдельно от «людей страдных» (там же, № 612). Духовная князей Звенигородских (1562/63 г.) различает людей, которые «служили», и «деловых людей». В связи с первыми говорится о саадах, саблах, седлах и платье; они наделаются лошадьми, «посмотря по человеку: иному дати конек, а иному — мерина». Деловые же люди получают «по корове, да по шюбе, да по сермяги» (АФЭХ, II, № 299).

Несмотря на то что на практике не всегда можно провести четкую грань между обеими группами «людей» — конюх, например, может оказаться то в числе слуг (АФЭХ, II, № 176), то в числе деловых людей (АСВВ, № 468), — общий характер деловых людей ясен. Этимологически этот термин происходит от слова «делать», а не от слова «делить», и вполне соответствует

холопского населения, которые можно назвать «слугами» и «страдающими», следуя терминологии многих актов.

Что представляют собой «слуги»? Из духовной князя И. Ю. Патрикеева известно, что его селами управляют несвободные ключники. Ключники держат на руках боярское серебро и совершают денежные операции, связанные, видимо, с закабалением — «посеребриванием» крестьян. О размахе этих операций говорит тот факт, что на руках у семи ключников, упоминаемых в духовной, более 160 руб.⁸³ Для сравнения можно указать, что одно из крупных владений Троицкого Сергиева монастыря — Скнятиновская вотчина — стоила в 50—60-х годах 60 руб.⁸⁴ Одной из обязанностей ключников-посельских была, видимо, покупка земель на боярина — округление боярской вотчины. Так, некий Пахом — посельский боярина Г. В. Заболотского — купил на его имя деревню Ивашки Скворцова к вотчинному селу Воскресенскому.⁸⁵ Слуги-министерялы выполняют и другие поручения, связанные с управлением вотчиной: они производят от имени своих «государей» развозды земель,⁸⁶ исполняют обязанности дьяков, т. е. секретарей своих господ.⁸⁷ К верхнему слою слуг можно отнести также военных и охотничьих холопов — стрелков, бронников, трубачей и т. п. На близость этой категории к слугам-министерялам указывает, например, тот факт, что ключником одного из сел кн. И. Ю. Патрикеева был «трубник».⁸⁸

Откуда берутся эти слуги-министерялы? Частичный ответ на этот вопрос дает известный нам «список с памяти» о роде Ворониных. И. И. Воронин-Хламов «дался в холопи» кн. Ефросинье Дмитровской и держал от нее волость Куней. Как холоп, он был лишен доли в отцовском наследстве, и все его сыновья тоже попали в службу; «первые жены сын, Огнем звали, а тот был в холопах у Василья у Ивановича у Собакина, а другой его брат

термину «страдающие люди». Поэтому нельзя согласиться ни с авторами указателя к АФЗХ, II, по мнению которых деловые люди — это «доставшиеся по дележу» (АФЗХ, II, стр. 621), ни со Срезневским (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, табл. 789).

⁸³ У Головки в Маковце — 75 руб., у Гриди Панова в Протасовском — 18 руб., у Шубы Трубника в Нижней Слободе — 43 руб., у Офонаса в Моденове — 6½ руб., у Гриди Страхова — 12 руб. («на Безпуте Иванкове», видимо, на одном из крестьян), у Андрея Страхова в Пилюгине и в Сидоровском — 10 руб. (ДДГ, № 86).

⁸⁴ АСВР, I, № 241.

⁸⁵ Там же, № 288.

⁸⁶ В 1495/96 г. Алексей Палицын, «человек» кн. И. Ю. Патрикеева (ДДГ, № 86), развозжал его вотчину с митрополичьей землей (АФЗХ, I, №№ 46а, 50). Разводную писал «княж Иванов Юрьевича дияк» Михаил Рыжко Очкасов сын (ср.: ДДГ, № 86).

⁸⁷ Холопы-дьяки фигурируют в духовных А. М. Плещеева (АСВР, I, № 562) и кн. И. Ю. Патрикеева (ДДГ, № 86). Холоп-дьячек назван в числе «людей», данных в приданое за А. Ф. Плещеевой (АСВР, № 468).

⁸⁸ ДДГ, № 86.

был в холопах у князя у Василья у Ушатого; а другие жены дети: Михалем зовут, в попех, а вскормил его Иван Харланов; да Ворона, а вскормил его Федор Лысон в монастыре; а третей брат их был в холопах у Данила у Жоха».⁸⁹ Упомянутый в этом перечне Ворона был дяком Троицкого монастыря, т. е. занимал должность, типичную для слуги-министеряла. Можно думать, что и братья его занимали соответствующие посты во дворах своих «государей». Исходя из этого примера, можно считать, что по крайней мере в некоторых случаях верхний слой слуг пополняется за счет деградировавших выходцев из класса феодалов.

Слуги-министерялы являются слоем потенциальных мелких феодалов внутри крупной боярской вотчины. Именно этим и объясняется широкое привлечение их на службу великого князя при роспуске боярских дворов, нередко в конце XV в. Какому-нибудь ключнику, державшему боярское село и десятки рублей «серебра», немного не доставало, чтобы самому стать феодалом; его зависимость от боярина была только юридической: боярин мог передать его по наследству и так или иначе распорядиться им, но фактически, в социально-экономическом отношении, он был готовым феодалом по отношению к крестьянам и холопам управляемого им села. Его ближайший социальный родич — мелкий княжой слуга — помещик.⁹⁰ Низший слой «слуг» составляют садовники, хлебники, повара и другие холопы, обслуживающие собственное хозяйство феодала.

Ряд документов говорит о наличии холопов, непосредственно связанных с производством и, в частности, с землей. Отвод земель села Нового, приводимый в духовной М. Петелиной, дает возможность сопоставить топонимику части ее владений с именами ее «людей», используя при этом несколько более поздний (50—60-х годов XV в.) документ, посвященный тем же землям:⁹¹

«Люди» М. Петелиной

1. Коков с женой и детьми.
2. Кожух » » »
3. Козел » » »
4. Сырье⁹² » » »

Данные топонимики

1. Рылова деревня.
2. Тебенково плужище.
3. Осочливый луг.
4. Кожухов враг.

⁸⁹ АСВР, I, № 391.

⁹⁰ АФЗХ, I, № 23. — Нельзя не согласиться с С. Б. Веселовским: «В положении княжеских и боярских послуживцев была значительная доля фикции рабских отношений, не отвечающих действительности» (С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 233.) В действительности, по-видимому, положение таких слуг-министерялов могло приближаться к положению вассалов-вольных слуг (см.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 523—525).

⁹¹ АСВР, I, №№ 228, 347 (меновная и отводная запись Алферия Едигея на село Новленское, т. е. Новое).

⁹² В акте 70-80-х годов XV в. (АСВР, I, № 466) упоминается Пырьевское болото и Пырьевский путь. В описании конца XVI в. в тех же местах фигурирует дер. Сырьево (ПКМГ, I, стр. 815).

5. Батый	»	»	»	5. Трясилово болото.
6. Мелсница	»	»	»	6. Иванцева деревня.
7. Тебенек	»	»	»	7. Совье болото.
8. Молот	»	»	»	8. Кожухово селище.
9. Литвин	»	»	»	9. «Другое» Кожухово селище.
10. Деннс	»	»	»	10. Коковинское (селище).
11. Грибец	»	»	»	11. Молоотово (селище).
12. Олюница	»	»	»	12. «... селищки, что над Осочливым лугом».
13. Пигиль	»	»	»	13. Григорово селище.
14. Ондреец Повозников с женой и детьми.				14. Сувырово селище.
15. Ондреец Власов с женой и детьми.				15. Завражное поле.
16. Москат с женой и детьми.				16. Дерибово селище.
17. Чюприянова с детьми.				17. Слинково болото.
18. Позденова жена с детьми.				
19. Дмитроковых двое детей.				
20. Апышка с женой и детьми.				
21. Дешев	»	»	»	
22. Бузлица	»	»	»	
23. Дешевов сын	»	»	»	
24. Тимоница	»	»	»	
25. Ориница с детьми.				
26. Маурица	»	»	»	
27. Оксентец с женой и детьми.				

13 топографических названий из 17 связаны с личными именами. Из них 6, т. е. около половины, восходят к именам «людей» М. Петелиной, перечисленных в духовной. Из 9 деревень и селищ, упомянутых в актах, 4 имеют названия, происходящие от имен (прозвищ) холопов. От имени холопа произошло также единственное в актах название «плужища», т. е. пашенной земли, связанной, вероятно, с поселением — деревней. Таким образом, перечень отражает несомненную зависимость топонимики вотчины первых десятилетий XV в. от имен холопов, живущих в ней. Эта зависимость была весьма значительной, охватывая почти половину всех известных названий поселений и культурных участков. При этом надо иметь в виду, что перечень может отразить далеко не все связи между топонимикой и именами холопов.

Связь топонимики с именами холопов можно проследить и в акте начала XVI в. — деловой грамоте Пересветовых на село Константиновское. Один из братьев, Василий, получает по разделу две деревни, Синцово и Олексино, с тянущими к ним землями и угодьями, лугами Долгим и Тарутиным и Казаковой Кулигой «от поля от сельского осека по ручей по Студенец, ... да ручьем на низ к Болтинской кулизе, да возле кулигу к Семенове пожне Максимова». Ему же достались отцовские холопы «Сенка Максимов, да сын его Максимец, да Семенец Болтин, да его жена Овдотья, да Офоница Кривой Анюшин сын, да Настя Московка, да сын ее Селиванец, да девка Машка Болтина».⁹³

⁹³ ГКЭ, № 8779.

Таким образом, В. Пересветову досталось фактически три семьи: отец с сыном, муж с женой и взрослой (?) дочерью, мать с сыном и еще один холоп отдельно. Как видно, именам обоих глав холопских семей соответствуют названия урочищ, тянувших к вотчинным землям В. Пересветова. Такая зависимость топонимики от личных имен может образоваться, мне кажется, только при двух условиях: 1) индивидуальном характере использования данных участков земли (сенокосных угодий); 2) длительных связей данного лица с данным участком (угодьем). По-видимому, в пересветовской вотчине были налицо оба условия.

Таким образом, на основании актового материала можно установить в составе холопского населения вотчины наличие значительной группы непосредственных производителей — холопов на пашне. Есть все основания для отождествления этой группы со страдными и деловыми людьми духовных грамот.

Описания конца XV—начала XVI в. позволяют наглядно представить себе место холопа, в частности пашенного холопа, в феодальной вотчине. По описанию 1491/92 г., в селе Степурине митрополичьего боярина Фомина-Юрьева всего 10 дворов: господский, 3 «людских» и 6 крестьянских. В его же селе Лыкове господский двор, 2 «людских» и 6 крестьянских. В деревнях, тянувших к селам, 13 крестьянских дворов, «людских» дворов нет. Таким образом, среди дворовладельцев вотчины Фомина-Юрьева «людей» около 17%, но в селах их процент достигает 30. Сведения описания 1519 г. о населении феодальных вотчин даны в табл. 1.

Судя по описанию 1519 г., процент «людских» дворов в феодальной вотчине был довольно значительным: даже в таких сравнительно крупных вотчинах, как у Старковых и Чулковых, до одной трети дворовладельцев были холопами. В мелких поместьях холоп нередко был единственной рабочей силой. Исключением является поместье Клима Зелейника, где в руках холопов только 6% всех дворов. Представляет интерес также распределение холопских дворов по селам и деревням. Холопьи дворы прежде всего встречаются в селе — центре феодального владения. Иногда в селе сосредоточена основная масса холопов, причем в их руках может оказаться большая часть сельских дворов.

Однако почти во всех вотчинах наряду с сельскими холопами известны и деревенские. В вотчине Ивана Старкова из 10 деревень, тянувших к селу Александровскому, 4 населены только холопами и еще в 2 имеются холопьи дворы. В руках холопов находится четвертая часть всех деревенских дворов этой вотчины. Еще большую роль играет несвободный элемент в вотчине, принадлежавшей Василию Старкову. В этой вотчине половина холопов живет в деревнях и держит в своих руках половину всех деревенских дворов, так что процент холопов в деревне оказывается более высоким, чем в селе и в вотчине в целом. Такую же примерно картину можно наблюдать и в вотчине Алексея Чулкова. Деревен-

Т а б л и ц а 1

Владелец	Название	Всех дворов	Из них людских	
			количество	%
Заяловы.	Сельцо Калинино	8	6	75
	Дер. Василево	1	1	100
	Дер. Горбуново	3	—	—
	Дер. Мазалово	7	—	—
	Всего	19	7	34
Башкины. Енины. Курман.	Дер. Башкино	2	—	—
	Сельцо Воронино	9	—	—
	Дер. Тарасевская	1	—	—
	Дер. Лычевская	1	—	—
	Дер. Столечниково	1	—	—
	Всего	3	—	—
Лаптев. Струнины Шаблыкин. Салманов. Головачев. Клим Зелейник.	Дер. Спасская	3	1	33
	Дер. Струнино	6	3	50
	Дер. Максимовская	2	—	—
	Дер. Давыдовская	2	1	50
	Дер. Колобинское	5	2	40
	Дер. Коведяево	22	3	14
	Деревни	27	—	—
	Всего	49	3	6
Резанцовы. И. Старков.	Сельцо Веска	3	—	—
	Дер. Александровское	30	9	30
	Дер. Грибово	4	—	—
	Дер. Машково	3	1	33
	Дер. Мунтоковская	3	—	—
	Дер. Григорьевская	2	2	100
	Дер. Микульское	5	1 (2)	20 (40)
	Дер. Конопатое	2	—	—
	Дер. Анцифоровская	1	1	100
	Дер. Паншино	1	1	100
	Дер. Боргашево	1	1	100
	Дер. Елкино	5	—	—
	Всего	57	16 (17)	30
В. Старков.	Дер. Соколово	23	6	27
	Дер. Малетиново	1	1	100
	Дер. Ходыкино	2	—	—
	Дер. Теребишино	1	1	100
	Дер. Недюревская	6	4	67
	Дер. Валиаково	2	—	—
	Всего	35	12	35

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Владелец	Название	Всех дворов	Из них людских	
			количество	%
А. Чулков.	Дер. Бакино	31	8	26
	Дер. Ольховка	2	1	50
	Дер. Вознесенская	1	1	100
	Дер. Дудкино	4	—	—
	Дер. Высокое	1	1	100
	Дер. Кувшиновская	1	1	100
	Всего	40	12	30
И. Чулков.	Сельцо Бунаково	8	4	50
	Дер. Сабельниково	1	—	—
	Дер. Костково	2	—	—
	Дер. Неверово	2	—	—
	Всего	13	4	32

ский холоп встречается и в сравнительно небольшом поместье Заяловых.

Следует обратить внимание на то, что в селе Александровском И. Старкова в числе холопов-дворовладельцев показано три ремесленника — два повара и кузнец, обслуживающие, очевидно, господское хозяйство. Во всех остальных случаях описание 1519 г. профессию «людей» не указывает. Можно только предполагать, что холопы-повара и кузнецы были не у одного только Ивана Чулкова и, вероятно, часть сельских дворов в других вотчинах была занята такими же ремесленниками. Однако, учитывая большой процент холопов в крупной вотчине и расселение их по деревням попеременно с крестьянами, можно высказать предположение, что все же большинство холопов-дворовладельцев использовалось в сельском хозяйстве. Это особенно относится к мелкому поместью.

Одной из важнейших особенностей описаний 1491/92 и 1519 гг. является то, что холопьи дворы сосчитаны в них вместе с крестьянскими. Во всяком случае, это можно утверждать относительно всех поместий и вотчин, попавших в описание, за исключением владения Климуса Зелейника (у него поименовано 49 дворовладельцев, в том числе трое холопов, а в итоге названо «пол-50» дворов, возможно, что в рукописи просто описка) и вотчины Чулковых, где число дворов вообще не сходится с итогом, подведенным писцами. Господские дворы также учитываются писцами в общем количестве дворов. Размеры пошлин в сохах проставлены в описаниях после количества дворов. Создается впечатление, что с точки зрения писцов, т. е. тягла, существенной разницы между

крестьянскими и холопскими дворами не было. Это заставляет вспомнить знаменитую формулу в. кн. Ивана Васильевича: «...имати ... дань ... на всяком, кто ни пашет землю, и на ключниках, и на старостах, и на одерноватых».⁹⁴

Проживание холопов в деревнях и селах в «своих» дворах попеременно с крестьянами накладывает на них своего рода крестьянский отпечаток — сближает их в бытовом, в социально-экономическом отношении с крестьянами. Как видно из описаний, холоп сближается с крестьянином и по тяглу. Совместное подчинение вотчинной администрации и суду — другая немаловажная черта, роднящая холопов-страдников с феодальными крестьянами.

Сближение пашенного холопа с крестьянином — явление, давно ставшее предметом внимания исследователей. С. В. Юшков считает необходимой предпосылкой этого сближения предоставление холопу известной хозяйственной самостоятельности: отдельного двора, инвентаря, а также сближение формы его эксплуатации с феодальной рентой.⁹⁵ Такого же в принципе мнения придерживается и Б. Д. Греков: посаженный на землю холоп, наделенный инвентарем, готовится к превращению в крепостного крестьянина и имеет тенденцию «прирастать» к своему участку.⁹⁶ Л. В. Черепнин отмечает, что страдные люди (равнозначные деловым) — это непосредственные производители, которые отличаются и от холопей дворни, посаженной на месячину, и от крестьян.⁹⁷ Другую точку зрения высказал В. М. Панеях. Согласно его наблюдениям, холопы-страдники живут на месячине и обрабатывают только барскую пашню почти до самого конца XVI в. — до переворота, вызванного хозяйственным кризисом 70—80-х годов.⁹⁸

Наблюдения над актами Переяславского уезда заставляют склониться к первой из указанных точек зрения. Процесс сближения холопа с крестьянином был достаточно замечен уже в XV в. Поскольку речь идет о бытовом, а не юридическом явлении, можно предполагать, что это сближение в разных условиях могло носить разные формы и степени и фактическое положение холопа-страдника могло варьироваться в весьма широких пределах — от месячины до «владения» «своей» деревней.

Было бы ошибочным недооценивать разницу, существовавшую в изучаемое время между двумя основными категориями населения феодальной вотчины. Эта разница непосредственно вытекает из самой юридической природы холопства, тесно связывающего страдника с его господином и лишаящего его даже тех ограни-

⁹⁴ ПСРЛ, IV, стр. 217.

⁹⁵ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, стр. 61.

⁹⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. I, стр. 525.

⁹⁷ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 255.

⁹⁸ В. М. Панеях. Холопы-страдники в XVI в. «Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы за 1960 г.». Киев, 1962, стр. 78—80.

ченных степеней свободы распоряжения своей личностью и имуществом, которые сохраняются у вотчинного крестьянина. Можно проследить, например, как феодал по своему усмотрению распоряжается дворами деловых людей, перенося их с места на место.⁹⁹ Еще более существенное значение имеет право феодала безусловно распоряжаться личностью своих страдников (как и других своих «людей»), передавая их в другие руки или отпуская на волю. Эта альтернатива, перед которой стоит холоп в случае смерти своего господина, заставляет поставить вопрос: насколько фактически прочными были юридически-безусловные связи холопа с вотчиной его господина?

Некоторый ответ на этот вопрос можно попытаться найти путем наблюдений над именами и прозвищами холопов, принадлежавших трем крупнейшим переяславским феодалам — кн. И. Ю. Патрикееву и братьям А. М. и П. М. Плещеевым. 31 человек (не считая жен и детей), т. е. около 40% всех лиц, названных поименно в духовной А. М. Плещеева, принадлежат к 8 холопским «родам», т. е. имеют общих родоначальников-отцов, дающих им отчества или прозвища. В 5 случаях эти отцы еще живы и сами являются холопами.¹⁰⁰ В духовной П. М. Плещеева пять аналогичных родов охватывают 12 человек — 36% общего числа холопов, упомянутых в духовной.¹⁰¹ В духовной кн. И. Ю. Патрикеева 35 холопских родов охватывают 98 человек — свыше 60% общего числа холопов, названных поименно.¹⁰² Можно предполагать, что, когда мы имеем дело с подобными холопскими родами, в большинстве случаев перед нами потомственные холопы, служащие одному и тому же феодальному роду. Если это предположение верно, то на основании рассмотренных духовных необходимо прийти к выводу, что такие потомственные холопы составляют основное ядро несвободных людей крупной феодальной вотчины.

Отсюда в свою очередь вытекает, что отпуск холопов на волю не мог иметь в рассматриваемое время особого значения. И действительно, духовные XV—начала XVI в. говорят об отпуске на волю редко. Холопы отпускаются на волю обычно когда нет прямых наследников и вотчина переходит в чужие руки или монастырю.¹⁰³ С другой стороны, приток новых холопов в вотчину был также ограниченным. Полное холопство в конце XV в. — консервативный институт, не имеющий перспектив развития. Будущее принадлежит новым формам феодальной зависимости — по земле и по серебру.

⁹⁹ ОГКЭ, IV, № 951.

¹⁰⁰ АСВР, I, № 562.

¹⁰¹ ОГКЭ, IV, № 944.

¹⁰² ДДГ, № 86.

¹⁰³ Например, М. А. Копнина, завещая свои земли Троицкому монастырю, слуг и страдников отпускает на волю (АСВР, I, № 457).

Актный материал Переяславского уезда дает возможность проследить только некоторые черты феодально зависимого населения вотчины XV в.

Крестьянское население вотчины частично состоит из бывших свободных крестьян — аллодистов, живших на своих участках еще до образования феодальной вотчины. Образование феодальной вотчины означает для этих крестьян потерю права распоряжения землей и значительное стеснение личной свободы — подчинение власти вотчинника и назначенных им лиц. Это коренное крестьянское население пополняется за счет людей пришлых, сажавшихся на землю, предоставляемую им феодалом.

Таким образом, в средневековой Руси происходит тот же процесс утраты крестьянами-общинниками их аллодов, который характерен и для аграрной истории других феодальных государств. Можно наблюдать и оба пути комплектования вотчины рабочей силой — лишение прав собственности на землю жителей вотчины — бывших свободных аллодистов и наделение обезземеленных или малоземельных крестьян держаниями на вотчинной земле.¹⁰⁴

Актный материал по самой своей природе почти не дает возможности уловить сколько-нибудь ясную разницу между различными прослойками крестьян и между условиями, на которых они живут на земле феодала; однако можно предполагать, что эта разница была значительной.

Исходный момент процесса формирования крестьянского населения — захват феодалами крестьянской земли, санкционированный феодальным государством. Образование феодальной вотчины как привилегированного института означает установление власти феодала не только над вчерашними крестьянскими аллодами, но и над их прежними владельцами, становящимися частью феодального вотчинного организма. Следствием привилегированного положения феодальной вотчины в феодальном государстве являются также податные льготы, служащие одним из важных средств привлечения в вотчину новых жителей — крестьян. Наконец, хозяйственная мощь феодала, ссужающего беднеющих крестьян «серебром» и тем превращающего их в своих должников — издельщиков, также является важным средством вовлечения сельского населения в орбиту феодальной вотчины.

Развитие феодальной вотчины происходит в условиях и за счет распада крестьянской волости. Как непривилегированная земельная собственность крестьянских общин и их членов превращается в питательную среду для роста привилегированной собственности феодалов, так и население распадающейся волости служит источником роста феодально зависимого населения.

¹⁰⁴ Ср.: А. И. Неусыхин. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв., стр. 19.

В Переяславском уезде XV—начала XVI в. феодальная вотчина еще не поглотила черной волости: рядом с боярскими и монастырскими владениями еще сохраняются черные земли, рядом с боярскими и монастырскими крестьянами на отводах еще фигурируют волощане — «христиане великого князя». Эти обстоятельства накладывают, как мне кажется, заметный отпечаток на развитие внутривотчинных отношений. Во-первых, наличие черных земель и их еще не «обояренных» жителей означает возможность дальнейшего роста феодальной вотчины и ее населения: продолжается процесс феодализации земли и людей. Во-вторых, сохранение черных земель дает вотчинным крестьянам некоторую потенциальную возможность улучшить свое положение, реализовав при благоприятных обстоятельствах сохраняющееся за ними право «выхода». В-третьих, наконец, сама пестрота социального состава крестьянского населения вотчины — от крестьянина, могущего уйти из нее, заплатив пожилое, до серебряника, стоящего на грани своего превращения в кабального холопа, — есть следствие незавершенности процесса феодализации, следствие сохранения рядом с вотчиной черной волости с ее относительно свободным крестьянским населением. В условиях роста феодального землевладения обостряется борьба между феодалом и волостью за земли и крестьян. Об этой борьбе свидетельствуют многочисленные судные дела конца XV—начала XVI в.

Существенной чертой феодальной вотчины является значительная роль холопов на пашне в хозяйственной жизни вотчины. Значительный процент сельского и деревенского населения, приходящийся на долю холопов, заслуживает пристального внимания. Появление холопа на пашне может, вообще говоря, идти двумя путями: путем похолопливания крестьянина и путем окрестьянивания холопа. Рассмотренный материал не дает возможности точно определить, какой из этих путей преобладал в XV в. Однако, если судить по крупнейшим вотчинам кн. Патрикеева и Плещеевых, можно склониться к предположению, что рост холопьяго населения в феодальной вотчине был медленным и что холоп на пашне — продукт эволюции холопа в сторону крестьянина, а не наоборот.

Крестьянин, потерявший землю и значительную долю личной свободы, и холоп, посаженный на пашню и приобретший некоторую хозяйственную самостоятельность, — два социальных типа, определяющих характеристику феодально зависимого населения вотчины. Дальнейшая эволюция этих типов приводит в перспективе к их слиянию в лице крепостного крестьянина. Однако в изучаемое время между холопом и вотчинным крестьянином еще сохраняется существенное различие в виде остатков дофеодальной «свободы», которыми пользуется вчерашний выходец из соседней черной волости.

Глава V

ВОЛОСТЬ, ВОТЧИНА И ПОМЕСТЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Главная масса материала по истории землевладения в Переяславском уезде первой половины XVI в., как и в более раннее время, связана с крупнейшим землевладельцем — Троицким Сергиевым монастырем. Поэтому можно попытаться на истории Троицкой вотчины проследить основные моменты аграрной истории этого периода по уезду в целом. Основным источником для изучения истории Троицкой вотчины по-прежнему являются акты, сведения которых можно дополнить материалами вкладной книги 1643 г., хранившейся в монастырском архиве и обработанной С. Б. Веселовским.¹

В первые два десятилетия XVI в. известны только два небольших приобретения монастыря: в 1505/06 г. дер. Сутоцкая по вкладу Стоговых,² в 1510/11 г. деревни Внуково Большое и Внуково Малое по вкладу Гориных.³ Быстрый рост Троицкой вотчины начинается с 20-х годов. По меновой грамоте 27 ноября 1522 г. троицкие власти выменяли у наследников П. М. Плещеева села Выпуково и Коярово с 11 деревнями и 6 починками в Верхдубенском стану, дав им взамен село Милославское в Кашинском уезде с приплатой 400 руб.⁴ На первый взгляд эта крупная сделка — замаскированная купля большой боярской вотчины. Привлечение материалов вкладной книги позволяет уточнить картину приобретения монастырем этих сел. По П. М. Плещееву, бывшему владельцу сел Выпукова и Коярова, было сделано в 1516—1517 гг. два вклада на сумму около 300 руб.⁵ В 1522 г. потомки его сделали в монастырь еще два вклада: 27 мая Андрей Петров сын дал 200 руб., 29 ноября (через 2 дня после подписания меновой)

¹ ВК-149. — Эта книга представляет собой переписанный рукой С. Б. Веселовского хронологический перечень вкладов в Троицкий Сергиев монастырь начиная с 1499 г.

² АСВР, III, № 471.

³ ОГКЭ, IV, № 847.

⁴ Там же, № 1115.

⁵ ВК-149, стр. 3—4.

200 руб. было дано по Петровым детям — Василии и Иване.⁶ Эти два последних вклада в сумме равны той приплате, которую, согласно меновой, монастырь дал за села Выпуково и Коярово. Следовательно, эти села были приобретены троицкими властями без денежных издержек, а в результате денежных вкладов Плещеевых за 1516—1522 гг. монастырь получил еще 300 руб.

В 1524/25 г. Бутеневы, верхдубенские вотчинники средней руки, дали в монастырь дер. Лагирево.⁷ Это единственная известная земельная сделка троицких властей с этим родом. Однако, как показывают материалы вкладной книги, отношения монастыря с Бутеневыми не ограничивались этим земельным вкладом: за 1538—1558 гг. четверо Бутеневых сделали 6 денежных вкладов на сумму 222 руб.;⁸ жертвовали они и хлебом,⁹ и драгоценностями.¹⁰ Таким образом, сохраняя свои земли, Бутеневы передали в монастырь значительное движимое имущество.

В следующем, 1525/26 г., монастырь приобрел в том же Верхдубенском стану по вкладу Анны, вдовы местного вотчинника Фомы Тарбея Скрипицына-Балуева, две деревни и селище.¹¹ В дальнейшем она же передала в монастырь всю свою вотчину по частям: в 1528/29 г. — селище Асаново,¹² в 1536/37 г. — дер. Еликесовщину.¹³ В то же время Анна Скрипицына сделала в монастырь ряд вкладов хлебом и один деньгами.¹⁴ В 1540/41 г. монастырь купил у Скрипицыных-Балуевых сельцо Новое и дер. Пантюхово.¹⁵ После 40-х годов вотчины Скрипицыных-Балуевых в источниках не упоминаются. Перед нами, по-видимому, картина поглощения монастырем мелкой феодальной вотчины, потерявшей прямых наследников.

В 1525/26 г. монастырь получил крупный вклад князей Оболенских — село Бороноволоково с 8 деревнями в Нерльском стану, оцененное в 500 руб.¹⁶ Тем самым троицкое землевладение проникло в восточную часть уезда — бассейн р. Большой Нерли. В 1528/29 г. троицкие власти приобрели по вкладу Ивана Чемо-

⁶ Там же, стр. 9.

⁷ ОГКЭ, IV, № 848.

⁸ В 1538 г. — 60 руб. (ВК-149, стр. 37), в 1545 г. — 50 руб. (там же, стр. 77), в 1550 г. — 10 руб. (там же, стр. 106), в 1557 г. — 20 руб. (там же, стр. 142), в 1558 г. — 82 руб. (там же, стр. 147—148).

⁹ В 1545 г. — 100 четвертей ржи (ВК-149, стр. 36).

¹⁰ В 1550 г. — два ковш серебряных на сумму более 4 руб. (ВК-149, стр. 106).

¹¹ ОГКЭ, IV, №№ 849, 851 (деревни Ростково и Озимино, селище Дулепово).

¹² Там же, № 853.

¹³ АСБВ, № 775.

¹⁴ В 1533 г. — скирд ржи (ВК-149, стр. 18), в 1536 г. — 50 четвертей ржи (там же, стр. 29), в 1540 г. — скирд ржи (там же, стр. 45), в 1544 г. — 30 руб. 22 алтына 5 денег и 50 четвертей овса (там же, стр. 66).

¹⁵ ОГКЭ, IV, № 981.

¹⁶ Там же, № 850. — Одно из условий вклада — возможность пострижения вкладчиков.

дана Григорьева сына Воропанова сельцо Недюрево на р. Кир-
жаче — его куплю у кн. В. Ушатого, оцененную в 115 руб.¹⁷ Так
троицкие земли появились впервые в южной части уезда. Другие
земельные сделки Воропановых с монастырем неизвестны, но
в дальнейшем дети Ивана Чемодана, Ушак и Иван Крячко, и внук
Дмитрий Ушаков сделали несколько денежных вкладов на сумму
свыше 150 руб.¹⁸ В 1529/30 г. монастырь купил у Шубиных
дер. Малое Семенцово в Верхдубенском стану,¹⁹ по вкладу
Д. И. Рябина получил в том же стану дер. Мамаево.²⁰ Другие
земельные вклады Рябининых неизвестны, но в 1542 г. монастырь
получил от того же Дмитрия Иванова сына 110 четвертей ржи.²¹
Таким образом, в 20-х годах XVI в. Троицкий Сергиев мона-
стырь приобрел в Переяславском уезде два боярских села (Выпу-
ково и Бороноволоково), одно владение среднего масштаба
(сельцо Недюрево) и несколько отдельных поселений, потянувших
к старым троицким вотчинам.

В 30-х годах рост Троицкой вотчины продолжается. Крупней-
шим приобретением монастыря было село Дерябино, пожалован-
ное в 1534 г. со ссылкой на духовную грамоту Василия III. В до-
кументе это село названо «Дерябиным Ивановским Юрлова»,²²
что свидетельствует о принадлежности его Тимофею Юрлу Пле-
щеву и его потомкам.²³ Так в руки монастырских властей попала
еще одна крупная вотчина Плещеевых, расположенная в том же
Верхдубенском стану. С приобретением Выпукова и Дерябина
в составе троицких владений оказался весь правый берег р. Куньи.
В связи с пожалованием села Дерябина надо отметить, что при-
мерно в это же время (1535 г.) был сделан неким В. Бобровым
вклад в монастырь по Тимофее Юрло и его родителях — серебря-
ные блюдо и чарка на сумму 38 руб.,²⁴ а в 1540 г. по внуке Тимо-
фея, Петре Иванове сыне старец Сильвестр Ступишин дал 10 руб.²⁵
Приобретение крупной боярской вотчины сопровождается, таким
образом, денежными вкладами по бывшим владельцам. Как сви-
детельствует вкладная книга, в 30—50-х годах представители раз-
ных линий Плещеевых сделали в монастырь 6 денежных вкладов

¹⁷ ОГКЭ, IV, № 852.

¹⁸ В 1534 г. — 14 руб. 27 алтын 2 деньги и ковш серебряный за 5 руб. (ВК-149, стр. 24), в 1535 г. — такой же вклад (там же, стр. 27—28), в 1536 г. — 23 руб. (там же, стр. 31), в 1550 г. — два вклада на сумму 50 руб. (там же, стр. 107—108), в 1551 г. — 50 руб. (там же, стр. 113).

¹⁹ АСБВ, №№ 655, 662, 663.

²⁰ ОГКЭ, IV, № 854.

²¹ ВК-149, стр. 60.

²² АСБВ, № 734.

²³ ВОИДР, стр. 98—99.

²⁴ ВК-149, стр. 26.

²⁵ Там же, стр. 49. — Этот Петр, по-видимому, сын Ивана Большого, старшего из сыновей Юрла. Остальные сыновья в родословце показаны без-
детными (ВОИДР, стр. 99).

на общую сумму свыше 250 руб.²⁶ и три раза жертвовали «рухлядь».²⁷ Всего за этот период монастырь получил от Плещеевых свыше 600 руб. (не считая денег, выплаченных при «мене» села Выпукова).

В это же время монастырь заключил и ряд мелких сделок. В 1530/31 г. монастырь получил в Верхдубенском стану дер. Строчнево по вкладу Редриковых²⁸ и пол-луга Ильинского по вкладу Скрипицыных,²⁹ однако в 1534 г. дер. Строчнево была выкуплена родичами за 13 руб.³⁰ Редриковы, старые соседи троицких вотчин в Верхдубенском стану, заключили еще одну земельную сделку с монастырем: в 1539/40 г. дети Ефима Семенова сына продали троицким властям за 90 руб. дер. Старое Демино с двумя починками.³¹ В 40-х годах монастырь получил также ряд вкладов Редриковых деньгами (на сумму более 30 руб.),³² хлебом и другим имуществом.³³ В 1535/36 г. верхдубенские вотчинники Свеженины дали в монастырь дер. Раевскую, оцененную в случае выкупа в 30 руб.³⁴ В 1538/39 г. кинельский вотчинник Никита Антонов сын Ногин дал в монастырь дер. Антоновскую под условием принятия сына Логина «служить» в монастырь.³⁵

Особенно быстрый рост троицкого землевладения наблюдается в 40-х годах. К этому времени относятся крупные приобретения монастыря в Верхдубенском и Кодяеве станах. В Верхдубенском стану, на границе с троицкими землями, было расположено село Бужениново, принадлежавшее Зворыкиным.³⁶ Около 1539 г. И. М. Зворыкин умер,³⁷ а в 1543 г. его сыновья Федор и Юрий разделили отцовскую вотчину. Каждому досталось по 10 дворов страдных людей в селе Бужениново и по 20 деревень к селу.³⁸ В следующем же году вотчина была продана. Юрий Зворыкин

²⁶ ВК-149, стр. 17, 20, 107, 117, 124, 140.

²⁷ Там же, стр. 19, 22.

²⁸ ОГКЭ, IV, № 855.

²⁹ Там же, № 856.

³⁰ АСБВ, № 672.

³¹ ОГКЭ, IV, № 980.

³² В 1543 г. — 10 руб. (ВК-149, стр. 66), в 1545 г. — 5 руб. (там же, стр. 79), в 1546 г. — 15 руб. (там же), в 1548 г. — 2 руб. 10 алтын (там же, стр. 94).

³³ В 1541 г. — скирд ржи и скирд овса (умолочено из них по 17 четвертей) (ВК-149, стр. 51), в 1542 г. — скирд ржи и скирд овса (там же, стр. 59), в 1543 г. — 77 четвертей ржи (там же, стр. 62), в 1544 г. — 100 четвертей овса (там же, стр. 67), в 1547 г. — скирд ржи, 10 овинов овса, 50 четвертей молоченного овса, конь с седлом (там же, стр. 90), в 1549 г. — 50 четвертей ржи (там же, стр. 97).

³⁴ ОГКЭ, IV, № 857.

³⁵ Там же, № 858.

³⁶ Первое упоминание о землях Зворыкиных — в разъезжей 1497 г. (АСБВ, I, № 560).

³⁷ 16 февраля 1539 г. его жена Ульяна дала по нем в Троицкий монастырь 30 руб. деньгами, шубу соболью и «волоского» мерина (ВК-149, стр. 41).

³⁸ ОГКЭ, IV, № 950.

продал свою половину в Троицкий Сергиев монастырь за 730 руб.,³⁹ а Федор — И. С. Воронцову за 700 руб.⁴⁰ В 1546/47 г. монастырь приобрел и эту половину, заплатив 700 руб. И. С. Воронцову.⁴¹ Так в руки монастыря перешла одна из крупнейших светских вотчин стана. Имя Зворыкиных не встречается во вкладной книге Троицкого монастыря (за исключением вклада 1539 г.), не попадает это имя и в земельных актах XVI в., что может свидетельствовать об исчезновении Зворыкиных из Переяславского уезда. С куплей половины села в 1546/47 г. у И. С. Воронцова связан, возможно, вклад его жены Авдотьи по брате мужа Федоре Семеновиче.⁴² Семья Воронцовых была вообще связана с Троицким монастырем: в 20—40-е годы они сделали в монастырь еще пять вкладов на сумму более 150 руб. и 50 «золотых угорских». В числе вкладчиков мать Ивана Семеновича старица Марфа, давшая по муже, старце Сергие, 100 руб.,⁴³ и его братья Дмитрий и Федор.⁴⁴

В том же 1546/47 г. монастырь сделал два крупных приобретения в южной части уезда — Кодиевом стану. Монастырские власти купили у кн. П. И. Шуйского за 300 руб. полсела Мячкова с 9 крестьянскими дворами в селе, дер. Бунковой и 24 пустошами.⁴⁵ Сразу же после этого монастырь заключил сделку с новыми соседями — Чулковыми. Троицкие власти променяли Ф. А. Чулкову дер. Бакино, купленную ранее у него кн. П. И. Шуйским, и, приплатив еще 705 руб., получили вотчину Чулковых село Новоселку с тремя жилыми деревнями.⁴⁶ В 1549 г. Троицкий монастырь купил у Чулковых и другую вотчину Федора Алексеевича — село Бакино с 6 деревнями и селищем, уплатив за эту сделку 1300 руб.⁴⁷ По описанию 1519 г. Бакино, принадлежавшее тогда отцу Федора, Алексею Андреевичу Чулкову, было большим селом с 8 «людскими» и 23 крестьянскими дворами, а к селу тянуло 5 деревень с 4 «людскими» и 5 крестьянскими дворами.⁴⁸

³⁹ Там же, № 982.

⁴⁰ Там же, № 1004.

⁴¹ Там же, № 984.

⁴² ВК-149, стр. 82. — Вклад 30 руб. сделан 29 августа 1546 г.

⁴³ В 1522 г. — 50 руб. (ВК-149, стр. 7) и в 1528 г. — 50 руб. (там же, стр. 11).

⁴⁴ В 1530 г. — 7 руб. (ВК-149, стр. 14), в 1537 г. — 50 «золотых угорских» (там же, стр. 34), в 1538 г. — 50 руб. (там же, стр. 40).

⁴⁵ ОГКЭ, IV, № 983.

⁴⁶ Там же, № 1116.

⁴⁷ Там же, № 985. — Представляет большой интерес, что эта сделка в отличие от предыдущих заключена «доложа... боярина и дворецкого Данила Романовича Юрьева». Это свидетельствует о попытках правительства Ивана IV установить контроль над ростом крупного землевладения.

⁴⁸ АФЭХ, I, № 23. — Названия деревень, тянувших к селу Бакину: в 1519 г. — Ольховка, Вознесенское, Дудкино, Высокое, Кувшиновская; в 1549 г. — Дудкино, Самотекино, Ольховка, Бунково, Татариневская, другая Ольховка. Кувшиново в 1549 г. упоминается как селище. Таким образом, две деревни 1519 г. не упоминаются в 1549 г., зато в перечне этого года появ-

В эти же годы троицкие власти совершили и более мелкие сделки. В 1542/43 г. Роман Васильев сын Дивов дал в монастырь дер. Высокое в Кинеле, оценив ее в случае выкупа в 15 руб.⁴⁹ С этой сделкой связаны, видимо, и денежные пожертвования Дивовых. В 1542 и 1543 гг. братья Романа, Онанья и Василий, сделали в монастырь два вклада на общую сумму 16 руб.⁵⁰ В 1543/44 г. монастырь принял вклад Григория Чудина Акинфова — 4 деревни и пустошь, его куплю у С. Федотова в Замытском стану.⁵¹ Этот вклад, вероятно, связан с пострижением вкладчика. 9 июля 1544 г. Чудин дал в монастырь 100 руб. «и за тот вклад его постригли».⁵² В следующем году Чудин, принявший иноческое имя Герман, дал еще 50 руб. по отце своем Иване.⁵³ В дальнейшем, в 40—50-х годах, Акинфовы сделали в монастырь еще несколько вкладов на общую сумму 190 руб.⁵⁴

В следующем десятилетии троицкие владения появляются в центральной части уезда. В 1550/51 г. старец Серапим Беззубцев дал в монастырь село Ивановское с 2 деревнями и 2 пустошами в Новосельском стану.⁵⁵ Беззубцевы, родичи Шереметевых, сделали в конце 40—начале 50-х годов и несколько вкладов движимым имуществом.⁵⁶ В 1554/55 г. кн. И. А. Оболенский-Стригин дал в монастырь вотчину на р. Дубне — селцо Бубнец с 3 деревнями.⁵⁷ Князья Оболенские, в частности Оболенские-Стригины, — давние вкладчики Троицкого монастыря, за 20—50-е годы они дали в монастырь более 260 руб. деньгами. Сам князь Иван Александрович умер, видимо, вскоре после передачи монастырю селца Бубнец: уже в 1556 г по нем был сделан вклад в монастырь.⁵⁸ Довольно крупным приобретением монастыря было селцо Писчиково с двумя деревнями и пустошью в Нерльском стану — вклад Никиты и Ивана Васильевичей Шереметевых по брате Семене.⁵⁹

аются четыре новые деревни. Весьма любопытно, что название одной из этих новых деревень — Самотекино — этимологически связано с именем одного из «людей», живших в 1519 г. во дворе в селе Бакине (Василь Самотекин).

⁴⁹ ОГКЭ, IV, № 859.

⁵⁰ ВК-149, стр. 61—62, 64.

⁵¹ ОГКЭ, IV, № 860.

⁵² ВК-149, стр. 70.

⁵³ Там же, стр. 74.

⁵⁴ В 1547 г. — 50 руб. (ВК-149, стр. 90), в 1556 г. — 55 руб. (там же, стр. 134), в 1557 г. — 20 руб. (там же, стр. 139), в 1558 г. — 25 руб. (там же, стр. 148), в 1559 г. — 40 руб. (там же, стр. 150).

⁵⁵ ОГКЭ, IV, № 862. — Согласно описаниям 60-х годов это было владение средних размеров со 120 четвертями пашни в поле (там же, № 1555).

⁵⁶ В 1546 г. за вклад 10 руб. была написана в синодик жена Федора Беззубцева инокиня Евфросиния (ВК-149, стр. 83); в 1547 г. дано 50 руб. по И. И. Беззубцеве его женой Феодосией (там же, стр. 88); в 1552 г. по нем же вклад Шереметевых (там же, стр. 116); в 1550 г. С. С. Беззубцев дал коня («санника») и 2 шубы (там же, стр. 109).

⁵⁷ ОГКЭ, IV, № 864.

⁵⁸ ВК-149, стр. 137.

⁵⁹ ОГКЭ, IV, № 867.

Это — купля Шереметевых у Ступишинных, оцененная в 300 руб. В руках монастыря сельцо Писчиково потянуло к Бороноволокову.⁶⁰ Шереметевы делали и крупные денежные вклады: за 30—50-е годы В. А. Шереметев и его дети дали в монастырь 400 руб.⁶¹

К числу мелких приобретений монастыря в 50-х годах относятся вклады Анны Басовой, урожденной Зубовой, двух жеребьев дер. Першутиной в Кинеле,⁶² Семена Баскакова и Сухаря Воронцова пустоши Грозиловой в Рождественской волости.⁶³

Особое положение занимает вклад кн. М. В. Глинского, давшего в 1555/56 г. дер. Софьино в Кинеле, куплю брата своего кн. Юрия Васильевича.⁶⁴ Это единственная известная по актам земельная сделка с Троицким монастырем его богатых соседей, князей Глинских, владевших в XVI в. огромной вотчиной — селом Площевым в Кинеле. Зато князья Глинские давали в монастырь многочисленные денежные вклады. Только кн. Михаил Васильевич за 1541—1555 гг. сделал 7 вкладов на сумму около 440 руб., не считая сукна, шуб и т. п.⁶⁵ В 1559 г. по нем его душеприказчики дали монастырю 500 руб.⁶⁶ Таким образом, только от кн. М. В. Глинского монастырь получил около 1000 руб., а общая сумма вкладов князей Глинских за 30—50-е годы превышает 1300 руб.

Основную массу контрагентов монастыря 20—50-х годов составляют средние вотчинники — феодалы ранга детей боярских. От Баскаковых, Бутеневых, Воропановых, Дивовых, Зубовых, Ногинных, Редриковых, Рябининых, Свежениных, Скрипицыных, Акиньфовых и Шубиных монастырь получил в общей сложности 2 сельца, 15 деревень, 2 пустоши и 2 селища.

Большая часть земель была получена в качестве вкладов. Вкладчики этого типа дают в монастырь обычно одну, реже две деревни или пустоши или доли их. В руках монастыря эти мелкие владения включаются в состав крупных вотчин-сел. Редкие и мелкие вклады не подрывают благосостояние средней феодальной вотчины: почти все семьи троицких вкладчиков 20—50-х годов сохраняют свои земли в том же районе (исключение составляют

⁶⁰ АСБВ, № 1242.

⁶¹ В 1538 г. — 50 руб. (ВК-149, стр. 37), в 1543 г. — 50 руб. (там же, стр. 65), в 1548 г. — 100 руб. (там же, стр. 92), в 1552 г. — 50 руб. по И. И. Беззубцеве (там же, стр. 116), в 1556 г. — 100 руб. (там же, стр. 135), в 1559 г. — 50 руб. (там же, стр. 151).

⁶² ОГКЭ, IV, № 863.

⁶³ Там же, № 866.

⁶⁴ Там же, № 865.

⁶⁵ В 1541 г. — 50 руб. (ВК-149, стр. 55), в 1544 г. — 137 руб. 18 алтын и «рухлядь» (там же, стр. 66), в 1547 г. — 100 руб. «за село» (там же, стр. 85), в 1551 г. — 50 руб. (там же, стр. 114), в 1553 г. — 100 руб. (там же, стр. 120), в 1555 г. — аршин бархату (там же, стр. 127).

⁶⁶ ВК-149, стр. 153.

Скрипицыны-Балуевы). Основное условие большинства вкладов — запись в синодики для поминания и погребение в монастыре. Однако причиной вкладов были не только религиозно-нравственные мотивы. В этой связи представляет большой интерес условие вклада Н. А. Ногиным дер. Антоновской в 1538/39 г., «чтобы сына Логина принял служить».⁶⁷ Мелкий феодал и во второй четверти XVI в. стремится вступить в тесную связь с могущественной церковной организацией, рассчитывая, видимо, на ее защиту в условиях политической неустойчивости боярского правления. Я думаю, что Ногин не был исключением и что подобные соображения в той или иной форме и степени руководили и другими вкладчиками монастыря.

Случаи продажи земли средними вотчинниками встречаются реже: за весь период известны четыре таких сделки на общую сумму 240 руб., в результате чего монастырь получил сельцо и 4 деревни в Верхдубенском стану. Во взаимоотношениях средних вотчинников с монастырем чисто экономические соображения не стояли на первом плане. Вкладчики в своей основной массе — соседи монастыря, связанные с ним из поколения в поколение. Именно эта среда поставляла основные кадры для монастырского аппарата — слуг и посельских, а иногда и соборных старцев.

С монастырем связаны, однако, не только вкладчики земли. Вот каковы были денежные вклады некоторых семей переяславских землевладельцев первой половины XVI в., не вступавших в земельные сделки с Троицким монастырем. Верхдубенские вотчинники Айгустовы за 1534—1558 гг. сделали 10 вкладов на сумму 285 руб. и 600 четвертей ржи; кинельские вотчинники Баскаковы сделали в 20—40-х годах три вклада на 37 руб.;⁶⁸ Басмановы, родичи Плещеевых, владевшие вотчиной в Нерльском стану, в 1544 г. — вклад 50 руб.;⁶⁹ Брюховы в 1515—1545 гг. — 7 вкладов на 135 руб.;⁷⁰ Вакорины в 1545 г. — 50 руб.;⁷¹ Грязные-Ховрины (вотчина в Рождественской волости) — два вклада на 100 руб. и скирд ржи.⁷² При этом надо отметить, что вклад 100 руб. в 1548 г. сделан «с полусельца Шубина»: очевидно, деньги даны монастырю вместо земельного вклада.⁷³ Губин Постник, дьяк, дал в 1548 г. 50 руб.⁷⁴ Заболотские, старинные крупные вотчинники Шуромского стана, сделали в 1533—1558 гг. 8 вкладов на 100 руб. деньгами, а также хлебом и драгоценностями.⁷⁵ При этом любопытно, что вклад Тимофея Заболотского, сделан-

⁶⁷ ОГКЭ, IV, № 858.

⁶⁸ ВК-149, стр. 23, 49, 50, 88, 89, 101, 132, 136, 145; 7, 24, 92.

⁶⁹ Там же, стр. 32.

⁷⁰ Там же, стр. 3, 32, 33, 34, 53, 77.

⁷¹ Там же, стр. 78.

⁷² Там же, стр. 59, 94.

⁷³ Там же, стр. 94.

⁷⁴ Там же, стр. 93.

⁷⁵ Там же, стр. 18, 29, 49, 59, 67, 98, 129, 147.

ный земель — деревнями Головковым и Круглым, — был в 1549 г. оценен в 50 руб. и продан родичу его Богдану Заболотскому.⁷⁶ Замытские, крупнейшие вотчинники Замытского стана, дали в 1554 г. 50 руб.,⁷⁷ а в 1558 г. по одному из них был сделан вклад старцем Ступишиным в 24 руб.⁷⁸ Кинельские вотчинники средней руки дьяки Клобуковы сделали в 1533—1558 гг. 10 вкладов на сумму 327 руб.⁷⁹ Их соседи, дьяки Курцовы, за те же годы сделали 13 вкладов на 570 руб.⁸⁰ Митрополичий дьяк Коротнев и его родня за 1541—1543 гг. сделали 5 вкладов на 120 руб. деньгами, а также давали хлеб.⁸¹ Кинельские вотчинники Кроткие сделали в 1552—1557 гг. 2 вклада на 60 руб.⁸²

Таким образом, только эти 12 семей дали в монастырь, по неполным, вероятно, сведениям,⁸³ до 2000 руб. деньгами, не считая хлеба, одежды и драгоценностей. Можно прийти к выводу, что расходы Троицкого Сергиева монастыря на покупку земель в этот период полностью покрывались денежными вкладами самих вотчинников — как контрагентов монастыря, так и тех, кто не вступал в земельные сделки с троицкими властями. Практика денежных вкладов в монастыри была широко распространенным явлением и представляла собой один из важных аспектов в истории взаимоотношений церкви со светскими феодалами. Вклады в монастырь служили для светских феодалов средством заручиться его поддержкой и одновременно отвечали духовным потребностям средневекового человека. Обращает на себя внимание, что наиболее крупные денежные вклады делают крупные бояре и дьяки, гораздо скромнее по размерам вклады других землевладельцев, а некоторые мелкие феодалы почти все вклады делают натурой — хлебом (Баскаковы, Редриковы). По-видимому, структура вкладов отражает особенности хозяйства вкладчика. Если это так, то вклады преимущественно хлебом свидетельствуют о слабом развитии денежных отношений в мелком феодальном владении первой половины XVI в. Наоборот, крупные денежные вклады верхов тогдашнего общества говорят о скоплении в руках боярства и дьячества больших денежных средств, что может косвенно свидетельствовать о большей роли денег в хозяйстве крупного феодала.

⁷⁶ Там же, стр. 98.

⁷⁷ Там же, стр. 125.

⁷⁸ Там же, стр. 148.

⁷⁹ Там же, стр. 20, 42, 75, 104, 108, 125, 126, 144, 146.

⁸⁰ Там же, стр. 23, 38, 57, 64, 68, 77, 92, 99, 111, 112, 117, 123, 154.

⁸¹ Там же, стр. 55—56, 61, 65.

⁸² Там же, стр. 115, 119, 137.

⁸³ О неполноте сохранившегося списка вкладов свидетельствует, например, запись о том, что в 1549 г. по Иване Чужом Айгустове было дано 20 руб. к прежнему вкладу в 30 руб. (ВК-149, стр. 101). Но этот прежний вклад нигде не упоминается.

Актальный материал 20—50-х годов XVI в. отражает новый этап роста вотчин Троицкого Сергиева монастыря. По неполным сведениям, за 1525/26—1557/58 гг. монастырь сделал более 30 земельных приобретений во всех частях уезда. В руки монастыря перешло не менее 8 крупных феодальных комплексов — сел с многими десятками тянувших к ним крестьянских поселений. Если к началу XVI в. в Верхдубенском стану Троицкому монастырю принадлежало 2 села, то описание 1562 г. называет здесь уже 6 сел с 79 деревнями и починками, 422 жилыми и 72 пустыми дворами и 3126 четвертями пашни в поле.⁸⁴ В этот период троицкое землевладение проникает в восточную, центральную и южную части уезда (Нерльский, Новосельский и Кодяев станы), а старые вотчины в Кинельском стану округляются за счет мелких сделок.

Быстрый рост вотчин в первой половине XVI в. можно проследить и по сохранившимся материалам других монастырей. Горицкий монастырь сделал в это время ряд приобретений: в 1515/16—1522/23 гг. — села Кутуково, Георгиевское и Загорье (вклады по душам Челядних),⁸⁵ в 1515 г. — дер. Золотуху (купля у Заболотских),⁸⁶ в 1517 г. — село Ярополч (вклад Добрынских),⁸⁷ в 1519 г. — село Чиусово (от Гавриловых),⁸⁸ в 1529 г. — полсела Ильинского (по закладной кабале Заболотских-Шапкиных),⁸⁹ ранее 1532 г. — село Нила (вклад Слизовых),⁹⁰ в 1532 г. — дер. Рябинки (вклад Слизовых),⁹¹ в 1535 г. — дер. Якимово (вклад Слизовых).⁹²

Новый Данилов монастырь получил в 1524 г. от нерльских вотчинников Корсаковых село Старое Будовское при условии уплаты 350 руб. Однако фактически монастырские власти заплатили только 210 руб., остальные деньги Корсаковы дали в монастырь «по своим родителям».⁹³ В 1526/27 г. монастырь купил за 310 руб. у Корсаковых село Новое Будовское.⁹⁴

Махрищский Троицкий монастырь за 1526/27—1556/57 гг. совершил несколько купель у своих соседей — Конковых, Макаровых и Чертовских — на общую сумму 150 руб., получив три четверти селца Конковского и несколько более мелких владений.⁹⁵

⁸⁴ ОГКЭ, IV, № 1555.

⁸⁵ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11.

⁸⁶ Акты, № 108.

⁸⁷ А. А. Титов. Синодики XVII в. Переяславского Горицкого монастыря, стр. 11; Акты, № 112.

⁸⁸ Акты, № 118.

⁸⁹ Там же, № 145.

⁹⁰ Там же, № 154.

⁹¹ Там же, № 156.

⁹² Там же, № 167.

⁹³ ОГКЭ, IV, № 808.

⁹⁴ Там же, № 969.

⁹⁵ Там же, №№ 972, 974, 975, 976, 977.

Тот же монастырь в начале 1530-х годов купил у Шарапа Баскова за 150 руб. селцо Полосино.⁹⁶

Представляет большой интерес развитие землевладения Киржачского Благовещенского монастыря, приписанного к Троицкому Сергиеву и расположенного среди черных волостных земель южной части уезда. В середине 40-х годов власти Троицкого Сергиева монастыря были челом, что 12 черных деревень Артемьевского стана «вошли» (вклинились) в монастырские деревни Киржачского Благовещенского монастыря и что от этих деревень монастырскому хозяйству «нужда великая». По этому челобитью в 1545/46 г. правительство Ивана IV пожаловало монастырю все 12 деревень.⁹⁷ Вслед за тем монастырь сделал еще более крупное приобретение. 22 декабря 1547 г. Иван IV пожаловал по челобитью монастырских властей погост Николы на Бору, селцо Артемьевское, 40 деревень, 2 починка и 1 пустошь.⁹⁸ В результате этого в руках монастыря оказалась основная часть бывшей Артемьевской волости вместе с волостным центром. По подсчетам писцов 1562 г., в этих деревнях было 254 жилых двора и 3230 четвертей пашни, а во всех прежних владениях Благовещенского Киржачского монастыря — 340 жилых дворов и 3358 четвертей пашни.⁹⁹ Таким образом, вотчина Киржачского монастыря увеличилась в 1545—1547 гг. за счет черных земель почти вдвое.

Быстрый рост монастырского землевладения — наиболее заметная черта аграрной истории первой половины XVI в., которую можно проследить по актовому материалу. Этому явлению соответствует также рост денежных вкладов в монастыри. По подсчетам С. Б. Веселовского, Троицкий Сергиев монастырь получил всего вкладов:¹⁰⁰

- За 1499—1509 гг. — 557 руб. 26 алтын
- » 1512—1520/21 гг. — 2789 руб. 11 алтын 4 деньги
- » 1521/22—1530/31 гг. — 2995 руб. 30 алтын
- » 1531/32—1540/41 гг. — 7311 руб. 23 алтына 4 деньги
- » 1541/42—1550/51 гг. — 8942 руб. + 7000 руб. от царя Ивана
- » 1551/52—1560/61 гг. — 16253 руб. 15 алтын 4 деньги.

Таким образом, в 40—50-х годах монастырь получил столько денежных вкладов, что мог бы ежегодно покупать по крупной

⁹⁶ Там же, № 973. — Как выяснилось на судебном процессе 1534 г., история приобретения селца Полосина началась с того, что Шарап и его дети, сильно нуждаясь в деньгах, заняли у монастыря 40 руб. на 6 месяцев и заложили в этих деньгах свою вотчину. Уплатить в срок они, конечно, не смогли и вынуждены были согласиться на требование монастырских властей продать вотчину. В дальнейшем Шарап пытался отстоять свою землю, обвинив монастырские власти и пристава Тимофея Клобукова в злоупотреблениях, но проиграл процесс (там же, № 1243).

⁹⁷ ОГКЭ, IV, № 1281. — Полный текст: ГКЭ, № 8861.

⁹⁸ ГБЛ, ф. 303 (архив Троице-Сергиевой лавры), кн. 523, лл. 40 об.—46.

⁹⁹ ОГКЭ, IV, № 1555 (стр. 557).

¹⁰⁰ ВК-150, лл. 152 об.—154,

боярской вотчине вроде села Буженинова с 40 деревнями, которое стоило в 40-х годах 1430 руб.

Существенную роль в росте монастырского землевладения играли идеологические и политические моменты. К 20-м годам XVI в. определилась победа осифлян — сторонников сильной воинствующей церкви с экономической базой в виде крупной земельной собственности. В связи с этим запретительные меры правительства Ивана III, направленные против роста монастырского землевладения, были, очевидно, отменены.

До конца 40-х годов не видно никаких попыток правительства ограничить рост монастырской вотчины или поставить его под свой контроль. В конце 40-х годов такие попытки как будто можно проследить; в 1547 г. кн. М. В. Глинский дал в Троицкий Сергиев монастырь 100 руб. «за село», очевидно, вместо земельного вклада;¹⁰¹ аналогичный вклад можно отметить в 1548 г. и у И. Ю. Грязного;¹⁰² в 1549 г. купля Троицкого Сергиева монастыря у Чулковых (на село Бакино) была сделана «доложа боярина и дворецкого» Д. Р. Юрьева.¹⁰³ По-видимому, уже в эти годы подготавливался указ 1551 г., установивший правительственный контроль над земельными вкладами. Тем не менее, как мы видели, в 50-х годах рост монастырского землевладения продолжается в прежнем темпе. Политика правительства Ивана IV по этому вопросу не отличалась четкостью и последовательностью, и в этом одна из причин неудачи попыток ограничить рост монастырских вотчин. Однако наиболее существенные причины роста монастырского землевладения в первой половине XVI в. следует искать, вероятно, в явлениях социальной и аграрной истории этого времени.

Наблюдения над актовым материалом первой половины XVI в. могут быть дополнены изучением межевой книги вотчины Троицкого Сергиева монастыря. Межевые книги 50-х годов XVI в., составленные по царскому наказному списку двумя комиссиями межевщиков — кн. А. И. Стародубского и кн. П. Б. Ромодановского, содержат межевания земель Троицкого Сергиева монастыря в Бежецком, Галицком, Дмитровском, Кашинском, Костромском, Ростовском, Суздальском, Углицком, Юрьев-Польском и Ярославском уездах.¹⁰⁴

¹⁰¹ ВК-149, стр. 85.

¹⁰² Там же, стр. 94.

¹⁰³ ОГКЭ, IV, № 985.

¹⁰⁴ Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 20; МК-254. — Более подробно о МК-254 см.: Ю. Г. Алексеев. Межевая книга вотчин Троицкого Сергиева монастыря (1557—1559 гг.). В сб.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР, М.—Л., 1963, стр. 500—503.

В одной из межевых книг размежеваны все известные по актам владения монастыря в Переяславском уезде. Это дает возможность сделать опыт сопоставления материалов межевой книги с актовым материалом конца XV—первой половины XVI в. При таком сопоставлении можно использовать наиболее сильную сторону межевой книги как источника по истории аграрных отношений. Не давая в отличие от писцовых книг никакого цифрового материала и не сообщая почти никаких сведений о составе межуемых владений, межевая книга имеет, однако, то преимущество, что она более полно, чем какой-либо другой источник, показывает упоминаемые в ней владения в окружении их соседей, в их, так сказать, социально-географической среде. Именно это свойство межевой книги может помочь проследить те изменения, которые произошли в составе землевладельцев Переяславского уезда в первую половину XVI в.

Первая группа межеваний по Переяславскому уезду (№№ 25—40) посвящена троицкой вотчине — селу Хупани (рис. 1). В конце XV—начале XVI в. эта вотчина граничила с Бармазовской волостью.¹⁰⁵ Вблизи межи находились земли, спорные между монастырем и волостными крестьянами; в числе таких земель в актах упомянуты дер. Подберезье и селище Дьяково,¹⁰⁶ служившие предметом притязаний монастыря, оспариваемых представителями волости; объектами столкновений служили и леса.¹⁰⁷

Иную картину застает здесь через 50 лет рассматриваемая межевая книга. Бармазовской волости больше нет. Соседями села Хупани вместо волостных земель теперь являются поместья Д. Федосеева — деревни Старое и Покрытое (№ 25), В. Д. Хвостова — села Бармазово, Лукино и дер. Татариново (№ 27), кн. Т. Козловского — пустоши Мошигино, Калинино и Нелидово (№ 28), Г. Нороватого — отхожие пожни дер. Юровской (№ 38), отхожие пожни тех же владельцев (№ 38). Многие из этих поместных сел и деревень известны из актов предыдущей эпохи как волостные земли. Так, в разъездах XV в. известна дер. Татариново, стоявшая на границе монастырских и волостных земель.¹⁰⁸ Село Лукино этимологически связывается с именем Матвея Лукина.¹⁰⁹ Троицкая дер. Подберезье расположена «меж княж Тимофеевы земли княж Иванова сына Козловского поместных пустошей закладного села: пустоши Гаврилкова, пустоши починка Высокого да пустоши деревни Филина, да пустоши Огалигузова,

¹⁰⁵ АСВР, I, №№ 330, 642.

¹⁰⁶ Там же, №№ 641, 642.

¹⁰⁷ Там же, №№ 20, 330, 469, 512, 548.

¹⁰⁸ АСВР, I, №№ 162 (данная грамота Матвея Лукина в Троицкий монастырь: «... а от Татаринова по речку...»); 330 (список с разводного списка на Хупань: «... да меж Матфеева да Татаринова по поток ...»); 545 (память о разъезде: «... да от Татаринова на тот же враг...»).

¹⁰⁹ Там же, № 162.

что около Хупанские деревни Подберезья» (№ 40). Эта деревня окружена, таким образом, поместными и, как можно считать, исходя из вышесказанного, вчерашними волостными землями. Это наблюдение следует поставить в связь с известными фактами истории дер. Подберезье. В XV в. эта деревня досталась переяславскому протопопу, а во второй половине XV в. была дана им Троицкому монастырю.¹¹⁰ Так в гуще волостных земель образовалось феодальное владение, тянувшее к монастырскому селу Хупани. В свете этих данных межевой книги понятно настойчивое желание волости в лице энергичного сотника Окула на рубеже XV и XVI вв. сохранить в своих руках эту деревню.¹¹¹

Хупанская вотчина граничит также «с царя и великого князя землею пустоши Трубницы Судоковского поместья Кряковского» (№№ 26, 36). В отличие от поместий Д. Федосеева, В. Хвостова, кн. Т. Козловского и других эта земля, видимо, в момент межевания не была в раздаче. Этим определяется обозначение ее как «земли царя и великого князя». Однако при этом она не перестает называться и «поместной землей» и даже указывается имя ее (прежнего?) владельца. Традиции поместного держания успели, видимо, уже достаточно прочно сложиться на бармазовской земле; эта земля уже не рассматривается иначе, как принадлежащая к поместному фонду, к категории феодального владения.

Другую группу межей села Хупани составляют межи с владениями монастырей Александровского Переяславского — дер. Чюриково и пустошь Квасково (№ 29) и Никитского — село Криушинское (№ 31), село Городище (№ 33). Земли Александровского монастыря в этих местах в XV в. неизвестны, но оба села Никитского монастыря, упоминаемые в межевой книге, в середине XV в. принадлежали к «землям великого князя».¹¹²

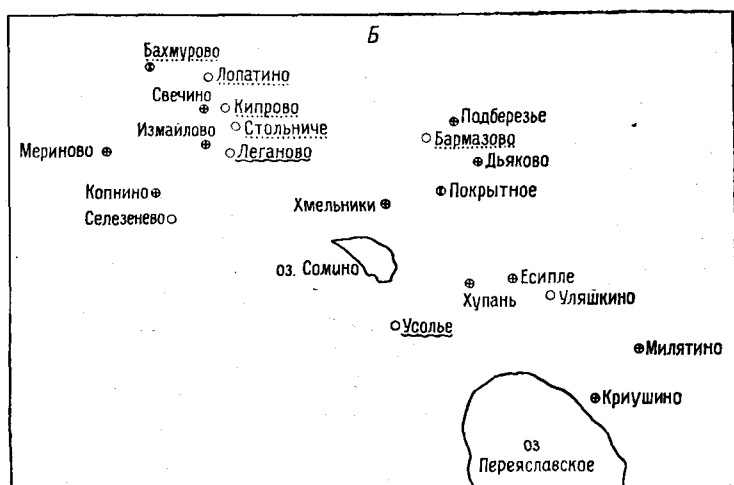
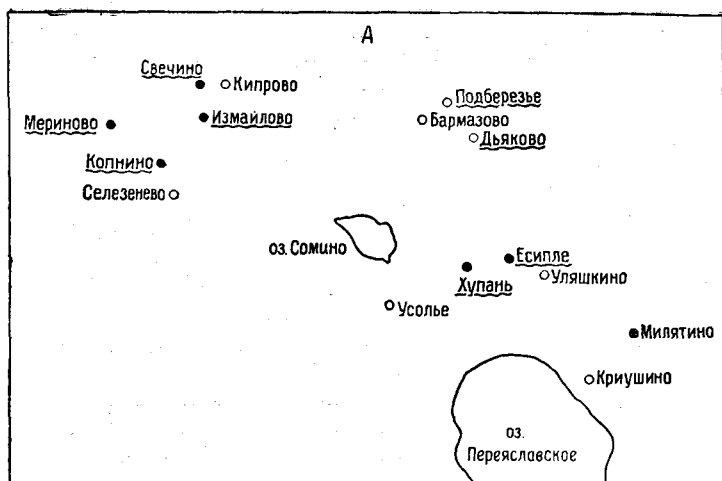
Из материалов XV в. в изучаемом районе известны, кроме Бармазовской волости, еще три — Гавинская, Заборская и Усольская.¹¹³ Межевая книга дополняет сведения о волостях, называя в непосредственном соседстве с селами Городищем и Криушинским еще Ясеновскую волость, которая прежде не упоминалась (№№ 30, 32, 35). В середине XV в. дер. Уляшкино (принадле-

¹¹⁰ «А игумен троецкон и старци положили передо мною (великим князем, — Ю. А.) на ту землю грамоту данную протопопа Семена Переяславского; а как та земля за монастырем, тому более тритцати лет...» (АСВР, I, № 641). Акт датируется издателями 1502—1504 гг., следовательно, вклад протопопа Семена относится к началу 70-х годов XV в.

¹¹¹ АСВР, I, № 641. — Иван Яковль, посланный великим князем «отвести к волости к Бармазовской Панинскую деревню от троицкие земли Сергиева монастыря от Подберезские деревни от Хупанские», не мог произвести отвода «затем, что Окулко сотник назвал и ту деревню Подберезскую волостною ж деревню Бармазовскою...».

¹¹² АСВР, I, № 201. — Села Городищское и Криушинское в кн. Василий Васильевич называет «своими» землями.

¹¹³ АСВР, I, №№ 544, 636, 643, 20.

	Начало периода	Конец периода		Начало периода	Конец периода
Черные земли	○		Поместья	○
Светские вотчины	●	-----	Неизвестный владелец	⊕	
Монастырские вотчины	⊕	~~~~~	Дворцовые земли		++++++

Рис. 1. Кистемский стан.

А — в 1400—1480-х годах; Б — в 1500—1550-х годах.

жавшая, согласно межевой книге, к Ясеновской волости) названа рядом с Криушиным и Городищем в составе «земель великого князя».¹¹⁴ Это позволяет высказать предположение, что в XV в. все эти земли относились к Ясеновской волости, которая смыкалась на северо-западе с Усольской, а на северо-востоке с Бармазовской. Как и на Бармазове, волостные земли в Ясенеve перемешались с владениями феодального или полуфеодального типа.¹¹⁵

К середине XVI в. этот прежний волостной массив разбит землями феодалов. Бармазовская волость перестала существовать, на границах Ясеновской волости появились поместные земли. Деревня Уляшкино теперь с трех сторон окружена владениями монастырей (Троицкого, Никитского, Александровского); под натиском феодалов Ясеновская волость словно отступает со своими деревнями в глубь болотистых лесов.¹¹⁶

Из этих феодалов, оттесняющих волость и располагающихся на ее землях, наибольшее значение имеют помещики. На территории прежней Бармазовской волости разместились, как выше указывалось, поместья кн. Т. Козловского, Г. Нороватого, Д. Федосеева, В. Хвостова; здесь же было и поместье Судака Кряковского.

Князь Тимофей Иванович Козловский, в составе поместья которого названо село Закладное и 7 пустошей, принадлежит к очень захудалой ветви смоленских княжат.¹¹⁷ В Тетради дворовой поименованы многочисленные князья Козловские, частью под рубрикой «литва дворовая», в составе детей боярских по Романову и Костроме, но среди них нет ни самого Тимофея, ни вообще Ивановичей. Однако Тетрадь дворовая знает князя Тимофея Иванова сына Козлова Вяземского. Это «литва дворовая» по Переяславлю.¹¹⁸ Князья Вяземские — родичи Козловских, рассеянные, подобно им, по разным уездам (Кострома, Романов, Малый Ярославец). Не исключена возможность, что именно этот князь Тимофей является помещиком на бармазовских землях.¹¹⁹ Князья Вяземские и Козловские неизвестны в сохранившихся переяславских актах XV—начала XVI в., на основании чего

¹¹⁴ Там же, № 201.

¹¹⁵ Так, здесь известны земли Ягреневых — пустошь Есипле, данная Анной Ягреневой в Троицкий монастырь (АСВР, I, № 82), село Ягренево, вошедшее впоследствии в состав вотчин Никитского монастыря (ОГКЭ, IV, № 1489). Судя по топонимике, здесь было уже в первой половине XV в. село Ивана Крюкова Фоминского (АСВР, I, № 201).

¹¹⁶ «А болотом ямы не копаны, потому что не мочно, и вперед будут не знаты, а граней сечи не на чем, кустарь мелкой и место безугодное» (МК-254, № 35) — таков пейзаж Ясеновской волости в середине XVI в.

¹¹⁷ ВОИДР, стр. 107, 252.

¹¹⁸ ТК—ТД, стр. 141.

¹¹⁹ В духовной грамоте князей Звенигородских в 1562/63 г. упомянут некий Иван Тимофеевич Козловский, может быть, сын бармазовского помещика (АФЭХ, II, № 299).

можно предположить, что в середине XVI в. они для Переяславля сравнительно новые люди.

Фамилия Нороватых, к которой принадлежит Григорий, владелец дер. Юровской, упоминается во многих документах. В Тысячной книге известен Иванец Яковлев сын Нороватого, сын боярский II статьи по Вотской пятине.¹²⁰ Этот же Иван Яковлев — полковой голова во многих походах 1557—1562 гг.¹²¹ Начиная с середины XVI в. Нороватые известны и в Переяславском уезде. Так, один акт 50-х годов рисует целое гнездо Нороватых — помещиков села Загорья и сельца Загорья Верхнего в Никитском стану (южнее г. Переяславля). Село Загорье было ранее 1554 г. в поместье за потомками Алферия Нороватого: его сыновьями Иваном и Ширяем, внуком Нечаем Никитиным сыном и, по-видимому, правнуками Иваном и Василием Андреевыми детьми Никитина. Сельцо Загорье Верхнее (вероятно, отпочковавшееся от Загорья) было в поместном владении другой линии Нороватых — Матвеевых детей Григория, Ивана, Меншика и Петра.¹²² Не исключена возможность отождествления первого из этих Матвеевых детей с помещиком дер. Юровской. Рассматриваемая межевая книга знает поместье одного из Нороватых — Ширия — в Новосельском стану.

Василий Дмитриев сын Хвостов, которому принадлежит центр бывшей Бармазовской волости — село Бармазово, является, по родословным преданиям, выходцем из старого и очень знатного московского рода потомков знаменитого тысяцкого Алексея Петровича Хвоста.¹²³ Потомки опального боярина захудали и опустились к XVI в. до уровня рядовых служилых людей. Центром владения рода Хвостовых в середине XVI в. был, по-видимому, Суздальский уезд, с которого по дворовому списку служат пятеро Дмитриевых детей, в том числе и Васюк.¹²⁴ С конца XV в. Хвостовы превращаются в помещиков. Так, в Новгороде испомещены 8 представителей этой фамилии, во Пскове — 6.¹²⁵ Четверо Хвостовых, псковских помещиков, попадают в Тысячную книгу.¹²⁶ Как свидетельствует пример Василия Дмитриева сына, Хвостовы получают поместья и в коренных московских уездах. Но если в Новгороде и Пскове испомещение их производилось на конфискованных землях местной знати, то в центральном районе страны представители этого рода получают в поместье черную волостную землю. В Переяславле Хвостовы люди новые, судя по отсутст-

¹²⁰ ТК—ТД, стр. 86.

¹²¹ ДРК, стр. 202, 211, 216, 223, 228.

¹²² ОГКЭ, IV, № 1304.

¹²³ ВОИДР, стр. 185.

¹²⁴ ТК—ТД, стр. 154.

¹²⁵ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 293, 323.

¹²⁶ ТК—ТД, стр. 100.

вию упоминаний о них в актах и вкладной книге Троицкого монастыря.

Сведений о Дмитрие Федосееве и Судаке Кряковском обнаружить в источниках не удалось. Их нет в числе переяславских землевладельцев, известных по актам и другим материалам. Вероятно, они новые для Переяславля люди, как и их бармазовские соседи.

Межевания №№ 41—47 посвящены селу Копнину на Малой Нерли. О границах этого владения в XV—начале XVI в. дают представление разъезжие этого времени.¹²⁷ Левобережная половина вотчины граничила с землями Заборской и Нутской волостей и вотчиной Т. П. Замытского. Согласно межеванию № 41, соседями левобережной половины вотчины являются земли Духовского монастыря (дер. Зденежье, земля, лес и пожни за Малой Нерлью), земли Заборской волости (деревни Селезенево, Ебышево и Хомякино), земли Нутской волости (дер. Маслово), земли вотчинные Никиты Константиновича Замытского¹²⁸ (деревни Субботино, Мошково и Горки). Из этого документа мы впервые узнаем о существовании на Нерли земель Духовского монастыря. Что касается уже известной Заборской волости, то, по-видимому, ее границы с троицкими владениями за истекшие полвека существенных изменений не претерпели. Об этом свидетельствует сопоставление соответствующей части межевания № 41 с разъезжей кн. В. И. Голенина.¹²⁹ В межевании не указаны деревни Якушевская, Юркинская и Дятловская, однако дер. Селезенево, принадлежавшая в начале XVI в. заборскому крестьянину Ивашке Семенову сыну Селезню и стоявшая у самой межи, осталась в 1557/58 г. в руках Заборской волости. Возможно, что другие деревни, упомянутые в разъезжей, фигурируют в межевании под новыми именами.

В межах правобережной части вотчины произошли значительные изменения. Кипроватое, или Кипрово, входившее в XV в. в состав Гавинской волости,¹³⁰ — теперь село в поместном владении Богдана Семенова сына Замытского. Отхожая пожня этого села — наволоок на самой Нерли (№ 42). Рядом с этим наволоком, дальше от Нерли, расположилось поместье братьев Афанасия и Василия Пановых дер. Бахмурово (№ 43). Далее идет само поместье Б. С. Замытского село (или сельцо) Кипрово с тремя деревнями (№ 44). Еще дальше — поместная земля Марфы Федоровой, жены Клобукова, дер. Стольниче (№ 45). За нею — вотчина Симонова монастыря дер. Ляганово (№ 46). Наконец, последняя межа

¹²⁷ АСВР, I, №№ 544, 636, 643; АСБВ, № 664.

¹²⁸ Н. К. Замытский — внук Тимофея Петровича, упоминавшегося в разъезде 1501/02 г. (ВОИДР, стр. 105 и др.).

¹²⁹ АСВР, I, № 643.

¹³⁰ Там же, № 544

«с царя и великого князя землею Гавинских пустошей» (№ 47) до реки Нерли выше троицких владений.

Главное в этих изменениях — отнесение Гавинской волости от Нерли на участке ниже Свечина и передача ее прибрежных земель в руки помещиков. В поместную раздачу поступила часть волостной земли, не только значительная по размерам, но и особенно важная в экономическом отношении, в частности наиболее ценные приречные угодья, заливные луга — наволоки. Как в районе Усолья, так и на Нерли волость на наших глазах теряет свои земли и угодья и отступает в глухие болотистые и лесистые места. О критическом состоянии Гавинской волости свидетельствуют заброшенные поселения — пустоши на том сохранившемся участке волостной территории, с которым граничит Троицкая вотчина.

Не вызывает сомнения, что наступление феодалов на Гавинскую волость, как и на другие волости Переяславского уезда, началось очень давно и к началу XVI в. уже достигло определенного успеха. Об этом свидетельствует, в частности, жалованная грамота 1507 г. кн. Василия Ивановича Симонову монастырю, в которой в числе прочих переяславских владений этого монастыря названы «в Гавинской волостке деревня Гавино, деревня Сажичино, деревня Еганово, деревня Турсово».¹³¹ Дер. Еганово грамоты 1507 г. это, по всей вероятности, та дер. Ляганово, которая упоминается в межевой книге. Следует отметить, что в руках монастыря оказывается дер. Гавино, — по-видимому, волостной центр. Это может свидетельствовать о значительной степени проникновения феодалов в волость. При этом, однако, еще в первые годы XVI в. Гавинская волость сохраняла черты волостного самоуправления и удерживала в своих руках значительные массивы земель по берегу р. Нерли. Новый этап феодализации волости начался, видимо, в первые десятилетия XVI в. Именно к этому времени относится появление на гавинской земле новой формы феодального владения — поместья, охватившего значительную часть волостной территории.

Из трех помещиков на гавинской земле двое хорошо известны в источниках. Богдан Семенович Замытский, владелец села Кипрово и наволока на Нерли, представитель очень старого домосковского боярского рода Акинфа Великого.¹³² Огромный массив владений Замытских находился в XV в. и позднее в северо-восточной части уезда, которая и много столетий спустя именовалась

¹³¹ ОГКЭ, IV, № 1353.

¹³² ВОИДР, стр. 102, 105, 106. — Богдан Семенович — троюродный брат Никиты Константиновича, троицкого соседа на левом берегу Нерли. В середине XVI в. он служит по дворовому списку с Переяславля (ТК—ТД, стр. 139).

Замытьем.¹³³ Получение в поместье части соседней волости непосредственно увеличивает этот массив.

Федор Клобуков, вдова которого владеет дер. Стольниче, — это, вероятно, Федор Григорьевич, старинный переяславский вотчинник. Земли Клобуковых в Кинельском стану, на р. Молокче, известны уже в середине XV в. Владельцы дер. Бахмуровой, братья Пановы, принадлежат к известному в XVI в. служилому роду, чьи представители встречаются во многих местах, в том числе и в Переяславле.¹³⁴

Следующая группа межеваний (№№ 48—64, 67) связана с селом Бороноволокным, расположенным в восточной части уезда близ р. Тошмы, правого притока Большой Нерли (рис. 2). Соседями этого села оказываются: кн. М. И. Вяземский — его поместье селцо Сарыевское (№ 48); М. Фатеев — поместье дер. Климово (№ 49); Ю. А. Забелин — поместье дер. Павшино (№№ 50, 51, 55, 57); Л. Г. Володимиров (Онаньин) — вотчина селцо Внуково (№ 52); Ф. Панов — поместье селцо Угримово (№№ 49, 50, 53); А. Д. Басманов — вотчина дер. Вески (№ 54); Корсаковы Щередины дети — поместье дер. Соболево (№ 58); «царя и великого князя земля княж Ивановские вотчины Пенкова» — село Дубровицы с деревнями (№№ 59, 61); И. Д. Воронцов — вотчинные деревни (№ 60); В. И. Собакин — вотчинные и поместные земли села Остеева (№№ 62, 67); Тимофеевы дети Петрова — поместье дер. Вишки (№ 67); Агишева жена Онаньина — селцо Высокое (№ 67).

Селцо Сарыевское упоминается в духовной А. М. Плещеева (не позднее 1491 г.), оно принадлежало неким Сарыевским.¹³⁵ После Сарыевских их земля, видимо, пошла в поместную раздачу. Дер. Климово, селцо Угримово и дер. Вишки известны по духовной боярина кн. И. Ю. Патрикеева (не позднее 1499 г.), который завещал своему младшему сыну Ивану в числе прочих владений также 6 переяславских вотчин, сел и селец: Романовское (на р. Рокше), Петрищево (на р. Шахе), Носакино (на р. Сотьме), Климово (на р. Тошме), Угримово (между рр. Тошмой и Шахой) и Вишки.¹³⁶ Князь Иван Юрьевич в 1499 г., как известно, попал в опалу и был пострижен в монастырь. Вотчины его были, очевидно, конфискованы — отписаны на великого князя. Земли села Романовского названы «землями великого князя» в отводной грамоте 1526/27 г. на село Будовское Корсаковых, с которым они граничили.¹³⁷ Климово, Угримово и Вишки пошли, как свидетель-

¹³³ М. И. Смирнов. По забытым путям Залесья. «Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб)», вып. 15, Переславль-Залесский, 1926, стр. 53—54.

¹³⁴ ОГКЭ, IV, №№ 1200, 818. — В этих документах упоминается Панов Федоров сын Третьяк (в районе Кинеля).

¹³⁵ АСВР, I, № 562.

¹³⁶ ДДГ, № 86 (стр. 346).

¹³⁷ ГКЭ, № 8803.

ствуется межевая, в поместную раздачу. Можно установить, что Вишки, в частности, были поместьем уже в первой четверти XVI в.; для этого надо сопоставить текст данной грамоты на село Бороново с межеванием № 67.¹³⁸

Дер. Вески, принадлежащая Алексею Даниловичу Плещееву-Басманову, — старинная плещеевская вотчина. В духовной А. М. Плещеева, деда теперешнего владельца Весок, об этой де-

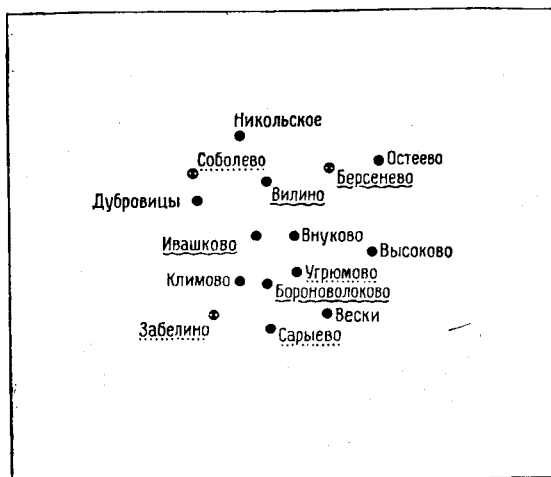

Рис. 2. Тошменский (Киучерский) стан в 1550-х годах.

ревне говорится: «Да сыну ж Ивану даю свои прикуп — половину села Вески, что есми купил у Васильевых дети у Лихорева, у Васка да Ивашка у Бовыки их вотчину...».¹³⁹ Плещеевы, таким образом, держат в своих руках эту вотчину-куплю уже много десятков лет, на протяжении трех поколений. Довольно старыми вотчинниками, как мы видели, являются также Онаньины¹⁴⁰ и Собакины.¹⁴¹

¹³⁸ В числе земель, тянущих к селу в 1525/26 г., данная грамота князей Оболенских называет отхожее селище Демидцево, расположенное «меж Ивановы земли Собакина да Борисовы земли Онаньина да Григорьевы земли Петрова наугорода». Согласно межевой книге, тридцать лет спустя соседями этого селища являются: поместная земля Елизарья да Ивана Тимофеевых детей Петрова дер. Вишек; Васильева земля Собакина села Остеево; Овдотьиная земля Агишевой жены Онаньина сельца Высокого. Таким образом, соседи — те же Петровы, Собакины и Онаньины, только, вероятно, в следующем поколении.

¹³⁹ АСВР, I, № 562 (стр. 439).

¹⁴⁰ Леонтий Онаньин — «большой дьяк» (ТК—ТД, стр. 116).

¹⁴¹ Собакины — тверской владельческий род, близкие родичи Нагих (ВОИДР, стр. 186).

Земли «царя и великого князя княж Ивановские вотчины Пенкова» — часть старинных вотчин ярославских князей на территории Переяславского уезда. О таких вотчинах сообщает, например, разъезжая 1504 г. и другие документы.¹⁴² Вотчинные деревни И. Д. Воронцова и поместья Ю. А. Забелина и Корсаковых ни на карте, ни в источниках обнаружить не удалось. Не исключена возможность, что дер. Павшино, поместье Забелина, входила прежде в состав вотчин князей Патрикеевых, как и рядом с ней расположенное на р. Тошме село Климово.¹⁴³

Таким образом, большинство поместий, граничащих с селом Бороноволокным, историю которых удастся проследить, образовались на бывшей вотчинной земле, взятой в опалу на государя. Пользуясь более ранними материалами и сопоставляя их со сведениями межевой книги, можно гипотетически представить себе такую картину прошлого Тошменско-Шахского района.

В конце XV—начале XVI в. здесь были:

крупные феодальные вотчины, состоявшие из сел со многими тянувшими к ним деревнями и принадлежавшие верхам тогдашнего общества; эти владения князей Ярославских-Пенковых, князей Патрикеевых, князей Оболенских, Плещеевых представляли собой обширные земельные массивы, частично смыкавшиеся друг с другом;

вотчины среднего размера: Корсаковых, Собакиных, Онань-иных, Лихаревых и Култашевых;

земли великого князя, может быть, остатки черных земель, раздававшиеся, в частности, новгородским сведенцам;

монастырские земли, которых, однако, в этом районе было, видимо, немного (село Славитино Горицкого монастыря).¹⁴⁴

Первая половина XVI в. внесла в эту картину ряд изменений. Значительно возрастает монастырское землевладение, приходящее

¹⁴² Кн. И. В. Пенков — правнук последнего владетельного ярославского князя Александра Федоровича (ВОИДР, стр. 57). Его дядя, князь Александр Пенко, владел землями в Кистемском стану Переяславского уезда (см.: ДДГ, № 94, стр. 377 — «луги и лес... княж Олександровы княж Даниловы сына Пенкова»). Сам князь Иван Васильевич был боярином и участником походов 40—50-х годов XVI в. (ДРК, стр. 123, 141, 147). В 1561/62 г. он дал в ярославский Спасский монастырь свою переяславскую вотчину — село Сигор с деревнями (ОГКЭ, IV, № 1358). В сотной 1563 г. за ярославским Спасским монастырем числится селцо Клокарево с 49 деревнями, что «пожаловал к тому монастырю дал царь... из княж Ивановы Васильевича Пенковы отчины»; три деревни этого села прописаны были в сошные книги «к селцу на Лучинскому ко княж Иванову ж Васильевича Пенкова, что взял государь на себя к дворцовым селам» (там же, № 1555). В 1563/64 г. «княж Васильева Даниловича Пенкова княгиня Анна Иосифовна» дала в ярославский Спасский монастырь село Рахманово и 52 деревни и пустоши (там же, № 838) по душам своей родни, в том числе и сына Ивана.

¹⁴³ На карте XIX в. есть дер. Забелино, в 2,5 км на северо-восток от Бороноволокова.

¹⁴⁴ Это село в межах с селом Будовским Корсаковых в 1526/27 г. (ГКЭ, № 8803).

на смену светской вотчине (вотчина князей Оболенских переходит к Троицкому монастырю, а вотчина Корсаковых — к Данилову). Однако главным изменением является рост поместного землевладения, прежде всего на основе бывших крупных вотчин, отписанных в опалу на государя, а также, вероятно, и на бывших черных землях, если они еще сохранились в этом районе. Если вотчинны Патрикеевых перешли в руки великого князя уже около 60 лет назад и помещики, на них испомещенные, вроде «наугородцев» Петровых, имеют здесь уже давнюю владельческую традицию, то вотчину кн. Пенкова межевая книга заставит на самом переломе ее истории: она только что отписана на царя и великого князя, но еще называется по старине «пенковской вотчиной». Ее ждет, по всей вероятности, раздача по кускам в поместное держание, что приведет к появлению на границах троицкого села Бороноволокова новых соседей-помещиков.

Помещик, таким образом, — фигура, наилучшим образом иллюстрирующая эволюцию аграрных отношений в этом районе за несколько последних десятилетий.

Кто же такие эти помещики?

Кн. Михаил Иванович Вяземский, помещик села Сарыевского — представитель той же семьи захудалых потомков смоленских княжат, что и бармазовский помещик кн. Т. Козловский. В Тетради дворовой записан по Романову Михайло княж Иванов сын Федькова Вяземского.¹⁴⁵ Возможно, он и есть сарыевский помещик. Во всяком случае Вяземские в Переяславском уезде — представители новой, служилой, формации в составе класса феодалов; их землевладельческое положение всецело определяется их службой, служебными успехами, а не наличием родовых вотчин.

Юрий Андреевич Забелин, помещик деревень Павшина и Беклемишева, упоминается в 1554 г. в качестве переяславского городского приказчика.¹⁴⁶ Вотчинные владения Забелиных в Переяславском уезде неизвестны, но носители этой фамилии имели здесь и другие поместья: сохранилось известие о даче двоим Забелиным Четчинным детям поместья в Конюцком стану в 1568 г.¹⁴⁷ Забелины известны и как новгородские дети боярские.¹⁴⁸ Один Забелин фигурирует в 1567 г. как послух в Дмитровском уезде.¹⁴⁹

¹⁴⁵ ТК—ТД, стр. 145. — Всего Тетрадь дворовая знает 22 Вяземских: 2 — по Переяславу; 4 — по Ярославцу (Малому), 1 — по Кашире, 2 — по Романову, 1 — по Белоозеру, 12 — «литва дворовая»: по Костроме — 10 и по Романову — 2. Такое распыление Вяземских по уездам свидетельствует об отсутствии сколько-нибудь прочных территориальных родовых связей.

¹⁴⁶ ОГКЭ, IV, № 1192.

¹⁴⁷ Там же, № 1307.

¹⁴⁸ Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л., 1957, стр. 353.

¹⁴⁹ ОГКЭ, III, № 57.

В отличие от кн. Вяземского и Забелина Щередины дети Корсакова — потомки старинных переяславских вотчинников, родовых собственников расположенного неподалеку села Будовского. Федор Панов принадлежит, вероятно, к той известной фамилии, чьи представители владеют бывшими землями Гавинской волости на Малой Нерли. Помещики деревни Вишки Петровы являются новгородскими выходцами. Поместье Петровых переходит от одного поколения к другому.¹⁵⁰ Личность Фатеева установить не удалось.¹⁵¹

Межевания №№ 65, 66, 68—74 посвящены селу Ивановскому в Новосельском стану. Согласно межевой книге, соседями земель села Ивановского являются: царя и великого князя земли Енотской волости — дер. Кулигино (№ 65); вотчина Ивана Злобина, Андрея Андреева и Григория Иванова Базаровых — селцо Василищево Ездаково (№ 66); поместная земля Ширия Норова того — полусельцо Володимерово и другая половина того же селца Субботы, Афанасия и Никифора Миколаевых (№ 68); царя и великого князя земли Александровские Слободы — деревни Крохино и Неумоино (№ 69); поместная земля Бурца и Некраса Ратковых — дер. Юрцово (№ 70); поместная земля Жука Данилова сына Старого Стрелкова — селцо Дубровицы (№ 71); поместная земля Григория Хомякова — отхожая пожня дер. Говеново (№ 72); поместная земля кн. Ивана Даниловича Дашкова — село Васильевское (№ 73); поместная земля Ивана Федорова сына Малахова — дер. Говеново (№ 74).

Упоминание о Енотской волости позволяет установить наличие волостных земель в малоосвоенном источниками районе к югу от г. Переяславля. Согласно межевой книге, с землями села Ивановского граничит только одна вотчина и шесть поместий. Ратковы,¹⁵² Малаховы¹⁵³ и Стрелковы¹⁵⁴ известны в более ранних переяславских актах. Кн. Дашков — выходец из захудалых смоленских княжат, родич князей Вяземского и Козловского.¹⁵⁵ Хомяков, вероятно, происходит из Боровского уезда, в котором из-

¹⁵⁰ Для характеристики служебного положения Петровых можно указать, что в 1558/59 г. в походе против Девлет-Гирея в Большом полку у четвертого воеводы окольного кн. В. А. Сицкого в головах из новгородских помещиков был Иван Соловой Тимофеев сын Петрова (ДРК, стр. 210).

¹⁵¹ Может быть, его родственник Нехай Андреев сын Фатеев писал в 1564/65 г. купчую грамоту в Кинеле (ОГКЭ, IV, № 988).

¹⁵² Ратковы Ивановы дети Федор и Григорий — послухи в духовной грамоте ранее 1512 г. (ОГКЭ, IV, № 1243). Третьяк Ратков — городской приказчик 30-х годов (там же, №№ 1389, 1390).

¹⁵³ В 1525/26 г. сын боярский Павел Степанов сын Малахов — послух в Верхдубенском стану (ОГКЭ, IV, № 1207).

¹⁵⁴ Отец Жука, Данило Стрелков, женат на Авдотье Конковой из старинного местного вотчинного рода. В 1526/27 г. в одном из актов — пятеро Даниловых детей, в том числе и Семен Жук (ОГКЭ, IV, № 972).

¹⁵⁵ ВОИДР, стр. 53.

вестно целое гнездо его однофамильцев.¹⁵⁶ Единственные вотчинники этого района Базаровы, — по-видимому, выходцы из новгородских послужильцев;¹⁵⁷ их вотчина в этом случае — такое же служилое феодальное новообразование, как и поместья их соседей. Таким образом, в межевании села Ивановского, как и в других рассмотренных выше районах, можно отметить в первую очередь рост землевладения нового служилого слоя в составе класса феодалов. Но значительная часть помещиков — выходцы из местных вотчинных фамилий.

Наибольшее число межеваний по Переяславскому уезду — свыше 90 (№№ 164—256, некоторые межевания не пронумерованы) — относится к району, прилегающему к самому монастырю: «Что около монастыря пришли в разных станех». Этот район охватывает Мишутинский, Верхдубенский и Кинельский станы Переяславского уезда и смежную часть Дмитровского уезда (рис. 3).

Межевания №№ 164—169 посвящены землям села Бебякова (деревни Орехово, Савелово, Шуклино, Соляниково, Телятниково, Деулино, Кровопусково), расположенным на границе Дмитровского и Переяславского (Мишутинский стан) уездов.

Земли, прилегающие к селу Бебякову, принадлежали в XV в. крестьянам Мишутинской волости.¹⁵⁸ Материалы межевой книги рисуют в этих местах другую картину. О землях волостных людей сейчас ничего уже не говорится; соседями троицких деревень являются только феодальные владения: поместье С. Толмачева — село Деревеньки (№ 165); поместье Ф. Беликова — деревни Лодыгино и др. (№ 168); поместье И. Юсова — дер. Кобыльниково (№ 169); поместье А. Васильева — дер. Пероново, или Петряево (№ 169); вотчина Г. Софонтьева — пустошь Павловская (№ 164); вотчины Писемских — деревни Ефаново, Васильцево, Янгурово, Маньково (№№ 166, 167). Эти феодальные владения вплотную подходят к тому месту, где на карте XIX в. обозначено село Мишутино — вероятный центр Мишутинской волости.

Федор Беликов, в состав поместья которого входят, согласно межевой книге, четыре деревни (Лодыгино, Байково, Брилино, Пезлево) и одна пустошь (Ременниково), — вероятный родич того Анастасия Семенова сына Беликова, «смолянина», который в 1542/43 г. владел поместьем — дер. Пезлевым.¹⁵⁹ Таким образом, на землях Мишутинской волости появляется поместье смолян — нового отряда служилых людей великого князя. Семен Толмачев, как показывает его прозвище, был, вероятно, выходцем из приказных людей. В 1515 г. примерно в этих же местах из-

¹⁵⁶ ТК—ТД, стр. 175.

¹⁵⁷ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 226.

¹⁵⁸ АСВР, I, №№ 430, 571, 628.

¹⁵⁹ ОГКЭ, IV, № 1209.

вестен подьячий Михаль Толмачев, писавший купчую грамоту в соседней Рождественской волости.¹⁶⁰ Имя Юсовых в актах первой половины XVI в. неизвестно, но в 1563/64 г. некий Иван Андреев сын Юсов, вероятно, тот же, который владеет поместьем в Мишутинском стану, фигурирует в качестве послуха в Кистюме.¹⁶¹ Не исключена возможность, что Артамон Васильев — один из

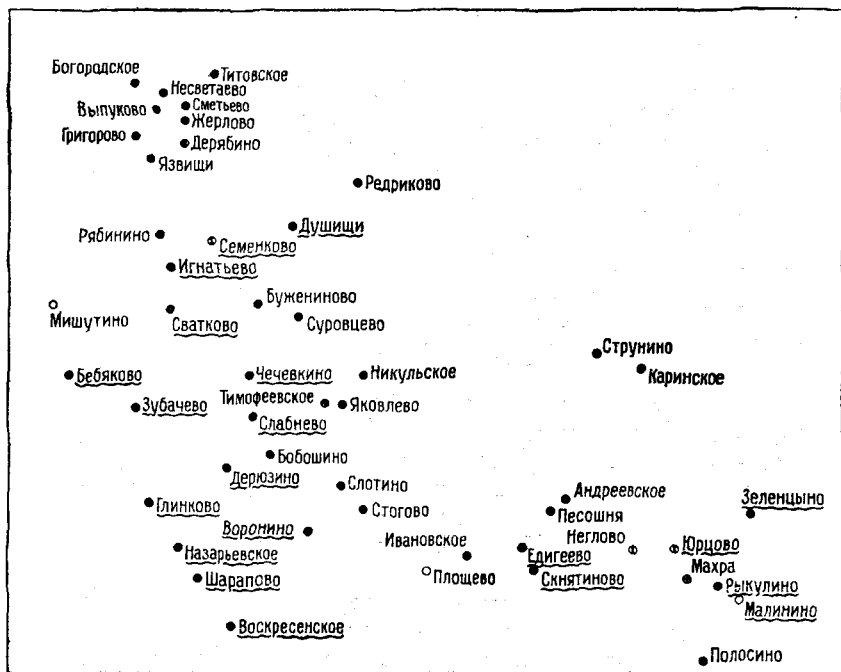

Рис. 3. Кинель и Верхдубенья в 1400—1480-х годах.

адресатов жалованной грамоты 1516 г., согласно которой в. кн. Василий Иванович «пожаловал... Василия Тимофеева сына Алексева и сына его Артема своими великого государя деревнями черными» в Мишутинском стану — Самойловым, Васильевым и Петроковым.¹⁶² Интересна история вотчинников Софонтьевых. В 1590/91 г. несколько представителей этой фамилии распорядились старинной прадедовской вотчиной в Мишутинском стану, в том числе и пустошью Павловской.¹⁶³ Если эти Софонтьевы

¹⁶⁰ Там же, № 994.

¹⁶¹ Там же, № 838.

¹⁶² Акты Археографической экспедиции, т. I. СПб., 1836, № 162.

¹⁶³ Дмитрий Семенов сын Софонтьев-Демьянов со своими тремя сыновьями продал Елизару Ивановичу Сабурову пять пустошей «вотчину свою старинную прадедовскую и дедовскую и отца своего» (ОГКЭ, IV, № 1016).

конца XVI в. не ошиблись в счете поколений, то уже в начале XVI в. прадед их владел вотчиной на мишутинских землях. В отличие от остальных мишутинских владельцев Писемские принадлежат к известному служилому вотчинному роду. Родовой центр Писемских — в Костромском или Галицком уезде.

Если актовый материал XV в., рисуя процесс феодализации Мишутинской волости (появление поместья, расхват волостных земель феодалами), рассматривает эту волость еще как цельный организм, то межевая книга 50-х годов волость, как таковую, в этих местах уже не знает. Волость, которая в течение многих поколений терпела от «ратных людей и от разбоев»¹⁶⁴ и боролась с обояриванием, в новых условиях XVI в. исчезла, превратившись в совокупность поместий и служилых вотчин.

Свыше 40 межеваний относится к троицким селам в Верхдубенском стану: Сваткову, Семеновскому, Душищеву, Дерябину, Дьяконову, Выпукову, Коярову, Буженинову и к деревням этих сел. Материалы межевой книги позволяют дополнить и до некоторой степени подытожить наблюдения над историей феодального землевладения в этом стану в первой половине XVI в., которые были сделаны нами выше на основе актового материала. На границах монастырских земель в 50-х годах XVI в. вотчин значительно больше, чем поместий (23 вотчины и 10 поместий), что объясняется, по-видимому, прежде всего тем, что в руках у правительства не было в этом районе достаточно обширного фонда земель для испомещения. Это обстоятельство связано со структурой землевладения в Верхдубенском стану в XV в.: господством вотчины и незначительным количеством «земель великого князя». В этих условиях в поместье даются как остатки «земель великого князя», так и части бывших вотчин.

Из «земель великого князя», известных в актовом материале начала XVI в., в поместную раздачу пошли «Воскресение Росолово»¹⁶⁵ и Исаково с Орефиным.¹⁶⁶ Помещик Бобр Кондратьев владеет деревней Лагиревой Семеновской, которая в начале XVI в. была, вероятно, вотчинной землей.¹⁶⁷ Еще более интересно, что Степан Скрипицын имеет в поместном владении бывшие вотчинные земли Скрипицыных — дер. Ходырево и, по-видимому, дер. Окулово.¹⁶⁸

¹⁶⁴ АСВР, I, № 571.

¹⁶⁵ В 1510/11 г. отвод земли селища Дулепова начинается «от великого князя земли от Воскресенья от Росолова» (АСБВ, № 434).

¹⁶⁶ В 1510/11 г. межа поделенной земли селца Нового (Скрипицыных) начинается «от великого князя земли от Исаковской и от Орефинского врага» (ОГКЭ, IV, № 947).

¹⁶⁷ Это, видимо, часть вотчины Семена Лагирева. Одна из его деревень продана им в 1524/25 г. В. Ф. Бутеневу, который тут же дал ее в Троицкий монастырь (ОГКЭ, IV, №№ 997, 848).

¹⁶⁸ Дер. Окулово упомянута в составе вотчин Скрипицыных, того же Степана и его брата Андрея Вешняковых детей в 1536 г. при разводе земель

Многие из землевладельцев Верхдубенского стана являются родовыми старинными местными вотчинниками. Так, Редриковы известны в этих местах с первой половины XV в., Рябинины, Скрипицыны и Уполовниковы — со второй половины XV в., Айгустовы, Бутеневы, Свеженины, Вакорины и Соколовы — с конца XV — начала XVI в.¹⁶⁹ К числу родовых вотчинников относится и Иван Юрьевич Грязной — выходец из крупного боярского рода Ховриных.¹⁷⁰ Старинными местными землевладельцами, но не вотчинниками, а помещиками являются также Турчаниновы.¹⁷¹ Д. Бутурлин и И. Собакин владеют селом Бо-

села Дерябина (АСБВ, № 762). Дер. Ходырево в актах непосредственно неизвестна, но название ее происходит, видимо, от имени Ходыря Иванова сына Скрипицына — дяди Степана Вешнякова, одного из шести Ивановичей, поделавших в начале XVI в. село Титовское с деревнями (ОГКЭ, IV, № 946). Возможно, Ходырево было ранее 1536 г. в поместье за Худяком Сворцовым (АСБВ, № 762).

¹⁶⁹ В разъезжей 1504 г. на земли Переяславского уезда упоминается «деревня Кукарино Русина Иванова сына Вешнякова Айгустова» (ДДГ, № 94); Бутеневы впервые упоминаются в актах в 1524/25 г. (ОГКЭ, IV, №№ 997, 1128). В 1523/24 г. впервые упоминаются Свеженины, разбегавшие свои земли с Троицким монастырем (там же, № 1206). Не исключена возможность, что предок Свежениных — Елизар Косяк Солонинин, известный в самых ранних верхдубенских актах XV в. (АСВР, I, №№ 19, 60, 259). В пользу такого предположения говорит (кроме географического совпадения) странная анти-теза этимологии прозвищ (Солонинин — Свеженин), частая у родичей, а также то обстоятельство, что один из Свежениных вышеупомянутого акта XVI в. назван Солониной: «... да моее Ивановы Солонины (деревни, — Ю. А.) Михальцова». Крайня Свеженин, упоминаемый в межевой книге, — это Андрей Иванов сын, известный как послух в этих же местах в 20—30-х годах XVI в. (ОГКЭ, IV, № 1206; АСБВ, № 754 и др.). В конце XV в. впервые в актах упоминается Вакорин (Яков Васильев сын) — сын боярский великого князя на разъезде верхдубенских земель (АСВР, I, № 559). В 1528/29 г. в верхдубенских актах впервые появляется имя Соколовых — это Обляз Булгаков сын, послух в одной из местных сделок (ОГКЭ, IV, № 853). Упоминаемый в межевой книге Дмитрий Соколов известен в актах с начала 30-х годов XVI в.: в 1533/34 г. он — судья великого князя, разъездчик земель Троицкого Махрищского монастыря (там же, № 1200), в 1537/38 г. — послух в земельном акте в Марининой Слободе (там же, № 974).

¹⁷⁰ Согласно родословцам, Грязные — потомки князя Стефана Васильевича, «пришедшего» при Дмитрии Донском «из Судака, Манкупа и Кафы» (ВОИДР, стр. 89). И. Ю. Грязной — правнук Владимира Григорьевича Ховрина, боярина в. кн. Ивана Васильевича и внука родоначальника. Для характеристики общественного положения Ховриных-Грязных в первой половине XVI в. можно указать, что двоюродная сестра Ивана Юрьевича, Дарья, была замужем за Н. Р. Захаринным-Юрьевым, братом царицы Анастасии (там же, стр. 90). Отец Ивана Юрьевича, Юрий Дмитриевич, уже владел землями на р. Кунье: его земля Курюковская упомянута в деловой грамоте 1541/42 г. на село Богородское на р. Кунье (ОГКЭ, IV, № 950). Связи Ховриных с Переяславским уездом, может быть, гораздо старше: уже в 1458 г. боярин Владимир Григорьевич был послухом при одной из переяславских сделок митрополитичьего дома (однако нельзя сказать, в качестве ли местного землевладельца или боярина) (АФЭХ, I, № 126).

¹⁷¹ В 1510/11 г. при разъезде земель скрипицынской вотчины на р. Кунье упомянута «Турченинова земля» (ОГКЭ, IV, № 992). Смысл этого упоминания раскрывается в последующих актах: в 1518/19 г. в купчей грамоте,

городским как приданым своих жен — дочерей князя Оболенского-Щербатого, женатого на дочери Ф. А. Плещеева-Чешихи, родового вотчинника села Богородского.¹⁷² Таким же наследником старинных владельцев является и Богдан Мякишев, вотчинник дер. Вальцовой, приданого его матери, урожденной Скрипицыной.¹⁷³ Не исключена возможность, что вотчинник дер. Палино князь Ф. И. Ряполовский-Татев владеет ею тоже по наследству от бабки, Ульяны Зворыкиной.¹⁷⁴

Остальные соседи троицких вотчин известны в актах не ранее, чем с 1530-х годов. Наиболее значительным из них является Иван Михайлович Висковатый — выдающийся деятель правительства 50—60-х годов.¹⁷⁵ Согласно межевой книге, И. М. Висковатому принадлежит в Верхдубенском стану вотчина — село Титовское с деревнями, из которых в книге названы Смоленская Агафьина, Курьяново, Подолово, Баскаково, Лычанье (№№ 186, 187, 189, 190, 191). Село Титовское — на р. Дубне, немного выше устья р. Куньи — в начале XVI в. было вотчиной Скрипицыных Ивановых детей, разделившихся между 1505 и 1510/11 гг.¹⁷⁶ В состав вотчины, согласно деловой грамоте, входили также деревни Подоловская, Мякишевская, Тарасовская, Маминская и несколько

относящейся к тем же владениям, названа земля «Исупога» (АСБВ, № 521), а в 1525/26 г. послухом одного из актов Верхдубенского стана является Урак Исупов сын Турчанинов (ОГКЭ, IV, № 998). Таким образом, земли Исупа Турчанинова были на р. Кунье уже в самом начале века. Его сын — Урак и, возможно, также Жибрик и Казна, известные как помещики в 1536 г. Упомянутый в межевой книге Жибриков Иван представляет не менее чем третье поколение Турчаниновых — переяславских землевладельцев.

¹⁷² Село Богородское, часть огромных плещеевских вотчин, досталось Федору Чешихе по духовной его отца А. М. Плещеева (АСБР, I, № 562). В начале XVI в. эта вотчина была по половинам дана в приданое дочерям Федора — кн. Анастасии Оболенской-Щербатой и кн. Ирине Хованской, а затем посредством выкупа соединилась в руках первой из них (ОГКЭ, IV, №№ 994, 995). Раздел вотчины между зятьями княгини Оболенской произошел в 1541/42 г. (там же, № 950).

¹⁷³ В начале XVI в. дер. Вальцово входила в состав вотчины Скрипицыных-Балуевых на р. Кунье (сельцо Новое); в 1510/11 г. при разделе этой вотчины она досталась Анне, вдове Фомы Тарбея (ОГКЭ, IV, № 947). В начале 1536/37 г. зятем Анны назван Василий Александров сын Мякишев, отец Богдана, упоминаемого в межевой книге (АСБВ, № 775; ОГКЭ, IV, № 868). Ср.: ПКМГ, I, стр. 820.

¹⁷⁴ В 40-х годах XVI в. послухами в одном из переяславских актов являются ее «внучата» — трое князей Ряполовских-Татевых (ОГКЭ, IV, № 861).

¹⁷⁵ Общую характеристику И. М. Висковатого см.: И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958, стр. 257—261.

¹⁷⁶ Интересная деловая грамота Скрипицыных (ГКЭ, № 8817) в сокращенном виде издана С. А. Шумаковым (ОГКЭ, IV, № 946). В датировку грамоты, предложенную Шумаковым (1505—1533 гг.), можно внести уточнение, основываясь на том, что писавший грамоту Тарбей Скрипицын в 1510/11 г., по-видимому, уже умер: в деловой грамоте этого года (там же, № 947) фигурируют его жена и дети, а о нем самом ничего не говорится.

селищ. В 50-х годах, таким образом, в руках И. М. Висковатого оказался центр старинной вотчины детей боярских и некоторые из ее деревень. Но село на левом берегу Дубны — только часть новой вотчины этого «землей владеющего» дьяка. За Дубной, в Шуромском стану ему принадлежит бывшая вотчина Владимира Морозова — селцо Настасьино с деревнями. Другой дьяк, Федор Семенов, является одним из помещиков дер. Орефино.¹⁷⁷ Его «товарищ» по поместью, Ушак Раков, — возможный родич Третьяка Дубровина-Ракова, дворцового дьяка.¹⁷⁸

Помещик Григорий Ловчиков — будущий опричник.¹⁷⁹ Помещик села Ясакова Кузьма Морин принадлежит к довольно видному служилому роду, представители которого известны в XVI в. в нескольких уездах, в том числе и в Переяславском.¹⁸⁰ Михайловы Тимофеевы дети Андрей и Полуект известны как дворовые дети боярские по Переяславлю.¹⁸¹ Федор Волосатый, возможно, является родичем Андрея Волосатого — ямского дьяка, известного в 1510—1526 гг.¹⁸² Помещики братья Росоловы владеют селом Росоловым. Это село, бывшая черная земля, дано в поместье местным жителям, возведенным, таким образом, в ранг феодалов.

¹⁷⁷ ДРК, стр. 189, 213; ТК—ТД, стр. 115; ОГКЭ, IV, № 1452.

¹⁷⁸ Дьяк Третьяк Раков — см.: АСБВ, № 869; Н. П. Лихачев, Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888 (по указателю). Раковы известны в Тысячной книге и Тетради дворовой, но Ушак среди них не назван. Согласно «рописи сошных окладов» 1540-х годов, за Ушаком Раковым Константиновым сыном — поместье в Московском уезде, в Радонеже-Белях (АСБВ, № 899).

¹⁷⁹ В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного. Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960, стр. 46. — В Тетради дворовой он числится по Можайску, а его однофамилец и вероятный родич Григорий Пахов — по Дмитрову (ТК—ТД, стр. 185).

¹⁸⁰ Судя по родословцу, Морины — одна из боковых линий Плещеевых, происходящая от Феофана Бяконтова, брата митрополита Алексея и воеводы Александра Плещея. Иван Мора — сын Никиты Даниловича, внука Феофана (ВОИДР, стр. 98, 100). Однако этому противоречат данные актового материала, согласно которым Иван Мора — сын Дмитрия Кузьмина, которого родословец не упоминает. Этот Иван Мора в 1531/32 г. был на Рязани «в городе с наместником» (ДРК, стр. 88), а в 1542 г. «на докладе» одного частного акта у боярина кн. Ю. М. Булгакова (АСБВ, № 869). В Тетради дворовой названы, вероятно, сыновья его — Морины Ивановы дети Сила (по Переяславлю) и Кузьма (по Бежецку) (ТК—ТД, стр. 140, 203). К другой линии Моринных принадлежит, видимо, Юрий Афанасьев сын — тысячник III статьи по Переяславлю (там же, стр. 68). Этого же Юрия Афанасьевича можно видеть и в Тетради дворовой по Переяславлю как «Юрия Афанасьева Кузьмина» (там же, стр. 140). В Московском уезде в 40-х годах ему принадлежит село Репехово (АСБВ, № 899), а в Переяславском, по разбираемой межевой книге, — вотчина в Кинеле.

¹⁸¹ ТК—ТД, стр. 140. — Может быть, это дети дьяка Тимофея Федорова Михайлова, за подписью которого дана правая грамота Троицкому Махрищскому монастырю в 1534 г. (ОГКЭ, IV, № 1243); ср.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 121.

¹⁸² Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 57. — Волосатые известны в Переяславле в XVI в. (ОГКЭ, IV, №№ 989, 1089).

Последняя группа межеваний посвящена землям Кинельского стана. Как свидетельствует актовый материал, основным моментом аграрной истории Кинеля в XV—начале XVI в. является сильное развитие феодального землевладения (в виде монастырских и светских вотчин, а также княжих дворцовых сел) при сохранении значительного массива волостных земель (Площевская волость великого князя).¹⁸³ С 1497 г. в состав земель великого князя попадают села Тимофеевское, Микульское и Суровцево, принадлежавшие до того времени волоцким князьям.¹⁸⁴

Сопоставление данных межевой книги с актовым материалом свидетельствует об изменениях, происшедших в землевладении Кинельского стана за первые десятилетия XVI в. Они заключаются, в частности, в переходе бывших «земель великого князя» в руки светских феодалов — представителей крупных боярских и княжеских родов. Так, на месте Площевской волости появилась вотчина кн. М. В. Глинского. В боярскую вотчину превратилось село Суровцево. Это село в начале XV в. входило в состав огромных вотчин бояр Голтыевых; вдова Ф. Ф. Голтяя Мария завещала это село своему правнуку кн. Борису Васильевичу Волоцкому,¹⁸⁵ у детей которого его выменял в 1497 г. великий князь. Таким образом, на протяжении ста лет Суровцево несколько раз меняло свой статус: из боярской вотчины оно превратилось в собственность удельных князей, затем вошло в состав «земель великого князя» и, наконец, снова стало боярской вотчиной.

Материалы межевой книги позволяют наблюдать и факты превращения бывших феодальных вотчин в волостные земли. Так,

¹⁸³ Земли и люди Площевской волости упоминаются в ряде актов XV—начала XVI в. Известен разъезд площевских земель с монастырской вотчиной в 60-х годах (на отводе были «все площевичи») и несколько столкновений площевичей с монастырскими властями в 70—80-х годах (АСБР, I, №№ 328, 421, 422). Последнее известное упоминание о Площевской волости как о самостоятельной единице относится к 1517/18 г., когда Григорий Сназин, «княж Александров посельский Володимеровича Ростовского, во государя своего место князя Александра Володимеровича» и площевские крестьяне, с одной стороны, а власти Троицкого монастыря — с другой, «разъехали... землю великого князя Площевского села... с монастырскою землею» (АСБВ, № 512). В этом документе непонятно, в каком отношении к Площевской волости находится кн. А. В. Ростовский, который был в это время боярином (ДРВ, XX, стр. 10, 21), и почему Г. Сназин выступает в качестве его «посельского». Такая терминология может навести на мысль, что Площево находится во владении кн. Ростовского, который управляет селом через своего посельского, однако документ содержит ясные и неопровержимые доказательства, что и в это время Площево являлось черной «землей великого князя» — Площевское село названо «землей великого князя», разъезд наряду с княжим посельским делают двое мужей-площевичей: «великого князя христиане Площевского села» (в то время как монастырские крестьяне на разъезде только присутствуют); «христиане», присутствующие на разъезде, делятся на «великого князя христиан Площевского села» (в числе их двое из Ловчей волости) и «монастырских христиан».

¹⁸⁴ ДДГ, № 85.

¹⁸⁵ Там же, № 61.

троицкие владения граничат с землями Слотинской и Стоговской волостей. В XV в. этих волостей не было. Село Слотино, принадлежавшее до середины XV в. в. кн. Софье Витовтовне и завещанное ею в Троицкий монастырь,¹⁸⁶ по каким-то причинам в руки монастыря не попало (или было отчуждено монастырем) и в конце XV в. оказалось во владении частных лиц — Бурцевых.¹⁸⁷ Ближайшими соседями этого села были земли родовых местных вотчинников Стоговых.¹⁸⁸

Некоторые моменты образования Стоговской волости можно проследить по актам. В конце XV в. «окняжили землю круг Стоговского монастыря Боланда с товарищы; круг назвали великого князя земля, а налеве — Нестерова (Стогова, — Ю. А.) земля вотчина и его братаничев, Григория Кузмина сына Стогова».¹⁸⁹ Один из актов начала XVI в. разъясняет причины окняжения и дальнейшую судьбу окняженных земель: здесь устроен ям, к которому и отведена земля — частью монастырская Троицкого монастыря, частью (как видно из предыдущего акта) вотчинная. На окняженной земле появились ямщик Ондрейка и крестьяне («которые на том яму живут»), вероятно, так или иначе связанные с устройством, содержанием и деятельностью яма, и сразу же возникли столкновения между жителями новой «волости» и Троицким монастырем: «...тот ямщик и крестьяне отняли у них две деревни Троицкие земли: Карповскую да Фоминскии починок, попахали сильно, а пожни покосили, и сена свезли», жалуются монастырские власти.¹⁹⁰ Создалась картина, напоминающая многочисленные судебные процессы XV в. между монастырем и старыми волостями — Бармазовской, Мишутинской и др. Особенность данной ситуации в том, что «волость» (волостка) вокруг монастырька св. Николая возникла, так сказать, на наших глазах, и нам известны как ее сугубо утилитарное назначение (ямская служба), так и ее очень небольшие размеры: в разъезжей грамоте 1500-х годов идет речь о 30—96 десятинах пашни и о 30—400 копнах сена (хотя, может быть, это и не вся земля, тянущая к «волости св. Николая чудотворца»). Эта новорожденная волостка-карлик похожа на большие старинные волости, известные из актов XV в., только в одном, но в наиболее существенном отношении: над ней, как и над ними, нет «государя» — боярина или посельского старца; крестьяне волостки имеют возможность проявить гораздо больше самостоятельности и инициативы.

¹⁸⁶ Там же, № 57.

¹⁸⁷ В монастырских разъезжих конца XV—начала XVI в. Слотинская земля неизменно фигурирует как земля Бурцевых (АСБР, I, №№ 407, 551, 578; АСБВ, № 372).

¹⁸⁸ Стоговы — дети братьев Степана и Кузьмы — известны в кинельских актах с 70-х годов XV в. (АСБР, I, № 456 и др.).

¹⁸⁹ АСБР, I, № 578.

¹⁹⁰ ОГКЭ, IV, № 1205.

тивы, чем их соседи — жители феодальных вотчин, и сразу же используют эту возможность, пытаются расширить свои владения. История Стоговской и Слотинской волостей, как и села Суровцева, показывает, каким извилистым путем мог идти в реальной исторической действительности XV—XVI вв. процесс феодализации земли, насколько сложен и многозначен юридический термин «земля царя и великого князя» и сколь разнообразны явления можно наблюдать в рамках и на фоне общего процесса развития феодального землевладения.

Некоторые наблюдения можно сделать и над личным составом троицких соседей в Кинельском стану. Баскаковы, Зубовы, Катавасьевы, Клобуковы, Напольские, Обуховы¹⁹¹ — все эти фамилии местных вотчинников известны из актов XV в. Интересно происхождение Григория Ларина, вотчинника дер. Сосняговой. Он, вероятно, выходец из мелких княжих слуг-вотчинников.¹⁹² С начала XVI в. в поле зрения актового материала попадают Вантеевы, Гнездовы и Мантуровы.¹⁹³

Наряду с этим, межевая книга сообщает и имена, которые прежде в кинельских актах не встречались. Кн. Гага Ярославский¹⁹⁴ и боярин Яковль¹⁹⁵ (чьа вдова владеет селом Суровцевым) принадлежат к высшему слою московской аристократии первой половины XVI в. Сюда же относится и кн. М. В. Глинский — родной брат в. кн. Елены Васильевны, дядя царя Ивана. Выходец из родовых костромских вотчинников Алексей Адашев — один из главных деятелей правительства 50-х годов. Постник Губин — большой дьяк.¹⁹⁶ Один из немногих кинельских помещиков

¹⁹¹ Михаил Обух владел лугами на р. Молокче еще до середины XV в. (АСВР, I, № 242). Его сын Василий — судья великого князя на сместном суде 60—70-х годов в соседней с Кинелем Марининой Слободе (там же, № 340).

¹⁹² АСВР, I, № 521. — Интересно отметить, что по межевой книге сельцо Ларино принадлежит не Григорию, а Троицкому монастырю, которому оно досталось, видимо, недавно, так как в 1541/42 г. им владеют вотчинники Племянниковы (АСБВ, № 871). Здесь же рядом дер. Бессоньево, принадлежащая уже не потомкам Якуша Бессоньева, а известным местным вотчинникам Баскаковым.

¹⁹³ Григорьевы дети Вантеевы в 1504 г. присутствуют на разъезде кинельских земель (АСВР, № 656); Алексей Поспел Иванов сын Гнездов — «человек добрый сын боярский», послух и писец грамот в соседней Марининой Слободе в 1515—1525 гг. (АСБВ, №№ 485, 512; ОГКЭ, IV, № 1199); имя Мантуровых впервые упомянуто в 1509 г., когда Истома Леонтьев сын Мантуров был послухом при земельной сделке в соседней с Кинелем митропольчей волости (АФЭХ, I, № 131).

¹⁹⁴ Князь Василий Гага Андреевич Ярославский — внук кн. П. В. Шестунова, дворецкого в. кн. Ивана Васильевича (ВОИДР, стр. 56); в 40—50-х годах XVI в. он участвует во многих походах в качестве воеводы (ДРК, стр. 123, 130, 133, 143 и др.).

¹⁹⁵ Петр Яковль — выходец из рода Федора Кошки, сын Якова Захарыча, боярина и воеводы в. кн. Ивана Васильевича (ВОИДР, стр. 88) и сам боярин.

¹⁹⁶ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. (по указателю); ТК—ТД, стр. 115.

Петр Хлуднев принадлежит к боковой (и довольно захудалой) ветви боярского рода Кошкиных.¹⁹⁷ Таратины¹⁹⁸ и Ямщиковы¹⁹⁹ известны в актах с середины XVI в. В других уездах их имена не встречаются, что говорит, может быть, о их местном происхождении. Новым владельцем в Переяславском уезде является Устинов.²⁰⁰ Никаких сведений о Морхининых и Пескишовых в материалах обнаружить не удалось.

Таким образом, личный состав феодалов Кинельского стана за первую половину XVI в. изменился мало. Он обновлен и расширен главным образом за счет появления новых вотчинников из крупных бояр и видных правительственных деятелей. Вместе с тем в отдельных случаях старые родовые вотчинники выступают и как владельцы поместий. Развитие феодального землевладения в первой половине XVI в. происходило в Кинеле в условиях, близких к соседнему Верхдубенскому стану. Основное из этих условий — сильная степень феодализации уезда уже к началу XVI в.: господство светской и церковной вотчины и сравнительно небольшое количество «земель великого князя». Поэтому, естественно, что и результаты этого развития к концу 50-х годов в обоих станах были в общих чертах сходными. В Кинеле, как и в Верхдубенье, среди соседей Троицкого монастыря по межевой книге решительно преобладают вотчинники. Поместье широкого распространения не получило. Оно тесно — персонально и географически — связано с вотчиной (рис. 4).

Ознакомление с материалами межевой книги приводит к выводу, что за первую половину XVI в. в истории аграрных отношений Переяславского уезда произошли заметные перемены. Сущность этих перемен заключается прежде всего в сокращении количества черных земель.

Только на пограничной с троицкими вотчинами полосе бывших черных волостных земель разместилось 20 феодальных владений, в состав которых входят 11 сел и селец и 56 деревень и пустошей. Из этих владений 12 являются поместьями, 8 — вот-

¹⁹⁷ Иван Хлуден — сын Александра Елки, второго сына А. И. Кобылина, родоначальника Кошкиных (ВОИДР, стр. 87). Потомки Ивана Хлуденя в XV в. в Переяславском уезде не встречаются, но по Тетради дворовой пятеро Хлудневых служат с Переяславля (кроме того, трое — с Бежецкого верха, один — с Вязьмы и один — с Волока) (ТК—ТД, стр. 139, 177, 189, 204).

¹⁹⁸ Таратины Иван Михайлов и сын его Иванец — дворовые дети боярские по Переяславлю (ТК—ТД, стр. 140). На карте XIX в. сохранилось название дер. Таратиной.

¹⁹⁹ Деревня Федора Ямщикова упоминается в деловой грамоте на сельцо Ларино 1541/42 г. (АСБВ, № 871).

²⁰⁰ Алексей Устинов купил дер. Нероново в 1550/51 г., а в 1563/64 г. променял ее Козловым (ОГКЭ, IV, №№ 1008 и 1132).

чинами. Две вотчины являются, по-видимому, старыми владениями, существовавшими в начале века (Симонова монастыря и Софонтьевых). Время появления вотчины Никитского монастыря установить не удалось. Вотчины кн. Гаги Ярославского и боярина Яковля образованы на сильно окняженных, вероятно, дворцовых землях сел Тимофеевского и Суровцева. Вотчина кн. М. В. Глинского носит характер исключительного пожалования.

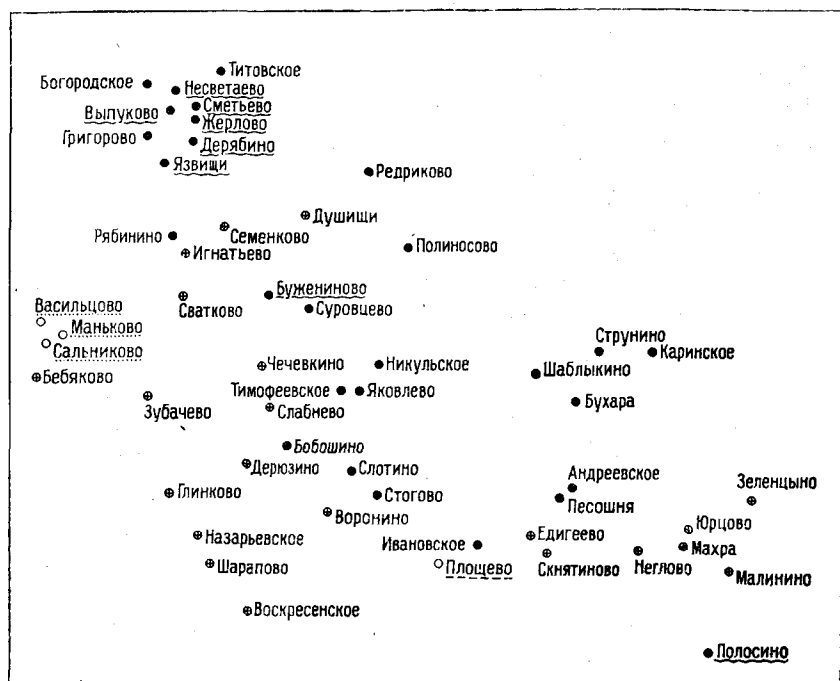

Рис. 4. Кинель и Верхдубенье в 1500—1550-х годах.

Две вотчины принадлежат монастырям, одна — ближайшему родичу царя, две — крупным боярам, две — представителям видной служилой фамилии (Писемские), одна — рядовому служилому человеку (Софонтьев). Четыре вотчины (кн. Глинского, кн. Гаги, Яковля и Никитского монастыря) можно отнести к крупным, остальные (Симонова монастыря, Писемских и Софонтьева) — к средним и мелким феодальным владениям. Создается впечатление, что черные земли даются в вотчину преимущественно представителям верхов феодального государства и монастырям. Образование на черной земле вотчины рядового служилого человека, по-видимому, в первой половине XVI в. для Переяславского

уезда нетипично. В поместном владении в пограничной полосе на бывших черных землях находятся 6 сел и селец и 29 деревень и пустошей. Из 15 помещиков на бывших черных землях один (Б. С. Замытский) принадлежит к боярскому роду, один (кн. Т. И. Козловский) — к захудалому княжескому, трое помещиков — Клобуков, Семенов и Раков — из дьяков, остальные 10 — рядовые служилые люди. В размерах поместий можно наблюдать относительно большее единообразие, чем в размерах вотчин. Неизвестно случая превращения какого-либо крупного куска волостной территории в одно поместье. Если Площевская волость целиком пожалована в вотчину кн. Глинскому, то только на части территории Бармазовской волости образованы по крайней мере пять поместий, а на части Гавинской волости — три. Таким образом, в раздаче черных земель в поместье можно наблюдать как будто больше однородности и систематичности, чем в пожаловании их в вотчину. Следует обратить внимание, что в поместную раздачу поступают земли главным образом в тех районах, где прежде господствовала черная волость. Из 12 поместий 10 расположены на бывших черных землях Бармазовской, Гавинской и Мишутинской волостей и только два — на землях Верхдубенского стана, в котором феодальное землевладение развивалось давно. В то же время из 8 вотчин три наиболее крупные — в районах старого феодального землевладения и только две новые вотчины (Писемских) — на бывших черных землях Мишутинской волости.

Как свидетельствуют материалы межевой книги, основной момент в истории переяславских волостных земель в первой половине XVI в. — это массовая передача их в поместное и вотчинное владение. Из пяти волостей, известных в изучаемом районе по источникам до начала XVI в., Гавинская потеряла значительную часть своих земель, а Бармазовская и Площевская полностью прекратили свое существование. Возможно, исчезла и Мишутинская волость, о которой больше не упоминается. Хотя на территории уезда волостные земли еще сохранились (Заборская, Гавинская и Нутская волости, известные из старого материала, а также вновь упоминаемые волости Енотская и Ясеновская). удельный вес черных земель в общем балансе землевладения не мог не понизиться в значительных размерах. Дело, однако, не только в уменьшении количества «земель царя и великого князя». Как показывают приведенные материалы, термин «земля царя и великого князя» покрывает различные исторические явления: волостные земли, сохраняющие черты волостной организации (что особенно характерно для XV в. — Бармазово, Мишутино и др.), бывшие феодальные владения, тем или иным путем потерявшие своего владельца (Слотино и др.), земли служебного назначения (Стоговская «волость»).

«Черная волость» в собственном смысле слова является, таким образом, в изучаемое время одной из разновидностей «земель

царя и великого князя». Как показывает наряду с другими материалами и межевая книга, общая тенденция аграрной истории заключается в сокращении количества черных земель. И на р. Нерли, и на р. Дубне, и на р. Молокче виден процесс превращения черных волостей в феодальные поместья и вотчины. Описывание на «царя и великого князя» бывших вотчинных земель — другая сторона этого же процесса. Земли, попадающие тем или иным путем в руки «царя и великого князя», в XVI в. уже не волостные в прежнем значении этого слова. Сближает их со старыми волостями основной момент в социальной характеристике — отсутствие частного собственника-феодала с его аппаратом (что делает в принципе возможным существование на этих землях тех или иных элементов волостной организации). Однако правительство XVI в. склонно рассматривать такие земли прежде всего как фонд для испомещения своих служилых людей и для других потребностей. Термин «земля царя и великого князя» постепенно наполняется в центральном уезде, районе интенсивной феодализации, новым содержанием; по мере исчезновения старой волости «земля царя и великого князя» все в большей степени превращается в совокупность дворцовых сел и конфискованных вотчин, ждущих раздачи новым владельцам. Материалы межевой книги говорят, таким образом, об упадке черной волости. Об этом упадке свидетельствует, кроме приведенных фактических данных, между прочим, и такая многозначительная фраза: «А царя и великого князя от Бунина пустоши и от иных пустошей, что пришли к троецкой земле, троецкая земля не межевана, потому что тем пустошем старожильцев нет и межу указать некому» (межевание № 182а).

Существенные изменения можно наблюдать и в личном составе феодалов-землевладельцев. В межевой книге упомянуто 42 фамилии помещиков и 48 фамилий вотчинников (персонально 53 помещика и 80 вотчинников). 24 фамилии (49 лиц) вотчинников и 16 фамилий (22 лица) помещиков известны на переяславских землях ранее 1530 г. Принятие такого хронологического рубежа обусловлено соображениями двоякого рода. Во-первых, время 30—50-х годов составляет определенную эпоху в политической истории Русского государства. С другой стороны, период почти в 30 лет, отделяющий избранный хронологический рубеж от даты составления межевой книги, является отрезком времени достаточно крупным (временем активной деятельности одного поколения) для того, чтобы заметно отразиться в наших основных источниках о личном составе феодалов — монастырских актах. Устанавливая деление землевладельцев межевой книги на «старых» и «новых», необходимо иметь в виду всю условность этого деления. Если в группу «старых» землевладельцев действительно не может просочиться ни один из тех, кого не было в Переяславском уезде ранее 1530 г., то в группе так называемых «новых»

феодалов вполне вероятно могут оказаться лица, имевшие землю здесь раньше 1530 г., но почему-либо не попавшие на страницы источников. Причина такого явления заключается в особенностях коллекции монастырских актов, в которых имена светских вотчинников и помещиков отражаются только в зависимости от их связей с монастырем.

«Старых» землевладельцев в конце 50-х годов больше, чем «новых», это говорит о том, что личный состав феодалов меняется медленно. Около половины от общего числа землевладельцев составляют помещики. Однако хронологически и географически соотношение между обеими формами феодального землевладения далеко не равномерно. В «старой» группе землевладельцев вотчинники решительно преобладают над помещиками; в «новой» группе соотношение благоприятнее для помещиков. Это говорит о том, что роль поместья в общем балансе феодального землевладения возрастает.

В уезде середины XVI в. можно наблюдать районы с разной структурой землевладения, отражающей определенный этап в развитии феодальных отношений. В станах старофеодального типа (Кинель, Верхдубень), где господствует феодальная вотчина, вытеснившая черную волость уже к XV в., существенных изменений в характере землевладения и в составе землевладельцев за первую половину XVI в. не произошло. Напротив того, в тех районах уезда, где феодальные отношения в XV в. были недоразвиты и преобладала волостная крестьянская община, в первой половине XVI в. произошли крупные перемены: именно здесь можно проследить новый этап развития феодальных отношений — рост поместной системы. Бывшие вотчинные земли являются в первой половине XVI в. второстепенным источником для роста поместного землевладения в Переяславском уезде. Важным моментом в характеристике личного состава феодалов является сочетание вотчинника и помещика в одном лице: представители семи старых переяславских вотчинных родов²⁰¹ владеют в уезде и вотчинами и поместьями. Поместья этих лиц расположены, как правило, в непосредственной близости от родовых вотчин и служат, таким образом, своего рода дополнением к ним. Среди помещиков преобладают мелкие феодалы — дети боярские: из 42 фамилий помещиков к «аристократическим» можно отнести только одну (Замытские), тогда как из 48 вотчинных фамилий 11 являются боярскими и окольными.

В истории феодального землевладения первой половины XVI в. можно проследить два основных момента: возобновление интенсивного роста монастырских вотчин, особенно начиная с 20-х годов;

²⁰¹ Баскаковы, Замытские, Клобуковы, Напольские, Редриковы, Скрипичины, Собакины.

появление и быстрое развитие новой формы светского феодального землевладения — поместья. В руки монастырей поступают по куплям и вкладам многочисленные вотчины крупных и мелких феодалов, а также черные земли, жалуемые правительством. В свою очередь светское феодальное землевладение растет за счет экспроприации черных земель, попадающих в руки феодалов главным образом в форме поместий.

Если в XIV—начале XV в. земли черных волостей использовались как база для создания крупных боярских вотчин, то теперь на этих землях развивается поместное землевладение мелких феодалов — детей боярских великого князя. Включение черных земель в орбиту феодального землевладения объективно способствует усилению мобилизации феодальной земельной собственности. Родовая вотчина перестает быть единственной базой служилого феодала: он может рассчитывать на пополнение своего земельного богатства за счет черной волости. С другой стороны, монастырь, выдержав борьбу с нестяжателями, остается самым богатым, сильным и влиятельным феодалом при полной поддержке правительства; стремление заручиться его поддержкой (в материальном и моральном отношении) является главным стимулом для многочисленных земельных и денежных вкладов со стороны светских вотчинников.

Таким образом, оба прослеживаемые момента оказываются связанными между собой: они отражают разные стороны одного и того же процесса — процесса роста феодального землевладения за счет черных земель. Дальнейшее наступление феодалов на крестьянскую черную волость — вот в чем, по-видимому, основное содержание аграрной истории среднерусского уезда первой половины XVI в.

Часть II

Глава I

СУДЬБЫ ЧЕРНОЙ ВОЛОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Наиболее интересные сведения о переяславской черной волости второй половины XVI в. сохранились в составе правой грамоты 1618 г. властям Троицкого Сергиева монастыря,¹ честь открытия, опубликования и комментирования которой принадлежит В. И. Корецкому.² Эта правая грамота воспроизводит текст документов, посвященных тяжбе властей монастыря с крестьянами Аргуновской волости о двух деревнях лесных сторожей Омутище и Крутцах на левом (переславском) берегу р. Клязьмы. Ход самого судебного спора монастыря с крестьянами рассмотрен В. И. Корецким весьма подробно. Следует только добавить, что этот спор не закончился приговором 14 ноября 1585 г., воспроизведенным в правой грамоте 1618 г., а продолжался и в последующие годы, что также отражено в архиве Троицкого монастыря.³

Борьба черной волости за свои земли — факт весьма интересный в силу своей типичности. Однако главное значение правой грамоты 1618 г. для изучения истории черной волости заключается в том, что в судебном деле 1584—1585 гг. сохранились некоторые ценные документы, уникальные по своему характеру. Наиболее важным из этих документов является сотная Аргуновской волости писцов Богдана Васильевича Заболотского и подьячего Ермолая Петрова.⁴ Содержание этого единственного в своем роде документа заслуживает пристального внимания.

Сведения, сообщаемые сотной об Аргуновской волости, относятся к трем хронологическим слоям. Наиболее ранние сведения

¹ ГБЛ, ф. 303, № 848.

² В. И. Корецкий. Правая грамота от 30 ноября 1618 г. Троицкому Сергиеву монастырю. «Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 21, М., 1959, стр. 173—217.

³ АСБВ, №№ 1818, 1819.

⁴ Время составления сотной установить трудно. В. И. Корецкий считает таким временем промежуток между 1578/79 и 1584 гг. (В. И. Корецкий. Правая грамота..., стр. 193).

относятся ко времени до отмены кормлений, т. е. приблизительно до конца 50-х годов. Вторая группа сведений отражает изменения, происшедшие после замены кормлений «выкупом за волостелин корм» и относится к концу 50-х годов. Третья группа — новейшая история волости, т. е. 60—70-е годы. Ввиду такой своей конструкции сотная Аргуновской волости приобретает значение ретроспективного документа и может быть использована для ознакомления с историей волости на протяжении нескольких десятков лет.

Согласно сотной, в состав Аргуновской волости входит 26 деревень, 159 дворов пашенных, 2 непашенных и 4 пустых, 163 крестьянина, 1125 четвертей пашни худой земли в поле, 3080 копен сена. Все эти деревни расположены в Аргуновском и Марковском лесах; часть волости выходит за пределы Переяславского уезда и лежит на территории соседнего Владимирского.

Как видно из итоговых цифр сотной, деревни Аргуновской волости имеют довольно крупные размеры: на каждую деревню приходится в среднем по 6 дворов и по 45 четвертей пашни. Размеры волостных деревень, таким образом, значительно выросли по сравнению с концом XV—началом XVI в., когда были типичны одно-, двудворные поселения.

Весьма интересно, что сотная показывает некоторые моменты процесса роста деревень. Так, во время предыдущего описания в Марковском лесу была одна бортная дер. Марково, а теперь деревня «расставилась» (образовала новые, отпочковавшиеся от нее поселения) и рядом с ней появилась еще одна дер. Дубровка и четыре починка. К моменту нового описания все эти поселения имели уже достаточно крупные размеры: в них было 38 дворов с 38 людьми, 360 четвертей пашни в поле, 880 копен сена. Крупные деревни, видимо, вообще характерны для второй половины XVI в. В дер. Омутище — 12 дворов с 13 человеками, в дер. Крутцы — 10 дворов с 11 человеками.

Как видно из итоговых данных, в среднем на двор в волости приходилось 7—8 четвертей пашни в поле, а в бортных деревнях — даже по 9½ четвертей. Эти цифры мало чем отличаются от нормальных размеров пашни XV в. — 10 четвертей в поле на двор-деревню, хотя и обнаруживают тенденцию к уменьшению. Но, по-видимому, распределение пашни между деревнями было далеко не равномерным: в деревнях лесных сторожей Омутище и Крутцы на двор приходится едва по 2 четверти (если это не описка документа, дошедшего до нас через десятки переписчиков). На каждый двор приходится в среднем около 20 копен сена. Здесь опять эти деревни оказываются в весьма невыгодном положении — на двор всего 4—5 копен.

Таким образом, если судить по Аргуновской волости, во второй половине XVI в. на смену двору-деревне XV в. приходит крупный поселок. Сам по себе факт этот не мог не оказать влия-

ния на организацию и структуру волости и на взаимоотношения ее членов. К сожалению, наш документ почти ничего не говорит о том, что представляла собой такая многодворная деревня как хозяйственная и административная единица. Но некоторые ценные сведения все же из сотной можно почерпнуть.

Наиболее интересным представляется тот факт, что деревни Аргуновской волости не знали вытной раскладки: «Хто больши пашет, тот больши и тягла платит по розчету».⁵ Таким образом, вместо деления на равные доли-выти как единицы податного обложения в феодальных селах и деревнях у крестьян аргуновской деревни был свой «розчет» повинностей в зависимости от конкретных размеров пашни. Отсюда напрашивается вывод, что внутри деревни не существовало равенства крестьянских участков: она состояла из крестьянских владений разной величины и размеры пашни на крестьянский двор были неодинаковы. Многодворная аргуновская деревня напоминает деревню, состоящую из крестьянских складнических долей («вытей») и купель разной величины, о которой трактует Судебник 1589 г. (Краткая редакция — ст. 18, 19, Пространная — ст. 159). Податной единицей была волость или ее подразделение — группа деревень (бортные деревни в Марковском лесу). Тягло накладывалось на эту единицу в целом, а далее шли уже крестьянские «розчеты», не отражавшиеся в правительственных документах и предполагающие наличие соответствующей достаточно авторитетной волостной крестьянской организации.

Что же представляет собой Аргуновская волость в целом? Каков ее административно-правовой статус? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать сведения сотной о повинностях аргуновских крестьян (табл. 2).

Эти повинности (до отмены кормлений) делятся на три основные группы: оброк за ямские деньги, посошные деньги и ямчужное дело; оброк (денежный и натуральный) за рыбные ловли, бобровые гоны и бортные ухажай; платежи княжеской администрации. Природа первой группы повинностей не вызывает сомнений. Это — основные государственные прямые налоги, платящиеся в той или иной форме всеми непривилегированными людьми. Неясно только, почему в составе этих платежей нет упоминания о дани. Вторая группа платежей связана с эксплуатацией угодий и со спецификой лесной волости. Эти платежи собственно и можно назвать оброком, почему и деревни Аргуновской волости сотная называет «оброчными». С медвяным оброком свя-

⁵ Текст сотной не дает оснований для трижды повторенного утверждения В. И. Корещкого, что в 50-х годах в Аргуновской волости было 70 вытей (В. И. Корещкий. Правая грамота..., стр. 195—196). Напротив, в тексте сотной повсюду подчеркивается, что выти введены «ныне», т. е. при описании Б. В. Заболотского, которое сам В. И. Корещкий датирует концом 70—началом 80-х годов.

Таблица 2

Объект	Число дере- вень	Число дворов	Сохи Четверги	Ямские деньги и пр.	Рыбные ловли	Медвяный оброк	Волостаю
Марково Ершок.	?	?	$\frac{1\frac{1}{2}}{?}$	2 р. 10 $\frac{1}{2}$ а. 1 $\frac{1}{2}$ д.	25 а.; 50 пластей язевых.	1) 2 $\frac{1}{2}$ пуда. 2) Ключнику с пу- да 8 д. = 1 гривна. 3) Поминки 5 а. 1 д. 4) От отписи 3 д. с пуда.	1) На три праздни- ка 24 а. 2 д. 2) Везжего кор- му: хлеб, лыт- ка мяса, четь овса, острамок сена. 3) Тиуну: на три праздника 2 а. 4) Праведчику и доводчику 9 д.
Бортные в Мар- ковском лесу.	6	38	$\frac{1\frac{1}{2}}{360}$	4 р. 21 а. 1 $\frac{1}{2}$ д.	1 $\frac{1}{2}$ р.; 100 пла- стей язевых.	1) 4 $\frac{1}{4}$ пуда. 2) Ключнику 5 а. 4 д. 3) Поминки и от отписи 10 а. 3 д.	Всего деньгами за хлеб, и за мясо, и за овес, и за сено волостелю и с его пошлин- ники 31 а. 5 д.
Все деревни и по- чинки помеще- ные, бортные и оброчные, оп- ричь охотничьих деревень и мо- настырских и отхожих нашен.	26	159 + 2 непа- шенных.	$\frac{?}{1125}$	13 р. 26 а. 1 $\frac{1}{2}$ д.; ме- ду 13 пудов 91 $\frac{1}{2}$ гривенок, кла- дено по 2 пуда за рубль.	5 р. 29 а. 1 д.; кладен мед по 2 пуда за рубль, а пласть язевая по 2 д.	1) 5 $\frac{1}{2}$ пудов. 2) Пошани 5 а. 4 д. 3) Поминки и от отписи 10 $\frac{1}{2}$ а.	Все платежи 6 р. 9 а. 5 д.

заны генетически платежи владимирскому ключнику — пошлыны с каждого пуда меда, поминки и «от отписи». Третья группа платежей это волостелин корм — плата волостелю и его аппарату.

Эти платежи аргуновских крестьян 50-х годов XVI в. можно сравнить с повинностями крестьян Буйгородского села Волоцкого уезда, известными по сотной 1543/44 г., т. е. относящимися примерно к этому же времени (табл. 3).⁶

Повинности буйгородских крестьян состоят также из трех групп: пашня десятин на великого князя в селах; оброк за дань и посошный корм; оброк за мелкий доход. Вторая группа повинностей буйгородских крестьян соответствует тяглу аргуновских — это основные государственные налоги. Остальные повинности и характер их взимания в обеих волостях резко различны. Повинности буйгородских крестьян носят ярко выраженный владельческий характер. Это платежи феодально зависимых крестьян своему владельцу («государю»). Особенно показательна в этом смысле барщина — «десятины», которые буйгородцы пашут в селе повьотно, а то и взгоном — совсем как в монастырских или митрополичьих селах. Зато буйгородцы не знают никаких платежей волостелю. Это и понятно — ими управляют приказчик и ключник, которые тут же держат свои деревни и дворы на оброке. Волостелю и его тиунам въезд в это феодальное владельческое село великого князя, конечно, запрещен.

Денежные платежи аргуновцев с единицы пашни в два с лишним раза выше, чем у буйгородцев: с четверти пашни аргуновцы платят около 6 денег, буйгородцы — около 2½ денег. Удельный вес отдельных платежей в обеих волостях также различен. Государственные налоги составляют в Аргуновской волости более 40% суммы всех платежей, в Буйгороде — 18—20%. Основной денежный платеж буйгородцев — «мелкий доход». Природа этого платежа чисто владельческая: это коммутация продуктовой ренты.

Таким образом, в середине XVI в. можно проследить существенные отличия между черной волостью и селом великого князя — его феодальной собственностью: в отличие от владельческого (дворцового) Буйгородского села Аргуновская волость — это крестьянская община, подчиненная в административно-правовом отношении великокняжеской администрации.

При ознакомлении с волостью XV в. нами было обращено внимание на неоднородность ее состава. В волости второй половины XVI в. эта неоднородность выражена достаточно четко. На территории Аргуновской волости расположены деревни оброчные, бортные, охотничьи, лесных сторожей, поместные и монастырские. Первичная основа волости — это собственно волостные («оброчные») и бортные деревни. Судя по сотной, их 18. Вторую

⁶ АФЭХ, II, № 178.

группу деревень составляют деревни лесных сторожей и охотников. Сотная грамота их не перечисляет. О деревнях лесных сторожей известно, что они ставятся по приказу дворцовой администрации «для государевых лесов бережения». Живущие в них лесные сторожа хотя и относятся, по-видимому, к волости (их земли волость считает своими), но занимают в ней особое положение — они не платят оброка, т. е. не участвуют в волостном «розчете» тягла. Так в силу распоряжения дворцовой администрации на территории волости появляется новый элемент, только частично связанный с волостью. Еще меньше, по-видимому, связаны с волостью охотничьи деревни, расположенные на волостной территории. Сотная о их наличии упоминает, но не сообщает сведений о них. Происхождение охотничьих деревень, как и деревень лесных сторожей, связано с Дворцом: появление этих деревень отражает растущую зависимость волости от Дворца.

Инородные элементы, появляющиеся в составе волости, являются источником ее слабости и распада. Известное нам судное дело 1584 г., в составе которого дошла до нас сотная Аргуновской волости, было вызвано спором волости с соседом-феодалом (Троицкий Сергиев монастырь) о двух деревнях лесных сторожей. По словам волостных людей, эти сторожа, жившие в своих деревнях на волостной территории, «заложились» с землей за монастырь. Независимо от того, насколько справедливы в данном случае обвинения волости в адрес сторожей, сам факт предъявления таких обвинений имеет большое значение для исследования вопроса о путях утраты волостью ее земель. Как и в XV в., отдельные члены волости самовольно распоряжаются своей землей, выводя ее из волости и передавая в руки феодала. Такими людьми оказываются как раз те члены волости, которые занимают в ней особое положение — те инородные элементы, которые образованы здесь дворцовой администрацией. Таким образом, ослабление волостной организации — сужение ее функций за счет выделения части волостных людей и земель в интересах Дворца — может иметь своим следствием непосредственное расхищение волостных земель феодалами. Приговор боярина и дворецкого Г. В. Годунова оставляет спорные земли за монастырем. Вероятно, это один из тех актов, благодаря которым на территории волости появляются «монастырские деревни», упоминаемые в сотной. Сотная говорит о наличии этих деревень, но не сообщает о них никаких сведений — попав в руки монастыря, они уже порвали с волостью.

Весьма важно, что в числе 26 аргуновских деревень сотная называет 8 поместных. Эти деревни, таким образом, оставались в составе волости и, как свидетельствует сотная, вместе с другими волостными деревнями тянули тягло. Основные их отличия от крестьянских волостных деревень в податном отношении — освобождение от плат волостелю и его людям. Вместо этого они

платят «доходы» помещикам — с 8 деревень 8 руб. 6½ денег. Таким образом, не порывая пока (50-е годы) с волостной организацией, эти деревни приобретают новое качество — превращаются в феодальное владение. Образование поместных деревень на территории волости — результат прямого распоряжения царя как главы государства землями и людьми волости.

Таким образом, Аргуновская волость еще до отмены кормлений представляет собой сложный конгломерат разнородных деревень на фоне волостной крестьянской первоосновы. Сама эта разнородность отражает факт нарастающей феодализации черной волости, а различие статусов владений иллюстрирует отдельные формы и этапы феодализации.

Одним из основных факторов, определивших судьбу Аргуновской волости в последующие десятилетия, было включение ее в состав опричных земель. В период опричнины, видимо, широких земельных раздач на территории Аргуновской волости не производилось и территория волости заметно не уменьшилась. Однако именно в этот период с конца 50-х и до начала 80-х годов (т. е. в канун опричнины, во время ее и после ее отмены) значительно увеличиваются платежи крестьян и одновременно с этим нарастает зависимость волости от дворцовой администрации.

Отмена кормлений в конце 50-х годов привела к изменению в платежах аргуновских крестьян. До отмены кормлений с 18 деревень «давали крестьяне властелем и их пошлинником корму въезжего» на сумму 6 руб. 10 алтын без деньги. «Откуп после отставления кормленщиков» составил с тех же деревень 34 руб. 29 алтын 2 деньги («а откупу пред волостелиным кормом порядили да пересуд 28 рублей 19 алтын 3 денег», замечают составители сотной).⁷ Хотя точные расчеты едва ли оправданы состоянием документа — в нем могут быть ошибки и описки, — основной

⁷ Как понимать этот текст? Если следовать ему буквально, то получается, что с введением волостелиного откупа общая сумма платежей увеличилась почти вдвое — с 32 руб. 7 алтын 8½ денег на 28 руб. 19 алтын 3 деньги и превысила, таким образом, 60 руб. (этого расчета в сотной нет). Другое понимание разбираемого текста предложил В. И. Корецкий. Он считает, что в сумму волостелиного откупа вошли и все другие доходы с аргуновских земель (В. И. Корецкий. Правая грамота..., стр. 195—196). В тексте документа на это нет прямых указаний. Во всех известных земских уставных грамотах откуп также заменяет только платежи наместникам и волостелям, но не государственные налоги. Однако разбираемый документ оправдывает предположение В. И. Корецкого: 1) в нем приводится итог: «и обоего, что государю давали крестьяне с бортных и с оброчных деревень откупу за волостелины доходы и что поместных деревень крестьяне давали помещикам — 42 руб. 30 алтын 2½ деньги»; 2) говоря далее о введении вытной раскладки, документ указывает, что «прибудет государю доходов 26 руб. 20 алтын 4½ деньги»; тут же указана и сумма новых доходов: 60 руб. 17 алтын 5 денег. Сделав расчет по вытям, убеждаемся, что в итоге ошибка: следует не 60 руб., а 69 руб. Но 42 руб. 30 алтын 2½ деньги старых доходов вместе с 26 руб. 20 алтынами 4½ деньгами «прибыли» и составляют 69 руб. 17 алтын 5 денег.

факт, по-видимому, заключается в том, что с введением волостелиного откупа сумма крестьянских платежей возросла.

Наиболее чувствительной для крестьян реформой было введение обязательной вытной раскладки, что произошло, по-видимому, уже в период опричнины. Введение вытей сотная отмечает повсюду. Так, бортная дер. Марково Ершок, которая к тому времени «расставилась», была вся положена в 10 вытей, а все бортные деревни в Марковом лесу — в 18 вытей. По письму и мере Б. С. Заболотского и подьячего Е. Петрова вся Аргуновская волость положена в $55\frac{2}{3}$ вытей, а в сошном письме составила соху без чети и пол полтрети сохи. Все денежные доходы теперь исчисляются по вытям, по $1\frac{1}{4}$ руб. с выти «за все», т. е. прежние разнообразные платежи заменяются единым налогом. При этом общая сумма платежей должна была повыситься примерно до $69\frac{1}{2}$ руб.

Дело, однако, не только в увеличении платежей. Сам факт введения царской администрацией вытной раскладки означает значительную перестройку внутриволостных отношений и является заметным шагом в сторону подчинения волости Дворцу. С введением правительственных вытей прежний самостоятельный крестьянский «розчет», исходивший из неравенства крестьянских участков, заменялся принудительной вытной раскладкой. Строгая фиксация размеров повинностей с каждой выти изменяла также роль крестьянской волостной организации, усиливая ее фискальные функции, и отражала усиление вмешательства дворцовой администрации во внутренние дела волости.

Третья и последняя реформа — замена денежных платежей лесным оброком (5583 бревна со всех вытей).⁸

Усиление вмешательства Дворца в дела волости не ограничилось, однако, введением вытной раскладки. Именно к годам опричнины (или непосредственно после ее отмены) относятся те распоряжения о выделении части территории и людей волости «для государевых лесов бережения», которые и дали толчок к тяжбе с Троицким Сергиевым монастырем.

В начале 80-х годов на территории волостной земли существовали и поместья: межевальная 1584 г. упоминает «великого князя поместную землю Темира Корзина» и «землю государеву поместья Семенки Мячкова».

Таким образом, насколько можно судить по нашим данным, влияние опричнины на судьбы Аргуновской волости было двойное. С одной стороны, опричные власти, по-видимому, препятствовали расхищению аргуновских земель и людей соседями-феодалами, в частности монастырем, с другой стороны — именно на период

⁸ В. И. Корецкий справедливо видит в этом отражение тяжелого хозяйственного состояния страны в ближайшие после опричнины годы (В. И. Корецкий. Правая грамота... стр. 196).

опричины падает усиление контроля царской администрации над волостью и сужение прерогатив волостного мира. Тем не менее волость и в 80-х годах существенно отличается от дворянских сел.

Материалы, связанные с Аргуновской волостью, дают некоторую возможность составить представление об окружении волости — ее ближайших соседях. Для нашей темы особенно важны указания на волости, граничившие с Аргуновской или близко расположенные от нее. Список таких волостей для начала XVI в. можно составить на основании разъездных грамот. В 1514 г. земли Аргуновской волости и Троицкого Сергиева монастыря разъезжал Д. Поливанов. На этом разъезде присутствуют 18 крестьян: 7 Троицкого Сергиева монастыря и 11 великого князя. В их числе представители пяти волостей — Артемьевской, Вохонской, Гулятинской, Кинельской и Марининской (по одному от каждой). Присутствие на разъезде представителей этих волостей объясняется, по-видимому, тем, что их земли граничили друг с другом. В разъездной грамоте 1514 г. не упомянуто ни одного вотчинного или помещичьего крестьянина.⁹

Через 73 года на разъезде 1587 г. мы также видим крестьян — представителей соседних или близко расположенных Дубровской, Крисинской, Жегаловской и Сенежской волостей. Кто такие эти крестьяне? Дубровская волость названа в разъезде дворянской. 12 ее крестьян, присутствующих на разъезде, возглавляются воскресенским попом. Жегаловскую волость представляют на разъезде два крестьянина помещика И. Басаргина. Лучшее представлено на разъезде Крисинская волость. Ее представители распределяются следующим образом: от владения «нововыезжих панов Миколая Свинарского с товарищи» — 11 крестьян; от владения С. Г. Дмитриева — 10 крестьян; от поместья Ф. Опочинина — поп и 5 крестьян; от владения Т. Хомякова — приказчик и 3 крестьянина. От Сенежской волости на разъезде — 4 крестьянина Елизария Бункова.¹⁰

Таким образом, из 50 человек, присутствующих на разъезде и естественно представляющих ближайших соседей Аргуновской волости, мы не видим ни одного черного крестьянина. Названия волостей еще сохранились, сохранились, вероятно, и их границы, но сами волости, как таковые, превратились в совокупность феодальных владений, а их крестьяне из «крестьян великого князя» в крестьян такого-то помещика или вотчинника. В этом — основное различие двух разъездных грамот начала и конца XVI в. Если на разъезде начала века основной фигурой был «крестьянин великого князя» — представитель своей волости, то на разъезде

⁹ АСБВ, № 469.

¹⁰ Там же, № 1819. — Сотная Аргуновской волости называет имя еще одного сенежского помещика — Замятни Бундова.

конца века этого крестьянина уже вообще нет — он уступил место крестьянину владельческому. Этот факт отражает глубокие изменения, происшедшие в судьбах черной волости на протяжении XVI в. Суть этих изменений — массовое превращение волостных земель в феодальные вотчины и поместья.

Для оценки правительственной политики в отношении волостей большое значение имеет указание правой грамоты 1618 г. на «черные книги» 1566/67 г. «как тое (Багаевскую волость, пограничную с Аргуновской, — Ю. А.) раздавал в поместье подьячий Шерап Матвеев». Таким образом, раздача волости в поместье происходит в разгар опричнины. Именно к этому (или к несколько более позднему) времени относится, вероятно, и раздача других владимирских волостей, пограничных с Аргуновской; для 1584 г. эта раздача была, видимо, довольно недавним фактом: крестьяне еще выступают от имени волости, хотя по существу являются уже владельческими.

Массовые перемещения феодалов, производившиеся в годы опричнины, роковым образом отражались на судьбах среднерусской черной волости.¹¹

Одним из важнейших источников по истории черной волости Переяславского уезда в опричный и послеопричный период является межевая книга вотчин Троицкого Сергиева монастыря 1592/93 г.¹² Если межевая книга конца 50-х годов рисует состояние земель уезда в канун опричнины, то книга 90-х годов отражает те изменения в землевладении уезда, которые произошли за 60—80-е годы, т. е. в первую очередь в период опричнины.

Межевая книга 90-х годов отражает рост Троицкой вотчины за период 60—80-х годов. Кроме того, в этой межевой книге отражены межи Благовещенского Киржачского монастыря, приписанного к Троицкому. Тем самым межевая книга вводит нас в район Кодяева стана и Марининской волости, расположенный по берегам рр. Киржача и Шерны и совершенно не отраженный в книге 50-х годов. С другой стороны, межевая книга 90-х годов не содержит межеваний некоторых троицких вотчин, известных по межевой книге 50-х годов. Так, полностью отсутствует межевание троицких земель Тошменского (Киучерского) стана (село Бороноволоково). Однако в принципе в обе книги попадает один и тот же район — полоса земли на границе троицких вотчин, и это обстоятельство позволяет проследить, как изменился состав троицких соседей и их владений за 35 лет, полных тяжелых политических, социальных и экономических потрясений.

¹¹ Интересные наблюдения в этом отношении сделал В. И. Корецкий (В. И. Корецкий. Правая грамота..., стр. 193—195).

¹² МК-348, лл. 133—187.

Сопоставление данных обеих межевых книг приобретает особое значение для изучения судебных волостных земель во второй половине XVI в. Как известно, материалов о черных землях в этот период почти не сохранилось: актовый материал — основной источник по аграрной и социальной истории Переяславского уезда — в этот период говорит о волостных землях гораздо реже, чем в XV—первой половине XVI в.

По данным межевой книги конца 50-х годов можно установить, что к этому времени в северо-восточной части уезда, по берегам р. Малой Нерли и Переяславского озера, сохранились довольно значительные остатки господствовавших здесь прежде черных земель, не попавших в руки феодалов. Межевая книга называет здесь земли пяти волостей: Гавинской, Заборской, Нутской, Усольской и Ясеновской.¹³

Межевая книга 90-х годов застает здесь принципиально иную картину. На землях бывшей Ясеновской волости расположилось поместье В. Зубова: ему принадлежит дер. Гуляшкино, в которой есть все основания видеть дер. Уляшкино, известную в XV—первой половине XVI в.¹⁴ Земли Усольской волости перешли к Данилову монастырю: ему принадлежит бывший центр этой волости дер. Усолье. Хотя другие деревни Ясеновской и Усольской волостей межевая книга не называет, само отсутствие упоминания об этих волостях, занимавших видное место в межевании 50-х годов, косвенно свидетельствует об их исчезновении. Аналогичная картина наблюдается и севернее, на берегах р. Малой Нерли. Межевая книга 90-х годов здесь также не называет ни одной из трех волостей, известных ее предшественнице. Дер. Селезенево, входившая прежде в состав Заборской волости, принадлежит теперь помещику П. Чернцову. Соседняя с ней дер. Хомякино является владением Н. Апраксина. Их судьбу разделила и дер. Маслово — единственная известная нам деревня Нутской волости: она превратилась в поместье С. Скрипицына.¹⁵ Со страниц межевой книги исчезло и упоминание о волостных Гавинских пустошах на правом берегу Нерли.

Таким образом, можно констатировать, что земли левобережных Заборской и Нутской волостей и, по всей вероятности, остатки правобережной Гавинской волости в 60—80-х годах перешли в руки феодалов. Некоторые земли Кистемского стана межевая книга называет «землями царя и великого князя». Это земли «что у Николы Бармазовского» и пустошь Трубицы.¹⁶

¹³ МК-254, №№ 25—47.

¹⁴ МК-348, л. 133 об. — Основание для отождествления дер. Гуляшкино с дер. Уляшкино (кроме сходства названий) — тождество их географического расположения. Земля этой деревни граничит, с одной стороны, с землями села Хупани, с другой — с землями пустоши Бушковой Никитского монастыря (МК-254, № 33).

¹⁵ МК-348, лл. 137—139.

¹⁶ Там же, л. 135 об.

Известно ближайшее прошлое этих земель. Село Бармазово, бывший центр Бармазовской волости, многократно упоминаемой в источниках XV в., в 1557—59 гг. входило в состав поместья В. Хвостова.¹⁷ Соседняя с ним пустошь Трубницы ранее этого времени была помещьем Судака Кряковского; в момент межевания 50-х годов она не имела помещика, почему и была названа в межевой книге «землей царя и великого князя».¹⁸ Из новой межевой книги мы узнаем, что позднее конца 50-х годов эта пустошь была отдана в поместье тому же В. Хвостову — владельцу села Бармазова. Однако к моменту составления книги 90-х годов В. Хвостов уже не был помещиком ни на Бармазове, ни на Трубницах. Оба этих владения названы «землей царя и великого князя». Эта терминология межевой книги 90-х годов заслуживает внимания. Село Бармазово — центр когда-то обширной и сильной волости, перейдя в поместную раздачу, уже больше не называется «волостной землей» даже тогда, когда помещика налицо нет. В. Хвостов утратил свое поместье задолго до составления книги 90-х годов.¹⁹ Тем не менее бармазовские земли — это всего лишь «земля царя и великого князя», как любое конфискованное феодальное владение, без намека на принадлежность к волости. Точно так же за 35 лет до этого были обозначены в отличие от волостных земель земли бывшего поместья Судака Кряковского. На мой взгляд, подобная терминология не случайна: она отражает факт качественного изменения в положении села, побывавшего в руках феодала-помещика. Прежняя волостная организация исчезает, и село, даже потеряв помещика, уже не возвращается в волость. Его состояние как «земли царя и великого князя» рассматривается, по всей вероятности, как временное (хотя бы на практике и длительное) до того момента, когда новый помещик не получит на него ввозную грамоту. Так прежняя волостная земля превращается в готовый фонд для поместных дач.

Таким образом, в период 60—80-х годов на берегах р. Малой Нерли произошли важные события, существенно изменившие социальный облик этого района. Если в 50-х годах, накануне опричнины, волость, отступая под натиском феодалов, в первую очередь помещиков, в глубь лесов и болот, еще сохраняла в своих руках более или менее значительные остатки своей прежней территории, а главное свою волостную организацию, то в 90-х годах она, как таковая, на Малой Нерли вообще неизвестна. Развитие поместной системы как формы феодального землевладения привело не только к распаду волостной территории, но и к разрушению волостных связей — к уничтожению самой волости.

Межевая книга 90-х годов содержит межевания и соседнего

¹⁷ МК-254, № 27.

¹⁸ Там же, № 26.

¹⁹ Хвостовы были подвергнуты опале при Иване IV (С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 464—466).

с Кистьмой Замытского стана.²⁰ Здесь также нет никаких упоминаний о волости и о ее землях — известна только «земля царя и великого князя» пустошь Ростилово, окруженная феодальными вотчинами и поместьями.²¹ По-видимому, и эта земля ждет нового владельца — помещика.

Сравнение межеваний Новосельского стана в обеих книгах весьма затруднено тем обстоятельством, что объекты межеваний в них не тождественны: одна приводит межи только села Ивановского (и его деревень Обухово и Новинки), а другая — также и межи земли села Пожарского.²² Тем не менее некоторые географические названия в обеих книгах совпадают, это говорит о том, что деятельность межевщиков в обоих случаях проходила в близко расположенных друг от друга районах стана.²³ В отличие от своей предшественницы книга 90-х годов не знает Енотской волости, как и вообще волостных земель. Но «земли царя и великого князя» ей известны. Это село Глебовское с деревнями, пустошь Василищево и пустоши Говеново и Енки.²⁴ О прошлом села Глебовского ничего не известно. Что касается отдельно упоминаемых пустошей, то можно установить, что эта «земля царя и великого князя» — бывшие поместья: Василищево принадлежало в 50-х годах Базаровым, а Говеново — Г. Хомякову и И. Малахову.²⁵ Таким образом, «земля царя и великого князя» в этом случае, как и на р. Малой Нерли, это не волостная земля, а всего лишь бывшее поместье, «отписанное на государя» и ждущее раздачи новым владельцам.

В межевой книге 90-х годов наибольшее число межеваний относится к району, непосредственно примыкающему к стенам Троицкого Сергиева монастыря. Это станы Верхдубенский, Кинельский, Мишутинский и Шуромский.²⁶

В Верхдубенском стану межевая книга 90-х годов называет, кроме феодальных вотчин и поместий, 5 пустошей «царя и великого князя». ²⁷ Есть возможность проследить прошлое трех из этих пустошей — Ходырева, Душищева и Кобыльникова: в середине XVI в. все они (в то время деревни) входили в состав феодальных владений (Ходырево было поместьем С. Скрипицына, Кобыльниково — И. Юсова, Душищево принадлежало Айгустову).²⁸ Таким образом, «землями царя и великого князя» эти

²⁰ МК-348, лл. 139—142.

²¹ Там же, л. 139.

²² Там же, лл. 142—158.

²³ Совпадают названия: пустошь Василищево (МК-254, № 66; МК-348, л. 158), пустошь Говеново (МК-254, №№ 72, 74; МК-348, л. 158 об.).

²⁴ МК-348, лл. 142—142 об., 158, 158 об.

²⁵ МК-254, №№ 72, 74.

²⁶ МК-348, лл. 154—157, 158—187.

²⁷ Там же, лл. 160—160 об., 175, 177—177 об.

²⁸ МК-254, №№ 190, 169, 172а.

пустоши стали в результате «отписывания на государя» у прежних владельцев; после этого они не вошли в состав черной волости.

В Кинельском стану в 50-х годах известна Слотинская волость — в ее состав входят деревни Коренилово, Есипово и Волосково.²⁹ Все остальные соседи кинельских вотчин Троицкого Сергиева монастыря в это время — феодалы-вотчинники и помещики (всего более 40 межеваний). Для начала 90-х годов межевая книга дает несколько иные показания. По ее сведениям, с троицкими владениями (кроме феодальных вотчин и поместий) граничат также «земли царя и великого князя» — в общей сложности 2½ села, 1 сельцо и 7 деревень и пустошей. Что представляют собой эти земли? Само расположение материала в межевой книге заслуживает внимания. Описание межей троицких вотчин с «землями царя и великого князя» приводится в двух местах: на лл. 155—156 и на лл. 182—183 об. Оно начинается с межей села Скнятинова с «землей царя и великого князя» «дворцовой волости» полуселом Ивановским и пустошью Поярковым, «что приписано к селу Тимофеевскому». Далее следуют межи тех же троицких земель с землями частных лиц: М. Зубова (вотчина — другая половина того же села Ивановского) и князя И. М. Глинского. После этого межа троицкой дер. Едигеевой с «государевой землей» сельцом Васильевским и пустошью Порошиной. Дер. Едигеево находилась на р. Молокче, в непосредственной близости от села Скнятинова, и тянула к этому селу. Таким образом, «царевы земли» сельца Васильевского были расположены близко от дворцового села Тимофеевского. Однако, по-видимому, эти земли не составляли одного целого комплекса: между ними, как мы видели, вклинивались земли вотчин кн. Глинского и М. Зубова. И сама межевая книга не называет земли сельца Васильевского дворцовой волостью. Таким образом, не исключено, что сельцо Васильевское не входило в состав дворцовой волости, хотя и было наряду с ней «землей царя и великого князя». На лл. 182—183 об. мы снова встречаемся с «государевой царевой и великого князя землей». Это пустошь Панинская и дер. Злобинская, граничащие с землями троицких пустошей Вяхоровой и Кокичевской. Непосредственно за этим межеванием следует описание межей «земли царя и великого князя» села Тимофеевского и его пустошей Микрюкова, Воронина и Репина, а затем — межей «земли царя и великого князя» дер. Горки села Слотинского. Земли села Слотина, той «волости», которая была известна еще в 50-х годах, оказывается, непосредственно примыкают к землям «дворцовой волости» села Тимофеевского. Не исключено поэтому, что Слотинские земли были в 90-х годах частью дворцовой Тимофеевской вотчины: во всяком случае «волостью» они больше не называются. Таким

²⁹ Там же, №№ 216, 217.

образом, в Кинельском стану располагались дворцовая волость «государева царева и великого князя» и, возможно, некоторые не входившие в ее состав «земли царя и великого князя».

Существует возможность проследить прошлое некоторых из этих земель. Село Тимофеевское было феодальной вотчиной уже в начале XV в.³⁰ Село Ивановское на р. Молокче — центр вотчины старинных местных землевладельцев Зубовых. Довольно многочисленные материалы о землях Зубовых, в том числе и отводные и разъезжие грамоты XV—первой половины XVI в., нигде не говорят о том, что эти земли граничат с «землей царя и великого князя» или с волостными землями. Не говорит об этом в 50-х годах XVI в. и межевая книга, согласно которой село Ивановское принадлежит Поярковым детям Зубова.³¹ Позднее половина села Ивановского была отписана на государя и вошла в состав дворцовой волости; в другой половине остались прежние владельцы. Вместе с половиной села Ивановского к селу Тимофеевскому была взята и пустошь Поярково, топонимически связанная с прозвищем одного из своих прежних владельцев (Поярка Зубова). Аналогична судьба пустоши Микрюкова, тоже входившей в состав дворцовой волости. В 50-х годах Микрюково (сельцо или деревня) — вотчина И. Таратина.³² «Земля царя и великого князя» сельцо Васильевское — это бывшая вотчина Алексея Адашева.³³ После опалы его в начале 60-х годов это сельцо было, по-видимому, «взято на государя» и превратилось в «государеву землю» (хотя не исключено, что за 30 лет оно успело побывать и в руках частных лиц).

Таким образом, в состав «земли царя и великого князя» и в Кинеле, как и в других станах, входят бывшие феодальные вотчины, тем или иным путем отобранные у владельцев. Материалы Кинельского стана показывают, что в некоторых случаях эти вотчины не предназначаются для непосредственной раздачи помещикам, а присоединяются к дворцовой волости. Территория дворцовой волости формируется отчасти за счет бывших вотчин частных лиц.

В Мишутинском стану материалы межевой книги 90-х годов позволяют документально установить, что в состав феодальной вотчины (Писемских) попал и сам центр прежней волости — село Мишутино.³⁴ Не видны черные волостные земли и в Шуромском

³⁰ Дворцовое село Тимофеевское не следует смешивать с другим селом Тимофеевским, тоже в Кинельском стану, которое в XVI в. и позднее принадлежало кн. Гаге и его потомкам. Подобную ошибку я сделал в работе о межевой книге № 254. Оба села есть на карте XIX в.: одно названо Тимофеевкой, другое — Тимофеевским.

³¹ МК-254, № 219.

³² Там же, №№ 218, 238.

³³ Там же, № 221.

³⁴ МК-348, л. 186.

стану, за р. Дубной. Здесь есть «государева царева и великого князя земля» — село Заболотское и 9 деревень и пустошей.³⁵ Село Заболотское и тянущие к нему поселения, — по всей вероятности, бывшая крупная боярская вотчина Заболотских, «взятая на государя». Другие пустоши (Исупово, Каряково) также, по-видимому, не связаны с какой-либо волостью.

Южная часть уезда, по берегам рр. Киржача и Шерны — единственный район, в котором по межевой книге 1592/93 г. можно обнаружить наличие черных земель. Межевая книга называет здесь село Жердеево, две деревни и десять пустошей, принадлежащих к Аргуновской и Марининской волостям.³⁶ Это остатки больших волостей, существовавших здесь до середины XVI в. В 90-х годах в этом районе можно насчитать около десятка поместий, причем некоторые из них образовались, видимо, недавно (например, поместье немчина Ломиноса). Территория Марининской и Аргуновской волостей, как и других волостей уезда, раздается постепенно помещикам. Этот процесс, приведший к исчезновению черной волости в большинстве районов уезда, в южной части уезда к 90-м годам еще не закончился. Позднее, в начале XVII в., земли на Киржаче и Шерне были использованы правительством для создания новых поместий и для вознаграждения служилых людей вотчинами за московское и трицкое «осадное сидение».³⁷

Материалы конца XVI в. рисуют во всех частях уезда принципиально однородную картину феодализации черной волости. Основной момент этой феодализации — раздача черных земель в поместья. Другой аспект того же явления — усиление государственного контроля над волостью и увеличение тягла. Обе эти тенденции в конечном итоге должны привести к исчезновению черной волости — замене ее совокупностью поместий и феодально зависимых дворцовых сел. Как можно судить по межевой книге, на большей части территории уезда это уже произошло: в конце XVI в. только в южной части уезда можно найти остатки черных земель.

Таким образом, к концу XVI в. в среднерусском уезде вековой процесс вытеснения черной волости феодальным владением фактически завершился. Если на протяжении XV в. черная волость была одним из основных элементов аграрного и социального строя, а в середине XVI в. сохранялась во многих частях уезда,

³⁵ Там же, лл. 164—167.

³⁶ Там же, лл. 148 и сл.

³⁷ ПК-812, лл. 737—906 об.

то десятилетия правления Ивана IV оказались для нее роковыми. В условиях перестройки структуры класса феодалов и системы феодального землевладения черная волость превращается в резервный фонд для испомещения служилых людей, и ее земли и люди раздаются феодалам. С исчезновением в центральной части страны черной волости с ее относительно свободным крестьянским населением аграрная и социальная история России вступает в новый этап — этап безраздельного господства феодального поместья с его развитой системой крепостнической эксплуатации.

Глава II

ФЕОДАЛЬНАЯ ВОТЧИНА В ГОДЫ ОПРИЧНИНЫ (60—70-е годы)

Широкое изучение монастырских архивов в связи с проблемой опричнины впервые было предпринято С. Б. Веселовским, который установил связь между быстрым ростом монастырского землевладения в этот период и опричной политикой.¹ Материалы Переяславского уезда дают возможность проследить некоторые конкретные черты истории феодальной вотчины этого времени.

К числу крупнейших землевладельцев Переяславского уезда XV—первой половины XVI в. принадлежат Заболотские — потомки смоленских княжат, получившие свое родовое имя, по-видимому, не позднее конца XIV в. от Заболотья — местности в северной части уезда, за р. Дубной. В XV—первой половине XVI в. многие представители этой фамилии занимали видное служебное положение. Ко второй половине XVI в. более десятка Заболотских числились по дворовому списку с Переяславского уезда.² Это говорит о значительном измельчании рода. Об одном из Заболотских, Василии Семенове Лапине сыне, Дворовая тетрадь замечает: «Не служит — поместья нет».³ Тем не менее Заболотские до второй половины XVI в. сохраняли свои обширные вотчины. На протяжении XV—первой половины XVI в. их имя редко встречается на страницах актов — они почти не дарили и не продавали свои земли монастырям. Это косвенно свидетельствует об устойчивости их крупной вотчины в Шуромском стану.

В первые же годы политики опал и казней один из Заболотских был сослан в Казань. Казанская писцовая книга 60-х годов называет его Феодосием Терентьевым сыном.⁴ Вероятно, однако,

¹ С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. «Исторические записки», 10, стр. 95—116.

² ТК—ТД, стр. 138—139. — Восемь Заболотских служат по дворовому списку по Дмитровскому уезду — соседнему с их родовой Заболотской вотчиной (там же, стр. 128—129). Некоторые Заболотские получили поместья в Рузе, Ржеве, Можайске (там же, стр. 176, 179, 184).

³ ТК—ТД, стр. 139.

⁴ Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932, стр. 15.

что это Федор Терентьев — один из дворовых служилых людей по Переяславлю (Заболотского по имени Феодосий Дворовая тетрадь не знает). В Синодике Ивана IV названы трое Заболотских — Богдан, Игнатий и Федор.⁵ Игнатий — это, видимо, сын боярский дворовый по Переяславлю Игнатий Ушаков.⁶ Федор, — вероятно, тот Федор Терентьев, который раньше был сослан в Казань. Кто такой Богдан, установить трудно, так как к 60-м годам было известно двое Заболотских, носивших это имя, — Богдан Васильев, служивший по Рузе и Ржеву,⁷ и Богданец Замятнин — по Переяславлю.⁸ Дело, по-видимому, не ограничилось казнью трех лиц, поименованных в Синодике. А. М. Курбский пишет о «побииении» и «других братий» Заболотских — «стратилатов нарочитых».⁹ С историей опал и казней Заболотских тесно связаны и судьбы их вотчин.

В самый канун опричнины, в 1562/63 г., душеприказчики Данила Семенова Угримова сына Заболотского по его духовной дали в Троицкий Сергиев монастырь село Новое со всеми деревнями, оговорив возможность выкупа племянниками завещателя.¹⁰ Сразу же после этого село Новое было выменено племянниками Д. С. Заболотского — Василием и Федором Ивановыми детьми Заболотского-Угримова — на их вотчину в Коломенском уезде.¹¹ При вкладе была сделана существенная оговорка: «А... Василью да Федору тое вотчины опричь дому (Троицкого Сергиева монастыря, — Ю. А.) не продати никому и не заложити ни у кого».¹² Таким образом, новые владельцы — выкупщики лишились права распоряжения вотчиной, которая в конечном итоге должна была перейти в руки Троицкого монастыря. Та же оговорка, но в несколько другой редакции, содержится и в меновой на село Новое: «А... нам тое вотчины своеи без их (старцев, — Ю. А.) ведома не продати ни заложить нигде опричь дому».¹³ Реализацией этого условия был вторичный и уже окончательный — «впрок без выкупа» — вклад села, последовавший в 1571/72 г. из рук Матрены, вдовы Г. И. Заболотского и по духовной последнего. Вкладчица при этом оговаривает только одно условие — возможность «пострижения в черницы» в Подсосенском (зависимом от Троицы) монастыре.¹⁴ В результате этих сделок монастырь полу-

⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 383—384.

⁶ ТК—ТД, стр. 139. — Такого же мнения С. Б. Веселовский.

⁷ ТК—ТД, стр. 176, 179. — С. Б. Веселовский считает, что в Синодике упомянут именно он.

⁸ ТК—ТД, стр. 139.

⁹ А. М. Курбский. История о великом князе Московском. Русская историческая библиотека, т. XXXI. СПб., 1914, столб. 303.

¹⁰ ОГКЭ, IV, № 870.

¹¹ Там же, № 1117.

¹² Там же, № 870.

¹³ Там же, № 1117.

¹⁴ Там же, № 878.

чил село, 10 деревень, 7 починков и 2 пустоши. В следующем году та же вдова дала в монастырь село Семенчиково с 1¹/₂ деревнями.¹⁵ В годы опричнины Заболотские сделали в Троицкий Сергиев монастырь четыре денежных вклада на сумму 115 руб.¹⁶ В эти же годы Заболотские потеряли также село Никольское. Село, по-видимому, было отобрано у наследников П. Г. Заболотского, которые были выселены из уезда и получили взамен село Олексейцево во Владимирском уезде.¹⁷

Конфискация переяславских вотчин Заболотских сопровождалась раздачей их другим лицам. Так, сельцо Селково, принадлежавшее Д. В. Заболотскому и кн. П. Ф. Засекину-Ногавице, женатому на дочери одного из Заболотских, в конце 60-х годов оказалось в руках А. Я. Щелкалова, который и дал эту вотчину в Троицкий Сергиев монастырь.¹⁸ В 1576/77 г. Г. Г. Литвинов дал в Троицкий монастырь полсельца Боярского с деревнями и пустошами.¹⁹ Как свидетельствует писцовая книга 90-х годов, Боярское и Семенчино — два названия одного и того же поселения, которое называлось также Взглядовым, Окининым и Малаховым.²⁰ В составе вотчины Троицкого монастыря Семенчино-Боярово тянуло к селу Новому, что, возможно, отражало сложившиеся издавна отношения. В том же Шуромском стану Троицкий Сергиев монастырь сделал еще одно приобретение у Заболотских — сельцо Матвеевское, купленное (неизвестно когда) у Д. В. Заболотского. В начале 90-х годов в этом сельце числилось 44 четверти пашни в поле.²¹ Актовый материал отражает картину быстрой гибели старой боярской вотчины, владельцы которой оказались в числе опальных. Разгром старой боярской вотчины привел к образованию несколько более мелких владений, принадлежащих «новым» людям. Однако эти владения оказались недолговечными и в течение короткого времени большая часть вотчины Заболотских собралась в руках Троицкого Сергиева монастыря.

Соседями Заболотских в Шуромском стану были Морозовы. В XIV—XV вв. Морозовы — видные представители московского боярства. Как и Заболотские, они до второй половины XVI в. почти не делали вкладов в монастыри. К середине XVI в. в числе

¹⁵ Там же, № 880.

¹⁶ В 1563/64 г. — 30 руб. (ВК-149, стр. 163), в 1565 г. — 20 руб. (там же, стр. 170), в 1570 г. — два вклада на общую сумму 65 руб. (там же, стр. 178, 181).

¹⁷ Дочь П. Г. Заболотского Анна, вдова кн. П. Ф. Засекина-Ногавицы променяла это село в 1571/72 г. А. Я. Щелкалову (П. А. Садиков. Из истории опричнины. «Исторический архив», № 3, 1940, стр. 264).

¹⁸ ОГКЭ, IV, № 872.

¹⁹ Там же, № 889.

²⁰ ПКМГ, I, стр. 830.

²¹ Там же, стр. 828.

Морозовых было трое бояр и трое окольничих.²² Окольничему (позднее боярину) Владимиру Васильевичу принадлежало в Шуромском стану село Хребтово. По сообщениям современников, Владимир Васильевич был казнен после длительного заточения. Казнены были и его родичи.²³ Село Хребтово досталось И. М. Висковатому, но было отобрано у него и дано «за бесчестье» опричнику кн. В. И. Темкину-Ростовскому и В. Я. Щелкалову.²⁴ В. Я. Щелкалов в 1568/69 г. дал свою долю в Троицкий Сергиев монастырь.²⁵ Само село Хребтово в 1571 г. было отобрано у кн. Темкина-Ростовского и дано дьяку Никите Парфеньеву «за сына его убитую голову», который сразу же пожертвовал эту вотчину в тот же монастырь, взяв 200 руб. «сдачи».²⁶ Судя по писцовой книге начала 90-х годов, в состав вотчины села Хребтова входило в общей сложности до 900 четвертей пашни.²⁷

Крупнейшими вотчинниками были и другие представители старого боярства — Плещеевы. К середине XVI в. часть обширных плещеевских вотчин (села Выпуково и Дерябино в Верхдубенском стану) достались Троицкому монастырю, но в руках Плещеевых и их родичей сохранялись еще крупные вотчины в Рождественской волости и в Тошменском стану.

Село Богородское на р. Кунье в Рождественской волости к 60-м годам принадлежало по половинам Д. Бутурлину и И. Собакину, женатым на внучках Ф. А. Плещеева.²⁸ Бутурлины, представители старого московского рода, к середине XVI в. занимали видное служебное положение. В 50—60-х годах трое из них были окольничими, один — боярином.²⁹ Согласно Дворовой тетради, шестеро Бутурлиных несли службу с Переяславля.³⁰ Однако эти служебные успехи не спасли их от опал и казней. В Синодике записаны имена пятерых представителей этой фамилии: Василий, Григорий, Иван, Леонтий, Стефан,³¹ из них двое — Василий и Иван — переяславцы, упомянутые в Дворовой тетради, а Леонтий — сын переяславца Дмитрия Андреевича. Опалы Бутурлиных отразились и на судьбе их владений: в 1570/71 г. Леонтий Бутурлин вместе с братом Романом дал в Троицкий Сергиев монастырь село Богородское с деревнями (200 четвертей пашни). Вклад сде-

²² ТК—ТД, стр. 111—113.

²³ А. М. Курбский. История о великом князе Московском, столб. 303, 309.

²⁴ ОГКЭ, IV, № 1477.

²⁵ Там же, № 872.

²⁶ Там же, №№ 876, 1477; П. А. Садиков. Из истории опричнины, стр. 256—259.

²⁷ ПКМГ, I, стр. 828.

²⁸ ОГКЭ, IV, № 950.

²⁹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 364.

³⁰ ТК—ТД, стр. 138.

³¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 363—365.

лан впрок без выкупа, но при условии пострижения вкладчиков.³² По-видимому, вкладчики видели близкий конец своей служебной карьеры и ожидали опалы. Собакины, соседи Бутурлиных по селу Богородскому, — выходцы из тверских вотчинников.³³ В начале 70-х годов большинство Собакиных было казнено: в Синодике известны имена шести представителей этой фамилии, в том числе сын Ивана Григорьевича, владельца села Богородского.³⁴ С этими казнями связано и исчезновение Собакиных из Переяславского уезда — имя их больше здесь не встречается. В отличие от Бутурлиных Собакины не успели или не смогли отдать вотчину в монастырь, и она была у них конфискована.

Другая вотчина Плещеевых — село Елизаровское — находилась в восточной части уезда, в Киучерском стану. В середине XVI в. она принадлежала Плещеевым-Басмановым. Из правой грамоты 1622 г. выясняется, что при опале А. Д. Басманова «вотчина ... у него взята была и отдана в раздачу в инои род князю Петру Тутаевичу Шеидякову, а не Плещеевым», хотя в опале были и не все Плещеевы; после казни Алексея Басманова и сына его Федора («не стало в опале», как деликатно выражается документ) детям Федора Алексеевича царь велел отдать «те ... отца их вотчины, которые были в раздаче». У других Плещеевых, хотя и не бывших в опале, тоже отбирались вотчины: И. Д. Плещеев был 12 лет «без съезду» на службе в Юрьеве Ливонском, а его родовая вотчина была взята «на государя»; вместо нее он получил село в Медынском уезде.³⁵

Боярам Яковлям принадлежала в Кинельском стану крупная вотчина — село Суровцево. Эта вотчина была пожалована им из великокняжеских дворцовых земель в первой половине XVI в. В годы опричнины Иван Петрович Яковль-Хирон был казнен³⁶ и вотчины его конфискованы.

В северо-восточной части уезда (так называемое Замытье) по берегам р. Малой Нерли в XV—XVI вв. были расположены обширные вотчины Замытских. До 70-х годов XVI в. им принадлежало здесь не менее полутора тысяч четвертей земли в Кистемском и Замытском станах. В XV—XVI вв. Замытские, потомки Акинфа Великого, — видный служилый род. По Дворовой тетради 9 представителей этой фамилии несли службу с Переяславля.³⁷ В годы опричных опал и казней Замытским, по-видимому, удалось уцелеть: их имена не встречаются в известных спи-

³² ОГКЭ, IV, № 877.

³³ ВОИДР, стр. 186, 202.

³⁴ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 445—446.

³⁵ Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховской, т. I. Киев, 1860, № 94 (стр. 266—267).

³⁶ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 476—477.

³⁷ ТК—ТД, стр. 139.

сках опальных. Тем не менее в это время вотчины Замытских уменьшились по крайней мере вдвое.

Первый известный вклад Замытских в Троицкий монастырь относится к кануну опричнины. В 1560/61 г. Устинья, вдова Ивана Константиновича, дала в монастырь по духовной мужа сельцо Поречье с семью деревнями, выговорив условие жить в этой вотчине «до живота».³⁸ В 1570/71 г. Давыд и Иван Никитичи Замытские дали два сельца, Пареево и Фунинское, с девятью деревнями и двумя починками³⁹ — около 200 четвертей пашни.⁴⁰ В 1574/75 г. вдова Богдана Семеновича дает село Андриановское с двумя десятками тянувших к нему поселений⁴¹ — всего около 500 четвертей пашни.⁴² В 1577/78 г. Елизарий Васильев дает в монастырь сельцо Хороброво с деревнями.⁴³ В 1570/71 г. он же дал в Троицкий монастырь 50 руб., а в 1589 г. по нем старец Якимов дал еще 89 руб.⁴⁴

Ознакомление с данными грамотами Замытских проливает отчасти свет на обстоятельства вкладов. Вклад села Пареева был сделан в самый разгар опал и казней. Никита Замытский завещал в монастырь свою вотчину, несмотря на то что у него было два (по-видимому, взрослых) сына. Вклад сделан «впрок без выкупа» и без всяких оговорок со стороны вкладчика (не считая 5 руб. «здачи с тое вотчины» и традиционной просьбы «положить в монастыре» и «записать в сельники»). Судьба сыновей внушала, очевидно, Н. Замытскому серьезные опасения, что и побудило его поместить родовое имущество наиболее надежным образом — отдать в руки монастыря. Стремление заручиться в опасное и неустойчивое время поддержкой крупнейшего монастыря более ясно видно в тексте данной грамоты Марии Замытской, вдовы Богдана Семеновича. Ее вклад сделан под условием пострижения — «как... пора моя будет».⁴⁵ Та же тенденция привела третьего Замытского — вкладчика села Хороброво — непосредственно в состав монастырской братии.⁴⁶ Старец Елизарий Васильев, вероятно, и есть тот Елисей Васильев сын Замытского, который назван в Дворовой тетради.⁴⁷ Таким образом, вклады Замытских были связаны с общей ситуацией, сложившейся в 60—70-е годы для старинных феодальных родов в связи с опричной политикой. Хотя сами Замытские непосредственно не пострадали в годы тер-

³⁸ АСБВ, № 1230.

³⁹ ОГКЭ, IV, № 879.

⁴⁰ ПКМГ, I, стр. 836—837.

⁴¹ ОГКЭ, IV, № 887.

⁴² ПКМГ, I, стр. 837—839.

⁴³ ОГКЭ, IV, № 893.

⁴⁴ ВК-149, стр. 186, 219.

⁴⁵ ОГКЭ, IV, № 887.

⁴⁶ Там же, № 893.

⁴⁷ ТК—ТД, стр. 139.

рора, но перспектива опалы и высылки была для них достаточно реальной.

В начале 60-х годов прекратила свое существование другая крупная вотчина Кистемского стана — князей Ярославских-Пенковых. Их земли — села Сигор и Рахманово с большим количеством деревень — были даны по душе в ярославский Спасский монастырь.⁴⁸

Монастырские архивы сохранили и ряд фрагментов истории средней вотчины 60—70-х годов. Естественно, что эти фрагменты отражают прежде всего отношения вотчинников с монастырями. Но именно эти отношения в данный период представляют большой интерес.

Кинельские вотчинники Баскаковы сделали за эти годы один, но довольно крупный вклад в Троицкий Сергиев монастырь — село Алексино с двумя деревнями и двумя пустошами.⁴⁹ Они же по трем вкладам дали в монастырь в 60—70-х годах в общей сложности 130 руб. (а за весь предшествующий период — 27 руб.).⁵⁰

Вантеевы в 1573/74 г. дали в тот же монастырь дер. Галино Старое Вантеево, обусловив вклад принятием Дмитрия Вантеева в монастырские слуги с возможностью пострижения в дальнейшем.⁵¹

Кинельские вотчинники Зубовы сделали два вклада в Махрищский монастырь. В 1569/70 г. Василий Григорьев сын дал полдеревни Татьяниной, оценив ее в случае выкупа родичами в 60 руб.⁵² В 1577/78 г. Зубовы Петровы дети старцы Филофей и Герасим дали два жребия села Ивановского и дер. Могилицы.⁵³ В 1570/71 г. Гавриил Петров сын дал в Троицкий Сергиев монастырь по брате Иване 50 руб.⁵⁴

Катавасьевы и их родичи сделали два вклада в Троицкий Сергиев монастырь. В 1571/72 г. Авдотья, дочь Алферия Катавасьева и жена Башмака Никифорова, дала в монастырь по духовной мужа дер. Новоселку. Муж вкладчицы перед смертью постригся.⁵⁵ В 1577/78 г. Мария, вдова Второго Катавасьева, дала в монастырь дер. Старое.⁵⁶

Кинельские вотчинники Клобуковы сделали три вклада в Махрищский монастырь: в 1563/64 г. дьяк Андрей Федорович дал

⁴⁸ Село Сигор было дано в мае 1562 г. (ОГКЭ, IV, № 1357), село Рахманово — в 1564 г. (там же, № 838).

⁴⁹ ОГКЭ, IV, № 890 (1577/78 г.).

⁵⁰ В 1562 г. — 30 руб. (ВК-149, стр. 158), в 1570 г. — 50 руб. по Даниле Семенове сыне Баскакове (там же, стр. 180), в 1575 г. — 50 руб. (там же, стр. 198).

⁵¹ ОГКЭ, IV, № 885.

⁵² Там же, № 828.

⁵³ Там же, № 830.

⁵⁴ ВК-149, стр. 180, 184.

⁵⁵ ОГКЭ, IV, № 881.

⁵⁶ Там же, № 892.

часть села Усова — землю Бухарку;⁵⁷ в 1566/67 г. Иван Нечаев пожертвовал полсельца Дьякова;⁵⁸ в 1567/68 г. вдова этого Ивана Нечаева дала по его душе и вторую половину того же сельца.⁵⁹ В 70-х годах Клобуковы сделали три денежных вклада в Троицкий Сергиев монастырь на сумму более 200 руб.⁶⁰ В годы опричнины некоторые из Клобуковых были казнены,⁶¹ а другие, видимо, подвергнуты опале и утратили свои земли: после 70-х годов имя Клобуковых в уезде не встречается.

Кинельские вотчинники Козловы в 1563/54 г. продали в Троицкий Сергиев монастырь за 150 руб. сельцо Нероново с дер. Петрушинской, вымененное ими у Устиновых.⁶²

Конковы, имевшие старинные вотчины на границе Кинельского стана и Марининой Слободы, в 1561/62 г. дали в Махрищский монастырь дер. Чириково.⁶³ Другая часть вотчины Конковых, деревни Оксентьево и Дурносопово, была продана ими Леонтьевым, а от последних в 1566/67 г. досталась тому же монастырю.⁶⁴ Мещериновы, родичи Конковых, сделали в 1574 г. крупный денежный вклад в Троицкий Сергиев монастырь (115 руб. 16 алтын 4 деньги).⁶⁵

Корсаковы, вотчинники восточной части уезда, в 1565/66 г. продали в Данилов монастырь свою куплю у кн. Андомского, сельцо Кичибугино, за крупную сумму — 200 руб. Деньги на покупку этой вотчины были даны монастырю крупным местным землевладельцем и одним из руководителей опричнины Алексеем Даниловичем Плещеевым-Басмановым и его сыном Федором.⁶⁶

Кочергины в 1564 г. дали в Никольский на Болоте монастырь пустошь Давыдовскую на р. Рокше — свою куплю у Мартыновых, взяв при этом с монастыря 5 руб. — треть стоимости вклада.⁶⁷

Кроткие, вотчинники Слободского стана, в 1560/61 г. дали в Махрищский монастырь полдеревни Климентьево-Смолино.⁶⁸ Кроткие до 60-х годов занимали видное служебное положение в приказном аппарате, но в годы опричнины трое из них были казнены.⁶⁹

⁵⁷ Там же, № 821.

⁵⁸ Там же, № 823.

⁵⁹ Там же, № 826.

⁶⁰ В 1571 г. — 55 руб. (ВК-149, стр. 187), в 1574 г. — 100 и 50 руб. (там же, стр. 192, 193).

⁶¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 446—447.

⁶² ОГКЭ, IV, № 987.

⁶³ Там же, № 819.

⁶⁴ Там же, № 825.

⁶⁵ ВК-149, стр. 192—193.

⁶⁶ ОГКЭ, IV, № 970.

⁶⁷ Там же, № 835.

⁶⁸ Там же, № 818.

⁶⁹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 402.

Федор Лихотин продал в 1564/65 г. в Троицкий Сергиев монастырь за 15 руб. треть дер. Басовой — вотчину своей падчерицы Ирины Замятниной, дочери Басовой, наделенной этой деревней по приказу кн. М. В. Глинского.⁷⁰ Видимо, Замятня Басов служил до этого у кн. Глинских.

Видные опричники Ловчиковы дали в Троицкий монастырь в 1571/72 г. пустошь Махру в Верхдубенском стану, получив за нее 100 руб. «сдачи».⁷¹ Этот вклад — замаскированная продажа. Но «сдача» предназначена для поминовения душ родителей. Ловчиковы были связаны свойством с Заболотскими и подверглись опале в начале 70-х годов.⁷²

Макаровы, имевшие вотчины в Марининой Слободе, дали в 1579/80 г. в Махрицкий монастырь дер. Бычкино-Мичурино.⁷³ Часть этой деревни была дана в этот же монастырь еще в конце 50-х годов.⁷⁴

Новосельские вотчинники Максимовы сделали два вклада в Данилов монастырь, дав несколько долей родового сельца Долгого Поля.⁷⁵ Несколько позже, в 1582/83 г., оставшуюся часть этого же села в тот же монастырь дали Микулины.⁷⁶

Михалковы в 1573/74 г. дали в Троицкий Сергиев монастырь сельцо Назимово Судиславль с двумя пустошами в Новосельском стану.⁷⁷ В том же году в том же стану сделали вклад Андрей и Полуект Михайловы: они дали усадище Полиносово.⁷⁸ В 60-х годах они сделали крупный денежный вклад — 150 руб.⁷⁹ Из Синодика известно, что Полуект Михайлов был казнен.⁸⁰

В Мишутинском стану в Троицкий Сергиев монастырь была дана дер. Парфенково. Эта деревня была куплена в 1558/59 г. Иваном Григорьевичем Бухариным, родичем казненного в опрочину Ишука Бухарина,⁸¹ у Алексея Плишкина,⁸² а затем продана им Мотовилову. Сын последнего дал эту деревню в 1567 г. в Троицкий Сергиев монастырь.⁸³

Мякишевы сделали два вклада в Новосельском стану в Троицкий монастырь. В 1569/70 г. Ирина, Васильева жена, дала две

⁷⁰ ОГКЭ, IV, № 988.

⁷¹ Там же, № 882.

⁷² С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 407—408.

⁷³ ОГКЭ, IV, № 831.

⁷⁴ Там же, № 817.

⁷⁵ Там же, №№ 812 (1574/75 г.), 814 (1578/79 г.).

⁷⁶ Там же, № 815.

⁷⁷ Там же, № 886.

⁷⁸ Там же, № 884.

⁷⁹ ВК-149, стр. 161, 162.

⁸⁰ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 412.

⁸¹ Там же, стр. 365.

⁸² ОГКЭ, IV, № 1012.

⁸³ Там же, № 871.

деревни,⁸⁴ в 1577/78 г. Автомон Образец дал еще полторы деревни. При этом вкладчик оставался жить на своей земле и обязывался «называть» на нее крестьян.⁸⁵

В 1569/70 г. Ирина, дочь Ярца Нармацкого, сделала довольно крупный вклад в Кинеле и Радонеже в Троицкий Сергиев монастырь. Монастырские власти обязывались «беречи» вкладчицу, пока она жива, а после ее смерти должны были получить остаток ее вотчины.⁸⁶ Брат Ирины, Семен, был опричником и постельничим и в конце 1570 или начале 1571 г. «выбыл», — возможно, был казнен.⁸⁷ Вклад Ирины, вероятно, непосредственно связан с опалой Ярцевых.

Старинные вотчинники Обуховы в 1566/67 г. дали в Махрищский монастырь пустошь Новошинскую на Молокче, обусловив вклад пострижением Антона Обухова.⁸⁸

В 1579/80 г. видный опричник Иван Иванович Пушкин-Бобрищев дал в Троицкий монастырь селище Терпилково в Верхдубенском стану — приданое своей жены, урожденной Бутешевой (возможно, Бутеневой).⁸⁹

Верхдубенские вотчинники Скрипицыны сделали четыре вклада в Троицкий монастырь. В 1569/70 г. Иван Алексеевич Скрипицын-Смердов дал дер. Городище на Дубне,⁹⁰ тянувшую когда-то к родовому селу Титовскому. В 1572/73 г. Соломонида, вдова Степана Скрипицына, дала дер. Окулово.⁹¹ В 1580/81 г. Михаил Андреев сын дал пустошь, бывшую дер. Высокое, обусловив возможность пострижения.⁹² Такое же условие поставила Анна, дочь Михаила Скрипицына, давшая в том же году дер. Мамино-Самсоново на р. Наре.⁹³ В том же году Леонтий Афанасьев сын Скрипицын заложил в Троицкий монастырь пустошь Агафоново-Тарасово в 40 рублях.⁹⁴

Сусловы в 1569/70 г. дали в Махрищский монастырь треть дер. Петровой в Слободском стану при условии пострижения вкладчика — Аристарха Суслова.⁹⁵

Кинельские вотчинники Таратины в 1574/75 г. дали в тот же монастырь свою вотчину — запустевшее сельцо Селиваново с деревнями, возвращенное им царем, — видимо, после снятия опалы

⁸⁴ Там же, № 873.

⁸⁵ Там же, № 891.

⁸⁶ Там же, № 875.

⁸⁷ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 287.

⁸⁸ ОГКЭ, IV, № 824.

⁸⁹ Там же, № 894.

⁹⁰ Там же, № 874.

⁹¹ Там же, № 883.

⁹² Там же, № 895.

⁹³ Там же, № 897.

⁹⁴ Там же, № 954.

⁹⁵ Там же, № 827.

или в связи с отменой опричнины. При этом один из вкладчиков выговаривает условие: пострижение и келью в монастыре.⁹⁶

Кинельские вотчинники Уполовниковы в 1563/64 г. продали в Троицкий Сергиев монастырь половину родового сельца Уполовникова за 80 руб.⁹⁷

Хомутовы в 1580/81 г. пожертвовали в Троицкий монастырь дер. Бревново в Кинельском стану, которую их отец, Ермолай Вьялица Хомутов, получил в приданое от Федора Козлова.⁹⁸

Архип Ярцев дал в 1562/63 г. в Махрищский монастырь пустошь Бачмановскую в Слободском стану.⁹⁹

Всего за 60—70-е годы монастыри получили в Переяславском уезде не менее 50 вкладов, в том числе не менее 40 от рядовых феодалов — средних вотчинников. За это же время только Троицкий монастырь получил денежных вкладов на сумму более 30 000 руб.¹⁰⁰ Для сравнения можно указать, что за два последующих десятилетия известно только 8 земельных вкладов. Земельные вклады 60—70-х годов распределяются внутри этого периода неравномерно: если Троицкий Сергиев монастырь, принадлежавший к «земщине», получил основную массу вкладов в 70-х годах, то опричный Махрищский монастырь получил больше всего вкладов в 60-е годы, в период расцвета опричнины. Важной особенностью вкладов 60—70-х годов является их вероятная (а в ряде случаев очевидная) связь с опалами, ссылками и казнями. Именно на этот вопрос было в свое время обращено внимание С. Б. Веселовским.¹⁰¹

В условиях кризиса старого боярства, вызванного опричной политикой, монастыри, в частности Троицкий Сергиев, приобретают крупные вотчины в тех станах, в которых прежде вообще не имели никаких земель. Эти вотчины переходят от прежних владельцев либо сразу в руки монастыря путем вкладов, либо через посредство других лиц, награжденных вотчинами опальных. Во всяком случае актовый материал 60—70-х годов приводит к выводу, что одним из следствий опричной политики был быстрый рост монастырской вотчины.

В этот же период Троицкий Сергиев монастырь округляет свои старые владения за счет многочисленных вкладов рядовых феодалов, представителей средневотчинного слоя. По каждому вкладу монастырь приобретает, как правило, отдельные деревни или доли их, реже — группы из 2—3 деревень и пустошей. Обычно вклады делаются «впрок без выкупа» с обязательством записать имя

⁹⁶ Там же, № 829.

⁹⁷ Там же, № 986.

⁹⁸ Там же, № 896.

⁹⁹ Там же, № 820.

¹⁰⁰ ВК-150, лл. 154—154 об.

¹⁰¹ С. Б. Веселовский. Монастырское землевание в Московской Руси во второй половине XVI в., стр. 101 (диаграмма).

вкладчика и его родни в «сенаник». Таким путем в руки монастыря попадают по кускам вотчины многих старинных местных землевладельцев, известных в XV и первой половине XVI в.

Быстрое разрушение местного средневотчинного мирка в годы опричной политики особенно бросается в глаза при ознакомлении с актами Махрищского монастыря. В отличие от Троицкого Сергиева Махрищский монастырь был монастырем местного значения, чье влияние не простиралось за пределы уезда и даже ближайшей к монастырю округи. На протяжении многих десятков лет, в XV в. и первой половине XVI в., в актах монастыря в качестве контрагентов и послухов фигурируют в основном представители одних и тех же фамилий местных вотчинников средней руки — соседей монастыря. Это Зубовы, Баскаковы, Кроткие, Клобуковы и др. На протяжении всей своей истории Махрищский монастырь был тесно связан с местным вотчинным мирком, за счет которого время от времени и увеличивал свои владения.

В 60-х годах XVI в. в этих традиционных отношениях наступает резкая перемена. По имеющимся в настоящее время данным, за 50-е годы монастырь получил один вклад — четверть дер. Бычкиной-Мичуриной от Макаровых.¹⁰² В следующем же десятилетии, до 1569/70 г., насчитывается 11 земельных вкладов. Монастырь получает землю от Кротких, Конковых, Ярцевых, Клобуковых (три вклада), Нагих, Леонтьевых, Обуховых, Сусловых и Зубовых.¹⁰³ Всего за эти годы в монастырь было дано около десятка поселений, в том числе одно село; число поселений, принадлежащих монастырю, увеличилось, таким образом, почти в полтора раза. Создается впечатление, что соседи монастыря, жившие рядом с ним на протяжении многих десятков лет, внезапно решают как можно скорее отделаться от своей родовой земли. И действительно, больше половины этих фамилий (Кроткие, Клобуковы, Конковы, Обуховы и Сусловы) в источниках больше не встречаются. Зато имена некоторых из них (Клобуковы, Кроткие) фигурируют в сохранившихся, далеко не полных списках опальных и казненных.

Средние вотчинники вступали в сделки с монастырем в тех же примерно условиях и руководствовались в основном теми же мотивами, что и крупные землевладельцы боярского ранга. Эти мотивы — поиски патроната, сильного защитника, ценою потери права распоряжения родовой землей и ограничения личной свободы. Правда, в отдельных случаях монастырь дает вкладчику большую «сдачу», т. е. фактически покупает вотчину. Но эти случаи — исключение, а не правило. Не нажиться за счет продажи вотчины, а сохранить хотя бы часть прав на нее, а может быть, и спасти свою жизнь, вступив в ряды монастырской братии, — вот основная цель вкладов (не говоря уже о религиозных мотивах).

¹⁰² ОГКЭ, IV, № 817.

¹⁰³ Там же, №№ 818—828.

Именно этим объясняется, что продажа вотчин в монастырь почти прекратилась: за весь рассматриваемый период известны только три купли Троицкого Сергиева монастыря, все три — небольшие владения, приобретение которых монастырем относится к кануну опричнины.¹⁰⁴

Таким образом, актовый материал 60—70-х годов свидетельствует о серьезных потрясениях всей традиционной системы феодального землевладения в уезде. При этом рядовой феодал страдает под ударами опричной политики не меньше, чем боярин, а может быть, и больше, будучи экономически более слабым.

¹⁰⁴ В 1563/64 г. — две сделки, в общей сложности на полтора сельца, в 1564/65 г. — одна сделка на треть деревни.

Глава III

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVII в.

Как можно судить по актовому материалу, в 60—70-х годах происходит большая мобилизация старых вотчинных земель, проявляющаяся, в частности, в многочисленных вкладах в монастыри. Однако монастырский актовый материал по своей природе не может дать цельной картины изменений, происшедших в этот период в структуре землевладения уезда. Ценным источником в этом отношении является межевая книга троицких вотчин 1592/93 г., отражающая итоги земельной политики времен Ивана IV.

В западной части уезда межевая книга называет имена 35 владельцев — соседей троицких земель. Такими соседями в Мишутинском стану являются Савин Айгустов, владелец пустошей Лодыгино и Телятниково,¹ и Иван Писемский — его вотчина село Мишутино и дер. Маньково.² Оба этих имени известны и межевой книге 50-х годов. Судя по ней, Третьяк Айгустов владел где-то в этом же районе дер. Душищевой;³ Писемские упомянуты как владельцы нескольких деревень Мишутинского стана, в том числе и дер. Маньково.⁴ Показания межевой книги 90-х годов ценны в том отношении, что она позволяет документально установить факт принадлежности Писемским самого центра бывшей Мишутинской волости — села Мишутина⁵ (рис. 5).

В 90-х годах мы не находим среди владельцев Мишутинского стана имен Беликовых, Песиковых, Софонтьевых, Толмачевых и

¹ МК-348, лл. 186 об.—187.

² Там же, л. 186.

³ МК-254, № 172а.

⁴ Там же, № 167.

⁵ Айгустановы и Писемские сохранили свои земли в Мишутинском стану и в XVII в.: по писцовой книге 1620-х годов Айгустановым принадлежали в нем два поместья из одного села (Деревенское) и 13 пустошей, всего 300 четвертей пашни (ПК-812, лл. 440—441, 442—442 об.). Я. Г. Писемскому принадлежат две вотчины: старая — село Мишутино и новая — из порозжих земель, всего 216 четвертей (ПК-812, лл. 445—447 об.; ПК-7647, лл. 1474—1479 об.).

Юсовых, фигурировавших здесь в 50-х годах. Поместье Ф. Беликова дер. Лодыгино⁶ теперь, как видим, в руках С. Айгустова. Вероятно, Беликовы потеряли землю при опале или при выселении в годы опричнины. Затем, возможно, какие-то земли они получили в другой части уезда: один из Беликовых, Митька Афанасьев сын, в 80-х годах несет службу с Переяславля как городской сын боярский.⁷ Конфискована была также земля у Юсовых: бывшее поместье И. Юсова дер. Кобыльниково⁸ теперь «земля царя и великого князя».⁹ Имя Юсовых последний раз встречается в актах в 1563 г.¹⁰ Софонтьевы сохранили свои мишутинские вотчины до начала 90-х годов, когда продали их Сабуровым.¹¹ Сохранились земли и у Толмачевых — их село Деревеньки¹² в межевой книге не упоминается, но в 90-х годах один из Толмачевых — послух в Бускутовском стану.¹³ Известны связи Толмачевых с Троицким Сергиевым монастырем: в 1579 г. троицкий слуга Тимофей Елизаров сын Толмачев дал в монастырь 50 руб.¹⁴ В 90-х годах Толмачевы известны как помещики Орловского уезда.¹⁵ Ранее этого они имели поместья и в Кашире.¹⁶

Наиболее богато представлены в межевой книге землевладельцы Верхдубенского стана. В этом стану межевая книга называет имена 19 соседей Троицкого монастыря.¹⁷

Неудача Воронин, владелец поместья Пентикова,¹⁸ — возможно, старинный местный землевладелец, потомок вотчинников Ворониных. Земли Ворониных последний раз упомянуты в этом оайоне в 1497 г.; тогда это была вотчина.¹⁹ В 90-х годах XVI в. Воронин уже помещик.

Иван Волосатый владеет довольно крупным поместьем — Исаковым, Орефиным, Шилковым, Горками, Семендяевым.²⁰ В 50-х

⁶ МК-254, № 168.

⁷ Его оклад в 1584 г. — 250 четвертей и 10 руб., в 1590 г. — 150 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I. М., 1891, стр. 60; вып. II, М., 1908, стр. 20).

⁸ МК-254, № 169.

⁹ МК-348, л. 177.

¹⁰ ОГКЭ, IV, № 838.

¹¹ Там же, № 1016.

¹² МК-254, № 165.

¹³ ОГКЭ, IV, № 1017. — В 1584 г. Гриша Толмач, имевший оклад в 100 четвертей и 10 руб., был отставлен от службы по старости и увечью (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 23).

¹⁴ ВК-149, стр. 210.

¹⁵ ПКМГ, II, стр. 871, 881, 931, 941, 1013.

¹⁶ Там же, стр. 1384.

¹⁷ Воронин, Волосатый, кн. Гагин, Григоров, Зайцев, Красной, Михайлов, Максимов, Мацкой, Немцев, Нороватый, Оленин, Подлесов, Редриковы (двое), Тимоновы (трое) и Шилов.

¹⁸ МК-348, л. 175.

¹⁹ АСВР, I, № 560.

²⁰ МК-348, лл. 161 об.—162, 168—169.

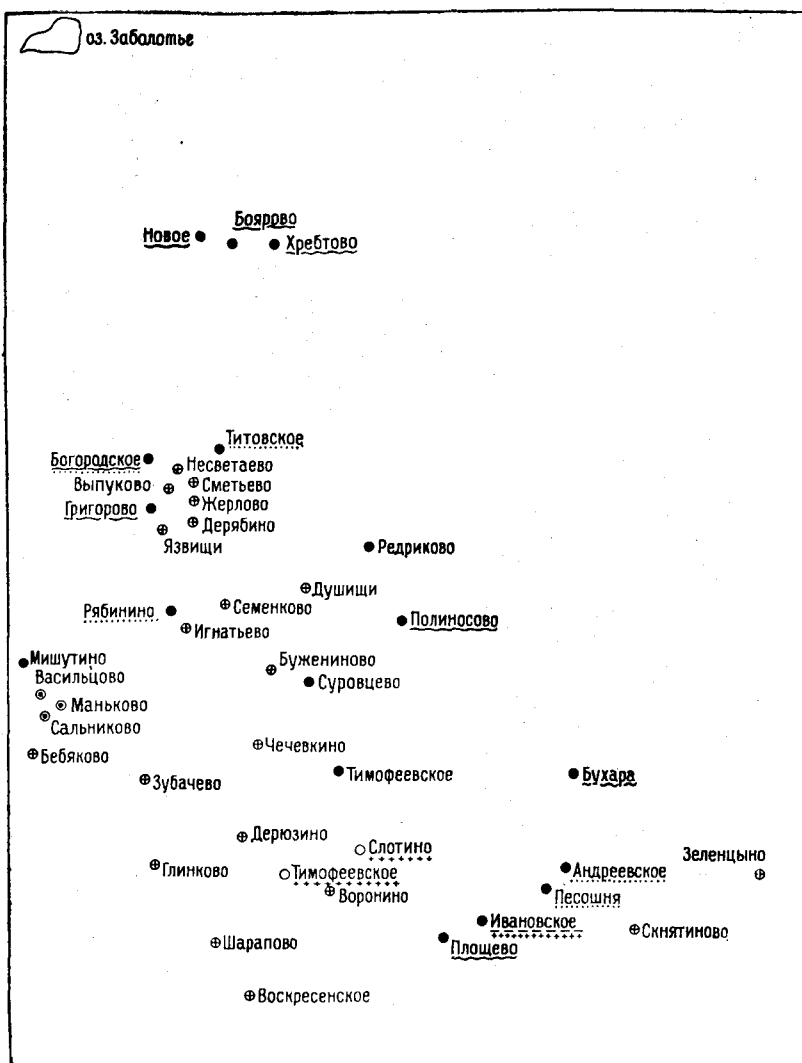

Рис. 5. Кинель и Верхдубенье в 1550—1590-х годах.

годах эти земли входили в состав двух поместий: братьям Росоловым принадлежали деревни Горки и Починок,²¹ деревни Исаково и Орефино составляли поместье Лаврентьева, Ракова и Семенова.²² И. Волосатый принадлежит к роду, известному в Переяславле с середины XVI в. Его отец Федор владел в Верхдубенском стану поместьем совместно с Д. Соколовым (сельцо Матвейково, деревни Гусево и Завражное).²³ В 90-х годах И. Волосатому принадлежит уже другое поместье. Верстан сам он, по-видимому, недавно: в десятне 1584 г. он не упоминается, а в десятне 1590 г. фигурирует как городской сын боярский с окладом в 130 четвертей и 5 руб. денежного жалования.²⁴

Кн. И. Гагину принадлежит село Суровцево с тянущими к нему деревнями.²⁵ В 50-х годах XVI в. это село было вотчиной вдовы боярина Яковля,²⁶ а отцу кн. Гагина, кн. В. Гаге, принадлежало соседнее село Тимофеевское.²⁷ Это село, по-видимому, оставалось за Гагиным и позднее — по писцовой книге оно принадлежало стольнику кн. С. И. Велико-Гагину.²⁸ Село Суровцево — новое приобретение Гагиных, сделанное, видимо, после опалы Яковлей.

Михаил Григоров владеет довольно крупным поместьем — селом Титовским с тянущими к нему деревнями.²⁹ В прошлом это вотчина И. М. Висковатого³⁰ (а еще ранее, в начале XVI в., — родовые земли Скрипицыных). Имя Григоровых или Григорьевых впервые встречается в 50-х годах, когда один из них был послухом в соседнем Кинельском стану,³¹ но о землях их в это время ничего неизвестно. Десятни 80-х годов знают пятерых Григорьевых, в том числе и Михаила Федорова сына (городовой сын боярский с окладом в 400 четвертей).³² Вероятно, это и есть М. Григоров, упоминаемый в межевой книге. Десятни называют еще троих Федоровых детей, по-видимому, братьев Михаила: Василия, Матвея и Семейку. Все они — городовые дети боярские с высокими окладами (500—700 четвертей), по десятне 1584 г. Василий и Матвей «емлют деньги из чети».³³ В межевой книге фигурируют также Семен Григорьев, владеющий деревней и

²¹ МК-254, № 208.

²² Там же, № 195.

²³ Там же, № 183.

²⁴ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 63.

²⁵ МК-348, лл. 171—172, 183 об.—184.

²⁶ МК-254, № 214.

²⁷ Там же, № 215.

²⁸ ПК-812, лл. 624—635 об. (всего 572 четверти пашни).

²⁹ МК-348, лл. 158 об.—159 об.

³⁰ МК-254, №№ 186, 189.

³¹ ОГКЭ, IV, № 1008.

³² В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 9; вып. I, стр. 60.

³³ Там же, вып. II, стр. 8.

пустошью в Шуромском стану,³⁴ и Яков Матвеев сын Григорова — помещик Замытского стана.³⁵ Таким образом, в лице Григоровых перед нами — высший слой провинциального служилого сословия конца XVI в. Основу их землевладения составляют поместья. На примере М. Григорова видно, как в условиях второй половины XVI в. служилые люди новой, поместной формации приобретают в поместья старинные вотчины. Григоровы были, видимо, в конце XVI в. или позднее связаны с Дворцом: в писцовой книге 1629/30 г. упоминаются 5 представителей этой семьи, в том числе помещики Верхдубенского, Замытского и Шуромского станов, из них один жилец, трое царицына чину детей боярских и один патриарший сын боярский.³⁶

Степан Зайцев владеет поместьем пустошью Шубино.³⁷ Имя Зайцевых появляется в переяславских источниках в конце XVI в. Вкладная книга Троицкого монастыря отмечает вклады Зайцевых в 1543 и 1571 гг.³⁸ Сам Степан получил поместье, видимо, недавно: в десятне 1584 г. его еще нет, в десятне 1590 г. он фигурирует как новик (Степан Семенов сын Зайцев, верстанный окладом в 200 четвертей).³⁹ Зайцевы были связаны, видимо, с Дворцом: в 1620-х годах один из них, царицына чину сын боярский, владел поместьями в Верхдубенском и соседних с ним Рождественском и Шуромском станах.⁴⁰

Сунгур Красной владеет поместьем пустошью Буравино.⁴¹ В прошлом — это вотчинная земля Бутеневых, бывшая в 50-х годах деревней.⁴² Таким образом, его поместье также создано на базе старой вотчины. Имя Красного появляется в переяславских актах в самом конце века.⁴³ К концу 70—началу 80-х годов относятся и денежные вклады Красновых в Троицкий Сергиев монастырь.⁴⁴ По десятиям этого времени Сунгур Борисов сын Красного довольно мелкий служилый человек, городской сын боярский с окла-

³⁴ МК-348, лл. 164—164 об.

³⁵ Там же, лл. 140—140 об., 141 об.

³⁶ ПК-812, лл. 515—516 об., 77—77 об., 118 об.—120 об., 141 об.—143, 601—602; ПК-7646, лл. 424—427, 476 об.—480; ПК-7647, лл. 1375—1393, 1444—1447, 1840 об.—1843 об.

³⁷ МК-348, лл. 172—172 об.

³⁸ В 1543 г. — 50 руб. по Ивану Зайцеву (ВК-149, стр. 63), 18 июня 1571 г. — 20 руб. Петра Зайцева (там же, стр. 185), 7 сентября того же года по Петру Зайцеву 23 руб. (там же, стр. 186).

³⁹ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 63.

⁴⁰ ПК-812, лл. 518—519, 460, 256—257.

⁴¹ МК-348, лл. 162, 173—173 об.

⁴² МК-254, № 175.

⁴³ ОГКЭ, IV, № 900.

⁴⁴ В 1578 г. — 30 руб., 2 коня и часовник печатный от Грязного Афанасьева сына Красного (ВК-149, стр. 205), в 1581 г. — 75 руб. от него же (там же, стр. 213).

дом в 100 четвертей.⁴⁵ Красновы также оказываются как-то связанными с Дворцом: в 1620-х годах один из них, царицына чину сын боярский, — владеец поместий в Верхдубенском и Михайловском станах.⁴⁶

Помещик Бажен Михайлов — владеец пустоши Окорейково.⁴⁷ Михайловы известны как вкладчики Троицкого Сергиева монастыря с 30-х годов XVI в.⁴⁸ В десятиях 1584—1590 гг. Михайловых нет — это объясняется, возможно, их принадлежностью к мелким чинам Дворца. Согласно писцовой книге XVII в., один из Михайловых — мовный истопник, владеец поместья в соседнем с Верхдубеньем Шуромском стану.⁴⁹

Помещику В. Максиму принадлежат пустоши Гусево и Рябиново.⁵⁰ Это бывшая вотчина Рябининых,⁵¹ известных как местные землевладельцы еще с середины XV в.⁵² Теперешний владеец этих земель — также, видимо, выходец из старых переяславцев. Имя Максимовых встречается в последней четверти XV в.;⁵³ в 60—70-х годах XVI в. им принадлежит вотчина в Новосельском стану.⁵⁴

Меншику Мацкому принадлежит пустошь Палино,⁵⁵ которая входила раньше в состав вотчины кн. Ряполовского-Татева.⁵⁶ Мацкой — новый человек в уезде: акты XVI в. его имени не знают. Согласно десятиям, Меншик Мацкой — городской сын боярский с окладом 150 четвертей (1584 г.), а затем — 100 четвертей (1590 г.).⁵⁷ Статус его владения межвеая книга не указывает, но, по-видимому, это было поместье.⁵⁸

Помещик Б. Немцев, владеец пустоши Новинки,⁵⁹ сохранил свое поместье с 50-х годов (тогда ему принадлежали деревни Новинки и Отрубнево).⁶⁰

⁴⁵ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 61.

⁴⁶ ПК-812, лл. 517 об.—518, 486 об.—487 об.

⁴⁷ МК-348, л. 175.

⁴⁸ В 1532 г. — 50 руб. дал Тимофей Федорович Михайлов (ВК-149, стр. 17), в 1563 г. — 50 руб. и 100 руб. дали его дети Андрей и Полуект (там же, стр. 161, 162).

⁴⁹ ПК-812, л. 234.

⁵⁰ МК-348, лл. 176, 174 об.

⁵¹ МК-254, № 170.

⁵² АСВР, I, № 259.

⁵³ Там же, № 469.

⁵⁴ ОГКЭ, IV, №№ 812, 814, 964.

⁵⁵ МК-348, л. 169 об.

⁵⁶ МК-254, № 179.

⁵⁷ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 17; вып. I, стр. 60—61.

⁵⁸ В начале XVII в. переяславцу Алексею Русинову (Севастьянову) Мацкому принадлежат поместья: в Верхдубенском стану село Горки (60 четвертей) (ПК-812, лл. 510—511 об.), в Шуромском стану полсела Шепелева (133 четверти) (ПК-7647, лл. 1399—1407).

⁵⁹ МК-348, л. 162 об.

⁶⁰ МК-254, №№ 174, 198.

Овсянику Нороватому принадлежат пустоши Бунинская и Кузнецовская.⁶¹ В 50-х годах пустошь Бунинская была «землей царя и великого князя»;⁶² таким образом, эта земля попала во второй половине XVI в. в поместную раздачу. Нороватые известны в уезде с середины XVI в.: в 50-х годах им принадлежали земли на Кистье.⁶³ Овсяник межевой книги — это, вероятно, Овсей Иванов сын, верстанный в 1590 г. окладом в 200 четвертей.⁶⁴

Петр Оленин (или Оменин) владеет дер. Новой и пустошью Грозилковой на р. Куньеме.⁶⁵ Имя Омениных в актах XVI в. и в десятиях не встречается;⁶⁶ причина последнего обстоятельства, — вероятно, их принадлежность к Дворцу; в XVII в. один из них, мовный истопник, владел поместьем в Новосельском стану и вотчиной (проданной из земель приказа Большого Дворца) в Шуромском стану.⁶⁷

Вотчина Ивана Подлесова — дер. Горки.⁶⁸ В актах XVI в. Подлесовы не встречаются; их имя впервые упомянуто в десятье 1584 г. Владелец дер. Горки — городской сын боярский с окладом 150 четвертей.⁶⁹

Никифоров Редриков, владелец пустошей Малечкино и Фролово,⁷⁰ — старинный переяславский землевладелец, принадлежащий к верхдубенскому роду, хорошо известному в XV—XVI вв. К концу XVI в. Редриковы сохранили свое положение землевладельцев и по крайней мере часть родовых вотчин: на смотр 1590 г. двое Редриковых (Пятой Федоров и Якуш Строев) должны были явиться «со своих вотчин». Их родич, Афонка Иванов сын, городской сын боярский, с окладом 100 четвертей.⁷¹ После Смуты многочисленные Редриковы продолжают владеть землей в разных станах уезда: родовыми вотчинами в Верхдубенском и Михайловском станах, поместьями в Новосельском, Серебожском, Замытском, Никитском, Гулятине и Конюцком станах.⁷² Одним из самых крупных землевладельцев среди соседей

⁶¹ МК-348, л. 170 об.

⁶² МК-254, № 182.

⁶³ Там же, № 38.

⁶⁴ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 60.

⁶⁵ МК-348, л. 163.

⁶⁶ Троицкая вкладная книга отмечает в 1551 г. вклад Омены подьячего — 50 руб. (ВК-149, стр. 149). Не он ли родоначальник Омениных?

⁶⁷ ПК-812, лл. 97—100 (всего 31 четверть), 287—288 об. (22 четверти).

⁶⁸ МК-348, л. 161.

⁶⁹ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 22.

⁷⁰ МК-348, л. 176.

⁷¹ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 61, 62.

⁷² В Верхдубенском стану Редриковым Степановым детям Ивану и Федору («суздальцам»), дяде их Юрию Афиногеновичу и Степану Иванову принадлежит старинная вотчина селцо Лобково (70 четвертей); тому же

Троицкого Сергиева монастыря в Верхдубенском стану был Иван Строев Редриков.⁷³ В состав его поместья входит больше десятка поселений (пустоши Савкино, Гусево, Матвейково, Завражье, Новинки, Клешнево, Отрубенчиково, Горки, Поташево, Нестерково, Курово),⁷⁴ граничащих с землями троицких сел Выпукова, Буженинова и Семеновского.

Троицкие села Бужениново и Выпуково граничат также с землями троих Тимановых: Леонтия (сельцо Дубровицы), Меншика (пустошь Ржанниково) и Нагая (владение не названо).⁷⁵ Леонтию Тиманову принадлежит в соседнем Шуромском стану дер. Горки.⁷⁶ Имя Тимановых в актах XVI в. неизвестно. Оно впервые появляется в десятне 1584 г., в которой фигурируют Климентьевы дети Меншичко и Нагай с окладами соответственно 200 и 100 четвертей.⁷⁷ Тимановы были связаны с Дворцом: на смотре новиков 1604 г. окладчики сказали, что Федор Тиманов «служил у государя в сытниках» и имел оклад 200 четвертей, а сын его Афанасий владел отцовским поместьем в 87 четвертей.⁷⁸ Как свидетельствует писцовая книга, дворцовые связи Тимановых сохранились и после Смуты: в 1629/30 г. сытник Борис Дмитриев сын владеет отцовскими вотчинами.⁷⁹

Земли троицких дер. Душищево и пустоши Судиславля граничат с поместьем губного старосты Ю. Шилова (пустоши Одулково, Корманово, Новоселки, Палиновская).⁸⁰ В актах XVI в. Шиловы неизвестны, но в 1579 г. тот же Ю. Шилов сделал в Троицкий Сергиев монастырь крупный денежный вклад (100 руб.).⁸¹

Ю. А. Редрикову принадлежит «родственная вотчина» пустошь Сушево (46 четвертей); Максиму Соболеву — старинная вотчина треть сельца Остафьева (15 четвертей); Степану Иванову — поместье 11 пустошей (200 четвертей); жильцу Воину Григорьеву сыну — родовая старинная вотчина сельцо Березино с 5 пустошами (36 четвертей); вдове и детям Дмитрия Редрикова — старинная вотчина полсельца Семеновского (67 четвертей) и поместье 5 пустошей (36 четвертей) (ПК-812, лл. 519—521, 528—530 об., 532 об.—536, 542—544 об., 549 об.—550; ПК-7647, лл. 1447—1455).

⁷³ В 1597/98 г. Иван Строев сын Редриков дал в Троицкий Сергиев монастырь 50 десятин своего поместного леса на р. Куньеме (ОГКЭ, IV, № 900). Его брат Якуш в 1590 г. имел оклад 200 четвертей и «с вотчин к смотру не был».

⁷⁴ МК-348, лл. 162 об.—163, 173 об.—177.

⁷⁵ Там же, лл. 161, 170 об., 169.

⁷⁶ Там же, л. 165.

⁷⁷ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 14, 21; вып. I, стр. 60, 61.

⁷⁸ Там же, вып. II, стр. 5, прим.

⁷⁹ В Верхдубенском стану пустошью Дубровино (28 четвертей), в Михайловском — пустошью (10 четвертей), в Рождественском — полусельцом Сионовым (60 четвертей) (ПК-812, лл. 536 об.—538, 493—493 об., 458 об.—460).

⁸⁰ МК-348, лл. 169 об.—170, 172 об.

⁸¹ ВК-149, стр. 208.

По десятине 1590 г. Соир Шилов — городской сын боярский с довольно высоким окладом (300 четвертей).⁸²

Как видно из сопоставления данных межевых книг 50-х и 90-х годов, в феодальном землевладении Верхдубенского стана за этот период произошли значительные изменения. Если в 50-х годах из 30 соседей Троицкого монастыря 17 имели только вотчины, 2 — вотчины и поместья, а 11 — только поместья, то в 90-х годах из 19 землевладельцев 11 известны по межевой книге только как помещики, пятеро — как вероятные помещики (по позднейшим данным) и только трое — кн. Гагин, И. Подлесов и Н. Редриков — являются вотчинниками. Таким образом, в 60—80-х годах в соотношении вотчин и поместий в стане произошел крутой перелом. В то же время серьезно изменился и личный состав соседей Троицкого монастыря. Из 30 фамилий 50-х годов межевая книга 90-х годов знает лишь пять (включая Айгустова, которого она относит к соседнему Мишутинскому стану). Именно к этим старым семьям относятся двое из трех вотчинников 90-х годов. Кроме них, сохранил свои прежние земли только помещик Б. Немцев. Айгустовы и Волосатые, хотя и остались в числе троицких соседей, владеют теперь другими поместьями, данными им, возможно, взамен отобранных. К числу старых семей следует отнести Ворониных, а также не упомянутых в межевании 50-х годов Максимовых и Нороватых, которые прежде владели землями в других станах уезда.

По крайней мере половина фамилий землевладельцев появляется в уезде с 60—70-х годов, т. е. не раньше эпохи опричнины. Большая часть этих новых семей (по крайней мере Григоревы, Зайцевы, Красные, Мацкие, Оменины и Тимановы) так или иначе связана с Дворцом. Таким образом, в 60—80-х годах состав феодалов Верхдубенского стана в значительной мере пополняется за счет дворцовых служилых людей.

В то же время из состава троицких соседей выбывает большинство прежних владельцев. По актовому материалу можно проследить, когда это произошло. Имя старинных вотчинников Бутеневых исчезает из актов примерно с 70-х годов. К началу 70-х годов относятся и последние известия о их денежных вкладах.⁸³ Вероятно, некоторые их земли попали в качестве приданого в руки видного опричника Пушкина-Бобринцева, который часть их дал в Троицкий монастырь, часть продал.⁸⁴ Другие земли Бутеневых были, видимо, конфискованы у них и пошли в поместную раздачу (в 90-х годах ими владеет

⁸² В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 60.

⁸³ В 1568 г. — 30 руб. дал Афанасий Васильев сын (ВК-149, стр. 175), в 1573 г. — 20 руб. дала его жена (там же, стр. 190), в 1574 г. — 10 руб. дано по Иване Алексееве сыне (там же, стр. 192).

⁸⁴ ОГКЭ, IV, №№ 894, 1015.

С. Б. Красной). Судьба И. М. Висковатого, владевшего в 50-х годах селом Титовским, достаточно хорошо известна. Коротневы, в том числе и Матвей, упоминаемый в межевой книге 50-х годов, также попали в опалу и были казнены.⁸⁵ Возможно, их потомкам вернули некоторые земли в Переяславском уезде — в 1590 г. Иван Перфирьев сын Коротнева с окладом 200 четвертей переяславский «нетчик»,⁸⁶ но уже в 1604 г. про Василия Яковлева сына Коротнева переяславские окладчики «не знают», «а поместья за ним и вотчины нет, а живет в Дмитрове у вотчима Григорья у Белеутова».⁸⁷ В это же время известен троицкий слуга Замятня Коротнев.⁸⁸ Таким образом, благосостояние дьяческой фамилии первой половины XVI в. было в корне подорвано опричниной. Не избежали опалы и Ловчиковы,⁸⁹ хотя Григорий Ловчиков был одним из самых активных (и наименее щепетильных) деятелей опричнины.⁹⁰ Их земли были отданы по монастырям.⁹¹ Имя Уполовниковых в последний раз упомянуто в самый канун опричнины.⁹² К 80-м годам из актов исчезают имена Вакориных, Истоминых,⁹³ Кондратьевых,⁹⁴ Лаврентьевых, Мориных, Песиковых, Раковых, Росоловых, кн. Ряполовских-Татевых,⁹⁵ Семеновых, Турчениновых и Шемякиных. По межевой книге 90-х годов можно проследить переход их земель в руки новых владельцев: поместьями Росоловых, Ракова, Семенова и Лаврентьева владеет И. Волосатый, вотчиной Рябининых — помещик Максимов, вотчиной кн. Ряполовского — М. Мацкой и т. д. Некоторые старые семьи не исчезли из уезда, хотя они и не упомянуты в межевой книге 90-х годов. Так, например, Скрипицыны, хотя и потеряли свои верхдубенские владения (их поместьем — дер. Ходыревым — вла-

⁸⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 400—401. — В 1563 г. по Матвее Коротневе дал в Троицкий монастырь 50 руб. его брат (ВК-149, стр. 162); в 1564 г. сделано два вклада на сумму 130 руб. по старце Германе Коротневе (там же, стр. 163).

⁸⁶ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 62.

⁸⁷ Там же, вып. II, стр. 5, прим.

⁸⁸ В 1601/02 г. он был пострижен в монастырь за вклад 15 руб. (ВК-149, стр. 257).

⁸⁹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 407—408.

⁹⁰ Там же; В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного, стр. 46.

⁹¹ ОГКЭ, IV, №№ 882, 1400 и др.

⁹² Там же, № 986 (1563/64 г.).

⁹³ В 1599 г. известен Григорий Истомин, слуга Б. Годунова, сделавший денежный вклад в Троицкий Сергиев монастырь (ВК-149, стр. 243).

⁹⁴ В 1579 г. один из Кондратьевых дал в Троицкий монастырь 300 руб. (ВК-149, стр. 208). Однако распространенность фамилии не дает возможности установить его родство с верхдубенским помещиком 50-х годов Бобром Кондратьевым.

⁹⁵ В 1571 г. по кн. Ф. М. Ряполовском-Татеве его жена дала в Троицкий монастырь 50 руб. (ВК-149, стр. 183); в 1586 г. кн. П. И. Ряполовский-Татев был пострижен в монастырь за вклад в 50 руб. (там же, стр. 217).

дее в 90-х годах М. Григорьев),⁹⁶ зато получили поместье на бывших черных землях в Кистемском стану.⁹⁷ Где-то в уезде уцелели и Мякишевы — родичи Скрипицыных и бывшие владельцы дер. Вальцовой, которую они в 1559/60 г. дали Троицкому монастырю:⁹⁸ в десятое 1590 г. назван Образец Богданов сын Мякишев — новик, верстанный окладом 250 четвертей.⁹⁹

Сопоставление показаний обеих межевых книг и актового материала приводит к выводу, что большая часть верхдубенских землеладельцев середины XVI в. к началу 90-х годов утратила свои земли. В этом факте нельзя не видеть следствия правительственных мер этого времени и прежде всего — опричнины. Данные межевой книги 90-х годов о составе верхдубенских землеладельцев можно сопоставить с соответствующими материалами писцовых книг 1629/30 г. Согласно писцовым книгам, к 30-м годам XVII в. в Верхдубенском стану владели вотчинами и поместьями 24 светских феодала, в том числе Григоров, Зайцев, Красной, Мацкой, Михалков, шестеро Редриковых, Рябиныны, Скрипицын¹⁰⁰ и двое Тимановых. Таким образом, почти две трети землеладельцев 30-х годов связаны происхождением с феодалами конца XVI в. и за 40 лет (1590—1630 гг.) состав верхдубенских феодалов изменился гораздо меньше, чем за предыдущие 30 (1560—1590 гг.).

Родичи некоторых верхдубенских владельцев середины XVI в. известны в конце века как помещики окраинных уездов. Так, один из Скрипицыных владел в 90-х годах поместьем в Вяземском уезде.¹⁰¹ Сын Бобра Кондратьева, владевшего в 1557—1559 гг. поместьем в Верхдубенском стану,¹⁰² в конце 80-х годов — тульский помещик.¹⁰³ В Орловском уезде в 90-е годы владеет отцовским поместьем Митрофан Гаврилов сын Росолова.¹⁰⁴ В этом же уезде владел поместьем в 1594 г. и Нечай Шемякин.¹⁰⁵

Таким образом, в 60—80-х годах в истории феодального землеводства Верхдубенского стана можно наблюдать два основных и, по-видимому, взаимосвязанных явления: во-первых, сильное изменение личного состава феодалов — большинство старых владельцев утрачивает свои вотчины (и, по-видимому, частично

⁹⁶ Ср.: МК-254, №190; МК-348, лл. 158 об.—159 об.

⁹⁷ МК-348, л. 137 об.

⁹⁸ ОГКЭ, IV, № 868.

⁹⁹ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 63. — По писцовой книге 1629/30 г. старинная вотчина Мякишевых в Новосельском стану — селцо Павловское (ПК-812, лл. 153—157).

¹⁰⁰ Вдове Федора Рябинына принадлежит вотчина мужа — запустевшее село Рябинино с двумя пустошами (42 четверти) (ПК-812, лл. 544 об.—545 об.), переяславскому сыну боярскому Афанасию Андрееву сыну Скрипицыну — купленная пустошь (12 четвертей) (там же, лл. 526 об.—527).

¹⁰¹ ПКМГ, II, стр. 644—646, 648—650.

¹⁰² МК-254, № 201.

¹⁰³ ПКМГ, II, стр. 1231, 1237.

¹⁰⁴ Там же, стр. 981—983.

¹⁰⁵ Там же, стр. 866.

выселяется в окраинные уезды); на смену им приходят новые владельцы, в значительной степени связанные с Дворцом; во-вторых, изменение статуса феодального владения — вытеснение вотчины поместьем.

В соседнем с Верхдубеньем Шуромском стану троицкие владения появились только в годы опричнины за счет бывших боярских вотчин Морозовых и Заболотских. Соседями троицких сел Нового и Хребтова здесь являются земли помещиков Ивана Киселева (полсела Богородского), Кубаса Козлятина (село Селково) и сокольника Семена Чернцова (дер. Чернцово), земли без обозначения статуса владения — Семена Григорьева (дер. Торгашино и пустошь Красниково) и Леонтия Тиманова (дер. Горки), а также «государевы царевы и великого князя земли» села Заболотского с деревнями.¹⁰⁶

Межевание Шуромского стана рельефно отражает последствия опричнины. В руках «царя и великого князя» село Заболотское, родовое боярское гнездо Заболотских, утраченное ими, очевидно, в связи с опалами, казнями и ссылками. Материалы межевой книги дополняют, таким образом, ту картину разгрома боярской вотчины, которая отчасти рисуется по актам 60—70-х годов. Часть вотчины Заболотских была отдана владельцами в монастырь (село Новое), часть после конфискации роздана «новым людям», часть осталась в царском фонде. Владелец половины села Богородского, бывшей вотчины опальных Собакиных, теперь является помещик Киселев. Другие землевладельцы Шуромского стана — тоже, по-видимому, новые люди — в большинстве своем помещики, связанные с Дворцом.

В Кинельском стану межевая книга знает в числе троицких соседей вотчинников Микиту Баскакова, кн. И. Гагина, кн. И. М. Глинского, троих Зубовых, помещиков Напольских, Хомутова и Касаткина, с неизвестным статусом владения — А. Жукова и сытника Фому.¹⁰⁷ Новыми (по сравнению с 50-ми годами) лицами являются трое последних. Шихман Касаткин — государев конюх. Согласно межевой книге, ему принадлежит поместье пустошь Пески, которая в 50-х годах входила в состав вотчины Клобуковых. Жуков — тоже конюх, родичи которого упоминаются в переяславских актах в 60-х годах.¹⁰⁸ Видимо, тогда же он и получил земли в Кинеле. Владение Фомы Сытника — пустошь Бревново — в 50-х годах было вотчиной Ямщиковых.¹⁰⁹

Таким образом, новое пополнение кинельских феодалов — это мелкие дворцовые чины, испомещаемые на бывших землях кинельских вотчинников. Остальные кинельские владельцы межевой

¹⁰⁶ МК-348, лл. 164—167 об.

¹⁰⁷ Там же, лл. 154 об.—157, 179, 184.

¹⁰⁸ ОГКЭ, IV, № 942. — Жуковы были опричниками (В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного, стр. 38).

¹⁰⁹ МК-254, № 255.

книги 90-х годов — старые переяславские феодалы. Крупные вотчины князей Гагина и Глинского пережили опричнину, вотчина кн. Гагина даже увеличилась приобретением села Суровцева. Баскаков, Зубовы и Напольские — выходцы из фамилий коренных местных вотчинников. Предположительно старыми владельцами являются и Хомутовы — если судить по данным топонимики.¹¹⁰

Межевая книга 1557—1559 гг. и актовый материал содержат сведения более чем о трех десятках кинельских землевладельцев второй половины XVI в. После 70-х годов больше половины из них в переяславских источниках не упоминается. Это крупные вотчинники Адашевы и Яковли, средние и мелкие феодалы Гнездовы, Губины,¹¹¹ Катавасьевы, Клобуковы, Ларины, Мантуровы, Морины, Морхиныны,¹¹² Нармацкие-Ярцевы, Обуховы, Пескишевы, Таратины,¹¹³ Трофимовы, Хлуденевы,¹¹⁴ Ямщиковы. По-видимому, все они утратили свои земли вскоре после составления межевой книги конца 50-х годов.

Представители некоторых из этих семей были помещены на окраинах. Так, в конце 70-х годов несколько Губиных владеют поместьями в Каширском уезде;¹¹⁵ им же принадлежало до конца 80-х годов поместье в Тульском уезде.¹¹⁶ Трофимовы, утратив переяславские и московские¹¹⁷ вотчины, в 90-х годах фигурируют как орловские помещики.¹¹⁸ Хлуденевы к 70-х годам утратили переяславские земли, а также земли в Коломне,¹¹⁹ но в 90-х годах несколько представителей этой семьи владеют поместьями в Вяземском уезде.¹²⁰ Таратины в 90-х годах известны как помещики Звенигородского уезда.¹²¹ Один из Обуховых в конце 70-х годов — помещик Каширского уезда.¹²²

Басовы, вотчинники средней руки, известные по актам 50—60-х годов,¹²³ к концу века потеряли свои переяславские земли. Про последнего переяславского представителя этой фамилии, Герасима Матвеева сына, на смотре 1604 г. окладчики сказали, что за ним нет ни вотчины, ни поместья и «собою худ и в службу не

¹¹⁰ В XV в. известна «Хомутовская дорога» (АСВР, I, №№ 360, 646).

¹¹¹ Богданов Постников сын Губин был замешан в 1562 г. в попытке кн. И. Д. Бельского бежать в Литву и подвергся опале (ПСРЛ, т. XIII, ч. II, стр. 340); в 1578 г. Иван Иванов сын Губин дал в Троицкий монастырь 50 руб. по брате Василии (ВК-149, стр. 205).

¹¹² МК-254, № 236 (поместье — дер. Новинки).

¹¹³ Там же, № 238 (село Микрюково).

¹¹⁴ В списках казенных фигурирует имя одного из Хлуденевых — Василия (С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 466).

¹¹⁵ ПКМГ, II, стр. 1365, 1367, 1397, 1400.

¹¹⁶ Там же, стр. 1192.

¹¹⁷ Там же, I, стр. 29, 32.

¹¹⁸ Там же, II, стр. 879, 893, 989, 1059.

¹¹⁹ Там же, I, стр. 519.

¹²⁰ Там же, II, стр. 640, 641, 647.

¹²¹ Там же, I, стр. 698, 699.

¹²² Там же, II, стр. 1499, 1500, 1505.

¹²³ ОГКЭ, IV, №№ 863, 988.

пригодится». ¹²⁴ Зато на южной окраине страны можно в конце XVI в. насчитать до полутора десятков Басовых — тульских, орловских и дедиловских помещиков. ¹²⁵

Обратимся к той части кинельских владельцев, которая сохранила свои земли в уезде до конца века. В истории Баскаковых, начиная с 60-х годов, обращают на себя внимание три основных факта. Это, во-первых, утрата ими большей части их переяславских земель и вообще исчезновение из уезда большинства представителей этой фамилии. Если по актам 50—60-х годов можно насчитать не менее десятка Баскаковых — землевладельцев Кинельского стана, то межевая книга 1592/93 г. знает только одного Баскакова. В писцовой книге 1629/30 г. фигурирует тоже только один Баскаков — Овдоким Иванов сын, владелец пожалованной вотчины и поместья в Гулятине стану. ¹²⁶ Второй факт — появление Баскаковых в окраинных уездах. В конце XVI в. многие Баскаковы известны как помещики Тульского, Полоцкого, Вяземского уездов. ¹²⁷ Если земли Баскаковых в соседних с Кинелем волостях Московского уезда существовали еще в первой половине XVI в., ¹²⁸ то появление представителей этой фамилии в качестве помещиков на южной и западной окраинах вызвано, очевидно, земельной политикой правительства в 60—80-х годах. Таким образом, утрата Баскаковыми большей части их переяславских вотчин стоит в связи с наделением их поместьями именно в этих уездах. Некоторые из Баскаковых пострадали, видимо, в период опричнины: в 1586/87 г. царь «пожаловал, отдал» детям Ивана Лопаты Баскакова их родовую вотчину (сельцо Асанов враг и пустошь Васильево), конфискованную, вероятно, в период опал и казней. ¹²⁹ Запустевшие земли были сразу заложены вотничниками царскому стремянному конюху Шихману Касаткину. ¹³⁰ Третий факт — начиная с 70-х годов можно проследить связи Баскаковых с Дворцом. Шемет Баскаков был конюшенным дьяком и имел поместья в Московском уезде. ¹³¹ В 80-х годах один из Баскаковых, Суббота Кузьмин сын, был государевым конным псарем и имел поместье на р. Молокче в Кинеле — в районе старинных родовых вотчин своей фамилии. В 1588 г. его «убили разбойники», и на его место в тот же оклад, 150 четвертей, и на то же поместье

¹²⁴ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 5, прим.

¹²⁵ ПКМГ, II, стр. 1019, 1021, 1081, 1161, 1163, 1247, 1262, 1281, 1298.

¹²⁶ ПК-812, лл. 594 об.—596 об., 605—607.

¹²⁷ ПКМГ, II, стр. 1101, 1124, 555, 563, 631, 637, 642, 643.

¹²⁸ АСБВ, № 899.

¹²⁹ В Синодике опальных названы двое Баскаковых — Василий и Севрин (С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 258). Это несомненно родичи переяславских Баскаковых, принадлежащие к той ветви, которая была наделена поместьями в Новгородской земле после присоединения Новгорода (ср.: ТК—ТД, стр. 96).

¹³⁰ ОГКЭ, IV, № 965, 966.

¹³¹ ПКМГ, I, стр. 258.

был назначен его сын.¹³² Принадлежностью Баскаковых к дворцовым чинам объясняется, видимо, отсутствие их имен в десятиях конца XVI в.

Зубовы, как и Баскаковы, принадлежат к числу старейших кинельских вотчинников, хорошо известных еще в XV в. Родовым центром их было село Ивановское на р. Молокче. По межевой книге 1592/93 г. им принадлежит только половина этого села, другая половина его — «государева земля».¹³³ В конце XVI в. Зубовы владеют и другими землями в уезде — им принадлежало, в частности, село Федяево с деревнями, проданное ими И. В. Годунову.¹³⁴ В 1584 г. один из Зубовых — городской сын боярский по Переяславлю с окладом 250 четвертей.¹³⁵ В отличие от Баскаковых Зубовы и позже сохраняют многочисленные переяславские владения: в 1629/30 г. 14 представителей этой фамилии владеют 9 вотчинами и 5 поместьями в 6 станах уезда, в том числе и в Кинеле.¹³⁶ Как показывает межевая книга 90-х годов, одним из источников роста землевладения Зубовых во второй половине XVI в. является наделение их поместьями на черных землях: Василий Зубов владеет дер. Гуляшкиной, частью бывшей Ясеновской волости.¹³⁷ Наряду с этим Зубовы испомещаются и в южных уездах — Каширском и Орловском.¹³⁸ В конце XVI в. Зубовы проникают в ряды центральной правительственной администрации: один из них — дьяк Поместного приказа.¹³⁹

Мелкие феодалы Напольские в XV—XVI вв. владели вотчинами в Кинеле и в соседних волостях Московского уезда.¹⁴⁰ Как свидетельствует межевая книга 90-х годов¹⁴¹ и десятиа 1604 г.,¹⁴² они сохранили земли вплоть до начала XVII в. Однако статус их владений, видимо, изменился: в межевой книге 90-х годов Напольские известны как помещики; с «отцовского поместья» в 200 четвертей служит в 1604 г. и Степан Богданов сын Напольский. Получают Напольские поместья и на южной окраине — в Тульском уезде.¹⁴³

Таким образом, в истории землевладения 60—90-х годов двух соседних западных станов — Кинельского и Верхдубенского —

¹³² ОГКЭ, IV, № 1478.

¹³³ МК-348, лл. 154 об.—155 об.

¹³⁴ ОГКЭ, IV, № 1118.

¹³⁵ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 18.

¹³⁶ ПК-812, лл. 635 об.—640, 644; ПК-7646, лл. 30 об.—33 об., 173—180 об., 730—735 об., 789—791; ПК-7647, лл. 1168 об.—1175, 1219 об.—1223 об., 1511 об.—1514 об., 1930—1933.

¹³⁷ МК-348, л. 133 об.

¹³⁸ ПКМГ, II, стр. 1412, 1413, 985, 994, 995.

¹³⁹ Там же, I, стр. 607; II, стр. 1525.

¹⁴⁰ МК-254, №№ 244, 246, 247, 254; ПКМГ, I, стр. 249, 262.

¹⁴¹ МК-348, лл. 179—180.

¹⁴² В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 40.

¹⁴³ ПКМГ, II, стр. 1206.

можно наблюдать много общих черт: переход старинных вотчин в руки новых владельцев — помещиков, сильное возрастание удельного веса дворцового элемента,¹⁴⁴ превращение старых вотчинников в помещиков окраинных уездов. Это сходство вполне объяснимо: оба эти стана — район ранней феодализации, район господства старинного средне- и мелковотчинного землевладения и почти полного отсутствия черных волостных земель.

В северо-восточной части уезда, по берегам р. Малой Нерли (Кистемский и Замытский станы), межевая книга называет троицкие вотчины — села Хупань и Андрианово (рис. 6). Соседями этих сел являются 13 светских владельцев: Василий Зубов (поместье дер. Гуляшкино); пан Федор Ежевский (поместье дер. Покрытное); Ирина Семенова вдова Вельяминова («земля» Растовская); Михаил Вельяминов (поместье деревни Воронино и Головинская); Дмитрий Замытский (вотчина дер. Фонинская); Микита Опраксин («земля» дер. Хомякино); Петр Павлов сын Чернцова (поместье дер. Селезенево); Савин Скрипицын (поместье дер. Маслово); Андрей Юров (поместье село Бахмурово); Ермола Коробов («земля» без названия); Яков Матвеев сын Григорьев (поместье деревни Горки и Заднее Петухово); Замятня Забелин («земля» дер. Онанкино); Богдан Семенов сын Губарев (поместье село Фоминское).¹⁴⁵

За 35 лет состав феодалов-землевладельцев сильно изменился: из семи семей владельцев 50-х годов к началу 90-х годов уцелели только две — Замытские и Юровы-Пановы.

Дмитрий Замытский межевой книги 90-х годов — это, видимо, ловчий Дмитрий Андреевич. Межевая книга называет его вотчинником дер. Фонинской и др. Но из актового материала известно, что Фонинское, принадлежавшее Замытским, было в 70-х годах дано ими в Троицкий Сергиев монастырь.¹⁴⁶ В 1585/86 г. Дмитрий Андреевич Замытский получил сельцо Фонинское в условное держание «до живота» без права распоряжения и с выплатой монастырю 50 руб.¹⁴⁷ Таким образом, в начале 90-х годов Д. А. Замытский — не вотчинник, а временный держатель бывшей родовой вотчины.

11 землевладельцев из 13 — новые для этого района лица. В. Зубов и С. Скрипицын принадлежат к коренным переяслав-

¹⁴⁴ Из светских землевладельцев Кинельского стана 1629/30 г. кн. Велико-Гагин, Зубовы, Измайлов и Тимоновы происходят от феодалов XVI в. Из четырех новых лиц трое — Бружков, Жердин и Парский — принадлежат к дворцовым чинам (подключник Кормового дворца, страпчий того же дворца, царцына чину сын боярский) (ПК-812, лл. 617—620, 622—623 об., 640—641 об.; ПК-7647, лл. 1922 об.—1930).

¹⁴⁵ МК-348, лл. 133—135 об., 138—141.

¹⁴⁶ ОГКЭ, IV, № 879; АСБВ, № 1505. — Вклад Давыда Никитича Замытского — сельцо Пореево и приселок Фонинское в 1572/73 г.

¹⁴⁷ ОГКЭ, IV, № 936.

ским родам, чьи вотчины в XV—XVI вв. были в Кинельском и Верхдубенском станах. В Кинельском же стану в конце XV в. упомянуты Вельяминовы, — возможно, предки М. и С. Вельяминовых.¹⁴⁸ П. П. Чернцов — из мелких дворцовых чинов: его родич Семен — сокольник, владеющий по той же межевой книге поместьем в Шуромском стану.¹⁴⁹ Впервые имя Чернцовых появляется в актах в 1571/72 г., им принадлежит вотчина в Новосельском стану.¹⁵⁰ Облик Микиты Опраксина довольно ясно рисует десятина

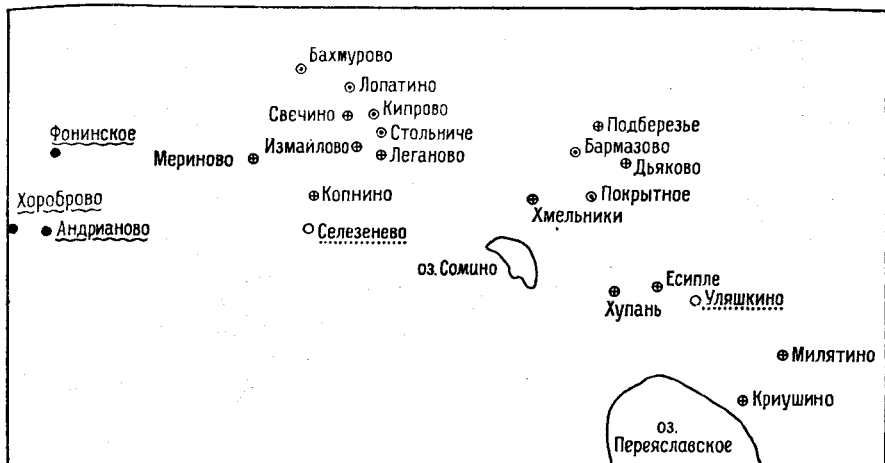

Рис. 6. Кистемский стан в 1550—1590-х годах.

1604 г., в которой про его сына Петрака окладчики сказали: «...поместья отца за ним... 130 четвертей, в Юрьеве — вотчина 100 четвертей. Отец его был во псарех».¹⁵¹ Таким образом, М. Опраксин — выходец из тех же низших слоев дворцовых слуг, что и Чернцов. С Дворцом связаны и Коробовы, чье имя впервые упоминается в 40-х годах — один из Коробовых был в 1587 г. дворцовым ключником.¹⁵² Сам Ермола Коробов — городской сын боярский, по десятне 1584 г. имеет высший оклад — 700 четвер-

¹⁴⁸ АСВР, I, №№ 522, 577.

¹⁴⁹ В кречетниках, судя по десятне 1604 г., служил и И. Чернцов — с поместьем в 100 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 5, прим.). На связи Чернцовых с Дворцом указывает и писцовая книга 1629/30 г., перечисляющая около двух десятков представителей этой фамилии — кречетников, сокольников, ястребников, владеющих мелкими поместьями и вотчинами в разных станах уезда.

¹⁵⁰ ОГКЭ, IV, № 811.

¹⁵¹ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 5, прим.

¹⁵² ОГКЭ, IV, №№ 1003, 1004, 1399.

тей и «емлет деньги из чети».¹⁵³ Таким образом, в отличие от дворцовой мелкоты — Чернцовых и Опраксыных — Коробовы занимали видное служебное положение как во Дворце (ключник), так и вне его. З. Забелин относится к фамилии выходцев из «литвы дворовой», известный Тетради дворовой и межевой книге 50-х годов его отец Ю. Забелин владел поместьем в Тошменском стану.¹⁵⁴ В 1590 г. Замятня Забелин — дворовый сын боярский с окладом 450 четвертей.¹⁵⁵ В актах упоминается фамилия Григоровых (или Григорьевых).¹⁵⁶ Родичи Я. М. Григорова владеют по межевой книге поместьями в Верхдубенском и Шуромском станах. Имя Губаревых в актах XVI в. не встречается. Сам замытский помещик Б. С. Губарев — городской сын боярский с окладом 200 четвертей и 11 руб.¹⁵⁷

Каковы судьбы владельцев 50-х годов, чьи имена не упомянуты в новой межевой книге (Д. Федосеев, В. Хвостов, кн. Г. Козловский, Г. Нороватый, М. Клобукова)? Некоторые из них подверглись опале и их земли были конфискованы. В списках опальных мы находим имя казненного В. Хвостова. Его бывшее поместье — село Бармазово — теперь «земля царя и великого князя», ждущая поместной раздачи. В числе опальных были и Клобуковы. Имя Нороватых Синодику неизвестно; представители этой фамилии встречаются в десятиях 80-х годов.¹⁵⁸ Один из них, как свидетельствует межевая книга, владеет поместьем в Верхдубенском стану. О судьбе Д. Федосеева нет никаких сведений. По-видимому, он был казнен или выслен из уезда: его поместьем — деревней Покрытной — в начале 90-х годов владеет польско-литовский выходец пан Ежевский. Нет сведений и о судьбе кн. Т. Козловского.¹⁵⁹

Имена некоторых старых кистемских владельцев можно в конце

¹⁵³ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 7. — Имя Коробовых известно и Тетради дворовой. Писцовая книга 1629/30 г. знает М. И. Коробова — стряпчего Сытного двора, владевшего землями в Кодяеве, Новосельском и Шуромском станах (ПК-812, лл. 238—238 об., 20—21; ПК-7647, лл. 1741 об.—1743 об.).

¹⁵⁴ МК-254, №№ 51—57.

¹⁵⁵ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 59.

¹⁵⁶ ОГКЭ, IV, № 1008.

¹⁵⁷ В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 19; вып. I, стр. 60. — В писцовой книге 1629/30 г. фигурируют Губаревы, в том числе жалец Василий Иванович с землями в Киучерском и Пневичком станах (ПК-7646, лл. 760—764, 582—583, 593 об.—597 об., 615 об.—617 об.).

¹⁵⁸ Михалко Григоров сын Нороватого, — очевидно, сын бывшего кистемского помещика, владевшего в 1557/58 г. деревнями Пырьеватой и Юровской. В 1590 г. М. Г. Нороватый — городской сын боярский с окладом 130 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 60).

¹⁵⁹ В 1629/30 г. кн. А. Г. Козловский владеет поместьем в Мишутинском стану (ПК-7647, лл. 1463—1464 об.).

XVI в. обнаружить в составе землевладельцев других уездов. Так, в конце 70-х годов Хвостовы владеют поместьями в Коломне,¹⁶⁰ а в 90-х годах — в Орле.¹⁶¹ Есть сведения, что один из Хвостовых был помещиком в Вязьме.¹⁶² Юровы в 70-х годах владеют поместьями в Епифани,¹⁶³ в 80-х годах — в Дедилове,¹⁶⁴ в 90-х годах — в Орле,¹⁶⁵ им принадлежало и поместье в Туле.¹⁶⁶

Материалы межевой книги свидетельствуют, что новые землевладельцы получают поместья прежде всего на территории бывших черных волостей. Так, В. Зубов получил поместье на землях Ясеновской, Н. Опраксин и П. Чернцов — на землях Заборской, С. Скрипицын — на земле Нутской волости.

Таким образом, в аграрной и социальной истории северо-восточной части уезда в 60—80-х годах можно отметить два существенных явления. Это, во-первых, дальнейшее развитие поместного землевладения за счет остатков черных земель, сохранявшихся еще здесь до опричнины, и, во-вторых, значительное обновление личного состава самих феодалов, прежде всего усиление среднепоместного дворцового элемента.

Южная часть Переяславского уезда по берегам рр. Киржача и Шерны (Кодяев, Борисоглебский и Слободской станы) не была затронута межеванием 50-х годов. Поэтому о составе местных землевладельцев этого времени можно судить только по актовому материалу. До 60-х годов акты называют здесь более полутора десятка имен феодалов средней руки.¹⁶⁷

Согласно межевой книге 1592/93 г., в Кодяеве стане и Марининой Слободе Борисоглебского стана расположены троицкое село Мячково с многочисленными деревнями и землями зависимого от Троицы Благовещенского Киржачского монастыря. Соседями их являются: «государевы» Аргуновская и Марининская волости (остатки черных земель); «государевы земли» (отдельные села и деревни); патриаршие земли — старинный домен патриаршего (митрополичьего) дома, волости Романовская и Каринская; земли московского Новоспасского монастыря (село Новоселки с деревнями); вотчина А. Ф. Нагого (сельцо Клобуково); поместья Б. Асина¹⁶⁸ (сельцо Бобково с деревнями), татар братьев Але-

¹⁶⁰ ПКМГ, I, стр. 563—565.

¹⁶¹ Там же, II, стр. 894.

¹⁶² Там же, стр. 794, 795.

¹⁶³ Там же, стр. 1585, 1586.

¹⁶⁴ Там же, стр. 1284.

¹⁶⁵ Там же, стр. 875, 1044, 1051.

¹⁶⁶ Там же, стр. 1199.

¹⁶⁷ Асины, Бобковы, Конковы, Кроткие, Курцовы, Леонтьевы, Лихаревы, Макаровы, Мещериновы, Нагие, Новокрещеновы, Сусловы, Тутолмины, Чемодуровы, Чертовские, Ярцевы.

¹⁶⁸ В 1584 и 1590 гг. — городской сын боярский с окладом 150 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 18; вып. I, стр. 60).

ксандра и Афанасия (дер. Чепасово), Н. Всесвятского¹⁶⁹ (пустошь Фофаново), немчина З. Ломиноса (пустоши Брюханово и Старостино); без обозначения статуса владения — земли Оксиньи Федоровой жены Молвяниновой (село Смолнево) и кн. Д. Шуйского (дер. Курбатово). Межевая книга упоминает здесь также бывшую вотчину И. Г. Нагого (отданную Киржачскому монастырю), бывшее поместье Чемодуровых¹⁷⁰ (пустошь Жилина) и ряд поместных земель без обозначения владельцев и «пустотных» (не имеющих владельца?) земель.¹⁷¹

Следовательно, основная масса владельцев 90-х годов — новые люди, только Аисины и Нагие относятся к старым фамилиям. Остальные феодалы этого района, известные по старым актам, по видимому, потеряли свои земли не позднее 70-х годов: после этого времени их имена не встречаются ни в актах, ни в десятинях, ни в писцовых книгах 1620-х годов. Относительно некоторых из них есть прямое указание, что они пострадали в период опричнины. Так, в Синодике встречаются имена троих Кротких.¹⁷² Остатки этой семьи нашли, возможно, пристанище в монастыре: в самом конце XVI в. упоминается троицкий слуга Филипп Молчан Кроткий, сделавший крупный денежный вклад.¹⁷³ В 1570 г. был казнен казначей Никита Курцев-Фуников — также старинный местный землевладелец.¹⁷⁴ В опалу попали и родичи Никиты — в августе 1572 г. царь распорядился шелонскими землями брата казначея, дьяка Константина Курцева.¹⁷⁵ В годы опал и казней Курцевы сохранили связи с Троицким Сергиевым монастырем: в 1566 г. Пелагея, жена Кушника Курцева, дала в монастырь 50 руб.,¹⁷⁶ а много лет спустя, в 1597 г., был сделан вклад по жене и сыну Никиты Курцева-Фуникова.¹⁷⁷

Имена некоторых старых киржачско-шерненских вотчинников встречаются в конце XVI в. среди помещиков южных уездов: в Каширском уезде испомещены Леонтьевы,¹⁷⁸ Мещериновы¹⁷⁹ и Тутолмины.¹⁸⁰ Тутолмины имеют поместье и в Веневе.¹⁸¹

¹⁶⁹ В 1584 и 1590 гг. — городской сын боярский с окладом 150 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 21; вып. I, стр. 60).

¹⁷⁰ Один из Чемодуровых — городской сын боярский, оклад которого с 1584 по 1590 г. был уменьшен со 130 до 70 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. II, стр. 24; вып. I, стр. 63).

¹⁷¹ МК-348, лл. 146 об. — 153.

¹⁷² С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 402.

¹⁷³ В 1596/97 г. — 100 руб. (ВК-149, стр. 234).

¹⁷⁴ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины, стр. 405.

¹⁷⁵ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией, т. II. СПб., 1862, табл. 647; т. III. СПб., 1868, табл. 128.

¹⁷⁶ ВК-149, стр. 171.

¹⁷⁷ Там же, стр. 236. — Вклад сделал протопоп Дмитрий.

¹⁷⁸ ПКМГ, II, стр. 1332, 1382, 1383, 1445, 1483, 1498, 1499, 1506.

¹⁷⁹ Там же, стр. 1352.

¹⁸⁰ Там же, стр. 1386, 1390, 1393, 1438, 1507.

¹⁸¹ Там же, стр. 1556.

В Никитском стану (восточная часть уезда) троицкие села Милославль и Сушково граничат с вотчиной Г. В. Годунова (село Смоленское с деревнями) и Е. Онаньина (пустошь Скрипицыно), поместьями Н. Враникова (пустошь Высокая), Т. Маркова и С. Михайлова (сельцо Вески), П. Трусова (село Розчин), панов И. Зубринского (село Скоблево) и какого-то Остафия «с товарищи» (село Петровское) и «государевыми землями» сел Вески и Поварово.¹⁸²

Состав землевладельцев этого района в первой половине XVI в. известен плохо, поэтому нет возможности установить, когда появилась здесь вотчина боярина и дворецкого Г. В. Годунова. Однако, судя по тому, что Г. В. Годунов упомянут в Дворовой тетради как сын боярский Переяславского уезда,¹⁸³ надо полагать, что он владел землей здесь уже в 50-х годах. Е. Онаньин — потомок старых вотчинников, известных еще в начале XVI в. Н. Враников, П. Трусов¹⁸⁴ и «паны», — по всей вероятности, новые люди, недавно появившиеся в уезде. Село Вески — бывшая вотчина Плещеевых-Басмановых, конфискованная у них в опалу. Часть этой вотчины пошла в поместную раздачу.

В Новосельском стану (центральная часть уезда) троицкая вотчина — села Пожарское и Епанечкино — граничит с землями Данилова и Горицкого монастырей (село Троицкое и деревни), Ямской слободы, «государевой землей» села Глебовского с деревнями и пустошами и владениями И. Миколаева (вотчина дер. Миколаево) и Ф. Стрелкова.¹⁸⁵ Миколаевы и Стрелковы — старые владельцы. В 50-х годах Миколаевым принадлежало в Новосельском стану поместье — полсела Володимерова.¹⁸⁶ Стрелковы — родичи Конковых, известные еще в 20-х годах.¹⁸⁷

Таким образом, межевая книга 90-х годов здесь не называет новых фамилий. Тем не менее она свидетельствует о значительных изменениях в землевладении стана. Село Пожарское, принадлежащее теперь Троицкому монастырю, — бывшая вотчина князей

¹⁸² МК-348, лл. 143 об.—146 об.

¹⁸³ ТК—ТД, стр. 141.

¹⁸⁴ В 1584 и 1590 гг. Петрок Богданов сын Трусов — городской сын боярский с окладом 150 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 60; вып. II, стр. 21).

¹⁸⁵ МК-348, лл. 142—143 об., 158—158 об.

¹⁸⁶ МК-254, № 68. — В 1584 г. И. Миколаев — городской сын боярский с окладом 150 четвертей и 7 руб., в 1590 г. — с окладом 130 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 60; вып. II, стр. 24).

¹⁸⁷ Дочь Семена Конкова Авдотья — жена Данила Стрелкова (ОГКЭ, IV, № 972 (1526/27 г.)). В 1584 г. Федосейко Алексеев сын Стрелков — городской сын боярский с окладом 100 четвертей. Затем его оклад был уменьшен до 70 четвертей (В. Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства, вып. I, стр. 61; вып. II, стр. 21).

Глинских.¹⁸⁸ По крайней мере часть земель, тянувших к царскому селу Глебовскому, — бывшие деревни феодалов, отписанные на государя: пустошь Василищево была в 50-х годах сельцом, вотчиной Базаровых,¹⁸⁹ дер. Говеново принадлежала тогда же помещикам Г. Хомякову и И. Малахову.¹⁹⁰

Если актовый материал 60—70-х годов отражает современные события почти исключительно с точки зрения монастыря, то межевая книга рисует более объективную картину. Ее материалы свидетельствуют, что в годы опричной политики в феодальном землевладении уезда действительно произошли крупные перемены. Наиболее существенные черты этих перемен — изменение состава феодалов и структуры феодального землевладения в целом. Больше половины светских владельцев, отмеченных в межевой книге 90-х годов, принадлежат к новым фамилиям, появившимся в уезде не ранее опричнины.¹⁹¹

Новые владельцы — прежде всего мелкие дворцовые слуги, получающие в поместья куски старых вотчин и черных волостей. Из 53 лиц, статус владений которых известен, 41 помещик (около 80%). Для сравнения можно указать, что в межевой книге 50-х годов на 53 помещика приходилось 80 вотчинников, т. е. помещиков было около 40%. Торжество нового поместья над старой вотчиной особенно заметно в западной части уезда, в районе старинного вотчинного землевладения, где до опричнины поместья почти не было и где оно теперь почти полностью вытеснило вотчину.

Владельцы старых вотчин, державшихся на вековой владельческой традиции, либо истребляются в годы опричнины, либо вытесняются на окраины государства, где в свою очередь становятся помещиками. Лишь небольшая часть их остается в уезде, в значительной степени сливаясь с новыми людьми и также превращаясь в помещиков. В настоящее время я не могу установить, было ли появление переяславских вотчинников в южных уездах результатом планомерного правительственного испомещения (как считал С. Ф. Платонов) или следствием стихийного «приискивания» земли самими вотчинниками, выселенными из своих родовых гнезд (как полагал С. Б. Веселовский). Но несомненным представляется, что появление переяславцев на окраинах страны

¹⁸⁸ Дано в монастырь кн. И. М. Глинским в 1584/85 г. (ОГКЭ, IV, № 898).

¹⁸⁹ МК-254, № 68.

¹⁹⁰ Там же, №№ 72, 74.

¹⁹¹ Этому выводу соответствуют в общем и наблюдения над составом служилых переяславцев по десятиям 1584 и 1590 гг. В них упомянуто 102 фамилий (143 лица), из которых до 60-х годов известны 29 фамилий (к ним в 80-х годах принадлежит 59 лиц). Правда, при сравнении материалов десяти с актовым материалом надо иметь в виду их неравноценность: актовый материал имеет вообще дело с другим кругом лиц, чем десяти. Поэтому само по себе сравнение десяти с актами еще не дает права для каких-либо выводов.

и их выселение из центрального уезда — две стороны одного и того же явления, обусловленного аграрной и социальной политикой правительства 60-х и последующих годов.

Одним из наиболее заметных следствий опричной политики было резкое сокращение боярского землевладения. Как видно по актовому материалу и межевой книге, ряд крупных вотчин прекращает свое существование и переходит в руки помещиков и монастырей. Может создаться впечатление, что уничтожение крупного боярского землевладения — одна из целей политики правительства второй половины XVI в. Однако даже материалы Переяславского уезда, сильно пострадавшего в опричнину, свидетельствуют, что крупная боярская вотчина, как таковая, пережила и опричнину, и последующие десятилетия. В самый разгар опричных опал и казней в Переяславском уезде сохраняются вотчины князей Гагиных, Глинских и частично Замытских. Еще более существенно, что старые боярские вотчины, конфискуемые у опальных прежних владельцев, поступают в поместную раздачу не всегда и не сразу. Зачастую они жалуются новым людям, сохраняя характер крупной вотчины. Так, после опалы Морозовых их вотчина (село Хребтово) досталась И. М. Висковатому, а от него — кн. В. И. Темкину-Ростовскому и дьяку Щелкалову. Правительственный террор, направленный против представителей старого боярства, не преследовал, по-видимому, цели уничтожения крупного боярского землевладения как такового. Распад и гибель старых вотчин в ряде случаев были косвенным следствием правительственной политики, прежде всего неумением или нежеланием новых владельцев сохранить или наладить хозяйство в доставшихся им боярщинах. В условиях крайней неустойчивости своего личного положения в годы опричного террора, а может быть, и под влиянием нарастающего хозяйственного упадка эти новые владельцы охотно расстаются со своими вотчинами, отдавая их в монастыри.

В конце XVI в. правительство продолжает наделять крупными вотчинами отдельных представителей высшего слоя класса феодалов, поддерживая, таким образом, крупное боярское землевладение. Так, кн. Ф. И. Хворостинин, в прошлом видный опричник, получил при царе Федоре огромную вотчину в Кистемском стану (села Заозерье и Новое Клинцово с деревнями, всего более 1200 четвертей пашни).¹⁹² Однако крупное боярское землевладение конца XVI—начала XVII в. не тождественно старой боярской вотчине доопричного периода. Новая вотчина носит в большинстве случаев «служилый» характер — она обязана своим происхождением пожалованиям правительства, а не вековым владельческим

¹⁹² ГБЛ, ф. 303, кн. 541, лл. 394—399 (духовная кн. Ф. И. Хворостинина). — В этой же духовной говорится об очень крупной вотчине, полученной кн. Ф. И. Хворостининым в Костромском уезде (село Городище, 1400 четвертей пашни).

традициям. Владельцами этой вотчины являются высшие представители новой служилой бюрократии, военной и гражданской. В конце XVI в. новая вотчина окружена кольцом поместий, принадлежащих той же бюрократии, а не морем черных волостей и свободных мелких вотчин, как во времена раннего московского вассалитета. И, что является наиболее существенным, вотчина конца XVI в. имеет ту же крепостническую природу, что и соседнее поместье: хозяйственная основа такой вотчины — труд крестьян, потерявших с отменой права выхода последние остатки дофеодальной «свободы». Все это заставляет рассматривать новую боярщину как форму землевладения, отличающуюся от поместья только юридически. Побочным, но важным продуктом опричной перестройки землевладения в уезде является рост монастырской вотчины, пополняющейся за счет остатков разгромленных боярщин и раздаваемых помещикам черных волостей.

При ознакомлении с актовым материалом конца XVI в. прежде всего бросается в глаза его бедность: актов за 80—90-е годы известно значительно меньше, чем за любое предыдущее десятилетие XVI в. Причина этого — резкое сокращение приобретательской деятельности монастыря. С начала 80-х годов количество вкладов в монастыри резко падает. За 25 лет (1580—1605 гг.) можно насчитать не более десятка вкладов. Одной из причин прекращения вкладов были несомненно правительственные меры начала 80-х годов, прямо направленные против приобретения монастырями новых вотчин. Однако, по-видимому, главная причина приостановки вкладов в монастыри в 80—90-х годах лежит в сфере не юридической, а социально-экономической: в изменении условий жизни среднерусского феодала и его вотчины.

С прекращением политики массовых переселений, опал и казни исчезает один из главных стимулов вкладов — стремление найти прибежище для себя и родового имущества в стенах монастыря. Потеря светскими феодалами большого количества земель в 60—70-х годах делает для них дальнейшие земельные вклады нежелательными. Сокращаются и денежные вклады: Троицкий Сергиев монастырь получил, например, за 1581/82—1600/01 гг. около 19 000 руб. (не считая царских вкладов)¹⁹³ — на 40% меньше, чем в предыдущие два десятилетия.

Немногие вклады конца века делаются представителями привилегированной боярской верхушки, для которой, по выражению С. Б. Веселовского, «законы не были писаны». Так, в 1585/86 г. бездетный князь И. М. Глинский дал в Троицкий Сергиев монастырь приданое жены — село Логиново-Пожарское в Новосельском стану.¹⁹⁴ Совершенно исключительный характер носит пожалование тому же монастырю села Площева — бывшей Площев-

¹⁹³ ВК-150, лл. 155—155 об.

¹⁹⁴ ОГКЭ, IV, № 898.

ской волости, находившейся со второй четверти XVI в. в вотчине за князьями Глинскими. Это село с 74 деревнями и 1788 четвертями пашни было дано в монастырь в 1602 г. по жалованной грамоте царя Бориса на основании духовной кн. И. М. Глинского.¹⁹⁵ Можно предполагать, что правительством Бориса Годунова в данном случае руководили политические мотивы — стремление добиться поддержки наиболее крупного и авторитетного монастыря в годы приближения Смуты. Но это приобретение Троицкого монастыря не меняет общей картины остановки роста монастырского землевладения.

Социально-экономическая действительность послеопричного периода вызвала к жизни еще одно новое явление в сфере отношений между монастырем и светским феодалом. Это «держание вотчины до живота» за единовременный денежный взнос монастырю. Случаи пожизненного держания вложенной в монастырь вотчины были хорошо известны и раньше и нередко прямо оговаривались в актах. Однако в этих случаях держателями были либо сами вкладчики, либо их ближайшие родичи (жена, дети). Кроме того, держание не обуславливалось денежным взносом монастырю. Держания конца XVI в. носят принципиально иной характер. Так, в 1575/76 г. Р. М. Пивов за вклад 100 руб. в Троицкий Сергиев монастырь получил в пожизненное держание старинную монастырскую вотчину — село Скнятиново на р. Молокче, принадлежавшее монастырю уже более ста лет.¹⁹⁶ При этом монастырь обязуется при жизни Пивова «не вступаться» в его держание. В 1579/80 г. Г. Ф. Шушерин за вклад в 70 руб. получил в держание полсельца Боярова в Шуромском стану.¹⁹⁷ Около этого же времени аналогичную сделку с монастырем совершил и В. Г. Бельский — на сельцо Степаново в Слободском стану.¹⁹⁸ Известна также сделка Г. Олябева — он получил в держание сельцо Пареево (бывшую вотчину Замытских) за вклад в 100 руб.¹⁹⁹ Подобный же элемент — держание за денежный вклад — появляется теперь и в сделках монастыря с родичами вкладчиков. Так, в 1585/86 г. Д. А. Замытский за вклад в 50 руб. получил родовое сельцо Фонинское.²⁰⁰

На это явление в истории монастырского землевладения обратил внимание С. Б. Веселовский.²⁰¹ Нельзя не согласиться с ним, что подобные сделки были весьма выгодны для монастырей и

¹⁹⁵ Там же, № 1404.

¹⁹⁶ ОГКЭ, IV, № 933. — В 1595 г. Р. М. Пивов сделал в монастырь крупный денежный вклад — 100 руб. по себе и родителям (ВК-149, стр. 230).

¹⁹⁷ ОГКЭ, IV, № 934.

¹⁹⁸ Там же, № 935.

¹⁹⁹ Там же, № 938. — В 1575 г. Голова Алябьев сделал в монастырь еще один вклад — 50 руб. (ВК-149, стр. 197).

²⁰⁰ ОГКЭ, IV, № 936.

²⁰¹ С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в., стр. 114—116.

были вызваны со стороны монастырей трудностями в хозяйственной эксплуатации запущенных вотчин. Так, например, село Скнятиново, данное в держание Р. М. Пивову, досталось последнему в совершенно запущенном виде: «А деревень на пустоших нет».²⁰² Труднее понять два других момента: во-первых, чем объясняется стремление служилых людей получить в держание запустошенную землю, да еще за денежный вклад, и, во-вторых, почему подобные сделки преследовались правительством. На первом из этих вопросов С. Б. Веселовский не останавливается, а по поводу второго замечает, что держание земли до живота «противоречило основному принципу политики московского правительства — чтобы земля не „выходила“ из тягла и службы».²⁰³ Подобное соображение, однако, представляется недостаточно убедительным, если речь идет о вотчинах, издавна принадлежавших монастырю (а именно такие вотчины и даются в держание, согласно известным источникам). Наоборот, казалось бы, практика держания земли, стимулируя подъем производительных сил и увеличивая тяглоспособность монастыря, должна была быть выгодна для правительства, особенно после отмены тарханов. Тем не менее отрицательное отношение правительства к подобным сделкам — несомненный факт. Например, в 1592/93 г. Г. Олябьев по царскому указу должен был отдать свое держание в монастырь и получить денежный вклад обратно.²⁰⁴

Мне кажется более вероятным, что отрицательную реакцию правительства вызывала не юридическая и экономическая, а социально-политическая сторона сделок о держании земли. В этих сделках правительство могло усмотреть стремление служилых людей вступить в тесные связи с монастырем, отдаться под его покровительство и эвентуально покинуть службу, превратившись в монастырских слуг, в чем, конечно, правительство не могло быть заинтересовано. Возможно, что это соображение в какой-то мере действительно руководило феодалами, вступавшими с монастырем в подобные сделки. Другой не менее важной причиной, заставлявшей феодалов брать землю у монастыря, был, по-видимому, своего рода «земельный голод» — результат весьма невыгодного для светских владельцев перераспределения земли в 60—70-х годах. Как мы видели, в этот период интенсивных вкладов светские вотчинники потеряли многие десятки поселений и тысячи четвертей земли, перешедших в руки монастырей.

В некоторых случаях, по-видимому, родичам вкладчиков удавалось вернуть — выкупить земли. В других же случаях вотчинники бывали вынуждены ограничиться пожизненным держанием, как сделал Д. А. Замытский. Стремление увеличить свои владе-

²⁰² ОГКЭ, IV, № 933.

²⁰³ С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в., стр. 115.

²⁰⁴ ОГКЭ, IV, № 938.

ния, хотя бы без права распоряжения землей, было, вероятно, свойственно и лицам, впервые получившим землю в Переяславском уезде, например Р. М. Пивову. При этом следует иметь в виду, что пожизненное держание могло перерасти в наследственное: недаром Троицкий монастырь переписал «отпись» Р. М. Пивова на имя его сына.²⁰⁵ Однако в конце XVI в. уже не было объективных условий для сохранения и развития монастырского патроната. В условиях всеобщего распространения служилых отношений, пронизывающих весь класс феодалов и опирающихся на развитую помеотно-крепостническую систему, монастырский патронат, как и земельные вклады в монастыри, превращается в пережиток уже ушедшей эпохи.

Уничтожение черной волости в центре страны во второй половине XVI в. — конечный этап аграрной истории раннего русского феодализма. С исчезновением волости к концу XVI в. земля стала на практике, как и в теории, монопольной собственностью класса феодалов. История землевладения в дальнейшем превращается в борьбу за землю и рабочие руки между отдельными прослойками класса феодалов. Из этих прослоек во второй половине XVI в. на первый план выдвигается мелкий дворцовый слуга — представитель низшего, отчасти среднего слоя класса феодалов. Именно он больше всего выигрывает от перестройки структуры класса феодалов и статуса феодального землевладения при Иване IV. Юридическим оформлением этой перестройки является замена старой вотчины новым поместьем.

Отмена монастырских тарханов, т. е. уравнивание церковного землевладения со светским в тяглом отношении, наряду с прекращением вкладов в монастыри означает втягивание монастырской вотчины в новую систему поместных служилых и тяглых отношений, которая становится теперь основной чертой русского феодализма.

Отныне центр тяжести классовой борьбы между феодалом и крестьянином всецело переносится внутрь феодального владения, перестроенного на новых основаниях. Отмена права крестьянского выхода логически и исторически тесно связана с уничтожением свободной крестьянской общины.

Итак, крепостническое поместье, поглотившее черную волость и вытеснившее старую вотчину, — вот что является наиболее характерной чертой среднерусского уезда на рубеже XVII в. В русской истории начинается новый период, первым актом которого была крестьянская война начала XVII в.

²⁰⁵ Там же, № 933.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акты	— М. И. Смирнов. Указатель рукописных и изданных документов Переславль-Залесского края. Ч. I. Акты XIV—XVI вв. «Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб)», вып. 12. Переславль-Залесский, 1924.
АСВБ	— Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, ф. 29 (С. Б. Веселовского), копии XX в. актов Троицкого Сергиева монастыря.
АСВР, I, II, III	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I. М., 1952; т. II, М., 1958; т. III, М., 1964.
АФЗХ, I, II	— Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I, М., 1951; ч. II, М., 1956.
ВК-149, ВК-150	— Архив Академии наук СССР, ф. 620 (С. Б. Веселовского), кн. 149, 150 (переписанный рукой С. Б. Веселовского хронологический перечень вкладов в Троицкий Сергиев монастырь).
ВОИДР	— Временник Московского общества истории и древностей Российских, кн. X. Материалы (родословные книги). М., 1851.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей.
ГКЭ	— Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 281 (грамоты Коллегии экономии).
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950.
ДРВ, XX	— Древняя Российская Вивлиофика, ч. XX. Изд. 2-е. М., 1791.
ДРК	— Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.
МК-254	— Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 254 (межевая книга вотчин Троицкого Сергиева монастыря).

- МК-348 — Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 348 (межевая книга вотчин Троицкого Сергиева монастыря).
- ОГКЭ, III, IV — Сергей Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. III. М., 1912; вып. IV, [Б. м.], [1917].
- Опись — Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 235 (Патриарший казенный приказ), оп. 3, кн. 149 (опись Горицкого монастыря).
- ПК-812 — Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 812 (писцовая книга Переяславского уезда 1627—1629 гг.).
- ПК-7646, ПК-7647 — Центральный государственный архив древних актов СССР, ф. 1209 (Поместный приказ), кн. 7646, 7647 (писцовые книги Переяславского уезда, 1629/30 г.).
- ПКМГ, I, II — Писцовые книги Московского государства, ч. I. Отделение I. СПб., 1872; Отделение II. СПб., 1877.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- ТК—ТД — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М., 1950.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авраамий, чернец, келарь, игумен Троицкого Сергиева монастыря, XV в. 73, 80, 85, 111.
- Агафонов Ермак, крестьянин, должник П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44.
- Адашевы, вотчинники 211.
- Адашев Алексей Федорович, окольный, вотчинник Кинельского стана (с. Василевское), 1550-е годы 161, 183.
- Аисины, вотчинники 217, 218.
- Аисин Борис Васильев сын, городской сын боярский, помещик южной части Переяславского уезда (сельцо Бобково), 1590-е годы 217.
- Айгустовы, вотчинники Верхдубенского стана 136, 156, 199.
- Айгустов Андрей Жуков сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1558 г. 136.
- Айгустов старец Вассиан, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1547 г. 136.
- Айгустов Иван Некрас Булгаков сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1540 г. 136.
- Айгустов Иван Чужой Булгаков сын (инок Иона), вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1549 г. 136, 137.
- Айгустов, старец Иоасаф, вклады по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1550-е годы 136.
- Айгустов Недобрый Ушаков сын (во иноцех Ефрем), вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1550-е годы 136.
- Айгустов Русин Иванов сын Вешняков, вотчинник Юлоцкой волости (дер. Кукаркино), начало XVI в. 14, 15, 156.
- Айгустов Савин Андреев сын, помещик Мишутина стана (пустоши Ладыгино, Телятниково, Тарасово и др.), 1590—1620-е годы 199, 200, 207.
- Айгустов Спиридон, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1558 г. 136.
- Айгустов Тимофей, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1530—1540-е годы 136.
- Айгустов Третьяк Безделкин сын, владелец дер. Душищево в Верхдубенском стану, 1550-е годы 156, 181, 199.
- Айгустова Мавра, вдова Ф. Айгустова, помещица Мишутина стана (с. Деревенское), 1620-е годы 199.
- Акинфовы, переяславские вотчинники 134, 135.
- Акинфов Григорий Иванов Чудин сын, в иночестве Герман, вотчинник Замытского стана (дер. Твердилово и др.), 1540-е годы 134.
- Акинфов Иван, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь 1540-е годы 134.
- Акинфов Петр Чудинов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1547 г. 134.
- Акинфов Петр Александров сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1550-е годы 134.
- Акинфова Ксения, жена Захария, вкладница Троицкого Сергиева монастыря, 1559 г. 134.
- Акинф Великий Гаврилович, боярин, родоначальник многих боярских родов, убит в 1304 г. 147, 190.
- Александр Федорович, кн. ярославский, предок князей Пенковых, вторая половина XV в. 150.

Александр, татарин, помещик южной части Переяславского уезда (дер. Чепасово), 1590-е годы 217—218.

Александров Трофим, крестьянин Мишутинской волости, конец XV в. 33.

Александровы дети (по мнению С. Б. Веселовского, — Никитины), вотчинники Кистемского стана (пустошь Оганино и др.), середина XV в. 85, 86.

Алексеев Артем Васильев сын, вотчинник Мишутина стана, начало XVI в. 154.

Алексеев Василий Тимофеев сын, вотчинник Мишутина стана, начало XVI в., 154.

Алексей, митрополит всея Руси 12, 87, 105—107, 158.

Алексей Федорович, кредитор В. Я. Воронина, начало XV в. 77.

Алексин Василий, мелкий вотчинник на р. Вашке, середина XV в. 88.

Алтын, суконник из г. Переяславля, владеец селища Алтыновского, конец XIV—начало XV в. 24, 36.

Алябьев (Олябьев) Голова Афанасьев сын, держатель Тоицкого сельца Пореева, конец XVI в. 223, 224.

Анастасия Романовна, царица 156.

Андомский, кн. Иван княж Васильев сын, вотчинник Никитского стана (сельцо Кичибугино), середина XV в. 193.

Андомский, кн. Семен княж Васильев сын, дворовый сын боярский по Белоозеру, вотчинник Никитского стана (сельцо Кичибугино), середина XVI в. 193.

Андрей Васильевич (Горый), кн. углицкий 10.

Андрей Владимирович, кн. радонежский 57, 86.

Андрей Иванович, кн. старицкий 29.

Андрейка, ямщик Стоговского яма, начало XVI в. 160.

Андрон, мелкий вотчинник Кистемского стана, крестьянин или слуга великого князя, середина XV в. 26, 27, 33, 47.

Андронов Вассиан, старец Троицкого Сергиева монастыря, кредитор П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44, 45.

Анна, жена Семена Тимофеевича, вотчинница с. Чашничи, первая половина XV в. 91.

Анюшин сын Офоница Кривой, «человек» Пересветовых, начало XVI в. 121.

Апраксин, помещики Переяславского уезда 216.

Апраксин Никита, псарь, помещик Заборской волости (дер. Хомякино), 1590-е годы 179, 214, 215, 217.

Апраксин Петрок Никитин сын, новик, начало XVII в. 215.

Апышка, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Арсений 75.

Афанас (Ононас), ключник кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.

Афанас, поп, конец XIV—начало XV в. 44.

Афанасий, архимандрит Симонова монастыря, середина XV в. 115.

Афанасий, татарин, помещик южной части Переяславского уезда (дер. Чепасово), 1590-е годы 218.

Афанасов Ивашко, крестьянин Площевской волости, середина XV в. 21.

Афанасьев Андрей, мелкий вотчинник Романовской волости (дер. Васильевская Голямова), середина XV в. 47.

Афанасьевы (Галины), вотчинники Кинельского стана 52, 80, 81.

Афанасьев Василий, конец XV в. 46, 81.

Афанасьев Иван Иванович сын, конец XV—начало XVI в. 46, 81.

Афанасьев Федько Семенов сын, конец XV—начало XVI в. 81.

Базаровы, вотчинники Новосельского стана 153, 181, 220.

Базаров Андрей Андреев сын, вотчинник сельца Василичева Ездакова, 1550-е годы 152.

Базаров Григорий Иванович сын, вотчинник сельца Василичева Ездакова, 1550-е годы 152.

Базаров Иван Злобин сын, вотчинник сельца Василичева Ездакова 152.

Баланда-Елизаров Иван Тимофеев сын, разъездчик великого князя, конец XV в. 160.

Баладин-Елизаров Александр (Вешняк Иванов сын), разъездчик в Кинельском стану, конец XV—начало XVI в. 79.

Басаргин Иван, возможно, сын Басарги, слуги кн. И. М. Глинского,

- сделавшего в 1579 г. вклад 40 р. в Троицкий Сергиев монастырь (ВК — 149, стр. 210), помещик Жегаловской волости Владимирского уезда, 1580-е годы 177.
- Басенков Никифор, вотчинник Юлоцкой волости (с. Старобислово), начало XVI в. 14, 15.
- Басмха Степан Сергеев сын, сотник Бармазовской волости, конец XV в. 30.
- Баскаковы, дети боярские, вотчинники Кинельского стана 49, 52, 53, 113, 114, 135, 136, 161, 166, 192, 197, 212, 213.
- Баскаков Алексей Никитин Шарапов сын, вотчинник сельца Полосина и др., середина XVI в. 139.
- Баскаков Арменин, вотчинник дер. Новоселки, 1550-е годы 161.
- Баскаков Василий, опальный 212.
- Баскаков Василий Пешок Иванов сын, конец XV—начало XVI в. 52.
- Баскаков Вешняк, вотчинник дер. Кулаково и др., 1550-е годы 161.
- Баскаков Гриша Кузьмин сын, конный псарь, помещик дер. Молахово, конец XVI в. 213.
- Баскаков Данило, послух, первая половина XV в. 52.
- Баскаков Данило Семенов сын, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1570 г. 192.
- Баскаков Иван, послух, первая половина XV в. 52.
- Баскаков Иван Иванов Лопатин сын, вотчинник дер. Асанов Враг, конец XVI в. 212.
- Баскаков Иван Лопата, вторая половина XVI в. 212.
- Баскаков Иван Никитин сын, конец XV—начало XVI в. 52.
- Баскаков Иван Никитин Шарапов сын, вотчинник сельца Полосино, середина XVI в. 139.
- Баскаков Иван Семенов сын, вотчинник с. Алексина и др., 1570-е годы 192.
- Баскаков Иван Семенов сын Гавриловича, начало XVI в. 53.
- Баскаков Иван Юрьев сын, вотчинник дер. Бессоньево и др., 1550-е годы 161.
- Баскаков старец Ларион, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1575 г. 192.
- Баскаков Михаил, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1521 г. 136.
- Баскаков Михаил Никитин Шарапов сын, вотчинник сельца Полосино, середина XVI в. 139.
- Баскаков Никита, вотчинник сельца Савинского, 1590-е годы 210—212.
- Баскаков Никита Шарап Семенов сын Гавриловича, вотчинник сельца Полосина и др., начало XVI в. 25, 53, 104, 114, 139.
- Баскаков Никула Никитин сын, конец XV—начало XVI в. 52.
- Баскаков Овдоким Иванов сын, владелец выслауженной вотчины и поместья в Гулятине стане (с. Андреевское), 1620-е годы 212.
- Баскаков Самойло Иванов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1548 г. 136.
- Баскаков Севрин, опальный 212.
- Баскаков Семен, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря (пустошь Грозилово), середина XVI в. 135.
- Баскаков Семен Гаврилович, вторая половина XV в. 52, 53.
- Баскаков Семуха Жука, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1534 г. 136.
- Баскаков Степан Гаврилов сын, знахорь, конец XV в. 46.
- Баскаков Суббота Кузьмин сын, конный псарь, помещик дер. Малахово, убит в 1588 г. 49, 212.
- Баскаков Федор Вешняков сын, вкладчик в Троицкий Сергиев монастырь (по Д. С. Баскакове), 1570 г. 192.
- Баскаков Федор Иванов Лопатин сын, вотчинник дер. Асанов Враг, конец XVI в. 212.
- Баскаков Федор Никитин сын, конец XV—начало XVI в. 52.
- Баскаков Шемет, конюшенный дяк, помещик Московского уезда, конец XVI в. 212.
- Баскаков Шестак Никитин Шарапов сын, вотчинник сельца Полосино, середина XVI в. 139.
- Басмановы см. Плещеевы-Басмановы.
- Басовы, вотчинники Кинельского стана 211, 212.
- Басов Богдан Угримов сын, послух, середина XVI в. 211.
- Басов Герасим Матвеев сын, обедневший представитель рода, начало XVII в. 211.
- Басов Гневаш Третьяков сын, послух, середина XVI в. 211.
- Басов Заматня, вотчинник дер. Басовой, первая половина XVI в. 194.

- Басова Ирина Замятнина дочь, середина XVI в. 194.
- Басов Иван Яковлев сын, послух, середина XVI в. 211.
- Басов Никифор Матвеев сын, вотчинник дер. Першутиной, середина XVI в. 211.
- Басова Анна, дочь Н. Н. Зубова, жена Н. М. Басова, середина XVI в. 135, 211.
- Басов Павел Иванов сын, послух, середина XVI в. 211.
- Батый, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Башкины, мелкие помещики Великой Слободы (дер. Башкино) 123.
- Башкин Алексей Ивашков сын, начало XVI в. 123.
- Башкин Сенька Ивашков сын, начало XVI в. 123.
- Беззубцевы, боярский род 134.
- Беззубцев Иван Иванович, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, середина XVI в. 134.
- Беззубцева Феодосия, вдова И. И. Беззубцева, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря 134.
- Беззубцев Семен Семенович, в иночестве Серапион, вотчинник Новосельского стана (с. Ивановское), середина XVI в. 134.
- Беззубцев Федор, середина XVI в. 134.
- Беззубцева инокиня Евфросинья, вдова Федора, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря, середина XVI в. 134.
- Беклемишевы, боярский род 43.
- Беклемишев Иван Голова Федорович, послух в Верхдубенском стану, конец XIV—начало XV в. 43.
- Беклемишев Никита Васильевич, судья великого князя, разбездчик, середина XV в. 26, 31.
- Белеутов Григорий, отчим В. Я. Коротнева, землевладелец Дмитровского уезда, начало XVII в. 208.
- Беликовы, выходцы из Смоленска, переяславские землевладельцы 199, 200.
- Беликов Афанасий Семенов сын, «смоляннин», помещик Мишутина стана (дер. Пезлево), середина XVI в. 153.
- Беликов Митька Афанасьев сын, городской сын боярский по Переяславлю, конец XVI в. 200.
- Беликов Федор, помещик Мишутина стана (дер. Лодыгино и др.), 1550-е годы 153, 200.
- Бельский Иван Дмитриевич, кн., боярин, вторая половина XVI в. 211.
- Бельский Верига Григорьев сын, держатель земли от Троицкого Сергиева монастыря (село Степаново), конец XVI в. 223.
- Бердый Митька, староста Аргуновской волости, конец XV в. 22, 27, 29.
- Бессоньев Якуш, мелкий вотчинник Кинельского стана, вторая половина XV в. 46, 161.
- Бобковы, вотчинники южной части Переяславского уезда 217.
- Болтин Семенец, «человек» Пересветовых, начало XVI в. 121.
- Болтина Авдотья, жена Семенца, «женка» Пересветовых, начало XVI в. 121.
- Болтина Машка, «девка» Пересветовых, начало XVI в. 121.
- Бобров Василий, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря 1530-е годы 131.
- Борис Васильевич, кн. волоцкий, владелец сел в Кинельском стану 79, 159.
- Борис Федорович (Годунов), царь 208, 223.
- Бородатый Семен Васильевич, дьяк, муж на суде, конец XV в. 31.
- Бородатый Степан, дьяк, вторая половина XV в. 24, 38.
- Бружков Тимофей Степанов сын, подклучник Кормового двorca, помещик Кинельского стана (село Микульское), 1620-е годы 214.
- Брюховы, переяславские землевладельцы, вкладчики Троицкого Сергиева монастыря 136.
- Брюхов Иван Иванов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1536—1541 гг., вклад по нем—1545 г. 136.
- Брюхов Серапион Борисов сын, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1515 г. 136.
- Буженина, крестьянин на земле Махришского монастыря, середина XV в. 18, 102.
- Бузлица, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Булаков, кн. Юрий Михайлович, боярин, первая половина XVI в. 158.
- Бунаковы Елкины дети, вотчинники Пневского стана (село Михайловское и др.), начало XVI в. 14, 15.

- Бундов Замятня, помещик Сенежской волости Владимирского уезда, конец XVI в. 177.
- Бунков Елизарий, помещик Сенежской волости Владимирского уезда, конец XVI в. 177.
- Бурейченко И. И. 69.
- Бурцевы, вотчинники Кинельского стана, владельцы с. Слотино, конец XV—начало XVI в. 79, 81, 111, 160.
- Бутеневы, дети боярские, вотчинники Верхдубенского стана 130, 135, 156, 203, 207.
- Бутенев Алексей, вотчинник дер. Буравино, 1550-е годы 156.
- Бутенев Андрей Васильев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1545—1550 гг. 130.
- Бутенева Авдотья, жена А. В. Бутенева, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря, 1573 г. 207.
- Бутенев Андрей Федоров сын, вотчинник дер. Мамаевской и др., середина XVI в. 156.
- Бутенев Аполлон (Ополун) Иванов сын, «братанич» Уполовниковых, послух, 1524—1525 гг. 156.
- Бутенев Афанасий Васильев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, вотчинник дер. Буравино, 1538—1568 гг. 130, 156, 207.
- Бутенев Василий Федоров сын, в иночестве Феогност, вотчинник дер. Лагирево, начало XVI в. 130, 155, 156.
- Бутеневы, «два Ивана», вотчинники дер. Буравино, 1550-е годы 156.
- Бутенев Иван Алексеев сын, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1574 г. 207.
- Бутенев Мешок Федоров сын, послух, 1524—1525 гг. 156.
- Бутенев Русин Иванов сын, «братанич» Уполовниковых, послух 156.
- Бутенев Сергей Степанов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, вотчинник дер. Воробьево и др., 1550-е годы 130, 156.
- Бутенев Степан Федоров сын, в иночестве Сергий, вотчинник дер. Буравино, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1558 г. 130, 156.
- Бутенев Федор Иванов сын, «братанич» Уполовниковых, послух, 1524—1525 гг. 156.
- Бутенев Федор Федоров сын, послух, 1524—1525 гг. 156.
- Бутенев Юрий Федоров сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1545 г. 130, 156.
- Бутурлины, боярский род 189, 190.
- Бутура Иван Андреевич, боярин, родоначальник Бутурлиных, конец XIV—начало XV в. 90.
- Бутурлин Афанасий Андреев сын, дворовый сын боярский по Переяславлю, позднее окольный, середина XVI в. 189.
- Бутурлин Василий Андреев сын, дворовый сын боярский по Переяславлю, середина XVI в. 189.
- Бутурлин Григорий Некаюд Дмитриев сын, опальный 189.
- Бутурлин Дмитрий Андреевич, окольный, вотчинник с. Богородского в Рождественской волости, середина XVI в. 115, 156, 189.
- Бутурлин Иван Андреевич, боярин, опальный 189.
- Бутурлин Иван Иванов сын, дворовый сын боярский по Переяславлю, середина XVI в. 189.
- Бутурлин Леонтий Дмитриев сын, опальный, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря 189.
- Бутурлин Роман Дмитриев сын, вотчинник с. Богородского, вторая половина XVI в. 189.
- Бутурлин Стефан Варфоломеев сын, дворянин, опальный 189.
- Бутурлин Федор Иванов сын, дворовый сын боярский по Переяславлю, середина XVI в. 189.
- Бухалов Федор, крестьянин на земле Троицкого Сергиева монастыря, муж на разъезде, середина XV в. 111.
- Бухарин Иван Григорьев сын, вотчинник Мишутина стана (дер. Парфенково), середина XVI в. 194.
- Бухарин Ишук, из рода коломенских вотчинников, дяк, опальный 194.
- Бяконтов Федор, боярин, родоначальник Плещеевых и других боярских родов, начало XIV в. 105.
- Бяконтов Никита Данилович, по родословцам отец Ивана Моры 158.
- Бяконтов Феофан, родоначальник Мориных, середина XIV в. 158.
- Вагановы дети, крестьяне или «люди» на земле Плещеевых, конец XV в. 63.

- Вакорины, вотчинники Верхдубенского стана 136, 156, 208.
- Вакорин Иван, владелец дер. Воронино, 1550-е годы 156.
- Вакорин Герасим, старец Троицкого Сергиева монастыря, вкладчик, 1545 г. 136.
- Вакорин Яков Васильев сын, сын боярский, муж на разъезде в Верхдубенском стану, конец XV в. 156.
- Вантеевы, вотчинники Кинельского стана 80, 161, 192.
- Вантеев Григорий Пороша Степанов сын, вотчинник дер. Галино Старое Вантеево, конец XVI в. 192.
- Вантеев Дмитрий Григорьев Порошин сын Степанова, слуга Троицкого Сергиева монастыря, конец XVI в. 192.
- Вантеев Мосол Григорьев сын, муж на разъезде, начало XVI в. 161.
- Вантеев Некрас, владелец дер. Падолово, 1550-е годы 161.
- Вантеев Степан Григорьев сын, муж на разъезде, начало XVI в. 161.
- Варфоломей, архимандрит Данилова монастыря, составитель описи Горницкого монастыря, XVII в. 88.
- Василий Васильевич (Темный), в. кн. московский 7—9, 33, 71, 75, 82—84, 88, 91, 99, 117, 143.
- Василий Дмитриевич, в. кн. московский 7, 10, 12, 59, 74—77, 82, 89—91, 97, 103.
- Василий (III) Иванович, в. кн. всея Руси 90, 93, 131, 147, 154.
- Василий Федорович, вкладчик Горницкого монастыря, начало XVI в. 92.
- Васильев Артамон, помещик Мишутина стана (дер. Петряево), может быть, одно лицо с Алексеевым Артемом Васильевым сыном, 1550-е годы 153, 154.
- Вассиан (Рыло), игумен Троицкого Сергиева монастыря, позднее архиепископ Ростовский 75, 84, 117.
- Васко, староста Аргуновской волости, начало XVI в. 29.
- Вашута, крестьянин или мелкий вотчинник на р. Вашке, начало XV в. 88.
- Вашутин сын Васко, крестьянин или мелкий вотчинник на р. Вашке, начало XV в. 88.
- Вельяминовы, вотчинники Верхдубенского стана 55, 215.
- Вельяминов Бекет Григорьев сын, вотчинник земли Демино и пустоши Елагино, конец XV в. 55.
- Вельяминов Матюшка Григорьев сын, вотчинник земли Демино и пустоши Елагино, конец XV в. 55.
- Вельяминов Михаил, помещик Кистемского стана (дер. Воронино), 1590-е годы 214, 215.
- Вельяминов Семен, помещик Кистемского стана (земля Растовская), 1590-е годы 215.
- Вельяминова Ирина, вдова С. Вельяминова 214.
- Вельяминов Федор Михайлов сын, разъездчик великого князя, конец XV в. 79.
- Венедикт, чернец Троицкого Сергиева монастыря, начало XV в. 73.
- Верхдубенский Григорий Константинов сын, вотчинник Верхдубенского стана (дер. Душищево), начало XV в. 73.
- Веселовский С. Б. 5, 26, 31, 32, 50, 57, 58, 60, 63, 71, 73, 75, 76, 79, 82, 84, 86, 95, 120, 129, 139, 186, 187, 196, 220, 222, 223, 224.
- Висковатый Иван Михайлович, думный дьяк Посольского приказа, печатник, вотчинник Верхдубенского стана (с. Титовское) 157, 158, 189, 202, 208, 221.
- Владимир Иванович, из рода Ратши, отец родоначальника Замытских, середина XIV в. 59.
- Власко, крестьянин на земле митрополитской волости 102.
- Власьев Андреец, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Внуков Гневаш Васильев сын, муж на разъезде, начало XVI в. 25.
- Водомеровы, крестьяне (?) на земле Зубочевых и Ворониных, конец XIV—начало XV в. 103.
- Волосатые, землевладельцы Переяславского и Каширского уездов 158.
- Волосатый Андрей, ямской дьяк, начало XVI в. 158.
- Волосатый Иван Федоров сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (с. Исаково и др.), 1590-е годы 200, 202, 208.
- Волосатый Федор, помещик Верхдубенского стана (сельцо Матвеево), 1550-е годы 158, 202.

- Воробьев Максим, крестьянин на земле Махрицкого монастыря, середина XV в. 102.
- Ворона Павел, конюх великого князя, муж на суде, конец XV—начало XVI в. 24.
- Воронины, вотчинники Кинельского стана 49, 52, 55—57, 71, 74, 76, 78, 119, 200, 207.
- Воронин Алексей Бобоша Иванов Хламов сын, вотчинник с. Шатовского, келарь Троицкого Сергиева монастыря, первая половина XV в. 56, 77, 78.
- Воронин Андрей Кривой Яковлев сын, вотчинник с. Андреевского «у озера», начало XV в. 55, 56, 77, 78.
- Воронин Василий Плясец Яковлев сын, вотчинник сел Гулановского и Михайловского, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, начало XV в. 55, 77, 103.
- Воронин Ворона Иванов сын Иванова Хламова, дяк Троицкого Сергиева монастыря, середина XV в. 120.
- Воронин Григорий Слабень Яковлев сын, вотчинник с. Слабеньского, начало XV в. 55, 77, 78.
- Воронин Иван Иванов Хламов сын, держатель волости Куньей, первая половина XV в. 55, 56, 119.
- Воронин Иван Хлам Яковлев сын, начало XV в. 55, 77, 78.
- Воронин Кузьма Яковлев сын, вотчинник земли Романовской и др., начало XV в. 55, 77, 80.
- Воронин Михаль Иванов сын Иванова Хламова, «в попех», середина XV в. 120.
- Воронин Неудача, помещик Верхдубенского стана (пустошь Пентиково), 1590-е годы 200.
- Воронин Огонь Иванов сын Иванова Хламова, холоп В. И. Собакина, середина XV в. 119.
- Воронин Федор Иванов сын, вотчинник в Кинельском стану, конец XV в. 56, 112.
- Воронин Юрий Васильевич, разъездчик великого князя в Кинельском стану, конец XV в. 56, 79.
- Воронин Яков, вотчинник Кинельского стана, родоначальник Ворониных, конец XIV в. 12, 55, 56, 76, 77.
- Воронцовы, боярский род, вотчинники 133.
- Воронцов Дмитрий Семенович, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1530-е годы 133.
- Воронцов Иван Дмитриев, сын боярский, вотчинник Киучерского стана, 1550-е годы 148, 150.
- Воронцов Иван Семенович, боярин, середина XVI в. 133.
- Воронцова Авдотья, жена И. С. Воронцова, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря, 1540-е годы 133.
- Воронцов Семен Иванович, в иночестве Сергей, вотчинник, начало XVI в. 133.
- Воронцова, старица Марфа, вдова С. И. Воронцова, 1530-е годы 133.
- Воронцов Сухарь, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря (пустошь Грозилово), середина XVI в. 135.
- Воронцов Федор Семенович, боярин, середина XVI в. 133.
- Воропановы, вотчинники 135.
- Воропанов Дмитрий Ушаков сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1536 г. 131.
- Воропанов Иван Крячко Иванов Чемоданов сын Григорьева, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1530-е годы 131.
- Воропанов Иван Чемодан Григорьев сын, вотчинник на р. Киржаче (сельцо Недюрево), начало XVI в. 131.
- Воропанов Ушак Иванов Чемоданов сын Григорьева, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1530-е годы 131.
- Враников Никифор, помещик Никитского стана (пустошь Высокая), 1590-е годы 219.
- Всеволод Мстиславич, кн. новгородский, автор «Устава», XII в. 48.
- Всеволожи, боярский род 58.
- Всеволож Александр Всеволодович, кн. смоленский, родоначальник Всеволожей, начало XIV в. 58.
- Всеволож Иван Меньшой Александрович, отец родоначальника Заболотских, середина XIV в. 58.
- Всеволож Иван Дмитриевич, боярин, вотчинник Переяславского уезда, начало XV в. 82, 91, 92.
- Всеволож Федор Турик Дмитриевич боярин, вотчинник в Кинельском и Кодяевом станах, начало XV в. 92.

Всесвятский Никита, городской сын боярский, помещик Марининой Слободы (пустошь Фофаново), 1590-е годы 218.

Вяземские, смоленские княжата, дети боярские, землевладельцы разных уездов 144, 151, 152.

Вяземский, кн. Михайло княж Иванов сын (Федькова), помещик Кичурского стана (сельцо Сарыево), 1550-е годы 148, 151, 152.

Гавриловы, вотчинники Переяславского уезда, начало XVI в. 138.

Гагины, князья, вотчинники Кинельского стана 202, 221.

Гага, кн. Василий княж Андреев сын Великого, дворовый сын боярский, вотчинник с. Тимофеевского, 1550-е годы 161, 163, 183, 202.

Гагин, кн. Иван княж Васильев сын Андреева Великого, вотчинник сел Суровцева и Тимофеевского, 1590-е годы 200, 202, 207, 210, 211.

Гагин Великого, кн. Степан княж Иванов сын, стольник, вотчинник с. Стан-Погост и сельца Тимофеевского, 1620-е годы 202, 214.

Гейман В. Г. 6.

Герасим, старец Троицкого Сергиева монастыря, посельский, начало XVI в. 28.

Геронтий, митрополит всея Руси 87.

Гиреев Василий Михайлов сын, сын боярский, писец Переяславского уезда, середина XVI в. 152.

Гладкой Антон, истопник великого князя, мелкий вотчинник Мишутина стана, конец XV—начало XVI в. 23, 24, 33, 49.

Глинские, князья, бояре, вотчинники Кинельского стана 59, 67, 135, 194, 220, 221, 223.

Глинский, кн. Иван Михайлович, боярин, владетель Плошевской волости и с. Логинова-Пожарского, конец XVI в. 182, 210, 211, 220, 222, 223.

Глинский, кн. Михаил Васильевич, боярин, владетель Плошевской волости, середина XVI в. 135, 140, 159, 161, 163, 164, 194.

Глинский, кн. Юрий Васильевич, боярин, вотчинник дер. Софьино, середина XVI в. 135.

Гнездовы, землевладельцы Кинельского стана 161, 211.

Гнездов Алексей Поспел Иванов сын, сын боярский, послух, писец грамот, начало XVI в. 161.

Гнездов Иван, помещик Кинельского стана, 1550-е годы 161.

Гнездов Третьяк Иванов сын, помещик Кинельского стана, 1550-е годы 161.

Годунов Борис Федорович см. Борис Федорович, царь.

Годунов Григорий Васильевич, боярин и дворецкий, вотчинник Никитского стана (с. Смоленское), конец XVI в. 174, 219.

Годунов Иван Васильевич, вотчинник Кинельского стана (сельцо Федяево), конец XVI в. 213.

Голенин, кн. Василий Иванович, писец Переяславского уезда, дворецкий, конец XV—начало XVI в. 17, 32, 35, 75, 113, 146.

Голова Яков, крестьянин или мелкий вотчинник Бармазовской волости, начало XV в. 25.

Головачев Алешка, мелкий помещик Великой Слободы (дер. Колобинское), начало XVI в. 123.

Головины, слуги великого князя (?), мелкие землевладельцы Бармазовской волости 25.

Головин Фома Яковлев сын, муж на разъезде в Бармазовской волости, середина XV в. 25.

Головка, ключник кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.

Голтяевы, бояре, вотчинники Кинельского стана 77, 78, 159.

Голтяев Андрей Федорович, владетель с. Тарбеевского, начало XV в. 78.

Голтяева Мария, вдова Федора, владелица сел Суровцева, Тимофеевского и Никульского, начало XV в. 78, 159.

Голтяй Федор Федорович, боярин, начало XV в. 159.

Голубцов И. А. 5.

Горбунов Юрка, крестьянин Бортной волости, разметчик, середина XV в. 28, 29.

Гоиины, вотчинники Верхдубенского стана (дворян Внуково Большое и Малое) 129.

Горин Максим Васильев сын, дьяк, конец XV—начало XVI в. 32.

Госский А. В. 36.

Госский А. Д. 5.

Госков Б. Д. 4, 26, 27, 34, 99, 110, 125.

- Грибец, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Григорий, поп Покровского монастыря Верхдубенского стана, конец XV в. 20, 31, 33.
- Григоровы (Григорьевы), землевладельцы Переяславского уезда 202, 203, 207, 216.
- Григорьев Борис Андреев сын, царицына чину сын боярский, помещик Шуромского стана (с. Яново), 1620-е годы 203.
- Григорьев Василий Федоров сын, городской сын боярский, конец XVI в. 202.
- Григорьев Иван Михайлов сын, царицына чину сын боярский, землевладелец Новосельского стана (сельца Мервино, Палицыно и др.), 1620-е годы 203.
- Григорьев Иван Никитин сын, патриарший сын боярский, помещик Гулятина стана (сельцо Новоселки), 1620-е годы 203.
- Григорьев Матвей Семенов сын, царицына чину сын боярский, помещик Шуромского стана (сельцо Яново), 1620-е годы 203.
- Григорьев Матвей Федоров сын, городской сын боярский, конец XVI в. 202.
- Григорьев Михаил Федоров сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (с. Титовское), 1590-е годы 200, 202, 203, 209.
- Григорьев Никита Емельянов сын, жалец, вотчинник Слободского стана (сельцо Крутец), 1620-е годы 203.
- Григоров Пимен Васильев сын, царицына чину сын боярский, помещик Верхдубенского стана (с. Титовское), 1620-е годы 203, 209.
- Григоров Семейка Федоров сын, городской сын боярский, землевладелец Шуромского стана (дер. Торгошино), конец XVI в. 202, 210.
- Григорьев Третьяк Лаврентьев сын, послух, середина XVI в. 202.
- Григорьев Яков Матвеев сын, царицына чину сын боярский, помещик Замытского стана, конец XVI—начало XVII в. 203, 214, 216.
- Гридин (Рыкулин) сын Борис, крестьянин на земле Махрищского монастыря, середина XV в. 18, 102, 108.
- Гридин (Рыкулин) сын Омелян, крестьянин на земле Махрищского монастыря, середина XV в. 18, 102, 108.
- Гридка Рыкуля крестьянин на земле Махрищского монастыря, середина XV в. 18, 28, 29, 102, 103, 108.
- Гридка, крестьянин на земле митрополичей волости (дер. Васильково), конец XV в. 102.
- Гридя, бортник на Хупани, начало XV в. 19.
- Грязные-Ховрины см. Ховрины-Грязные.
- Губа Афанасий, конюх великого князя, муж на суде, конец XV—начало XVI в. 24.
- Губарев Богдан Семенов сын, городской сын боярский, помещик Замытского стана (с. Фоминское), 1590-е годы 214, 216.
- Губарев Василий Иванов сын, жалец, вотчинник Киучерского (с. Михалево) и Пневичьего (дер. Хахилево) станов, 1620-е годы 216.
- Губарев Василий Максимов, городской сын боярский, землевладелец Киучерского стана (сельцо Петришево), 1620-е годы 216.
- Губарев Захарий Максимов сын, помещик Пневичьего стана (с. Панское), 1620-годы 216.
- Губарева Маоня, вдова А. Губарева, помещица Пневичьего стана (дер. Юркино), 1620-е годы 216.
- Губины, вотчинники 211.
- Губин Богдан Постников сын, опальный 211.
- Губин Василий Иванов сын, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1578 г. 211.
- Губин Иван Иванов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1578 г. 211.
- Губин Постник Никитин сын, большой дяк, вотчинник Кинельского стана (деревни Болкошино и Иваннишково) 136, 161.
- Даниил, старец Троицкого Сергиева монастыря, XIV в. 70.
- Даниил, митрополит всея Руси 101.
- Данилков Кондратик, крестьянин Аргуновской волости (селище Дрочково), конец XV в. 19, 29.

Дашков, кн. Иван князь Данилов сын, помещик Новосельского стана (с. Васильевское), 1550-е годы 152.

Девлет-Гирей, хан крымский 152.

Девясил, крестьянин Площевской волости, муж на отводе, середина XV в. 22.

Девясилов Куземка Тимофеев сын, крестьянин Площевской волости, муж на отводе, начало XVI в. 22.

Демех Адам, вотчинник на р. Вашке, середина XV в. 88.

Денис, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Дешев, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Дешевкин Нестерик, крестьянин Михайловского стана, конец XV в. 18, 20, 22, 27, 32.

Дешевов сын, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Дивовы, вотчинники Кинельского стана 135.

Дивов Василий Васильев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1540-е годы 134.

Дивов Онанья Васильев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1540-е годы 134.

Дивов Роман Васильев сын, владелец дер. Высокое, 1540-е годы 134.

Дионисий, чернец Чудова монастыря, начало XV в. 97.

Дионисий, владелец с. Славитина, начало XV в. 90.

Дмитриев сын Ермола, десятский Заборской волости, начало XVI в. 30.

Дмитриев Самсон Григорьевич, помещик Красинской волости Владимирского уезда, конец XVI в. 177.

Дмитрий, протопоп, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, по Курцевым, 1597 г. 218.

Дмитрий Иванович Донской, в. кн. владимирский и московский 7, 8, 12, 59, 89, 156.

Дмитрий Иванович, великий князь, внук Ивана III 89.

Дмитроковы дети, «люди» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Добрыньские, боярский род, владельцы с. Ярополч, начало XVI в. 138.

Дьяков сын Гридя, крестьянин или «человек» А. М. Плещеева, конец XV в. 63.

Евдокия Данилова жена, вкладчица Горицкого монастыря, первая половина XV в. 91.

Евдокия Дмитриевна, великая княгиня, жена в. кн. Дмитрия Донского 8.

Евфросиния, иноческое имя кн. Евпраксии Полиевктовны, вдовы кн. Петра Дмитриевича дмитровского, первая половина XV в. 55, 119.

Едигей, эмир ордынский 18, 19, 21, 24, 36, 37.

Едигей Алферий, слуга в. кн. Марии Ярославны, судья, вотчинник Кинельского стана (с. Новленское), середина XVI в. 28, 53, 82, 120.

Ежевский Федор, пан, помещик Кистемского стана (дер. Покрытное), 1590-е годы 214, 216.

Елена Васильевна, урожденная Глинская, великая княгиня, жена в. кн. Василия Ивановича 161.

Елецкий, кн. Юрий, помещик Пневичского стана (дер. Колепово Белоглазовская), начало XVI в. 14, 15.

Елка-Кобылин Александр Андреевич, отец родоначальника Хлуденевых, XIV в. 162.

Елсуфьев Ивашко Ивашков сын Булгакова, помещик Пневичского стана (дер. Слободище), начало XVI в. 14, 15.

Енин Климок Андреев сын, сокольник, мелкий помещик Великой Слободы (сельцо Воронино), начало XVI в. 49, 123.

Епифаний Премудрый, инок Троицкого Сергиева монастыря, писатель, начало XV в., 68—70.

Ера Александр Дмитриевич, вотчинник с. Фаустовского, конец XIV—начало XV в. 74—76.

Еска, крестьянин на земле Махришского монастыря (дер. Феденинская), середина XV в. 18, 102.

Ескин сын Палка, крестьянин на земле Махришского монастыря (дер. Феденинская), середина XV в. 102.

Жердин Фома Иванов сын, стряпчий Кормового дворца, землевладелец Кинельского стана (сельцо Новоселки, пустоши), 1620-е годы 214.

Житков Ивашко, сытник, вотчинник
Замытского стана (дер. Дедерево),
начало XVI в. 14, 15.
Жох Даниил, вотчинник, середина
XV в. 120.

Жох Иван, вотчинник Московского
уезда, конец XV—начало XVI в. 61.

Жуковы, землевладельцы 210.

Жуков Андрей, царский конюх, зем-
левладелец Кинельского стана,
1590-е годы 210.

Жуков Василий Васильев сын, по-
слух в Кинельском стану,
1564/65 г. 210.

Жуков Гавриил Константинович,
опричник, 1560-е годы 210.

Забелины, землевладельцы Переяс-
лавского и других уездов 151.

Забелин Замятня Юрьев сын, дво-
ровый сын боярский, землевладе-
лец Замытского стана (дер. Онан-
кино), 1590-е годы 214, 216.

Забелин Иван Чететкин сын, поме-
щик Конюцкого стана (с. Руша-
ниново), 1560-е годы 151.

Забелин Семейка Пахомов сын, по-
слух в Дмитровском уезде, 1560-е
годы 151.

Забелин Федор Чететкин сын, по-
мещик Конюцкого стана (с. Ру-
шаниново), 1560-е годы 151.

Забелин Юрий Андреев сын, горо-
довой приказчик переяславский,
помещик Киучерского стана (де-
ревни Беклемишево и Павшино),
1550-е годы 148, 150—152, 216.

Заболотские, боярский род, ветвь
Всеволожей, землевладельцы Пере-
яславского уезда 8, 58, 136, 138,
184, 186—188, 194, 210.

Заболотский Алексей Григорьев сын
Васильевича, вотчинник Закубеж-
ской волости (дер. Берково и др.),
начало XVI в. 13, 15.

Заболотская Федосья, жена Алексея
Заболотского, вклад по ней
в Троицкий Сергиев монастырь,
1535 г. 136.

Заболотский Андреец Замятнин сын
Иванова, дворовый сын боярский
по Переяславлю, середина XVI в.
186.

Заболотский Богдан Васильев сын,
дворовый сын боярский по Рузе и
Волоку, писец Аргуновской во-
лости, вторая половина XVI в.
137, 168, 170, 176.

Заболотский Богданец Замятнин
сын Иванова, дворовый сын бояр-
ский по Переяславлю, середина
XVI в. 137, 186, 187.

Заболотский Борис Григорьев сын,
дворовый сын боярский по Пере-
яславлю, середина XVI в. 186.

Заболотский Бориско Иванов сын
Дровкина, дворовый сын боярский
по Переяславлю, середина XVI в.
186.

Заболотский Василий Иванович, ро-
доначальник Заболотских, конец
XIV—начало XV в. 58, 59.

Заболотский Василий Иванов сын
Семенова Угримова, вотчинник Ко-
ломенского и Переяславского уез-
дов, вторая половина XVI в. 187.

Заболотский Василий Лапин сын
Семенов Иванова, в иночестве Вас-
сиан, дворовый сын боярский по
Переяславлю, вклад по нем в Трои-
цкий Сергиев монастырь, 1558 г.
136, 186.

Заболотский Владимир Семенов
сын Константиновича, дворовый
сын боярский по Переяславлю,
середина XVI в. 186.

Заболотский Гаврило Иванов сын,
вкладчик Троицкого Сергиева мо-
настыря, 1570 г. 188.

Заболотский Григорий Васильевич,
боярин, дворецкий, вотчинник Ки-
нельского стана (село Воскре-
сенское), вторая половина XV в.
46, 48, 52, 59, 64, 80, 119.

Заболотский Григорий Иванов сын,
дворовый сын боярский по Пере-
яславлю, вотчинник с. Нового, вто-
рая половина XVI в. 186, 187.

Заболотская Матрена, вдова Г. И. За-
болотского 187.

Заболотский Григорий Петров сын
Черного, вотчинник Юлоцкой во-
лости (с. Новое), начало XVI в.
14, 15.

Заболотский Давыд Семенов сын,
вкладчик Троицкого Сергиева мо-
настыря, 1555 г. 136.

Заболотский Данило Володимиров
сын Константинова Григорьевича,
вотчинник сел Селкова и Матве-
евского, середина XVI в. 188.

Заболотский Данило Семенов сын
Угримова Григорьевича, вотчинник
с. Нового, середина XVI в. 187.

Заболотский Дмитрий Владимиро-
вич, вкладчик Троицкого Сергиева
монастыря, 1565 г. 188.

Заболотский Захар Семенов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1570 г. 188.

Заболотский Иван Асанчуков сын Григорьева Васильевича, вотчинник Закубужской волости (дер. Растовец), начало XVI в. 13, 15.

Заболотский Иван Петров сын Черленого, вотчинник Юлоцкой волости (с. Новое), начало XVI в. 14, 15.

Заболотский Иван Федоров Чертенков сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 186.

Заболотский Игнатий Иванов Ушаков сын Иванова Никитина, дворовый сын боярский по Переяславлю, середина XVI в. 186, 187.

Заболотский Михайло Терентьев сын Иванова Никитина, дворовый сын боярский по Переяславлю, середина XVI в. 186.

Заболотский Никита Васильевич, убит в бою при Белеве, 1437 г. 59.

Заболотский Озей Семенов сын Константиновича, дворовый сын боярский по Переяславлю 186.

Заболотский Петр Григорьев сын Иванова Черленого, дворовый сын боярский по Переяславлю, вотчинник Шуромского стана (с. Никольское), середина XVI в. 186, 188.

Заболотский Петрок Иванов Кувшинов сын Иванова, дворовый сын боярский по Переяславлю, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1570 г. 186, 188.

Заболотский Семен Константинов сын Григорьевича, боярин, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря. 1540-е годы 136.

Заболотская Акулина, жена С. К. Заболотского, вкладница Троицкого Сергиева монастыря, 1563/64 г. 188.

Заболотский Семен Федоров сын, вотчинник Юлоцкой волости (Гордеев починок), начало XVI в. 14, 15.

Заболотский Тимофей Васильев Бражников сын Иванова, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1540-е годы 136.

Заболотский Тихон Терентьев сын Иванова Никитина, дворовый сын боярский по Переяславлю, середина XVI в. 186.

Заболотский Федор Иванов сын Семенова Угримова, вотчинник Коломенского и Переяславского уездов 187.

Заболотские Федор и Захарий Семеновы дети, вкладчики Троицкого Сергиева монастыря. 1558 г. 136.

Заболотский Федор Михайлов Шапкин сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1533 г. 136.

Заболотский Федор Терентьев сын Иванова Никитина, дворовый сын боярский по Переяславлю, середина XVI в. 186, 187.

Зайцевы, дети боярские, помещики Переяславского уезда 203, 207.

Зайцев Иван, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1540-е годы 203.

Зайцев Матвей Степанов сын, царщина чину сын боярский, помещик Верхдубенского, Рождественского (сельцо Селехово) и Шуромского станов, 1620-е годы 203, 209.

Зайцев Петр Ярцев сын, дворовый сын боярский, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1570-е годы 203.

Зайцев Степан Семенов сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (пустыш Шубино), 1590-е годы 200, 203.

Замытские, боярский род, потомки Ратши, вотчинники Замытского стана 8, 58, 59, 137, 147, 166, 190, 214, 221.

Замытский Андрей, вотчинник с. Елпатьевского, начало XVI в. 14, 15.

Замытский Богдан Семенов сын Семенова Петровича, дворовый сын боярский, вотчинник с. Андриановского, помещик с. Кипрова, середина XVI в. 146, 147, 164, 190, 191.

Замытская Мария, вдова Б. С. Замытского 191.

Замытский Василий Васильев Шумихин сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1554 г. 137.

Замытский Василий Константинов сын Степанова Петровича, дворовый сын боярский, середина XVI в. 190.

Замытский Василий Шумиха Тимофеев сын Петровича, дворовый сын боярский, вотчинник сельца Рождественского, первая половина XVI в. 14, 15, 190.

- Замытский Давыд Никитин сын Константинова Тимофеева Петровича, вотчинник селец Пореева и Фонинского, вторая половина XVI в. 191, 214.
- Замытский Дмитрий Андреевич, ловчий, держатель с. Фонинского, 1590-е годы 214, 223, 224.
- Замытский Елисей Васильев сын, в иночестве Елизарий, дворовый сын боярский, вотчинник с. Хороброва, середина XVI в. 190, 191.
- Замытский Иван Владимирович, правнук Акинфа Великого, родоначальник Замытских (пошедших от его второго сына Петра), конец XIV—начало XV в. 59.
- Замытский Иван Константинов сын Тимофеева Петровича, дворовый сын боярский, вотчинник сельца Поречья, середина XVI в. 190, 191.
- Замытская Устинья, вдова И. К. Замытского 191.
- Замытский Иван Никитин сын Константинова Тимофеева Петровича, вотчинник селец Пореева и Фонинского, вторая половина XVI в. 191.
- Замытский Иванец Михайлов сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 190.
- Замытский Максим, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1558 г. 137.
- Замытский Никита Константинов сын Тимофеева Петровича, дворовый сын боярский, вотчинник с. Пореева и др., середина XVI в. 146, 147, 190, 191.
- Замытский Семен Семенов сын Петровича, дворовый сын боярский по Переяславу, середина XVI в. 190.
- Замытский Тимошка Михайлов Лихачев сын Семенова Петровича, дворовый сын боярский по Переяславу, середина XVI в. 190.
- Замытский Тимофей Петрович, внук Ивана Владимировича, вотчинник Замытского стана, начало XVI в. 30, 87, 112, 146.
- Засекин, кн. Петр Ногавица князь Федоров сын Смелого, дворовый сын боярский, кн. ярославский, вотчинник с. Селкова, зять П. Г. Заболотского, вторая половина XVI в. 188.
- Засекина, кн. Анна Петровна, вдова кн. П. Ф. Засекина, дочь П. Г. Заболотского 188.
- Застолбские, вотчинники Бежецкого уезда 66.
- Захар Кожевник, крестьянин Мишутинской волости, начало XV в. 16, 17, 20, 23, 111.
- Захарьин-Юрьев Даниил Романович, боярин и дворецкий, середина XVI в. 133, 140.
- Захарьин-Юрьев Никита Романович, боярин, брат царицы Анастасии, середина—вторая половина XVI в. 156.
- Захарьина-Юрьева Дарья, Иванова дочь Дмитриевича, внучка В. Г. Ховрина, жена Н. Р. Захарьина, середина XVI в. 156.
- Заяловы, помещики Великой Слободы (сельцо Калинино), начало XVI в. 108, 123, 124.
- Звенигородские, князья, дети боярские, вотчинники 118, 144.
- Зверыкины, вотчинники Верхудбенского стана 58, 79, 132, 133.
- Зворыкин Иван Михайлович, владелец с. Буженинова, конец XV—начало XVI в. 132.
- Зворыкина Ульяна, вдова И. М. Зворыкина 132, 157.
- Зворыкин Федор Иванович, владелец половины с. Буженинова, 1540-е годы 132, 133.
- Зворыкин Юрий Иванович, владелец половины с. Буженинова, 1540-е годы 132.
- Зиновий, игумен Троицкого Сергиева монастыря 72, 80, 82—84.
- Зиновов Андрейка, крестьянин на земле митрополичьей волости, конец XV в. 102.
- Зубачевы, вотчинники Верхудбенского стана 52, 57, 71, 103.
- Зубачев Семен Яковлев сын, вотчинник с. Юрьевского-Зубачева, конец XIV—начало XV в. 71.
- Зубачев Яков, вотчинник с. Юрьевского-Зубачева, конец XIV—начало XV в. 12, 71.
- Зубачева черница Марфа, вдова Я. Зубачева 71.
- Зубовы, вотчинники Кинельского стана, соседи с. Скнятинова 52—54, 113, 135, 161, 183, 192, 197, 210, 211, 213, 214.
- Зубов Акинф Кузьмин сын Андреева, вторая половина XV в. 54.
- Зубов Андрей, в иночестве Арсений, владелец с. Ивановского, первая половина XV в. 53.

- Зубов Андрей Федоров сын, городской сын боярский, помещик Кистемского стана (дер. Рождествено), 1620-е годы 213.
- Зубов Афанасий Иванов сын, вотчинник (совладелец) сельца Ивановского, 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Борис Васильев сын, городской сын боярский, помещик Кистемского (пустошь Бармазово), Конюцкого (пустошь Онцыферово) и Серебожского (пустошь Моштище) станов, 1620-е годы 213.
- Зубов Василий Григорьев сын, помещик Кистемского (дер. Гуляшкино), вотчинник Кинельского (дер. Татьянино) станов, 1550—1590-е годы 161, 179, 192, 210, 213, 214, 217.
- Зубов Василий Иванов сын, вотчинник (совладелец) сельца Ивановского, 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Васыка Александров сын, городской сын боярский, 1584 г. 213.
- Зубов Гавриил, в иночестве Герасим (?), Петров сын, старец Махрищского монастыря, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, конец XVI в. 192.
- Зубов Григорий Иванов сын, вотчинник сельца Федяева, конец XVI в. 210, 213.
- Зубов Данило Иванов сын, вотчинник сельца Нового Ивановского и др., 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Данило Иванов сын, вотчинник (совладелец) сельца Ивановского, 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Дементий (Демьян) Борисов сын, городской сын боярский, вотчинник Кистемского (пустошь Семеново) и Никольского (сельцо Коротково) станов, 1620-е годы 213.
- Зубов Дмитрий Большой Иванов сын, вотчинник (совладелец) сельца Ивановского, 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Дмитрий Меньшой, вотчинник (совладелец) сельца Ивановского, 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Захарий, данный пристав на с. Скнятино, вторая половина XV в. 54, 82.
- Зубовы Епана и Михаил Петровы дети, «с братьею», вотчинники дер. Могилыцы, 1550-е годы 161.
- Зубов Иван Петров сын, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, конец XVI в. 192.
- Зубов Иван Поярков сын, вотчинник с. Ивановского, 1550-е годы 161, 183.
- Зубов Игнатий, дьяк Поместного приказа, конец XVI в. 213.
- Зубов Илья Иванов сын, вотчинник (совладелец) сельца Ивановского, 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Кузьма, вотчинник дер. Жари, 1550-е годы 161.
- Зубов Кузьма Андреев сын, вторая половина XV в. 53, 54.
- Зубов Матвей Игнатьев сын, землевладелец Кнучерского стана (с. Петрищево), 1620-е годы 213.
- Зубов Михайло, вотчинник половины с. Ивановского, 1590-е годы 182, 210.
- Зубов Михайло Кузьмин сын, вторая половина XV в. 54.
- Зубов Никита Миклаш Захарьин сын, конец XV—начало XVI в. 54.
- Зубов Поярок, владелец с. Ивановского, середина XVI в. 183.
- Зубов Родион Борисов сын, городской сын боярский, вотчинник Кистемского (пустошь Семеново) и Никольского (сельцо Короткое) станов, 1620-е годы 213.
- Зубов Семен Захарьин сын, конец XV—начало XVI в. 54.
- Зубов Сергей Поярков сын, вотчинник с. Ивановского, 1550-е годы 161, 183.
- Зубов Тихон Самойлов сын, подьячий приказа Большого Дворца, вотчинник Кинельского стана (сельцо Горницы), 1620-е годы 213, 214.
- Зубов Феодосий Губа Захарьин сын, конец XV—начало XVI в. 54.
- Зубов Федор Борисов сын, городской сын боярский, вотчинник Кистемского (сельцо Сараево) и Никольского (пустошь Рождествено) станов, 1620-е годы 213.
- Зубов Филофей (Петров сын), старец Махрищского монастыря, вкладчик, конец XVI в. 192.
- Зубринский Иван, пан, помещик Никитского стана (с. Скоблево), 1590-е годы 219.
- Иван, староста Бортной волости, середина XV в. 28.

Иван Акинфович, сын Акинфа Великого (род Ратши), боярин, конец XIII—начало XIV в. 59.

Иван III Васильевич, великий князь всея Руси 35, 52, 78, 83, 84, 89, 95, 125, 140, 156, 161.

Иван IV Васильевич, великий князь, царь всея Руси 133, 139, 140, 161, 180, 185, 187, 199, 225.

Иван Калита Данилович, кн. московский, в. кн. владимирский 11, 12, 53.

Иван (Красный) Иванович, кн. московский, в. кн. владимирский 11, 12, 89.

Иван (Молодой) Иванович, великий князь 89.

Иванков Беспут, крестьянин в вотчине кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.

Иванов сын Дмитр, крестьянин Гавинской волости, начало XVI в. 28.

Иванов сын Дмитрок, десятский Гавинской волости, конец XV в. 30.

Ивашков старостин сын Колпак, крестьянин Бортной волости, муж на суде, середина XV в. 29.

Измайло, крестьянин Площевской волости, муж на отводе, середина XV в. 22.

Измайлов Федор Прокофьев сын, вотчинник Кинельского стана (дер. Харина Петрово), 1620-е годы 214.

Илейка, крестьянин на земле Борисоглебского монастыря, вторая половина XV в. 101.

Ильин Гридя, таможник, середина XV в. 116.

Ильин Иван, крестьянин Бармазовской волости, первая половина XV в. 26, 85.

Илья сын Семена Тимофеевича, вотчинник Переяславского уезда, первая половина XV в. 91.

Иоаким, патриарх всея Руси 88.

Иоаким (Яким), архимандрит Чудова монастыря, начало XV в. 97.

Иона, митрополит всея Руси 47.

Исак, слуга великого князя, житель дер. Алтынова, начало XV в. 24, 36.

Исаков Михаил, крестьянин (?), муж на разьезде, конец XIV—начало XV в. 110.

Истомин Григорий, слуга Б. Ф. Годунова, вкладчик Троицкого Сер-

гиева монастыря, конец XVI в. 208.

Калитичи, потомки Ивана Калиты, князья Московского дома 11.

Камчатые, мелкие вотчинники Кинельского стана 46.

Камчатый Алексей Нос Никитин сын, владеец сельца Воскресенского, первая половина XV в. 45, 46, 48.

Камчатый Ивашко Алексеев Носов сын Никитина, владеец сельца Воскресенского, позднее — холоп Г. В. Заболотского, середина—вторая половина XV в. 45, 46, 48, 49, 59.

Камчатый Никита, мелкий вотчинник, конец XIV—начало XV в. 45—47, 48, 52.

Карец, крестьянин Мишутинской волости, конец XV—начало XVI в. 17.

Карцов Мосейко, крестьянин на земле Троицкого Сергиева монастыря, муж на разьезде (с. Свечино), конец XV—начало XVI в. 112.

Касаткин Шихман, стремянный конюх, помещик Кинельского стана (дер. Пески), держатель заклада Баскаковых (сельцо Асанов Враг), конец XVI в. 210, 212.

Катавасьевы, вотчинники Кинельского стана 161, 192, 211.

Катавасьев Алферий Иванов сын, вотчинник дер. Катавасьево, 1550-е годы 161, 192.

Катавасьев Второй Федоров сын, вотчинник дер. Старое, вторая половина XVI в. 192.

Катавасьева Мария, вдова Второго Катавасьева 192.

Катавасья, дьяк, писец грамот, первая половина XV в. 45.

Киприан, митрополит всея Руси 10.

Киселев Иван, помещик Рождественской волости на границе с Шуромским станом (полсела Богородского), 1590-е годы 210.

Клим «на Москве», кредитор П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44, 45.

Клим Зелейник, помещик Великой Слободы (с. Коведяево), начало XVI в. 108, 109, 122—124.

Климентьев Денисий Савин сын, вотчинник Кистемского стана (дер. Кабановская), середина XV в. 85.

Клобуковы, вотчинники Кинельского стана, потомки Г. Клобука Топоркова 52, 137, 161, 166, 192, 193, 197, 210, 211, 216.

Клобуков Андрей Данилов сын, дворовый сын боярский, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1554 г. 137.

Клобуков Андрей Федорович, дьяк, вотчинник с. Усова, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, вклад по нем 1592/93 г., 192.

Клобуков Григорий Иванов сын Тимофеевича, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1570-е годы 193.

Клобуков Ермола Семенов Сотницын сын, дворовый сын боярский, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, вотчинник дер. Пески, середина XVI в. 137, 161.

Клобуков Иван Нечаев, вотчинник сельца Дьякова, 1560-е годы 193.

Клобукова Фетинья, вдова И. Н. Клобукова, дочь Ш. Ф. Чемодурова 193.

Клобуков Иван Семенов Сотницын сын, дворовый сын боярский, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, вотчинник дер. Пески, середина XVI в. 137, 161.

Клобуков Иван Тимофеевич, в иночестве Иннокентий, дворовый сын боярский, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1530—1550-е годы, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1570-е годы 137, 193.

Клобуков Никита Елизаров сын Сотницына, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1558 г. 137.

Клобуков Петр (Данилов сын?), вотчинник с. Даниловского, 1550-е годы 161.

Клобуков Семен Сотница Григорьев сын, вотчинник с. Андреевского, начало XVI в. 54.

Клобуков Тимофей Григорьев сын, в иночестве Тихон, дьяк, по нем вклад в Троицкий Сергиев монастырь, 1539 г. 137, 139.

Клобуков Федор Григорьев сын, вотчинник с. Усова, помещик дер. Стольниче в Кистемском стану, начало XVI в. 54, 146, 148, 164.

Клобукова Марфа, вдова Ф. Г. Клобукова 146, 216.

Кобелев Никифор, дьяк великого князя, вотчинник Вереяского

уезда, конец XV—начало XVI в. 61.

Кобцов Василько Игнатов сын, крестьянин на земле Троицкого Сергиева монастыря, позднее — в Мишутинской волости, конец XV—начало XVI в. 17, 33, 100, 102—104, 114.

Кобцов Игнат, крестьянин на земле Троицкого Сергиева монастыря, вторая половина XV в. 17, 100, 101, 102.

Кобылин Андрей Иванович, боярин, родоначальник Кошкиных, Хлуденевых и др., XIV в. 162.

Кобяк см. Наумов Иван Кобяк Филиппов сын Григорьева.

Кожевников Матюк, крестьянин (?), муж на отводе в Верхдубенском стану, конец XIV—начало XV в. 111.

Кожух, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 120.

Козел, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 120.

Козловы, вотчинники 193.

Козлов Василий Федоров сын, вотчинник Рузского уезда, выменял сельцо Нероново в Кинеле, 1560-е годы 162, 193.

Козлов Иван Федоров сын, вотчинник Рузского уезда, выменял сельцо Нероново в Кинеле, 1560-е годы 162, 193.

Козлов Федор Иванович сын, вотчинник Кинельского стана (дер. Бревново), середина XVI в. 196.

Козловские, княжата, дворовые дети боярские 144, 152.

Козловский, кн. Афанасий князь Григорьев сын, помещик Мишутинского стана (дер. Мануйлово), 1620-е годы 216.

Козловский Иван Тимофеев сын, середина XVI в. 144.

Козловский, кн. Тимофей князь Иванов сын Козлова Вяземского, дворовый сын боярский, помещик Бармазовской волости (пустошь Мошигино и др.), 1550-е годы 141, 144, 151, 152, 164, 216.

Козлятин Кубас, помещик Шуромского стана (с. Селково), 1590-е годы 210.

Козодавлев Иван (Яков) Константинов сын, вотчинник Московского уезда (с. Козодавле), конец XV в. 65.

- Козодавлев Митуй Андреев сын, «человек» кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 64.
- Коков, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 120.
- Кондратьевы, землевладельцы 208.
- Кондратьев Бобр, помещик Верхдубенского стана (дер. Лагирева Семеновская), 1550-е годы 155, 208.
- Кондратьев Борис Бобров сын, помещик Тульского уезда, конец XVI в. 209.
- Кондратьев Третьяк Яков сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1579 г. 208.
- Конковы, вотчинники Марининой Слободы 9, 138, 193, 197, 217, 219.
- Конков Андрей Иванов сын, вотчинник дер. Чириковой, 1560-е годы 193.
- Конков Михаил Васильев сын, вотчинник дер. Полосино, вторая половина XV в. 31, 52.
- Конков Постник Яковлев сын Плохого, вотчинник дер. Дурносоповой, середина XVI в. 193.
- Конков Семен, тесть Д. Стрелкова 219.
- Конков Серко Васильев сын, муж на суде, вторая половина XV в. 31.
- Конков Спиридон Яковлев сын Плохого, вотчинник дер. Дурносоповой, середина XVI в. 193.
- Конков Степан Васильев сын, вотчинник с. Конкова, середина XVI в. 138.
- Конков Шеремет Яковлев сын Плохого, вотчинник дер. Дурносоповой, середина XVI в. 193.
- Конков Яков Плохой Васильев сын, вотчинник дер. Дурносоповой, середина XVI в. 193.
- Конков Ярец Васильев сын, муж на суде, вторая половина XV в. 31.
- Конкова Авдотья см. Стрелкова Авдотья.
- Константин сын Семена Тимофеевича, вотчинник, первая половина XV в. 91.
- Копанев А. И. 5, 6, 95.
- Копнины, вотчинники 30, 57, 86, 87, 112.
- Копнин (?) Борис, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, первая половина XV в. 36.
- Копнин Борис Иванов сын, землевладелец Кинельского стана, начало XVI в. 57.
- Копнина Мария Кузьмина дочь, жена Б. И. Копнина, урожденная Стогова 57.
- Копнин Василий Борисович, в иночестве Варсонофий, боярин радонежский, вотчинник Переяславского уезда (села Копнино, Бебяково и др.), первая половина XV в. 35, 36, 57, 86.
- Копнина Мария Андреевна, вдова В. Б. Копнина, вторая половина XV в. 57, 86, 87, 118, 126.
- Корецкий В. И. 168, 170, 175, 176, 178.
- Корзин Темир, помещик Аргуновской волости, конец XVI в. 176.
- Корововы, землевладельцы Переяславского уезда 215, 216.
- Коровов Алексей, ключник дворцовый, конец XVI в. 215.
- Коровов Андрей Васильев сын, послух в Верхдубенском стану, середина XVI в. 215.
- Коровов Ермола Федоров сын, городской сын боярский, землевладелец Кистемского стана, конец XVI в. 214, 215.
- Коровов Иван Иванов сын, послух в Кинельском стану, середина XVI в. 215.
- Коровов Митрофан Иванов сын, стряпчий Сытного двorca, вотчинник Кодяева (дер. Ковырево), Новосельского (с. Голоперово), помещик Шуромского (дер. Глядково) станов, 1620-е годы 216.
- Коробьин, стольник, составитель описания Горьдкого монастыря, начало XVIII в. 89.
- Коротневы, вотчинники Переяславского уезда 208.
- Коротнев Василий Никифоров сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1540-е годы 137.
- Коротнев Василий Яковлев сын, обедневший представитель рода, начало XVII в. 208.
- Коротнев Герман, старец, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1564 г. 208.
- Коротнев Замятня, слуга Троицкого Сергиева монастыря, начало XVII в. 208.
- Коротнев Иван Перфирьев, городской сын боярский, конец XVI в. 208.
- Коротнев Матвей Иванов сын, дяк митрополичий, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, первая половина XVI в. 137.

Коротнев Матвей Богданов (или Семенов) сын, вотчинник Верхдубенского стана (дер. Аргуново), 1550-е годы 208.

Коротнев Матвей Семенов сын, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1563 г. 208.

Корсаковы, вотчинники Киучерского стана 138, 148, 150, 151, 193.

Корсаков Андрей Кабат Степанов сын, вотчинник с. Старое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Давыд Степанов Щередиин сын, помещик дер. Соболево, 1550-е годы 148, 152.

Корсаков Данила Губин сын, вотчинник сельца Новое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Захарий Губин сын, вотчинник сельца Новое Будавское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Иван Иосифов сын, брат и душеприказчик Я. И. Корсакова, 1560-е годы 193.

Корсаков Иван Шестаков сын, вотчинник сельца Новое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Оксентий Нечай Шестаков сын, вотчинник сельца Новое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Павел Губин сын, вотчинник сельца Новое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Семен Иванов сын, вотчинник сельца Новое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Семен Кандан Степанов сын, вотчинник с. Старое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Степан Щереда Семенов сын, вотчинник сельца Новое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Федор Иванов сын, вотчинник сельца Новое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Федор Салтан Степанов сын, вотчинник с. Старое Будовское, первая половина XVI в. 138.

Корсаков Юрий Степанов Щередиин сын, помещик дер. Соболево, 1550-е годы 148, 152.

Корсаков Яков Иосифов сын, в иночестве Иона, вотчинник сельца Кичибугина в Никитском стану, 1560-е годы 193.

Косагов Борис Дмитриев сын, крестьянин, позднее — слуга митропо-

личий, конец XV—начало XVI в. 24, 25.

Кочергин Иван Константинов сын, вотчинник Киучерского стана (пустошь Давыдовская), середина XVI в. 193.

Кочин Г. Е. 4.

Кошкины, боярский род 162.

Кошка Федор Андреевич, боярин, конец XIV—начало XV в. 161.

[Кошкин?] Иван Федорович, вотчинник Кистемского стана, начало XV в. 84.

Красные, землевладельцы Переяславского уезда 203, 204, 207.

Красной Грязной Афанасьев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, конец XVI в. 203.

Красной Иван Сунгуров сын, царичина чину сын боярский, помещик Верхдубенского (пустошь Буравино) и Михайловского (сельцо Плоское) станов, 1620-е годы 204, 209.

Красной Сунгур Борисов сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (пустошь Буравино), 1590-е годы 200, 203, 208.

Кроткие, вотчинники Кинельского стана, соседи сел Скнятинова и Новленского 52, 54, 137, 193, 197, 217 218.

Кроткой Данила, середина XV в. 54.

Кроткой Иван Семенов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1552 г. 137.

Кроткой Меньшик, опальный 193, 218.

Кроткой Никита Григорьев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1557 г. 137.

Кроткой Семен, опальный 193, 218.

Кроткой Семен Данилов сын, судья великого князя, конец XV в. 54.

Кроткой Федор, начало XVI в. 54.

Кроткой Федор, опальный 193, 218.

Кроткой Филипп Иванов сын Дмитриева, вотчинник Слободского стана (дер. Климентьево), середина XVI в. 193.

Кроткой Филипп Молчан, слуга Троицкого Сергиева монастыря, конец XVI в. 218.

Кряковский Судак, может быть, потомок Ф. Краковского, мужа на суде XV в. (АСВР, I, № 326), помещик Кистемского стана (пус-

- тошь Трубницы), середина XVI в. 142, 144, 146, 180.
- Кузьмин Кондратик, крестьянин на земле Троицкого Сергиева монастыря (дер. Матвеевская), конец XV в. 18, 30, 101, 102, 113.
- Култашевы, вотчинники, соседи А. М. Плещеева, конец XV в. 64, 150.
- Куначин Степанко, дворский Мишутина стана, конец XV—начало XVI в. 33.
- Курбский А. М. 187.
- Курман, сокольник, мелкий помещик Великой Слободы (дер. Тарасевская и др.), начало XVI в. 49, 123.
- Курцевы, вотчинники Переяславского уезда 137, 217, 218.
- Курцев Афанасий Фуник Иванов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1533 г. 137.
- Курцев Данило Афанасьев Фуников сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1543 г. 137.
- Курцев Дмитрий Афанасьев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1548 г. 137.
- Курцев Иван Кушник Петров сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, середина XVI в. 137, 218.
- Курцева Пелагея, жена Кушника Курцева, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря, середина XVI в. 218.
- Курцев, старец Иов, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1538 г. 137.
- Курцев Константин Афанасьев Фуников сын, дьяк, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, опальный 137, 218.
- Курцев Михаил Никитин сын Афанасьева Фуникова, по нем вклад в Троицкий Сергиев монастырь, 1597 г. 218.
- Курцев Никита Афанасьев Фуников сын, дьяк, печатник, казначей, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, опальный 137, 218.
- Курцева Мария, жена Н. А. Курцева, вклад по ней в Троицкий Сергиев монастырь, 1597 г. 218.
- Курцев Серапион, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1551 г. 137.
- Лаврентьевы, помещики Верхдубенского стана 208.
- Лаврентьев Иван, помещик (совладелец) дер. Орефино и др., 1550-е годы 202.
- Лагирев Семен Некрасов сын, вотчинник Верхдубенского стана, начало XVI в. 155.
- Лазарев Дмитрий см. Станищев.
- Лазарева (Садырева) Антонида, жена И. Лазарева, вотчинница Кистемского стана, начало XV в. 83.
- Лапоть Ивашко, крестьянин Бортной волости, конец XIV в. 18, 37.
- Лаптев Митя, «холоп» в. кн. Соломони Юрьевны, помещик Великой Слободы (дер. Спасская), начало XVI в. 49, 123.
- Ларины, вотчинники Кинельского стана 211.
- Ларин Григорий, вотчинник дер. Сосяговой, 1550-е годы 161.
- Ларин Федько, мелкий вотчинник Кинельского стана, вторая половина XV в. 46.
- Леваш, крестьянин на Хупани, начало XV в. 19.
- Леонтьевы, землеладельцы Кинельского стана, помещики Каширского уезда 193, 197, 217, 218.
- Леонтьев Басарга Федоров сын, опричник, вотчинник дер. Оксентевой и др., середина XVI в. 193, 197.
- Леонтьев Басенок Федоров сын, опричник, вотчинник дер. Оксентевой и др., середина XVI в. 193, 197.
- Леонтьев Федор Леонтьевич, вотчинник дер. Оксентьево и др., первая половина XVI в. 193.
- Литвин, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Литвинов Григорий Григорьевич, вотчинник Шуромского стана (сельцо Боярское), конец XVI в. 188.
- Лихаревы, вотчинники Переяславского уезда 62, 150, 217.
- Лихарев Васько Васильев сын, вотчинник с. Лихарева, конец XV в. 62, 149.
- Лихарев Ивашко Бовыка Васильев сын, вотчинник с. Лихарева, конец XV в. 62, 149.
- Лихачев Н. П. 89.
- Лихотин Федор Денисьев сын, отчим И. Басовой, вотчинник Кинельского стана, середина XVI в. 194.

- Ловчиковы, вотчинники Переяславского уезда 194, 208.
- Ловчиков Григорий Григорьев сын, вотчинник Верхдубенского стана (с. Махра), конец XVI в. 194.
- Ловчиков Григорий Дмитриев сын, опричник, помещик Верхдубенского стана (дер. Тахово), вотчинник с. Махра, середина XVI в. 158, 208.
- Ловчиков Григорий Пахов сын, дворовый сын боярский по Дмитрову, середина XVI в. 158.
- Ловчиков Матвей Григорьев сын, вотчинник Рождественской волости (с. Махра), конец XVI в. 194.
- Ловчиков Юрий Григорьев сын, вотчинник Рождественской волости (с. Махра), конец XVI в. 194.
- Логин, келарь Троицкого Сергиева монастыря, середина XV в. 36, 38, 73.
- Логинов Ивашко, крестьянин на земле Троицкого Сергиева монастыря, конец XV в. 112.
- Ломинос Захар, «немчин», помещик Марининой Слободы (пустошь Брюханово и др.), 1590-е годы 184, 218.
- Лукин Матвей, мелкий вотчинник Бармазовской волости, середина XV в. 26, 27, 38, 47, 85, 101, 141.
- Луня, крестьянин Бармазовской волости (?), конец XV—начало XVI в. 19, 30.
- Лучко кузнец, крестьянин на р. Вашке, середина XV в. 88.
- Лыков Александр Владимирович, боярин, вотчинник с. Зеленцына, первая половина XV в. 37, 93, 102, 105.
- Лядко Иван Васильевич, вотчинник Волнинской волости (сельцо Никольское), начало XVI в. 14, 15.
- Макаровы, вотчинники Марининой Слободы 138, 194, 197, 217.
- Макарова Мария, жена Александра Макарова, вотчинница дер. Рязаново, середина XVI в. 138.
- Макаров Василий Александров сын, вотчинник дер. Рязаново, середина XVI в. 138.
- Макаров Дорофей Давыдов сын, вотчинник дер. Бычкино-Мичурино, вторая половина XVI в. 194, 197.
- Макарова Пелагея, жена Д. Д. Макарова, дочь Леонтия Скрипицына 194.
- Макаров Иван Тимофеев Хабаров сын, вотчинник дер. Микулкиной, середина XVI в. 138.
- Макаров Михаил Погожий Александров сын, вотчинник дер. Рязаново, середина XVI в. 138.
- Макаров Роман Александров сын, вотчинник дер. Рязаново, середина XVI в. 138.
- Макаров Тимофей Хабар Александров сын, вотчинник дер. Микулкиной, середина XVI в. 138.
- Макарова Татьяна Дорофеева дочь, вотчинница дер. Бычкино-Мичурино, 194.
- Максимко, крестьянин на земле Борисоглебского монастыря, вторая половина XV в. 101.
- Максимовы, вотчинники Новосельского стана 194, 204, 207.
- Максимов Василий Григорьев сын, вотчинник (совладелец) с. Долгое Поле, конец XVI в. 194.
- Максимов Василий, помещик Верхдубенского стана (пустоши Гусезо и Рябинино), 1590-е годы 200, 204, 208.
- Максимов Григорий Александров сын, вотчинник (совладелец) с. Долгое Поле, конец XVI в. 194.
- Максимов Михайло Степанов сын, вотчинник (совладелец) с. Долгое Поле, конец XVI в. 194.
- Максимов Петруша, пристав великого князя, конец XV в. 204.
- Максимов Улан Леонтьев сын, вотчинник (совладелец) с. Долгое Поле, конец XVI в. 194.
- Максимов Максимец Сенькин сын, «человек» Пересветовых, начало XVI в. 121.
- Максимов Сенка, «человек» Пересветовых, начало XVI в. 121.
- Малах Бараш, крестьянин Ивашова Угла, первая половина XV в. 24, 36.
- Малаховы, землевладельцы Переяславского уезда 152.
- Малахов Иван Федоров сын, помещик Новосельского стана (дер. Говеново), 1550-е годы 152, 181, 220.
- Малахов Павел Степанов сын, сын боярский, послух, начало XVI в. 152.

- Малечкин Константин, вотчинник Юлодской волости (с. Константиновское), начало XVI в. 13, 15.
- Малмора Василий Никитин сын Даниловича, из рода Бяконовых, землевладелец Переяславского уезда, начало XVI в. 108.
- Малыга, сотник Мишутинской волости, конец XV в. 19, 22, 30, 31, 38.
- Мамухин Тараско, крестьянин Аргунской волости, конец XV в. 19, 20, 22, 27, 29.
- Мансуров Федор Борисович, судья, конец XV в. 32.
- Мантуровы, землевладельцы Кинельского стана 161, 211.
- Мантуров Истома Леонтьев сын, по слух, начало XVI в. 161.
- Мантуров Некрас, владелец дер. Попово, 1550-е годы 161.
- Мардар, крестьянин на земле Сватковых, послух, начало XV в. 111.
- Мария Ярославна, великая княгиня, жена в. кн. Василия Васильевича 8, 9, 18, 24, 28, 31, 93, 112.
- Маркел, старец Троицкого Сергиева монастыря, посельский, конец XV в. 35, 113.
- Марков Тихон, помещик Никитского стана (сельцо Вески), 1590-е годы 219.
- Маркс К. 3.
- Мартин, крестьянин на Хупани, начало XV в. 19.
- Мартын Черный, таможник, середина XV в. 116.
- Мартиниан, игумен Троицкого Сергиева монастыря, середина XV в. 83.
- Мартинов Василь, крестьянин или мелкий вотчинник, начало XV в. 99.
- Мартыновы, вотчинники Клучерского стана 193.
- Мартынов Андрей Константинов сын, вотчинник с. Скятинова на Рокше, середина XVI в. 193.
- Мартынов Герасим Андреев сын, вотчинник с. Скятинова на Рокше, середина XVI в. 193.
- Мартынов Константин, вотчинник с. Скятинова на Рокше, первая половина XVI в. 193.
- Матвеев Шерап, подьячий, середина XVI в. 178.
- Маурица, «женка» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Мацкие, землевладельцы Переяславского уезда 207.
- Мацкой Алексей Севастьянов Рушинов сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского (сельцо Горки) и Шуромского (с. Шепелево) станов, 1620-е годы 204, 209.
- Мацкой Меншик, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (пустынь Паино), конец XVI в. 200, 204, 208.
- Медведко, крестьянин Бармазовской волости (?), конец XV—начало XVI в. 19, 30.
- Мейчик Д. М. 99.
- Меленица, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Мелешкин Григорий, мелкий вотчинник или крестьянин, середина XV в. 47.
- Мериновы, крестьяне на митрополичьей земле, начало XVI в. 101.
- Мещериновы, вотчинники Марининой Слободы, помещики Каширского уезда 193, 217, 218.
- Мещеринов Никита Яковлев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1574 г. 193.
- Мещеринов Рахманин Яковлев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1574 г. 193.
- Микитка, крестьянин на митрополичьей земле, конец XV в. 102.
- Николаевы, вотчинники, помещики Новосельского стана 219.
- Николаев Афанасий, помещик сельца Володимирова, 1550-е годы 152.
- Николаев Иван Субботин сын, городской сын боярский, вотчинник дер. Николаево, конец XVI в. 219.
- Николаев Никифор, помещик сельца Володимирова, 1550-е годы 152.
- Николаев Суббота, помещик сельца Володимирова, 1550-е годы 152.
- Митя, дворский в Кистемском стану, середина XV в. 33.
- Михаил Андреевич, кн. верейский и белозерский 118.
- Михаил Яковлевич, вотчинник Переяславского уезда, первая половина XV в. 117.
- Михайло, старец Воиновского монастыря, начало XVI в. 29.
- Михайловы (Михалковы), вотчинники Переяславского уезда 194, 204.
- Михалков Андрей Тимофеев сын, дворовый сын боярский, владелец

дер. Леонтьевой и др., 1550—1570-е годы 158, 194, 204.

Михалков Артамон Алай Иванов сын, вотчинник сельца Назимово Судиславль, конец XVI в. 194.

Михалкова Акинья, мать А. Михалкова 194.

Михайлов Бажен, помещик Верхдубенского стана (пустошь Окорейково), 1590-е годы 200, 204.

Михайлов Василий, мовный истопник, помещик Шуромского стана (сельцо Романово), 1620-е годы 204.

Михалков Василий Федоров сын, вотчинник Верхдубенского стана (сельцо Шубино), 1620-е годы 209.

Михайлов Иван, вотчинник Кинельского стана, конец XV в. 112.

Михалков Полуект Тимофеев сын, дворовый сын боярский, владелец дер. Леонтьевой и др., 1550—1570-е годы 158, 194, 204.

Михайлов Савлук, помещик Никитского стана (сельцо Вески), 1590-е годы 219.

Михайлов Тимофей Федоров сын, дяк, первая половина XVI в. 158, 204.

Молвянинова Оксинья Федорова жена, владелица с. Смольнево, 1590-е годы 218.

Молоко Илья, сауга великого князя, начало XV в. 75, 76.

Молот, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Морины, землевладельцы Переяславского уезда 158, 208, 211.

[Мора] Дмитрий Кузьмин, XV в. 158.

Мора Иван Никитин сын Даниловича, сын боярский, первая половина XVI в. 158.

Морин Кузьма Иванов сын, дворовый сын боярский по Бежецкому Верху, помещик Верхдубенского стана (с. Ясаково), 1550-е годы 158.

Морин Сила Иванов сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 158.

Морин Юрий Афанасьев сын Кузьмина, дворовый сын боярский, середина XVI в. 158.

Морозовы, боярский род 188, 189, 210, 221.

Морозов Василий Тучко Борисович, боярин, вотчинник, конец XV в. 118.

Морозов Василий Григорьевич, писец Переяславского уезда, начало XVI в. 49, 108.

Морозов Владимир Васильевич, боярин, вотчинник Шуромского стана (с. Хребтово), середина XVI в. 158, 189.

Морозов Петр Игнатьевич, вотчинник с. Скнятино, середина XV в. 53, 81.

Морхинины, землевладельцы 162, 211.

Морхинина Офимья, помещица Кинельского стана (дер. Новинки), 1550-е годы 162.

Москат, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Мотовилов Афанасий Никитин сын, дяк, вотчинник Мишутина стана (дер. Парфенково), конец XVI в. 194.

Мотовилов Никита Иванов сын, в иночестве Нил, дворовый сын боярский по Ярославлю, вотчинник Мишутина стана (дер. Парфенково), середина XVI в. 194.

Мякинницыны, крестьяне на земле Троицкого Сергиева монастыря, вторая половина XV в. 111.

Мякинницын Влас 111.

Мякинницын Михаил 111.

Мякишевы, вотчинники Верхдубенского стана 194, 209.

Мякишев Автомон Образец Богданов сын, вотчинник Новосельского стана (дер. Обалкино и др.), конец XVI в. 195, 209.

Мякишев Богдан Варфоломей Васильев сын, вотчинник дер. Вальцовой, середина XVI в. 157.

Мякишев Василий, вотчинник дер. Лобановой и др., конец XVI в. 194.

Мякишева Ирина, жена В. Мякишева 194.

Мякишев Василий Александров сын, вотчинник, первая половина XVI в. 154.

Мякишев Григорий Петров сын, городской сын боярский по Суздалю, вотчинник Новосельского стана (сельцо Павловское), 1620-е годы 209.

Мякишева Пелагея, вдова И. Мякишева, вотчинница Новосельского стана (сельцо Павловское), 1620-е годы 209.

Мячков Семейка, помещик Аргуновской волости, конец XVI в. 176.

Нагие, тверской служилый род, вотчинники Переяславского уезда 150, 197, 217.

Нагой Андрей Федорович, дворовый сын боярский, вотчинник Марининой Слободы (дер. Лобаново), середина XVI в. 197.

Нагой Афанасий Федорович, вотчинник Марининой Слободы (сельцо Клобуково), 1590-е годы 217.

Нагой Иван Григорьевич, вотчинник Марининой Слободы, конец XVI в. 218.

Напольские, вотчинники Кинельского стана 52, 80, 81, 161, 166, 210, 213.

Напольский Богдан «с братьею», вотчинник дер. Сотниковой, 1550-е годы 161.

Напольский Богдан, помещик сельца Игрищево, 1590-е годы 210, 211, 213.

Напольский Гаврило, старец Троицкого Сергиева монастыря, посельский, начало XVI в. 35, 36.

Напольский Григорий, помещик дер. Галино, 1590-е годы 210, 211, 213.

Напольский Русин Онаньин сын, помещик дер. Сыропятовой и др., 1550-е годы 161.

Напольский Степан Богданов сын, городской сын боярский, начало XVI в. 213.

Напольский Теплой, вотчинник дер. Собакиной, 1550-е годы 161.

Напольский Тимоха Степанов сын Титова, вотчинник, сосед Троицкого Сергиева монастыря, начало XVI в. 81.

Напольский Тит, вотчинник, послух, конец XV в. 46.

Напольский Федор Теплов сын, помещик (дер. Шелково), 1550-е годы 161.

Нармацкие, вотчинники 211.

Нармацкая Ирина дочь Ярца, вотчинница Кинельского стана, 1560—1570-е годы 195.

Нармацкий Семен Ярцев сын, опричник, постельничий 195.

Настя Московка, «женка» Пересветовых, начало XVI в. 121.

Наумов Иван Кобяк Филиппов сын Григорьева, дьяк великого князя, вторая половина XV в. 31, 36.

Наумов Филипп Григорьев сын, муж на суде, середина XV в. 31.

Немцов Борис, помещик Кинельского стана (дер. Новинки и др.) 1550—1590-е годы 200, 204, 207.

Нефимонов Василий, дьяк, развездчик Переяславского уезда, начало XVI в. 13.

Никитин Андрей, крестьянин (?) митрополичьей волости, середина XV в. 47.

Никитин Григорий, вотчинник дер. Назарьевской, начало XV в. 76.

Никифоров Башмак Яковлев сын, в иночестве Гурий, вотчинник Кинельского стана (дер. Новоселка), вторая половина XVI в. 192.

Никифорова Авдотья, дочь А. Катавасьева, жена Башмака 192.

Никон, игумен Троицкого Сергиева монастыря 35, 37, 45, 56, 71—78, 82, 84.

Никон, старец Троицкого Сергиева монастыря, посельский, конец XV в. 18, 101.

Новокрещеновы, вотчинники Переяславского уезда 217.

Ногины, вотчинники Кинельского стана 135.

Ногин Логин Никитин сын, слуга Троицкого Сергиева монастыря, середина XVI в. 132, 136.

Ногин Никита Антонов сын, вотчинник дер. Антоновской, первая половина XVI в. 132, 136.

Нороватые, дети боярские, вотчинники Переяславского уезда 145, 205, 207, 216.

Нороватый Алферий, помещик сельца Загорье, середина XVI в. 145.

Нороватый Васюк Андреев сын Никитина, помещик сельца Загорье, середина XVI в. 145.

Нороватый Григорий, помещик Кистемского стана, (дер. Юровское и др.), 1550-е годы 141, 144, 145, 216.

Нороватый Григорий Матвеев сын, помещик сельца Загорье Верхнее, середина XVI в. 145.

Нороватый Иван Алферьев сын, помещик сельца Загорье, середина XVI в. 145.

Нороватый Иван Матвеев сын, помещик сельца Загорье Верхнее, середина XVI в. 145.

Нороватый Иванец Яковлев сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 145.

Нороватый Ивашко Андреев сын Никитина, помещик сельца Загорье, середина XVI в. 145.

Нороватый Меншик Матвеев сын, помещик сельца Загорье Верхнее, середина XVI в. 145.

Нороватый Михалко Григоров сын, городской сын боярский, конец XVI в. 216.

Нороватый Нечай Никитин сын, помещик сельца Загорье, середина XVI в. 145.

Нороватый Овсяник (Евсей) Иванов сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (дер. Бунино), конец XVI в. 200, 205.

Нороватый Петрушка Матвеев сын, помещик сельца Загорье Верхнее, середина XVI в. 145.

Нороватый Ширяй Алферьев сын, помещик сельца Загорье и др., середина XVI в. 145, 152.

Оболенские, князья, вотчинники 130, 134, 150, 151.

Оболенский, кн. Иван княж Александров сын Стригина, дворовый сын боярский, вотчинник сельца Бубнец, середина XVI в. 134.

Оболенский, кн. Иван княж Андреев сын Пенинского, вотчинник с. Бороноволоково, начало XVI в. 130, 149.

Оболенский, кн. Иван Васильевич Щербатый, вотчинник с. Богородского, начало XVI в. 110, 157.

Оболенская, кн. Анастасия Федоровна, жена кн. И. В. Оболенского-Щербатого, урожденная Плещеева, начало XVI в. 119, 157.

Оболенский, кн. Иван Иванович Стригин, кредитор П. М. Плещеева, начало XVI в. 65.

Оболенский, кн. Юрий княж Андреев сын Пенинского, вотчинник с. Бороноволоково, начало XVI в. 130, 149.

Оболенский, кн. Юрий (другой) княж Андреев сын Пенинского, вотчинник с. Бороноволоково, начало XVI в. 130, 149.

Обуховы, вотчинники Кинельского стана 161, 195, 197, 211.

Обухов Антон Иванов сын, вотчинник пустоши Новошинской, 1560-е годы 195.

Обухов Василий Михайлов сын, судья на местном суде, вторая половина XV в. 28, 161.

Обух Михаил, родоначальник Обуховых, сосед с. Скнятино, первая половина XV в. 161.

Обухов Образец Семенов сын, помещик Каширского уезда, конец XVI в. 211.

Обухова Авдотья, владелица дер. Новошино, 1550-е годы 161.

Окиш, пономарь в Бортной волости, первая половина XV в. 37.

Окороков Герман, старец Чудова монастыря, вотчинник, середина XV в. 88.

Оксентиец, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Окул, сотник Бармазовской волости, конец XV—начало XVI в. 22, 24, 30, 38, 143.

Окулов Овсяник, разметчик Бортной волости, середина XV в. 28, 29.

Окулов Родюка, крестьянин Ивашева Угла, вторая половина XV в. 18.

Олферов Терешко, крестьянин Мишутинской волости, конец XV—начало XVI в. 17, 19, 21.

Олюница, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Омена, подьячий, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1551 г. 205.

Оменины (Оленины), землевладельцы Переяславского уезда 205, 207.

Оленин Петр, помещик Верхдубенского стана (дер. Новая и др.), 1590-е годы 200, 205.

Оменин Федор, мовный истопник, помещик Новосельского стана (пустошь Енка), вотчинник Шуромского стана (сельцо Попова Гора), 1620-е годы 205.

Онаньины, вотчинники 149, 150.

Онаньин Борис, вотчинник Киучерского стана, сосед с. Бороноволокова, начало XVI в. 149.

Онаньин Елизарий, вотчинник Никитского стана (пустошь Скрипичино), 1590-е годы 219.

Онаньин Лев Григорьев сын Володимерова, вотчинник Киучерского стана (сельцо Внуково), 1550-е годы 148.

Онаньин Леонтий, большой дьяк, середина XVI в. 149.

Онаньина Авдотья Агишева жена, владелица сельца Высокого, 1550-е годы 148, 149.

Онсим, крестьянин, должник П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44.

Онфуков Родиока, крестьянин Михайловского стана, конец XV в. 18, 20, 22, 27, 31.

Онцыферов Михаил, дворский Михайловского стана, конец XV в. 33.

Опочинин Федор, помещик Красинской волости Владимирского уезда, конец XVI в. 177.

Ориница, «женка» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Останя, дворский в Кистемском стану, середина XV в. 26, 33.

Остафий, пан, помещик «с товарищи» Никитского стана (с Петровское), 1590-е годы 219.

Осташев сын Калининка, крестьянин Аргуновской волости, начало XVI в. 29.

Остей Александр Андреевич, боярин, родоначальник Остеевых, конец XIV—начало XV в. 59, 90.

Остева Мария, жена А. А. Остея 90.

Остеев Андрей Жулеба Романович (Тимофеевич), вотчинник с. Соломидина, середина XV в. 90.

Остеев Андрей Хруль Романович, боярин, вотчинник с. Соломидина, вторая половина XV в. 90.

Остеев Роман Безногий Александрович (по С. Б. Веселовскому — сын А. А. Остея), начало XV в. 90.

Остева Васса (Василиса), мать А. Р. Остева 90.

Остеев Тимофей Александрович, сын А. А. Остея, начало XV в. 90.

Охлябинин Василий Федорович, кн., вотчинник Волнинской волости (с. Заозерейце), начало XVI в. 14, 15.

Охлябинин Петр Федорович, кн., вотчинник Волнинской волости (с. Заозерейце), начало XVI в. 14, 15.

Очкасов Михаил Рыжко Анкудинов сын, дьяк кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.

Павел, старец Махрищского монастыря, посельский, середина XV в. 114.

Палицын Алексей Васильев сын, министерал кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.

Палка, крестьянин на земле Борисоглебского монастыря, вторая половина XV в. 101.

Пальцов Сенька, десятский Замытского (?) стана, начало XVI в. 31.

Панеях В. М. 125.

Панов Гридя, ключник кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.

Пановы см. Юровы-Пановы.

Пантелеев Василь, крестьянин Мишутинской волости, начало XV в. 17.

Пантелейко, крестьянин, должник П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44.

Панут, крестьянин, должник П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44.

Парский Илья Федоров сын, царичина чину сын боярский, помещик Кинельского стана (сельцо Игрище), 1620-е годы 214.

Парфеньев Никита Оксентьев сын, дьяк, вотчинник Шуромского стана (с. Хребтово), 1570-е годы 189.

Парша, крестьянин или мелкий вотчинник в районе Мелецкой волости, начало XV в. 97—100.

Патрикеев Гридя, крестьянин Мишутинской волости, начало XV в. 17.

Патрикеевы князья, боярский род, вотчинники Переяславского и других уездов 58, 65, 66, 128, 150, 151.

Патрикеев, кн. Василий Иванович, в иночестве Васснан («Косой»), вотчинник, конец XV—начало XVI в. 64, 65.

Патрикеев, кн. Иван Иванович, вотчинник, конец XV—начало XVI в. 148.

Патрикеев, кн. Иван Юрьевич, боярин, конец XV в. 52, 64, 65, 118, 119, 126, 148.

Патрикеева, кн. Авдотья, жена кн. И. Ю. Патрикеева 64.

Пахом, посельский Г. В. Заболотского, середина XV в. 119.

Пенковы, князья ярославские, вотчинники Переяславского уезда 150, 192.

Пенко, кн. Александр княж Данилов сын, вотчинник Волнинской волости, начало XVI в. 14, 15, 150.

Пенков, кн. Василий Данилович, вотчинник Кистемского стана, первая половина XVI в. 150.

Пенкова, кн. Анна Иосифовна, жена кн. В. Д. Пенкова, середина XVI в. 150.

Пенков, кн. Иван Васильевич, боярин, вотчинник Киучерского и Кистемского станом, середина XVI в. 148, 150, 151.

- Пента Иван, крестьянин Бармазовской волости, первая половина XV в. 38, 85.
- Пересветовы, вотчинники с. Константиновского, начало XVI в. 121.
- Пересветов Василий Иванов сын 121, 122.
- Перхуров Гридька Ивашков сын, крестьянин на земле митрополичьей волости, конец XV в. 102.
- Песниковы, землевладельцы 199, 208.
- Пескишевы, вотчинники Кинельского стана 162, 211.
- Пескишев Антон Иванов сын, вотчинник дер. Таратиново (Татариново?), 1550-е годы 162.
- Пескишев Иван Иванов сын, вотчинник дер. Таратиново (Татариново?), 1550-е годы 162.
- Петеланы, вотчинники Кинельского стана (с. Скятиново и др.) 12, 52—54, 81, 82.
- Петелин Иван, середина XV в. 53, 81.
- Петелин Михаил, середина XV в. 53.
- Петелина Мария, первая половина XV в. 53, 120, 121.
- Петровы, землевладельцы Переяславского уезда 149, 151, 152.
- Петров Григорий, «новгородец», землевладелец Киучерского стана, сосед с. Бороноволокова, начало XVI в. 149.
- Петров Елизарий Тимофеев сын, помещик Киучерского стана (дер. Вишки), 1550-е годы 148, 149.
- Петров Ермолай, подьячий, писец Переяславского уезда, конец XVI в. 168, 176.
- Петров Иван, сосед с. Скятинова, конец XV в. 53.
- Петров Иван Тимофеев сын, помещик Киучерского стана (дер. Вишки), 1550-е годы 148, 149.
- Петров Иван Соловой Тимофеев сын, полковой голова, середина XVI в. 152.
- Пивов Роман Михайлович, дворовый сын боярский, держатель земли Троицкого Сергиева монастыря, конец XVI в. 223—225.
- Пигиль, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Писемские, служилый род 153, 155, 163, 164, 183, 199.
- Писемская Мария, жена А. Писемского, вотчинница Мишутина стана (дер. Ефаново и др.), 1550-е годы 153.
- Писемский Иван, вотчинник Мишутина стана (с. Мишутино), 1590-е годы 199.
- Писемский Никита, вотчинник Мишутина стана (дер. Янгурово и др.), 1550-е годы 153.
- Писемский Яков Гаврилов сын, вотчинник с. Мишутино и др., 1620-е годы 199.
- Платонов С. Ф. 220.
- Племянников Владимир Семенов сын, вотчинник Кинельского стана (сельцо Ларино), середина XVI в. 115, 161.
- Племянникова Фетинья, вдова В. С. Племянникова 115, 161.
- Племянников Иван Владимиров сын, вотчинник Кинельского стана (сельцо Ларино), середина XVI в. 115, 161.
- Племянников Лаврентий Владимиров сын, вотчинник Кинельского стана (сельцо Ларино), середина XVI в. 115, 161.
- Плещевы, боярский род, вотчинники Переяславского и других уездов 58, 63, 110, 128, 130—132, 136, 149, 150, 158, 189, 190.
- Плещей Александр, родоначальник Плещевых, воевода, середина XIV в. 158.
- Плещеев Андрей Михайлович, боярин, вотчинник с. Богородского и др., вторая половина XV в. 60—62, 64, 65, 118, 119, 126, 148, 149, 157.
- Плещеева Елена, жена А. М. Плещеева 60.
- Плещеев Андрей Петров сын Михайловича, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, начало XVI в. 129.
- Плещеев Василий Андреев сын, судья великого князя, начало XVI в. 28, 32.
- Плещеев Василий Петров сын Михайловича, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1522 г. 130.
- Плещеев Григорий Григорьев сын, дворовый сын боярский, должник Д. Г. Плещеева, середина XVI в. 66.
- Плещеев Григорий Михайлович, вотчинник Верхдубенского стана, конец XV—начало XVI в. 61.
- Плещеева Евфимия, вдова Г. М. Плещеева 61.

- Плещеев Дмитрий Григорьев сын, дворовый сын боярский, вотчинник, середина XVI в. 66.
- Плещеева Мария, жена Д. Г. Плещеева 66.
- Плещеев Захарья Иванов сын Очин, дворовый сын боярский, середина XVI в. 66.
- Плещеев Иван Андреев сын Михайловича, вотчинник сел Елизаровского, Вески и др., конец XV—начало XVI в. 149.
- Плещеев Иван Васильев сын Петрова Михайловича, вотчинник села Выпукова, начало XVI в. 129.
- Плещеев Иван Дмитриев сын, дворовый сын боярский, вторая половина XVI в. 190.
- Плещеев Иван Петров сын Михайловича, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1522 г. 130.
- Плещеев Иван Большой Тимофеев Юрлов сын Михайловича, вотчинник Верхдубенского стана (село Дерябино), начало XVI в. 61, 131.
- Плещеев Иван Кудреватый Тимофеев Юрлов сын Михайловича, вотчинник Верхдубенского стана (село Дерябино), начало XVI в. 61.
- Плещеев Михаил Андреевич, дворовый сын боярский, вотчинник Рождественской волости (село Коряково и др.), конец XV—начало XVI в. 61.
- Плещеев Михаил Борисович, в иночестве Мисаил, боярин, середина XV в. 60, 61, 62, 73.
- Плещеева Мария, вторая жена М. Б. Плещеева 61.
- Плещеев Никита Иванов сын Петрова Михайловича, вотчинник с. Выпукова, начало XVI в. 129.
- Плещеев Петр Иванов сын Тимофеева Юрлова, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1540 г. 131.
- Плещеев Петр Михайлович, боярин, вотчинник с. Выпукова и др., конец XV—начало XVI в. 28, 60—65, 118, 126, 129.
- Плещеев Федор Чешиха Андреевич, вотчинник с. Богородского, начало XVI в. 157, 189.
- Плещеевы Федор, Иван и Андрей Григорьевы дети Михайловича, «братаничи» П. М. Плещеева, вотчинники Московского уезда, начало XVI в. 61.
- Плещеев Тимофей Юрло Михайлович, вотчинник Верхдубенского стана (с. Дерябино), конец XV в. 61, 131.
- Плещеевы-Басмановы, потомки Д. А. Плещеева 136, 190, 219.
- Плещеев-Басманов, Алексей Данилович, вотчинник дер. Вески и др., вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, середина XVI в. 136, 148, 149, 190, 193.
- Плещеев-Басманов Федор Алексеевич, опричник, воевода, середина XVI в. 190, 193.
- Плишкин Алексей, вотчинник Мишутина стана (дер. Парфенково), середина XVI в. 194.
- Плишкин Гаврило, крестьянин (?) на земле Зубачевых, конец XIV—начало XV в. 111.
- Плишкин Леон, крестьянин (?) на земле Зубачевых, конец XIV—начало XV в. 111.
- Повозников Одреец, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Подлесов Иван Воинов сын, городовой сын боярский, вотчинник Верхдубенского стана (дер. Горки), 1590-е годы 200, 205, 207.
- Позденова жена, «женка» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.
- Поливанов Дмитрий Михайлов сын, разьездчик Аргуновской волости, начало XVI в. 29, 177.
- Прокофий, игумен, владелец «сельца на Киржаче», первая половина XIV в. 12.
- Прокофьев сын Широкой, крестьянин Гавинской волости, начало XVI в. 28.
- Проскурицын Иван, крестьянин на земле кн. И. В. Оболенского, начало XVI в. 110.
- Пушкин-Бобрищев Иван Иванович, опричник, вотчинник Верхдубенского стана (селище Терпилково), 1570-е годы 195, 207.
- Пушкина-Бобрищева Федора, ур. Бутешева, жена И. И. Пушкина-Бобрищева 195.
- Раковы, дворовые дети боярские, землеладельцы Переяславского уезда 158, 208.
- Раков Ушак Константинович, помещик (совладелец) дер. Орефино, 1550-е годы 158, 164, 202.

Раков-Дубровин Третьяк, дворцовый дьяк 158.

Раменьев Денисий Дуброва, вотчинник Кистемского стана, начало XV в. 37, 38, 85.

Ратковы, землевладельцы Переяславского уезда 152.

Ратков Бурец, помещик Новосельского стана (дер. Юрцово), 1550-е годы 152.

Ратков Некрас, помещик Новосельского стана (дер. Юрцово), 1550-е годы 152.

Ратков Григорий Иванов сын, послух, начало XVI в. 152.

Ратков Третьяк, городской приказчик, 1530-е годы 152.

Ратков Федор Иванов сын, послух, начало XVI в. 152.

Ратша, родоначальник боярских родов, середина XII в. 59.

Редриковы, вотчинники Переяславского уезда 52, 54, 55, 113, 132, 135, 137, 156, 166, 200, 205, 209.

Редриков Александр, вотчинник пустоши Косинской, начало XV в. 54.

Редриков Алексей Шарап Васильев сын Семеновича, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1546 г., вклад по нем — 1547 г. 132.

Редриков Андрей Васильев сын, вотчинник Верхдубенского стана, конец XV в. 54.

Редриков Афонко Иванов сын, городской сын боярский, конец XVI в. 205.

Редриков Василий Ефимов сын Семенова, вотчинник дер. Старое Демино и др., середина XVI в. 132.

Редриков Василий Семенов сын, вотчинник Верхдубенского стана (дер. Строчнево), вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1545 г. 132.

Редриков Воин Григорьев сын, жалец, вотчинник Верхдубенского стана (сельцо Березники), помещик Серебожского стана (дер. Федотовка), 1620-е годы 206, 209.

Редриков Гавриил Рудак Ефимов сын Семенова, вотчинник дер. Старое Демино и др., середина XVI в. 132.

Редриков Гридя Дмитриев сын Михайлов, вотчинник Верхдубенского стана, конец XV—начало XVI в. 55.

Редриков Дмитрий, вотчинник Верхдубенского стана, начало XVII в. 206.

Редрикова Татьяна, вдова Д. Редрикова, вотчинница Верхдубенского стана (сельцо Семеновское), помещица Гулятина (дер. Илейкино) и Новосельского (пустошь Барановка) станов, 1620-е годы 206, 209.

Редриков Дмитрий Михайлов сын, вотчинник Верхдубенского стана, конец XV в. 55.

Редриков Ефим Семенов сын, вотчинник дер. Старое Демино и др., начало XVI в. 132.

Редриков Иван, помещик Верхдубенского стана (дер. Дягилево), 1550-е годы 156.

Редриков Иван Львов сын, городской сын боярский, помещик Замытского (сельцо Григорьево), Конюцкого (дер. Шапошница) и Новосельского (с. Вечеслово) станов, 1620-е годы 205.

Редриков Иван Матвеев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1543 г. 132.

Редриков Иван Степанов сын, городской сын боярский, вотчинник Верхдубенского стана (сельцо Лобково), 1620-е годы 205, 209.

Редриков Иван Степанов сын, городской сын боярский по Суздаю, вотчинник Верхдубенского стана (сельцо Лобково), 1620-е годы 205, 209.

Редриков Иван Строев сын, помещик Верхдубенского стана (пустоши Горки, Гусево, Завражье и др.), 1590-е годы 206.

Редриков Кузьма, вотчинник Верхдубенского стана (земля Сенинская), начало XV в. 54, 73.

Редриков Кузьма Терентьев сын, вотчинник Верхдубенского стана (дер. Поддубное), 1550-е годы 156.

Редриков Максим Соболев сын, городской сын боярский, вотчинник Верхдубенского стана (сельцо Остафьево), помещик Никитского (пустошь Дировец), Новосельского (дер. Лысая Гора) и Серебожского (пустошь Иваново) станов, 1620-е годы 206, 209.

Редриков Михаил Веригин сын, вотчинник дер. Стоски, начало XVI в. 55.

Редриков Михаил Елизарович, послух в Верхдубенском стану, конец XIV—начало XV в. 54.

Редриков Нечай Дмитриев сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1548 г. 132.

- Редриков Никифор, вотчинник Верхдубенского стана (пустошь Малечкино и др.), 1550—1590-е годы 156, 205, 207.
- Редриков Павел Смола Ефимов сын Семенова, вотчинник дер. Старое Демино и др., середина XVI в. 132.
- Редриков Петр Семенов сын, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1541 г. 132.
- Редриков Пятой Федоров, городской сын боярский, конец XVI в. 205.
- Редриков Рюма Дмитриев сын, выкупил дер. Строчнево у Троицкого Сергиева монастыря, вклад по нем в тот же монастырь — 1548 г. 132.
- Редриков Семен Васильев сын, сын боярский, вотчинник Верхдубенского стана, конец XV—начало XVI в. 54, 55.
- Редриков Семен Васильев сын Семенов, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1545—1546 гг. 132.
- Редриков Семен Веригин сын, вотчинник дер. Стоски, начало XVI в. 55.
- Редриков Семен Кузьмин сын, вотчинник Верхдубенского стана, конец XV—начало XVI в. 54, 55.
- Редриков Семен Мурза Ефимов сын Семенова, вотчинник дер. Старое Демино и др., середина XVI в. 132.
- Редриков Степан Иванов сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (пустошь Матвейково), 1620-е годы 205, 206, 209.
- Редриков Федор Ефимов сын Семенова, вотчинник дер. Старое Демино и др., середина XVI в. 132.
- Редриков Федор Степанов сын, городской сын боярский по Суздалью, вотчинник Верхдубенского стана (сельцо Лобково), 1620-е годы 205, 209.
- Редриков Шестак, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1544 г. 132.
- Редриков Юрий Афиногенов сын, вотчинник Верхдубенского (сельцо Лобково и др.) и Михайловского (пустошь Симаново) станом, 1620-е годы 205, 206, 209.
- Редриков Якуш Строев сын, городской сын боярский, конец XVI в. 205, 206.
- Резанцев Куземка Оношков сын, помещик Великой Слободы (сельцо Веска), начало XVI в. 123.
- Резанцев Митя Оношков сын, помещик Великой Слободы (сельцо Веска), начало XVI в. 123.
- Резанцев Петруша Оношков сын, помещик Великой Слободы (сельцо Веска), начало XVI в. 123.
- Репеховы, крестьяне на митрополичьей земле, начало XVI в. 101.
- Родионов Василь, слуга бронный, середина XV в. 24, 38.
- Родионов Ивашко Федоров сын, владелец лугов на р. Куньеме, конец XV в. 63.
- Родионов Федюня Федоров сын, вотчинник Рождественской волости (дер. Коряково), конец XV в. 63.
- Рождественский С. В. 65—66.
- Рожков Н. А. 20.
- Рсодановский, кн. Петр князь Борисов сын, дворовый сын боярский, служилый князь, *межевщик* Переяславского и других уездов, середина XVI в. 140.
- Росоловы Алексей «с братьями», помещики Верхдубенского стана (с. Воскресенское), 1550-е годы 158, 202, 208.
- Росолов Митрофан Гаврилов сын, помещик Орловского уезда, конец XVI в. 209.
- Ростовский, кн. Александр Владимирович, боярин, начало XVI в. 159.
- Ростовский, кн. Дмитрий Приемок Федорович, вотчинник с. Приемкова в Ростовском уезде, конец XV в. 60, 62.
- Ртищо Ивашко, крестьянин Мишутинской волости, начало XV в. 17.
- Рябинины, вотчинники Верхдубенского стана 52, 135, 156, 204, 208, 209.
- Рябина Иван, родоначальник Рябининых, послух, середина XV в. 156.
- Рябинин Дмитрий Иванов сын, вотчинник дер. Мамаево, начало XVI в. 131.
- Рябинин Третьяк, вотчинник сельца Рябинино и др., 1550-е годы 156.
- Рябинина Лукерья, вдова Ф. Рябинина, вотчинница Верхдубенского стана (с. Рябинино), 1620-е годы 209.
- Ряполовские-Татевы, князья, землевладельцы Переяславского уезда 208.

- Ряполовский, кн. Андрей князь Иванов сын Татев, внук У. Зворыкиной, послух, середина XVI в. 157.
- Ряполовский, кн. Петр князь Иванов сын Татев, внук У. Зворыкиной, послух, середина XVI в. 157.
- Ряполовский, кн. Петр князь Иванов сын Татева, вкладчик и пострижник Троицкого Сергиева монастыря, 1586 г. 208.
- Ряполовский, кн. Федор князь Иванов сын Татев, внук У. Зворыкиной, послух, вотчинник дер. Палино, середина XVI в. 157, 204, 208.
- Ряполовский, кн. Федор князь Михайлов сын Татева, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1571 г. 208.
- Ряполовская, кн. Мария, вдова кн. Ф. М. Ряполовского-Татева, вкладчица в Троицкий Сергиев монастырь 208.
- Сабуровы, боярский род, вотчинники Переяславского уезда 200.
- Сабуров Елизарий Иванович, вотчинник в Мишутине стану, конец XVI в. 154, 200.
- Сабуров Михаил Федорович, боярин и дворецкий, судья, середина XV в. 88.
- Савва, игумен Троицкого Сергиева монастыря, ранее — келарь, начало XV в. 35, 73, 78.
- Савва, келарь Троицкого Сергиева монастыря, вторая половина XV в. 31, 38, 80.
- Савватьев Андрей, мелкий вотчинник Мишутина стана (селище Кровоупосковское), середина XV в. 38, 39, 73.
- Савелий, старец Троицкого Сергиева монастыря, посельский, конец XV—начало XVI в. 113.
- Савкин Микитка, крестьянин на земле митрополичьей волости, конец XV в. 102.
- Салманов Тимофей, помещик Великой Слободы (дер. Давыдовская), начало XVI в. 123.
- Самотекин Василь. «человек» Чулковых, начало XVI в. 134.
- Сарьевский Аврам Андреев сын, вотчинник Кнучерского стана (с. Сарьевское), конец XV в. 62, 148.
- Сарьевский Семен Аврамов сын, вотчинник Кнучерского стана (с. Сарьевское), конец XV в. 62, 148.
- Сарычка Семен, крестьянин Мишутинской волости, начало XV в. 17.
- Сатин Захар Постник Андреевич, пищик Переяславского уезда, начало XVI в. 49, 108.
- Сватковы, вотчинники Верхдубенского стана 52, 72.
- Сватко Иван, вотчинник Верхдубенского стана (пустошь Столицевская и др.), конец XIV—начало XV в. 72, 111.
- Сватков Парфений Иванов сын, вотчинник Верхдубенского стана (с. Игнатьевское и др.), конец XIV—начало XV в. 42, 72, 111.
- Свеженины-Солонинины, вотчинники Верхдубенского стана 52, 135, 156.
- Свеженин Алексей Иванов сын, сосед Троицкого Сергиева монастыря, 1520-е годы 156.
- Свеженин Андрей Крапя Иванов сын, сосед Троицкого Сергиева монастыря, 1520—1550-е годы 156.
- [Свеженин] Елизар Косяк Солонинин сын, вотчинник земли Косяковской (?), начало XV в. 73, 156.
- Свеженин Иван Солонина Михайлов сын, сосед Троицкого Сергиева монастыря, начало XVI в. 156.
- Свеженин Петр, вотчинник дер. Михальцево, 1550-е годы 156.
- Свеженин Пятай Овдоким Михайлов сын, вотчинник дер. Раевской, начало XVI в. 132, 156.
- Свеженин Семен Михайлов сын, сосед Троицкого Сергиева монастыря, начало XVI в. 156.
- Свеженин Яковец Колчемка Пятого Овдокимов сын, вотчинник дер. Раевской, 1530-е годы 132.
- Свибло Федор Андреевич, боярин, вотчинник Переяславского уезда (села Вельское и Родионовское), конец XIV—начало XV в. 59, 89, 90.
- Свинарский Николай, «нововыезжий пан», помещик Крисинской волости Владимирского уезда, конец XVI в. 177.
- Селезень Ивашко Семенов сын, крестьянин Заборской волости, конец XV—начало XVI в. 146.
- Селиванец, «человек» Пересветовых, начало XVI в. 121.
- Семен, протопоп Спасо-Преображенского собора в Переяславле, владелец дер. Подберезье в Бармазов-

- ской волости, конец XV в. 38, 85, 143.
- Семен Александрович, кн., волостель Гавинской волости, конец XV в. 30, 32.
- Семен Иванович (Гордый), кн. московский, в. кн. владимирский 11, 118.
- Семен Тимофеевич, вотчинник с. Чашничи, начало XV в. 91.
- Семенко Злобай, крестьянин Ивашова Угла, вторая половина XV в. 18.
- Семенов сын Ивашко, крестьянин Гавинской волости, начало XVI в. 28.
- Семенов Федор, дьяк, помещик Верхдубенского стана (дер. Орефино), 1550-е годы 158, 164, 202, 208.
- Сергий Радонежский, основатель и игумен Троицкого Сергиева монастыря 68—71.
- Сидор, поп в Кистемском стану, середина XV в. 33.
- Симон, архимандрит смоленский, старец Троицкого Сергиева монастыря, вторая половина XIV в. 70.
- Симон, митрополит всея Руси 10.
- Сицкий, кн. Василий Андреевич, окольничий, воевода, середина XVI в. 152.
- Скворцов Ивашко, крестьянин в Кинельском стану (Плошевская волость?), середина XV в. 119.
- Скворцов Худяк, помещик Верхдубенского стана, начало XVI в. 156.
- Скрипицыны, вотчинники Верхдубенского стана 52, 132, 135, 155—157, 166, 195, 202, 208, 209.
- Скрипицыны-Балуевы, потомки Александра Балуя Скрипицына (конец XV в.), вотчинники сельца Нового 130, 136, 157.
- Скрипицын Андрей Вешняков сын, вотчинник дер. Окулово, 1530-е годы 155.
- Скрипицын Афанасий Андреев сын, городской сын боярский, вотчинник Верхдубенского стана, 1620-е годы 209.
- Скрипицын Афанасий Владимиров сын, помещик Вяземского уезда, конец XVI в. 209.
- Скрипицын Бурец Иванов сын, судья, совладелец с. Титовского, начало XVI в. 22, 27, 31, 114, 115, 157.
- Скрипицын Василий Иванович сын, совладелец с. Титовского, начало XVI в. 114, 157.
- Скрипицын Вешняк Иванов сын, совладелец с. Титовского, начало XVI в. 114, 157.
- Скрипицын Григорий Иванович сын, совладелец с. Титовского, начало XVI в. 114, 157.
- Скрипицын Иван, вотчинник с. Титовского, конец XV—начало XVI в. 114.
- Скрипицын Иван Алексеевич Смердов сын, вотчинник дер. Городище, конец XVI в. 195.
- Скрипицын Иван Денисьев сын, вотчинник дер. Тарасово, 1550-е годы 156.
- Скрипицын Иван Болван Михайлов сын, вотчинник с. Григорьево и др., 1550-е годы 156.
- Скрипицын Илья Бучуга Александров Балув сын, вотчинник сельца Нового, начало XVI в. 132, 157.
- Скрипицына Соломонида, дочь И. Рябинина, жена Ильи Бучуги Скрипицына, начало XVI в. 130, 132.
- Скрипицын Леонтий Афанасьев сын, вотчинник дер. Тарасово, 1580-е годы 195.
- Скрипицын Матвей Ильин Бучугин сын Александрова Балудова, вотчинник сельца Нового, первая половина XVI в. 130, 132.
- Скрипицын Михаил Андреев сын Меншиков, вотчинник пустоши Высокое, 1580-е годы 195.
- Скрипицын Савин, помещик Кистемского стана (дер. Маслово), 1590-е годы 179, 214, 217.
- Скрипицын Семен Шибай Александров Балув сын, вотчинник сельца Нового, начало XVI в. 157.
- Скрипицын Степан [Вешняков сын?], помещик Верхдубенского стана (дер. Ходырево), 1550-е годы 155, 181, 195.
- Скрипицына Соломонида, вдова Степана [Вешнякова] сына Скрипицына, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря, 1570-е годы 195.
- Скрипицын Тимофей Иванович сын, совладелец с. Титовского, начало XVI в. 114, 157.
- Скрипицын Федор Ильин Бучугин сын Александрова Балудова, вотчинник сельца Нового, первая половина XVI в. 130, 132.

- Скрипицын Фома Тарбей Александров Балув сын, вотчинник сельна Нового, начало XVI в. 130, 157.
- Скрипицына Анча, вдова Фомы Тарбея, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря, 1510—1540-е годы 130, 157.
- Скрипицын Ходырь Иванов сын, со-владелец с. Титовского, начало XVI в. 114, 156, 157.
- Скрипицына Анна Михайлова дочь, вотчинница дер. Мамино-Самсоново, 1580-е годы 195.
- Скрипицына Татьяна, вдова Александра Балуй, начало XVI в. 157.
- Слизневы, боярский род, потомки Андрея Андреевича Слизня (конец XIV—начало XV в.), вотчинники Переяславского уезда 138.
- Слизнев Давыд Ташлыков сын Иванова Андреевича, вотчинник с. Коза, начало XVI в. 91.
- Слизнев Иван Ташлыков сын Иванова Андреевича, вотчинник с. Коза, начало XVI в. 91.
- Слизнев Остафий Ташлыков сын Иванова Андреевича, вотчинник с. Коза, начало XVI в. 91.
- Слизнев Тимофей Ташлыков сын Иванова Андреевича, вотчинник с. Коза, начало XVI в. 91.
- Слизнев Федор Семенович Упин, судья, начало XVI в. 28, 32.
- Слизнев Федор Ташлыков сын Иванова Андреевича, вотчинник с. Коза, начало XVI в. 91.
- Смирнов И. И. 4, 44, 103—107.
- Смирнов М. И. 7, 88—91.
- Сназин Григорий, посельский Плащевской волости, начало XVI в. 159.
- Собакины, тверской владельческий род, потомки Данила Собаки (XIV в.), вотчинники Переяславского уезда 149, 150, 166, 190, 210.
- Собакин Василий Иванович, вотчинник, середина XV в. 119.
- Собакин Василий Иванов сын, дворовый сын боярский по Коломне, вотчинник и помещик Киучерского стана (с. Остеево), 1550-е годы 148, 149.
- Собакин Иван, вотчинник Киучерского стана, сосед с. Бороново-кова, начало XVI в. 149.
- Собакин Иван Григорьевич, вотчинник Рождественской волости (с. Бо-городское), середина XVI в. 115, 156, 189, 190.
- Собакин Парфений Иванов сын Григорьевича, опальный 190.
- Соколовы, вотчинники Верхдубенского стана 156.
- Соколов Дмитрий Федоров сын, судья великого князя, помещик сельца Матвеева и др., середина XVI в. 156, 202.
- Соколов Обляз Булгаков сын, послух, начало XVI в. 156.
- Сокольников Яков Карпов сын, крестьянин или мелкий вотчинник в Бармазовской волости, конец XIV—начало XV в. 85.
- Сорокумов-Глебцов Иван Ощера Васильевич, окольный, судья, середина XV в. 31.
- Софонтьевы, вотчинники Мишутина стана 154, 163, 199, 200.
- Софонтьев Афанасий Темир Дмитриев сын Семенова, вотчинник пустошей Беляево, Павловской и др., конец XVI в. 154, 200.
- Софонтьев Гаврило, вотчинник пустоши Павловской, 1550-е годы 153, 163.
- Софонтьев Дмитрий Семенов сын Софонтьева Демьянова, вотчинник пустошей Беляево, Павловской и др., конец XVI в. 154, 200.
- Софонтьев Иван Дмитриев сын Семенова, вотчинник пустошей Беляево, Павловской и др., конец XVI в. 154, 200.
- Софонтьев Савва Сунгур Дмитриев сын Семенова, вотчинник пустошей Беляево, Павловской и др., конец XVI в. 154, 200.
- Софронов Лукьяник, крестьянин Аргунновской волости, начало XVI в. 29.
- Софронов Филька Лукьяников сын, крестьянин Аргунновской волости, начало XVI в. 29.
- Софья Витовтовна, великая княгиня, жена в. кн. Василия Дмитриевича 8, 9, 34, 81, 87, 89, 91, 106, 107, 160.
- Спирidonий, игумен Троицкого Сергиева монастыря 78.
- Срезневский И. И. 119.
- Станишев Дмитрий Лазарев сын, разбездик Кинельского стана, конец XV в. 80.
- Старковы, потомки Андрея Серкиза (XIV в.), вотчинники Переяславского уезда 122.

- Старков Василий Алексеевич, вотчинник Великой Слободы (с. Соколово), начало XVI в. 109, 122, 123.
- Старкова Анастасия, жена В. А. Старкова 109.
- Старков Иван Алексеевич, вотчинник Великой Слободы (с. Александровское), начало XVI в. 108, 109, 122—124.
- Старков Федор Васильев сын Алексеевича, вотчинник с. Соколова, начало XVI в. 109.
- Стародубский, кн. Андрей князь Иванов сын, дворовый сын боярский, межевщик Переяславского и других уездов, середина XVI в. 140.
- Стефан, брат Сергия Радонежского, игумен Махрищского монастыря, XIV в. 69.
- Стефан Васильевич, «князь» Судака, Манкупа и Кафы, предок Ховриных, конец XIV в. 156.
- Стоговы, вотчинники Кинельского стана 129, 160.
- Стогов Андрей Кузьмин сын, вотчинник дер. Сутоцкой, начало XVI в. 129.
- Стогов Григорий Кузьмин сын, вотчинник близ Стоговского монастыря, начало XVI в. 160.
- Стогов Иван Кузьмин сын, вотчинник дер. Сутоцкой, начало XVI в. 129.
- Стогов Илья Кузьмин сын, вотчинник дер. Сутоцкой, начало XVI в. 129.
- Стогов Кузьма Степанов сын, вотчинник дер. Сутоцкой, конец XV в. 160.
- Стогов Нестор Степанов сын, вотчинник близ Стоговского монастыря, конец XV—начало XVI в. 160.
- Стогова Мария Кузьмина дочь см. Копнина Мария, жена Б. И. Копнина.
- Стогов Степан, конец XV в. 160.
- Страхов Андрей, ключник кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.
- Страхов Гридя, ключник кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.
- Стрелковы, землевладельцы Переяславского уезда 152, 219.
- Стрелков Василий Данилов сын Старого, послух, 1520-е годы 152.
- Стрелков Данило Старый, вотчинник, конец XV—начало XVI в. 152, 219.
- Стрелкова Авдотья, дочь С. В. Конкова, вотчинница дер. Лобановской, жена Д. Стрелкова 138, 152, 219.
- Стрелков Елисей Некрас Данилов сын Старого, послух, 1520-е годы 152.
- Стрелков Семен Данилов сын Старого, послух, 1520-е годы 152.
- Стрелков Семен Жук Данилов сын Старого, помещик Новосельского стана (сельцо Дубровицы), 1550-е годы 152.
- Стрелков Федосейко Алексеев сын, городской сын боярский, землевладелец Новосельского стана, конец XVI в. 219.
- Стрелков Юшко Данилов сын Старого, послух, 1520-е годы 152.
- Строев Константин, брат П. Строева 42, 44, 45.
- Строев Патрикей, мелкий вотчинник Верхдубенского стана, конец XIV—начало XV в. 42—45, 47, 70, 72, 73.
- Струнин Андрей Иванов сын, вотчинник (помещик?) Великой Слободы (дер. Струнино), конец XV—начало XVI в. 113, 123.
- Струнин Федор Иванов сын, вотчинник (помещик?) Великой Слободы (дер. Струнино), конец XV—начало XVI в. 113, 123.
- Струнин Якуш Иванов сын, вотчинник (помещик?) Великой Слободы (дер. Струнино), конец XV—начало XVI в. 113, 123.
- Ступишин Андрей Борисов сын, вотчинник Зубова Нерльского стана (сельцо Писчиково), середина XVI в. 135.
- Ступишин Сильвестр, старец Троицкого Сергиева монастыря, середина XVI в. 131, 137.
- Ступишина Матрена Борисова дочь, вотчинница Зубова Нерльского стана (сельцо Писчиково), середина XVI в. 135.
- Сусловы, вотчинники 195, 197, 217.
- Суслов Аристарх Постник Иванов сын, вотчинник Кодяева стана (дер. Петрово), конец XVI в. 195.
- Сухарев Ивашко, крестьянин Площевской волости, конец XV в. 18, 21.
- Сухарев Микитка, крестьянин Площевской волости, конец XV в. 18, 21.

Сухарев Ульяник, крестьянин Площевской волости, конец XV в. 18, 21.

Сушатин Фрол, владеец земли Глинково, начало XV в. 75—76. Сырье, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 120.

Таратины, вотчинники Кинельского стана, помещики Звенигородского уезда 162, 195, 211.

Таратин Андрей, вотчинник сельца Селиванова, середина XVI в. 195.

Таратин Дмитрий Андреев сын, вотчинник сельца Селиваново, вкладчик Махришского монастыря, 1570-е годы 195.

Таратин Иван Михайлов сын, дворовый сын боярский, вотчинник сельца Микроково, середина XVI в. 162, 183.

Таратин Иванец Иванов сын Михайлова, дворовый сын боярский, середина XVI в. 162.

Таратин Никита Андреев сын, вотчинник сельца Селиваново, вкладчик Махришского монастыря, 1570-е годы 195, 196.

Таратин Постник Андреев сын, вотчинник сельца Селиваново, вкладчик Махришского монастыря, 1570-е годы 195.

Тебенек, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Темкин-Ростовский, кн. Василий Иванович, опричник, вотчинник Шуромского стана (с. Хребтово), 1568—1571 гг. 189, 221.

Тиманов Осташ, дворский в Мишутинской волости, конец XV в. 33.

Тимановы, землевладельцы Переяславского уезда 200, 206, 207, 214.

Тиманов Афанасий Федоров сын, городской сын боярский, начало XVII в. 206.

Тиманов Борис Дмитриев сын, сытник, вотчинник Верхдубенского (пустошь Дубровино) и Михайловского станов, помещик Рождественского стана, 1620-е годы 206, 209.

Тиманов Вонн Нагаев сын, городской сын боярский, помещик Кинельского стана (сельцо Палкино), 1620-е годы 214.

Тиманов Иван Мешков сын, городской сын боярский, помещик Кинельского стана (сельцо Палкино), 1620-е годы 214.

Тиманов Иван Спиридонов сын, вотчинник Верхдубенского стана (сельцо Данилково), 1620-е годы 209.

Тиманов Леонтий Климентьев сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского (сельцо Дубровицы) и Шуромского (дер. Горки) станов, конец XVI в. 200, 206, 210.

Тиманов Меньшик Климентьев сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана (пустошь Ржанниково), конец XVI в. 200, 206.

Тиманов Нагай Климентьев сын, городской сын боярский, помещик Верхдубенского стана, конец XVI в. 200, 206.

Тиманов Федор, сытник, конец XVI в. 206.

Тимоница, «человек» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Тимоны, «человек» В. Алексина, середина XV в. 88.

Тихонов Власко, крестьянин на земле митрополичьей волости, конец XV в. 102.

Товарков Петр, вотчинник Звенигородского уезда, конец XV—начало XVI в. 64.

Толмач Гриша, городской сын боярский, конец XVI в. 201.

Толмачевы, землевладельцы Переяславского и других уездов 199, 200.

Толмачев Михаль, пиесец грамоты, начало XVI в. 154.

Толмачев Семен, помещик Мишутина стана (с. Деревеньки), 1550-е годы 153.

Толмачев Тимофей Елизаров сын, слуга Троицкого Сергиева монастыря, конец XVI в. 200.

Толмачев Федор Истомин, послух, конец XVI в. 200.

Толстой Федько, крестьянин Мишутинской волости, начало XV в. 16, 17, 23.

Топорков Григорий Клобук, родоначальник Клобуковых, середина XV в. 54.

Топорков Семен Семенов сын, послух, середина XV в. 54.

Тормосовы, вотчинники Радонежского и Переяславского уездов 110.

Тормосов Василий, послух, конец XIV—начало XV в. 110.

Тормосов Захарья, послух, конец XIV—начало XV в. 110.

Травин Иван Салтык Иванович, вотчинник Московского и других уездов, конец XV в. 118.

Трепарев Митрофан, кредитор К. Я. Воронина, начало XV в. 77.

Трофимовы, вотчинники Переяславского и других уездов 211.

Трусов Петр, сзорщик великого князя, судья, конец XV в. 31.

Трусов Петрок Богданов сын, городской сын боярский, помещик Никитского стана (с. Розчин), 1590-е годы 219.

Турчаниновы, помещики Верхдубенского стана 156, 157, 208.

Турчанинов Жибрик Исупов сын, помещик, 1530-е годы 157.

Турчанинов Иван Жибриков сын, помещик дер. Иванково, 1550-е годы 157.

Турчанинов Исуп, помещик на р. Кунье, начало XVI в. 157.

Турчанинов Казна Исупов сын, 1530-е годы 157.

Турчанинов Урак Исупов сын, послух, 1520—1530-е годы 157.

Тутолмины, вотчинники Марининой Слободы, помещики Каширского и Веневского уездов 9, 93, 112, 217, 218.

Тутолмин Климентий, начало XVI в. 112.

Тутолмин Семен Васильев сын, послух, начало XVI в. 112.

Тучков-Морозов Михаил Васильевич, разъездчик Переяславского уезда, начало XVI в. 13.

Уполовниковы, вотчинники Верхдубенского стана 156, 196, 208.

Уполовников Андрей Якимов сын, вотчинник сельца Уполовникова, середина XVI в. 196.

Уполовников Иван Якимов сын, вотчинник сельца Уполовникова, середина XVI в. 196.

Уполовников Матвей Гаврилов сын, вотчинник Верхдубенского стана (пустошь Зарецкая Мельничиха), середина XV в. 73, 74.

Уполовников Яким Поярок Степанов сын, вотчинник сельца Уполовникова, середина XVI в. 156, 196.

Устинко, крестьянин, должник П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44.

Устинов Алексей Мартемьянов сын, вотчинник Кинельского стана (дер. Нероново), середина XVI в. 162.

Устюгов Н. В. 6.

Ушатый, кн. Василий Федорович, вотчинник, середина XV в. 120.

Ушатый, кн. Василий Чулок Васильевич, вотчинник Кодяева стана (сельцо Недюрево), начало XVI в. 131.

Фатеев Матвей, помещик Киучерского стана (дер. Климово), 1550-е годы 148, 152.

Фатеев Нехай Андреев сын, писец грамоты, середина XVI в. 152.

Фаустовы, вотчинники Кинельского стана (с. Фаустово), конец XIV—начало XV в. 52.

Феденин сын Перхур, крестьянин на земле А. В. Лыкова, позднее — Махришского монастыря, середина XV в. 102, 103, 105.

Феденин сын Юрени, крестьянин на земле А. В. Лыкова, позднее — Махришского монастыря, середина XV в. 102, 103, 105.

Феденя, крестьянин на земле А. В. Лыкова, позднее — Махришского монастыря, начало XV в. 18, 102, 103, 105.

Федор Иванович, царь всея Руси 221.

Федор Лысой, старец Троицкого Сергиева монастыря, середина XV в. 120.

Федос, крестьянин на земле Чудова монастыря, начало XV в. 99.

Федосеев Дмитрий, помещик Кистемского стана (дер. Старое и Покрытное), 1550-е годы 141, 143, 144, 146, 216.

Федотов сын Васько, крестьянин Аргуновской волости, начало XVI в. 29.

Федотов Ивашко, крестьянин Ивашова Угла, вторая половина XV в. 18.

Федотов Степан, вотчинник Замытского стана (дер. Твердилово и др.), вторая четверть XVI в. 134.

Феогност, «игумнов сын», кредитор П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44, 45.

Феофан, архимандрит Чудова монастыря, середина XV в. 88.

Фока, крестьянин, должник П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44.

Фома, сытник, землевладелец Кинельского стана (пустошь Бревново), 1590-е годы 210.

Фомин Семен Васильев сын Юрьева, боярин митрополичий, вотчинник Опалева стана (села Лыково и Степурино), конец XV в. 101, 108, 109, 122.

Фомин Фома Данилович, боярин митрополичий, вотчинник, держатель земли в митрополичьей волости, середина XV в. 101.

Фоминский Иван Михайлович Крюков, вотчинник, первая половина XV в. 84, 144.

Фотий, митрополит всея Руси 90, 99.

Фомка, крестьянин на митрополичьей земле, конец XV в. 102.

Халахин Еремей, вотчинник Усолья, вторая четверть XV в. 83.

Харламовы, слуги великого князя на земле Бармазовской волости (?) 26.

Харламов Владимир Иванов сын, муж на разъезде, начало XVI в. 26.

Харламов Иван, разъездчик, судья, вторая половина XV в. 25, 26, 120.

Харламов Филипп Иванов сын, муж на разъезде, начало XVI в. 26.

Хворостинин Федор Иванович, кн., боярин, вотчинник Кистемского стана (село Заозерье и др.), конец XVI—начало XVII в. 221.

Хвостовы, потомки А. П. Хвоста, дети боярские, землевладельцы Переяславского, Суздальского и других уездов 145, 180, 217.

Хвост Алексей Петрович, тысяцкий московский, родоначальник Хвостовых, XIV в. 145.

Хвостов Василий Дмитриев сын, дворовый сын боярский по Суздалью, помещик Кистемского стана (с. Баомазово), 1550-е годы 141, 143—145, 180, 216.

Хвостов Иван Юрьев сын, помещик Вяземского уезда, конец XVI в. 217.

Хидыршиков Иван Федорович, писец Переяславского уезда, 1540-е годы 87.

Хихилев Астафий, вотчинник, знахорь в Кинельском стану, конец XV в. 46.

Хлуденевы, потомки Ивана Хлуденя, землевладельцы Переяславского и других уездов 162, 211.

Хлудень Иван Александрович Елкин, внук А. И. Кобылина, родоначальник Хлуденевых, начало XV в. 162.

Хлуденев Васыка Львов Шереметов сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 162, 211.

Хлуденев Лев Шеремет Григорьев сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 162.

Хлуденев Лука Григорьев сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 162.

Хлуденев Петрак Федоров Третьяков сын, дворовый сын боярский, владеец дер. Станово в Кинеле, середина XVI в. 162.

Хлуденев Семейка Лукин сын Константинова, дворовый сын боярский, середина XVI в. 162.

Хлуденев Угрим Григорьев сын, дворовый сын боярский, середина XVI в. 162.

Хованская, кн. Ирина Федоровна, жена кн. В. В. Хованского-Луцихина, дочь Ф. А. Плещеева, начало XVI в. 157.

Ховралев Истомка Карпов сын, крестьянин на митрополичьей земле, начало XVI в. 25.

Ховралев Карп, тиун великого князя в волости Воре и Горетове стану Московского уезда, конец XV в. 25.

Ховрины-Грязные, потомки В. Г. Ховрина, вотчинники Переяславского и Московского уездов 136, 156.

Ховрин Владимир Григорьевич, внук кн. Стефана Васильевича, родоначальник Ховонных, боярин, середина XV в. 156.

Ховрина Дарья см. Захарына-Юрьева Дарья.

Ховрин-Грязной Иван Юрьевич, вотчинник Рождественской волости (село Шубино), вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, середина XVI в. 136, 140, 156.

Ховрин Юрий Грязной Дмитриевич, внук В. Г. Ховрина, вотчинник Рождественской волости, вторая четверть XVI в. 156.

Хвирина Анна, жена Ю. Д. Ховрина, вкладчица Троицкого Сергиева монастыря, 1542 г. 136.

Хомутовы, вотчинники Кинельского стана 196, 211.

Хомутов Ермолай Вьялица Дмитриев сын, вотчинник дер. Бревново, конец XVI в. 196.

Хомутов Иван Ермолин сын, городской сын боярский, вотчинник дер. Болкошино и др., конец XVI в. 196, 210.

Хомутов Поспел Ермолин сын, вотчинник дер. Бревново, конец XVI в. 196.

Хомутова Федосья Ермолина дочь, жена Н. Д. Лебедева, вотчинница дер. Бревново, конец XVI в. 196.

Хомяков Григорий Борисов сын, дворовый сын боярский по Боровску, помещик Новосельского стана (дер. Гогеново), 1550-е годы 152, 181, 220.

Хомяков Тимофей, помещик Крисинской волости Владимирского уезда, конец XVI в. 177.

Хромой Федор Давыдович, из рода Ратши, боярин, конец XV в. 19.

Челяднины, боярский род, потомки М. А. Челядни, вотчинники Переяславского уезда 138.

Челядня Михаил Андреевич, боярин, родоначальник Челядних, конец XIV—начало XV в. 59, 90, 91.

Челяднин Михаил Дмитриевич, вотчинник с. Дубнево (?) 91.

Челяднин Федор Михайлович, боярин, вотчинник с. Дубнево, середина XV в. 91.

Чемодуровы, вотчинники Марининой Слободы 217, 218.

Чемодуров Митька Шарапов сын, городской сын боярский, конец XVI в. 218.

Черепнин Л. В. 4, 5, 44, 98, 105, 125.

Чернцовы, землевладельцы Переяславского уезда 215, 216.

Чернцов Алексей Федоров сын, кречетник, за его вдовой — его поместье в Шуромском стану, 1620-е годы 215.

Чернцов Василий Федоров сын, сокольник, помещик Слободского стана (пустошь Нечаиха), 1620-е годы 215.

Чернцов Иван, кречетник, помещик Переяславского уезда, конец XVI—начало XVII в. 215.

Чернцов Иван Иванов сын, новик, помещик Переяславского уезда, начало XVII в. 215.

Чернцов Иван Федоров сын, ястребник, помещик Никитского стана (с. Скоблево), 1620-е годы 215.

Чернцовы Игнатий и Дмитрий, помещики Михайловского стана (сельцо Толмачево-Федосово), 1620-е годы 215.

Чернцов Игнатий Васильев сын, вотчинник Новосельского стана (сельцо Долгое Поле), конец XVI в. 215.

Чернцов Исай Неустроев сын, кречетник, вотчинник Гулятина (пустошь Киверниково) и Михайловского (пустошь Протасово), помещик Большева (с. Семеновское), Зубова (с. Носакино), Михайловского (пустошь Олешево), Никитского (дер. Скулино) и Шуромского (пустошь Нестерово) станов, 1620-е годы 215.

Чернцовы Ильины дети Ивашко и Петрушка, недоросли, помещики Замытского, Никитского (сельцо Громоздево) и Кнучерского (сельцо Селезнево) станов, 1620-е годы 215.

Чернцовы Неустроевы дети Андрей, Иван и Петр, кречетники, вотчинники Гулятина (пустошь Киверниково) и Михайловского (пустошь Протасово), помещики Большева (с. Семеновское) и Михайловского (сельцо Толмачево-Федосово) станов, 1620-е годы 215.

Чернцова Неустроева жена Анна, вместе с дочерьми владеет прожиточными поместьями в Кодяеве и Слободском станах, 1620-е годы 215.

Чернцов Никита (Митька) Федоров сын, недоросль, помещик Гулятина (пустошь Русавкино), Кодяева (пустошь Смоленская) и Михайловского (сельцо Толмачево-Федосово) станов, 1620-е годы 215.

Чернцов Павлин Васильев сын, вотчинник Новосельского стана (сельцо Долгое Поле), конец XVI в. 215.

Чернцов Петр Павлов сын, помещик Кистемского стана (дер. Селезнево), 1590-е годы 179, 214, 215, 217.

Чернцов Семен, сокольник, помещик Шуромского стана (дер. Чернодово), 1590-е годы 210, 215.

Чертовские, вотчинники Марининой Слободы 138, 217.

Чертовской Постник Юрьев сын Истомна, вотчинник Марининой Слободы (сельцо Конковское и др.), середина XVI в. 138.

Чертовской Юрий Истомин сын Степанова, вотчинник Марининой Слободы, середина XVI в. 138.

Чертовская Ульяна, жена Ю. И. Чертовского, вотчинница Марининой Слободы (сельцо Конковское и др.), середина XVI в. 138.

Чулковы, потомки Василия Чулка (внука Александра Остeya), вотчинники Переяславского уезда 58, 122, 133, 140.

Чулков Алексей Андреевич, вотчинник Кодяева стана (с. Бакино), начало XVI в. 109, 110, 122, 124, 133.

Чулков Дмитрий Иванов сын Андреевича, вотчинник Кодяева стана, середина XVI в. 133.

Чулков Иван Андреевич, вотчинник Кодяева стана (село Бунаково), начало XVI в. 109, 110, 124.

Чулков Иван Иванов сын Андреевича, дворовый сын боярский по Бежецкому Верху, вотчинник Кодяева стана, середина XVI в. 133.

Чулков Никита Большой Иванов сын Андреевича, дворовый сын боярский по Бежецкому Верху, вотчинник Кодяева стана, середина XVI в. 133.

Чулков Никита Меньшой Иванов сын Андреевича, дворовый сын боярский по Бежецкому Верху, вотчинник Кодяева стана, середина XVI в. 133.

Чулков Федор Алексеев сын Андреевича, вотчинник с. Бакина, середина XVI в. 133.

Чулков Федор Иванов сын Андреевича, дворовый сын боярский по Бежецкому Верху, вотчинник Кодяева стана, середина XVI в. 133.

Чуприянова, «женка» М. Петелиной, первая половина XV в. 121.

Шаблыкин Лобко, помещик Великой Слободы (дер. Максимовская), начало XVI в. 123.

Шараповы, вотчинники Кинельского стана 52, 57, 80.

Шарапов Андрей Иванов сын, вотчинник с. Шараповского, начало XV в. 57, 80, 111.

Шарапов Венедикт (Вениамин Иванов сын), старец Троицкого Сергиева монастыря, начало XV в. 80.

Шарапов Иван, вотчинник Кинельского стана 12.

Шеболда Давыдко, крестьянин Бортовой волости, середина XV в. 28, 29.

Шейдяков, кн. Петр Тутаевич, крещеный нагайский мурза, опричник, вотчинник 190.

Шемякины, землевладельцы Переяславского уезда 208.

Шемякин Дмитрий, владелец дер. Семенково в Верхдубенском стану, 1550-е годы 208.

Шемякин Молчан, владелец дер. Семенково в Верхдубенском стану, 1550-е годы 208.

Шемякин Нечай, помещик Орловского уезда, конец XVI в. 209.

Шереметев С. Д. 89.

Шереметевы, потомки А. К. Шеремета-Беззубцева, правнука Ф. А. Кошки, боярский род, вотчинники Переяславского уезда 134, 135.

Шереметев Василий Андреевич, в иночестве Вассиан, сын А. Шеремета Беззубцева, вкладчик Троицкого Сергиева монастыря, 1538—1543 гг. 135.

Шереметев Иван Меньшой Васильевич, боярин, вотчинник сельца Писчиково, середина XVI в. 134, 135.

Шереметев Никита Васильевич, боярин, вотчинник сельца Писчиково, середина XVI в. 134, 135.

Шереметев Семен Васильевич, окольный, вотчинник сельца Писчиково, вклад по нем в Троицкий Сергиев монастырь, 1557/58 г. 134, 135.

Шестунов, кн. Петр Васильевич, боярин и дворецкий, конец XV—начало XVI в. 22, 32, 65, 161.

Шилов Конон, крестьянин Площевской волости, вторая половина XV в. 21, 80.

Шилов Соир, городской сын боярский, конец XVI в. 207.

Шилов Степан, крестьянин (?), послух, начало XV в. 21, 80.

Шилов Юрий, губной староста, помещик Верхдубенского стана (пущошь Одулково и др.), 1590-е годы 200, 206.

Шуба Трубник, ключник кн. И. Ю. Патрикеева, конец XV в. 119.

Шубины, вотчинники Верхдубенского стана 131, 135.

Шубин Владимир Курюк, вотчинник земли Косяковской, середина XV в. 73.

Шубин Юрий Федоров сын, вотчинник дер. Семенцово, начало XVI в. 131.

Шуйский, кн. Дмитрий Иванович, боярин, владделец дер. Курбатово, 1590-е годы 218.

Шуйский, кн. Петр Иванович, боярин, вотчинник Кодяева стана (с. Мячково), середина XVI в. 110, 133.

Шуклин Александр, крестьянин Мишутинской волости, начало XV в. 17, 20.

Шуклин Трофим Александров сын, крестьянин Мишутинской волости, конец XV в. 20, 21, 33.

Шумаков С. А. 5, 115, 157.

Шушерин Григорий Федоров сын, держатель земли Троицкого Сергиева монастыря (сельцо Боярово), конец XVI в. 223.

Щелкалов Андрей Яковлев сын, дьяк, вотчинник Шуромского стана (сельцо Настасьино и др.), 1560-е годы 188.

Щелкалов Василий Яковлев сын, дьяк, вотчинник Шуромского стана (сельцо Настасьино), 1560-е годы 189, 221.

Юрий Васильевич, кн. дмитровский 8.

Юрий Дмитриевич, кн. галицкий 86.

Юрий Иванович, кн. дмитровский 8, 13, 61, 64.

Юровы-Пановы, землевладельцы Переяславского и других уездов 148, 214, 217.

Юров Андрей Васильев сын, городской сын боярский, помещик Кистемского стана (сельцо Бахмурово), конец XVI в. 214.

Юров-Панов, Афанасий Романов сын, помещик Кистемского стана (дер. Бахмурово), 1550-е годы 146.

Юров-Панов, Василий Романов сын, помещик Кистемского стана (дер. Бахмурово), 1550-е годы 146.

Юров-Панов Третьяк Федоров сын, послух, середина XVI в. 148.

Юров-Панов Федор, помещик Кнучерского стана (сельцо Угримово), 1550-е годы 148, 152.

Юсовы, землевладельцы Переяславского уезда 154, 200.

Юсов Иван Андреев сын, помещик Мишутина стана (дер. Кобыльниково), 1550-е годы 153, 154, 181, 200.

Юшков С. В. 4, 125.

Ягреневы, вотчинники Переяславского уезда 85, 144.

Ягренев Иван, вотчинник (пустошь Есипле), вторая четверть XV в. 85.

Ягренева Анна, мать И. Ягренева 85, 144.

Язвцов Лука, крестьянин (?), послух, конец XIV—начало XV в. 110.

Яковль Иван, развездчик Бармазовской волости, конец XV—начало XVI в. 143.

Яковли, боярский род, потомки Якова Захарьича, вотчинники Переяславского уезда 190, 202, 211.

Яков Захарьич, родоначальник Яковлей, боярин, воевода, конец XV—начало XVI в. 161.

Яковль Иван Хирон Петрович, боярин, казнен в опричнину 190.

Яковль Петр Яковлевич, боярин, вотчинник Кинельского стана (с. Суровцево), середина XVI в. 161, 163.

Яковля Анна, вдова П. Яковля 161, 202.

Якуш, зять попа Афанаса, должник П. Строева, конец XIV—начало XV в. 44.

Ямщиковы, вотчинники Кинельского стана 162.

Ямщиков Степан, вотчинник дер. Бревново, 1550-е годы 162.

Ямщиков Степан, вотчинник дер. Бревново, 1550-е годы 162.

Ямщиков Федор, сосед сельца Ларино, 1540-е годы 162.

Ярлык Андрей, в иночестве Андриан, дьяк великого князя, позднее митрополит, вотчинник Кистемского стана (с. Быльцыно и др.), середина XV в. 26, 27, 115.

Ярослав Всеволодович, в. кн. владимирский 11.

Ярцевы, вотчинники Великой Слободы 197, 217.

Ярцев Архип Салтан Васильев сын, вотчинник пустоши Бачмановской, середина XVI в. 196.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие	3
Введение	7

ЧАСТЬ I

Глава I. Черная волость	13
Глава II. Светская феодальная вотчина и ее владельцы	42
Глава III. Монастырские земли	68
Глава IV. Население феодальной вотчины	97
Глава V. Волость, вотчина и поместье в первой половине XVI в.	129

ЧАСТЬ II

Глава I. Судьбы черной волости во второй половине XVI в.	168
Глава II. Феодальная вотчина в годы опричнины (60—70-е годы)	186
Глава III. Феодальное землевладение в конце XVI—начале XVII в.	199
Список сокращений	226
Указатель имен	228

Юрий Георгиевич Алексеев

АГРАРНАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XV—XVI вв.

Переяславский уезд

*

Утверждено к печати

*Ленинградским отделением Института истории
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства Г. П. Цифринович

Художник Д. С. Данилов

Технический редактор Л. М. Мамедова

Корректоры М. А. Горилас, Н. И. Журавлева и Г. И. Яковлева

Сдано в набор 22/1 1966 г. Подписано к печати 6/VI 1966 г. РИСО
АН СССР № 69-113В. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бум. л. 8³/₈.
Печ. л. 16³/₄ = 16.75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 19.81. Изд. № 2763.
Тип. вак. № 741. М-06781. Тираж 1800. Бумага типографская № 1.

Цена 1 р. 25 к. + переплет 20 коп.

Ленинградское отделение издательства „Наука“

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
46	2 сверху	Хахилев,	Хихилев,
130	13 снизу	36).	76).
137	7 сверху	Курцовы,	Курцевы,
217	6 снизу	Курцовы,	Курцевы,
230	Левый столб., 27—28 сверху	Молахово,	Малахово,
233	Правый столб., 15 снизу	Зубочевых	Зубачевых
245	Левый столб., 20 сверху	Будавское,	Будовское,
250	Правый столб., 1 сверху	Немцов	Немцев
256	Правый столб., 12 сверху	Родионов	Родивонов
259	Левый столб., 20—19 снизу	Плащевской	Площевской
259	Правый столб., 25 снизу	Павловский	Павловской

Ю. Г. Алексеев